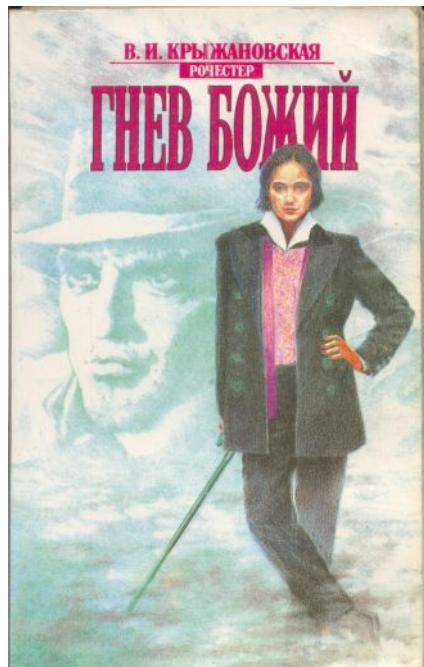

Крыжановская В.И. - Гнев Божий
Книга третья
(Рочестер)

Печатается с сокращениями по: Крыжановская В. И. Гнев божий— Берлин, «Сфинкс», 1925.

Художник Э. ЗАРИНЬШ

4702010101

M817(09)—92 © «Vienda», 1992

©'- Зариньш, художественное оформление, 1992

ISBN 5-85745-025-X

Именно в эпоху вырождения, когда надает вера, разлагается семья, а разврат и норок овладевают обществом, тогда-то с наибольшей силой и свирепствуют страшные эпидемии. Преграда, созданная вмешательством чистых и светлых флюидов, рушится, а всякого рода излишества и беспутства порождают смертоносные микробы повальных болезней, физических и духовных, проис текающих из преступных деяний.

Поэтому, когда новая планета вступает в жизнь, законодатели, духи избранные, знающие основные законы творения, устанавливают строгие правила, ограждающие добродетель, учреждают культ Божества и священным ореолом окружают земледелие и вообще все, что растет и нарождается на земле, дабы оградить его но мере возможности от влияния адова.

«Не знают, не разумеют, во тьме ходят; все основания земли колеблются»

Псал. LXXXI, 5.

«И услышал я из храма громкий голос, говорящий седми Ангелам: идите и вылейте седьмь чаши гнева Божия на землю»

Апок. XVI, 1.

Часть первая

Глава первая

Первые лучи восходящего солнца заливали золотом и пурпуром вечные снега вершин Гималаев.

Затем животворное светило озарило глубокую долину, окаймленную отвесными остроконечными скалами и рассеченную бездонными, казалось, пропастями. По крутой, вившейся по окраине скал тропинке, едва доступной горным козам, медленным, но уверенным шагом шли трое в костюмах индусов.

Впереди шел человек высокого роста, худой, с бронзового цвета лицом. Это был мужчина средних лет; в его больших черных глазах светились такая непреклонная воля и могучая сила, что всякий невольно проникался уважением и даже трепетом.

Оба его спутника были красивые молодые люди, серьезные и задумчивые.

Когда головокружительная тропинка вывела их на площадку, все трое остановились передохнуть и прислонились к скале.

– О чем задумался, Супрамати? – с улыбкой спросил человек с бронзовым лицом.

– Засмотрелся на удивительно величавые и дикие окрестности, на черные причудливые скалы и это мрачное узкое ущелье, кажущееся бездонной пропастью. Право, можно подумать, что это один из входов в ад, о чем повествовал Данте. Даже карандаш Доре не сумел бы создать что-либо более фантастичное, чем эта поражающая действительность. И по таким-то дьявольским местам, истинному олицетворению бесплодия и смерти, мы идем к источнику жизни нашей планеты?... Далеко ли до него, Эбрамар?

– О! Нам предстоит еще порядочный переход, – ответил тот. – Мы обогнем этот угол скалы, а там-то и находится расщелина, служащая входом в подземный мир, куда нам надо дойти. Итак, в дорогу, друзья! Я вижу, что Дахир горит нетерпением.

Тот, к кому относились эти слова, слегка покраснел, но не протестовал.

С легкостью и уверенностью настоящих серн все трое обогнули угол скалы и вошли в узкую и темную, находившуюся по другую сторону расщелины.

Очутились они в темном извилистом проходе, который понемногу расширялся. Как только они были в состоянии свободно двигаться и стоять, путники зажгли висевшие у поясов факелы и бодро продолжали путь.

Читатели, знакомые с первыми двумя частями этой эпопеи – «Эликсир жизни» и «Маги», узнали уже, вероятно, индусского мага Эбрамара и двух его учеников, членов Братства Бессмертных, молодого врача Ральфа Моргана, ставшего, по вступлению своем в таинственное общество, принцем Супрамати, и Дахира, легендарного капитана призрачного корабля.

Оканчивать первый круг своего *посвящения* молодые люди вернулись в Индию для продолжения обучения под руководством Эбрамара.

Быстро продвигались они по проходу, который становился постепенно широким и сводчатым, а при свете факелов принимал все более и более волшебный вид.

Висели причудливой формы сталактиты; крупные и блестящие, как алмаз, капли застывали по стенам, и мало-помалу все принимало зеленоватый оттенок.

Вдруг за поворотом они очутились в пещере средней величины, которая при огне факелов засветилась словно исполнский изумруд.

Молодые люди вскрикнули от восторга.

– Боже! Какое великолепие! В сто раз красивее голубой пещеры на Капри! – восхищался Дахир.

– Раз это место вам нравится, остановимся здесь, чтобы передохнуть и подкрепить свои силы, – сказал Эбрамар, втыкая свой факел в расщелину и садясь на большой камень.

Спутники последовали его примеру.

Потом они достали из мешочка круглые хлебцы и маленьку скляночку с молоком, а

Эбрамар вынул из-за пояса хрустальную коробочку с шариком из розового ароматного теста и проглотил его.

— Любопытно было бы узнать, каким образом и кем был открыт этот путь к источнику Жизненного эликсира?

Нелегко найти его смертному и нелегко идти по нем даже «бессмертному», — заметил Супрамати.

— Если хотите, пока мы отдыхаем, я расскажу вам легенду о том, как была открыта первобытная эссенция, — сказал Эбрамар.

Заметив живой интерес и любопытство учеников, маг тотчас начал свой рассказ.

— В столь отдаленное время, о котором в истории не сохранилось даже никакого намека, в одном городе, на месте которого веками уже растут девственные леса, жил ученый индус по имени Угразена.

То был святой старец, примерной жизни и глубоко ученый. Но его не любили в родном городе, а многие даже ненавидели, потому что он строго осуждал пороки своих сограждан, не щадя никого, и безжалостно раскрывал и преступления и проступки.

Он жил один в скромном домике, недалеко от одного из больших храмов, и люди избегали его, опасаясь его суровых речей.

Любила и почитала святого старца одна только молоденькая баядера при храме. Она посещала его, приносila пищу, чистое платье и вообще помогала ему, сколько могла, особенно с тех пор, как Угразена, много лет страдавший глазами, ослеп.

Но враги святого старца нашли этот момент самым удобным для мести и решили сначала изгнать его из города, а затем убить.

Случайно баядера узнала об этом умысле, предупредила старца и бежала с ним, решив посвятить себя служению ему.

Хотя слепец и молодая девушка скрылись в горах, тем не менее бегство их открылось, враги напали на след их и погнались за ними.

Беглецы достигли самых недоступных мест, а слепец, не переставая, возносил хвалу Браме и призывал его на помощь.

Бог привел их в расщелину одной скалы, где они и укрылись, напав на тот подземный путь, по которому мы теперь идем; но только шли они в темноте, не зная, куда идут.

Старец был спокоен, а молодая девушка плакала с горя, глаза ее распухли так, что она сама стала почти слепой.

Вдруг услышали они глухой шум водопада и когда баядера протянула руку, то почувствовала, как будто какая-то жидкость потекла по ее пальцам.

Так как оба умирали от жажды, то баядера опустила свою каменную чашу в то, что приняла за воду, напоила Угразену и напилась сама.

В ту же минуту баядере показалось, словно ее ударило по голове, а тело точно пожирал огонь. Она подумала, что умирает, и без памяти упала на землю.

Сколько времени прошло, она не могла сказать, но когда очнулась, то подумала, что видит волшебный сон.

Она лежала около ручья жидкого огня, а в нескольких шагах от нее была обширная, залитая светом пещера, и там каскадом извергался поток того же жидкого огня.

Не успела еще она прийти в себя от изумления, как увидела склонившегося над нею прекрасного молодого незнакомца.

Она вскрикнула и вскочила на ноги в сильном испуге, но он сказал ей:

— Я — Угразена и не понимаю, каким чудом ко мне вернулась молодость.

Сначала она не хотела ему верить, но увидав на нем сотканную ею же самою одежду для ученого старца, услыхав от него такие эпизоды, которых никто другой знать не мог, она убедилась в истине.

Они вошли в пещеру, чтобы поближе увидеть сказочное зрелище и тогда в углублении заметили величавого старца, спросившего их, что им надо.

Они ответили правду, и тогда хранитель источника сказал:

— Как мне назвать вас, которых Брама привел сюда, счастливыми или несчастными? Но вы вкусили первобытную эссенцию, которая есть жизненный эликсир, и не умрете; будете жить долго, почти вечно. Наполните же вашу чашу драгоценной влагой и давайте ее лишь тем, кого полюбите всем сердцем.

Баядера наполнила свою чашу, затем они ушли и вернулись к людям.

Никто не признал Угразены; а он со своей подругой поселился впоследствии в горах, и стали они основателями Братства Бессмертных.

Эбрамар умолк, с задумчивой грустью глядя на своих учеников, которые сосредоточенно слушали его.

— Счастливы мы, в самом деле, или несчастливы? — спросил Супрамати.

— Несчастливы! — ответил Дахир. — Да, несчастливы, потому что уже короткая сравнительно жизнь в каких-нибудь 60-70 лет может разочаровать человека и вызвать жажду смерти. Какую же пытку претерпеваем мы, обреченные влачить бесконечную жизнь тупых, лукавых, мелочных, лживых и порочных людей, не имея к тому же ничего общего с тем обществом, в котором время от времени вынуждены жить и видеть, как все вокруг нас умирает. Живые загадки, люди иного мира, храня в усталой душе воспоминания и впечатления стольких веков, стольких различных цивилизаций, вечно одинокие и чужие среди кишащего вокруг нас, быстро сменяющегося человечества, мы втройне несчастливы!

В его голосе слышалась невыразимая горечь, а на глаза Супрамати навернулись слезы.

— Чтобы скрасить вашу долгую жизнь, дети мои, и дать ей цель, вам предоставлена наука, чистая и великая наука, которая возвышает вас над невежественным человечеством, порочным именно вследствие своего невежества. Вам открыто более ясное и совершенное понимание Божества; для вас поднята завеса, скрывающая от других невидимый мир; вам, наконец, открыт доступ к самым необычайным, великим тайнам природы, как например та, которой вы сейчас будете любоваться.

Голос Эбрамара звучал строго и вместе с тем ободряюще.

Слова его произвели мгновенное действие. Молодые люди ободрились и выпрямились.

Прости нам, учитель, слабость, недостойную того знания, какое мы уже приобрели, — сказал Супрамати. И также нашу неблагодарность за все дарованные судьбою благодеяния, — прибавил Дахир.

— Я вижу, что вы уже победили случайное, мимолетное малодущие; а то, что вы увидите, окончательно примирит вас, надеюсь, с вашим положением «бессмертных». В дорогу, друзья мои! — сказал вставая Эбрамар с ласковой улыбкой.

Все трое пустились снова в путь.

Подземный проход, по которому они шли, все расширялся, своды делались выше, спуск становился более покатым, по сторонам открывались боковые проходы, а факелы вскоре оказались лишними, потому что появился полусвет какого-то неопределенного оттенка. И вдруг перед ними открылось такое волшебное, до того необычайное зрелище, что Дахир с Супрамати онемели от изумления и остановились.

На первом плане была громадная арка, высеченная в своде самой природой наподобие врат готического собора. За этим входом простиравшаяся колоссальная пещера со сводом, терявшимся где-то в недосягаемой высоте. Ослепительный, но вместе с тем удивительной мягкости свет озарял все кругом; сталактиты и сталагмиты в его блеске сверкали, словно драгоценные камни. Пол пещеры повышался широкими, отлогими ступенями и за верхней высилась громадная, в несколько метров толщиною струя, вершина которой терялась в недосягаемой высоте свода.

Окруженная тучей сверкающих брызг, таинственная влага была огненными фонтанами с золотыми и пурпурными оттенками. Клокотавшие волны катились по ступеням, у подножия которых был просторный бассейн, а излишек изливался ручьями в многочисленные боковые галереи, одни высокие и широкие, другие низкие и узкие, как расщелина. Над бассейном, как и вверху, над всей пещерой, в виде облака витал золотистый пар.

Супрамати и Дахир застыли, восхищенные сказочной красотой картины. Очарованный взор их блуждал от огненного водопада к причудливым кружевам, которые покрывали стены, свешивавшимся гирляндам, нишам и колонкам. А все это блестело, сверкало и переливало разными цветами: темно-синими, как сапфир, красными, как рубин, зелеными, как изумруд, или фиолетовыми, как аметист.

– Всемогущий Боже, какие чудеса создала Твоя премудрость, и благость Твоя даровала нам счастье любоваться ими! – прошептал Супрамати, прижимая обе руки к груди.

– Да, дети мои, велика милость Создателя, дарующего нам возможность приблизиться к одной из высочайших тайн творения. Ваше смущение и волнение естественны, потому что вы видите перед собою *источник жизни*, сущность питания планеты, очаг сохранения и обновления действующих и творческих сил природы. Прежде девять подобных источников насыщали планету; теперь шесть из них иссякли, а три оставшиеся уже утратили часть своей силы. Когда исчезнет последний из них, холод и смерть охватят нашу землю.

– А тогда? – прошептал Супрамати.

– Тогда мы покинем обреченную на гибель землю и поищем пристанища на новой планете, чтобы там выполнить наш последний долг «посвященных» и сложить, наконец, телесное бремя; а затем вернемся в мир загробный. Но это еще так далеко, что пока не стоит и думать о нем, – прибавил Эбрамар, заметив, что его спутники вздрогнули и побледнели.

– А теперь, дети мои, помолимся!

Только в эту минуту Дахир и Супрамати заметили, что перед бассейном находился как бы престол.

Это был прозрачный, широкий, кубической формы камень, и на нем на подставке из того же вещества стояла хрустальная чаша, наполненная первобытной эссенцией, из которой исходил огненный пар. Над чашей витал прозрачный сияющий крест.

Все трое опустились на колени, и из душ их полилась горячая молитва к Создателю всего сущего, верховному, неисповедимому Существу, от Которого исходит вся милость, вся мудрость и вся сила.

Поцеловав престол и чашу, Супрамати и Дахир встали.

– Теперь, сыны мои, вы видели то, что люди веками тщетно искали и ищут: «философский камень», «жизненный эликсир», «источник вечной молодости». Инстинкт и воспоминания подсказывают им, что сокровища эти существуют, но они не могут снова найти к ним дорогу.

– Учитель, так этот жертвенник и чаша – произведение рук человеческих? – спросил Супрамати.

– Да, они сделаны адептами, поочередно живущими здесь известное время. Они охраняют источник, и на них возложена обязанность следить за силой фонтана и точно измерять ее понижение, хотя медленное, но непрерывное. Работа эта утомительная, требующая столько же знания, сколько величайшей точности, но зато она оказывает громадное действие в смысле очищения их тел. Так, за все пребывание здесь они не нуждаются в пище, ибо аромат источника вполне ее заменяет. А теперь дальше, в путь.

В последний раз молодые люди в немом благовении взглянули на волшебную картину источника жизни и пошли вслед за Эбрамаром, который вошел в один из боковых проходов пещеры.

Дорога круто поднималась, и местами в скале были высечены ступеньки. Опасный путь освещался светильниками, подвешенными к сводам или укрепленными в расщелинах скалы.

Через несколько часов хода они дошли, наконец, до обширной пещеры, озаренной голубоватым светом.

Перед ними расстилалась гладкая поверхность подземного озера.

На столбе, стоявшем у берега, висел металлический колокол. Эбрамар позвонил три раза и через несколько минут появилась маленькая лодка с гребцом в белом одеянии. Как только она причалила, трое путешественников вошли в нее, Супрамати и Дахир взялись за весла, а гребец сел за руль.

Это был красивый молодой человек с задумчивым, грустным лицом; в глазах его светилось то странное выражение, которое отличает «бессмертных».

Лодка стрелой неслась по озеру, потом по каналам, то узким, то широким, извивавшимся причудливыми зигзагами.

Вдруг подземный канал сделал поворот под прямым углом, и Супрамати ахнул от изумления.

Легко, словно ласточка, лодка скользнула в узкое отверстие в скале и вошла в средней величины озеро, залитое солнечными лучами.

Озеро это лежало посреди глубокой и, по-видимому, не имевшей выхода долины. Со всех сторон возвышались отвесные скалистые горы с убеленными вечным снегом вершинами, уходившими в облака. Только по самому краю воды возвышавшаяся террасами полоса земли была покрыта роскошной растительностью.

В одном месте полоса эта значительно расширялась, и там на возвышении виднелся прислоненный к скале маленький, совершенно белый дворец, выделявшийся, словно жемчужина, на фоне окутывавшей его зелени.

Через несколько минут лодка причалила к подножию мраморной лестницы, последние ступени которой спускались в воду.

Дахир и Супрамати дружески пожали руку своему рулевому, и затем все трое направились ко дворцу, вблизи еще больше чарующему, чем издали.

Построен он был из какого-то неведомого камня, белее мрамора, и в совершенно неизвестном стиле. Тонкая, как кружево, резьба украшала стены; воздушные колонки поддерживали крышу широкой террасы и потолок довольно обширной залы, следовавшей за сенями.

Эбрамар вывел их через множество комнат на открытую террасу, перед которой раскинулся сад.

На изумрудно-зеленой лужайке бродили, щипали траву, прыгали или лежали, растянувшись на солнце, самые разнообразные животные: большой тигр и медведь вперемешку с овцами, газелями, собаками, большими птицами и т. д. Супрамати удивленно смотрел на это странное сборище, а близость страшных хищников, говоря правду, внушала ему некоторый страх.

– Не бойся ничего, – заметил Эбрамар, отвечая на его мысли.

– Животные эти не знают человека в роли палача или врага, они видят в нем только друга. Однаково они не причиняют вреда друг другу, а присутствие их здесь необходимо и предусмотрено.

Жилище это, друзья мои, будет служить для вашей подготовки. Здесь, прежде всего, вы насладитесь великим, разлитым всюду покоем; затем вы научитесь лучше сосредотачиваться, сделаете вашу мысль и волю подвижными, гибкими, как усовершенствованный инструмент.

Наконец, научитесь понимать язык низших существ, что вам знать необходимо; а достигнуть этого можно только среди безусловного покоя и гармонии. Здесь души наши освободятся от телесных цепей и почерпнут новые духовные силы.

Я покидаю вас, потому что вам нужен отдых. Сегодняшний день был полон волнений и утомителен даже для вашей исключительной натуры. Но я навещу вас, когда это понадобится, чтобы дать вам нужные указания в ваших занятиях, и буду руководить ими.

Еще одно последнее указание. В зале, смежной с этой террасой, вы ежедневно будете находить готовый обед; в другой зале, приспособленной для омовения, каждое утро вы будете брать ванну и сменять приготовленное вам там платье. А теперь проводите меня; я не могу дольше задерживать гребца.

На берегу озера Эбрамар дружески простился со своими учениками и вскочил в ожидавшую его лодку.

На этот раз он правил рулем, а легкая лодочка с быстротой птицы летела по воде и скрылась вдали.

Вернувшись на террасу, Супрамати и Дахир облокотились на перила и задумчиво любовались волшебной, дышавшей глубокой тишиной картиной.

Ни малейший ветерок не рябил прозрачной и гладкой, как зеркало, поверхности озера. Черные, белые и голубые, как сапфир, лебеди бесшумно и гордо скользили по глади вод, и только щебетанье птичек, порхавших вокруг террасы, точно живые и яркие драгоценные камешки, нарушало торжественную тишину.

Прервав наконец свои мечтания, молодые люди обошли свое новое жилище и подробно осмотрели его.

Дворец был не велик, но действительно являл собою странное и своеобразное произведение искусства, совершенно неведомого и невиданного.

Простая, но богатая обстановка соответствовала стилю, а шелковая материя, чуть не в палец толщиною, украшавшая двери и окна и покрывавшая диваны, была выткана на веки веков.

– Какая это неведомая раса высекла из камня такие кружева здесь, в этой затерянной и недоступной долине? – заметил Супрамати, с любопытством рассматривая оконные ниши.

– Когда мы в состоянии будем проникать в отражение прошлого и разбирать архивы нашей планеты, тогда и это узнаем, – улыбаясь, ответил Дахир.

Истинное удовольствие доставило им открытие библиотеки, где были во множестве собраны свитки папируса и древесной коры, дощечки, глиняные цилиндры, старые фолианты и даже современные книги.

– Кажется, здесь собрали литературу чуть не с сотворения мира, и ее хватит на века для удовлетворения умственных потребностей, – заметил Дахир.

– Благодаря Богу, во времени у нас недостатка не будет, – смеясь, ответил Супрамати.

– А теперь, – прибавил он, – пойдем, друг Дахир, поищем обед. Я ощущаю совершенно неприличный для подобной эстетической обстановки аппетит, но дерзкая, строптивая плоть не желает приспособляться к пище, состоящей исключительно из астральных течений.

Оба от души рассмеялись и отправились в указанную им Эбрамаром столовую.

Они нашли накрытый стол. Около каждого прибора был положен средних размеров круглый хлеб и стояли сосуд с молоком да две тарелки с рисом и политой маслом зеленью.

– Не особенно обременительно, – заметил с гримасою Супрамати. – Невольно вспоминаешь моего парижского повара и его обеды.

– И m-lle Пьеретту? – поддразнил Дахир. – Но успокойся. На десерт мы нарвем в саду фруктов. Я уже заметил здесь деревья всех стран, даже совершенно неизвестных пород, и все они гнутся под тяжестью плодов.

– Признаюсь, что о Пьеретте я меньше всего сожалею, но мне гораздо приятнее было бы увидать хороший паштет. Хотя все-таки мысль твоя о десерте – превосходна, – добродушно ответил Супрамати, садясь за стол.

В конце этого скромного обеда Супрамати заметил около буфета несколько больших корзин с кусками хлеба, рисом и различными зернами.

– Что это? Трудно предположить, чтобы и это предназначалось нам. Не только два ученика мага, но даже несколько здоровых рабочих не осилили бы этих припасов, – заметил он.

– Я полагаю, что корзины предназначены для животных. Пойдем, снесем их на террасу. Если животные приучены, чтобы обитатели этого дома их кормили, то они сбегутся, увида корзины, – ответил Дахир. Предположение его оправдалось.

Едва они показались со своей ношей, как животные, наблюдавшие, вероятно, за террасой, бросились толпой; даже белый слон вышел из древесной чащи.

Но, очевидно, между животными царила дружба и послушание, потому что они не толкались, не спорили из-за пищи, а терпеливо ожидали очереди.

Супрамати и Дахир доставляло особого рода удовольствие видеть то доверие, с каким окружали их эти разнообразные животные.

Птицы без боязни садились им на плечи, другие близко становились около них; даже в

глазах страшных хищников – льва, медведя и тигра – незаметно было обычного дикого и недружелюбного выражения.

Лев тоже подошел за своей порцией, и Супрамати, ободренный его кротостью, погладил его густую гриву, а животное ласково лизнуло ему руку.

– Животные подчиняются здесь как будто одному с нами правилу воздержания, ибо я сомневаюсь, чтобы нескольких горстей риса и кусочка хлеба было достаточно для удовлетворения аппетита медведя, льва или слона? – смеясь, заметил Супрамати.

– Вероятно, добный гений, который заботится о нашем питании, кормит и наших четвероногих братьев. И то, что мы им дали, составляет десерт для поддержания товарищеских отношений, – весело ответил Дахир.

– А теперь, – прибавил он, – пойдем добывать свой собственный десерт.

Они спустились в роскошный сад, действительно изобиловавший великолепнейшими и необыкновенно вкусными плодами всех стран, а некоторые сорта показались им совершенно незнакомыми.

Насытившись, друзья вернулись во дворец отдохнуть.

Они выбрали для спальни небольшую залу с двумя мягкими диванами. Среди глубокой, всеобъемлющей тишины слышалось лишь одно журчанье фонтана в ониксовом бассейне.

Супрамати с Дахиром улеглись и скоро уснули глубоким, укрепляющим сном.

Проснувшись они уже поздно, но, помня указание Эбрамара, взяли ванну и переоделись в легкие полотняные одежды, уже приготовленные им.

Окончив затем скромный ужин, друзья уселись на террасе, выходившей на озеро. Сначала они беседовали, но понемногу каждый ушел в свои мысли.

В памяти Супрамати настойчиво пробуждались воспоминания прошлого.

Он видел себя бедным чахоточным врачом в своей маленькой лондонской квартире, где тогда его нашел Нараяна и сделал ему необычайное предложение. Потом перед ним стали развертываться первые обстоятельства того странного и таинственного существования, на которое он добровольно себя обрек.

Как в калейдоскопе, мелькали разные сцены его жизни в Париже, Венеции и Индии, оживали забытые образы Пьеретты, Лормейля и прочих попадавшихся ему на пути лиц.

Затем следовало первое посвящение, закончившееся прибытием его сюда, и, наконец, наступила разлука с Нарой, выдающейся, обаятельной женщиной, бывшей ему женой и оставшейся другом, верной спутницей жизни за время их долгого существования, тяжелого восхождения к совершенству.

Как живой встал перед ним образ молодой женщины, а жгучее чувство тоски и одиночества сжало его сердце.

Но в ту же минуту в лицо ему повеяло благовонное дуновение, а на лбу он ощутил ласковое прикосновение атласистой ручки и знакомый, любимый голос прошептал:

– Гони прочь волнующие тебя воспоминания прошлого. Открой глаза, любуйся, преклонись и благодари неисповедимое Существо, дающее тебе видеть чудеса, созданные Его премудростью. Видишь, души наши соединены по-прежнему и мое сердце ощущает всякое движение твоего.

Голос умолк, но к Супрамати вернулось спокойствие. Он провел рукою по лбу, выпрямился и вздрогнул. Взор его, точно заколдованный, не мог оторваться от бывшего перед ним волшебного зрелища.

Уйдя мыслями в старые воспоминания, Супрамати утратил представление о внешнем мире и не заметил, что наступила ночь. Луна залила все своим мягким и вместе с тем ослепительным светом.

Под лучами царицы ночи тихая гладь озера блестела, как серебряный диск; из темной зелени дерев фантастически выделялись белые колоннады дворца, блестели и искрились брызги водопада.

Глубокий покой объял уснувшую природу и вдруг среди этого безмолвия послышалась неясная, нежная мелодия, точно далекий звук Эоловой арфы.

Дахир также встал, молча обнял друга, и оба они безмолвно глядели на небо, прислушиваясь к странной, чудесной музыке, какой никогда не слышали.

Мало-помалу в душе их воцарился светлый покой. Смущение, сомнение, тоска – все исчезло; изгладилось даже всякое воспоминание о прошлом и пропал страх перед будущим. Одно настоящее наполняло их. И как все здесь было чудесно, хорошо и величаво спокойно, вдали от людей, от лихорадочной суеты их жизни, интриг и дикого эгоизма!...

Если бы эта слепая, невежественная толпа, опьяневшая животными страстями, запятнанная пороками, снедаемая болезнями, могла хоть на минуту испытать блаженство, которое дает душевный мир, созерцание природы, деятельное и здоровое существование, она, может быть, пробудилась бы от отвратительного кошмара, называемого ею «жизнью».

В эту минуту громадные столицы и кишащее в них население с его мелочной суетой, дрязгами и постыдной нищетой казались Супрамати просто отделениями ада, где люди приговорены жить в наказание.

Живо вспомнились ему слова, сказанные однажды Нарой перед его посвящением:

– Ты не можешь себе представить и понять то состояние блаженства, которое испытывает достигший известной степени очищения, потому что пока все твоё существование еще наполнено беспорядочными и нечистыми токами, царящими здесь. Когда выходишь из храма света, где царит гармония, окружающие нас люди производят впечатление стада диких животных, готовых растерзать друг друга. И ничто не остановит их в безумном беге.

Они знают, что смерть сторожит их на каждом шагу, что каждую минуту она отнимает у них любимое и близкое им существование, а все-таки это не пробуждает в них сознания бренности всего земного.

Утром они плачут на похоронах, а вечером хохочут, пируют и пляшут. Отвратительны эти животные в человеческом образе, и маг беспомощно останавливается перед ними, не зная, чем взять их и как отрезвить их от опьянения плоти, влекущего на гибель.

Теперь Супрамати понимал ее. Он чувствовал, что с тела спадала тяжесть, что у души вырастали крылья и его охватило омерзение при воспоминании виконта де Лормейля или Пьеретты и прочих человекоподобных животных, – добычу смерти, скошенных уже временем, чтобы уступить место другим, столь же мимолетным и порочным существам.

О! Как он счастлив и обласкан судьбой сравнительно с другими! Им овладела потребность молиться, славословить, благодарить Великого Создателя всех чудес, которые ему дано было созерцать. Безотчетно почти он и Дахир опустились на колени.

Это не была определенно выраженная словами молитва, а из всего их существа исходило экстатическое, страстное излияние благодарности.

Когда после этого порыва к бесконечному, они снова почувствовали себя на земле, то заметили, что в них произошла какая-то перемена. Они чувствовали себя легче, гибче, а зрение и слух приобрели гораздо большую остроту. Словом, не будучи в состоянии ясно определить словами, они сознавали, что в них произошла непонятная реакция, и предположение это тотчас же почти подтвердилось.

Взглянув случайно на сад, Супрамати вздрогнул; он увидел теперь то, чего раньше никогда не замечал.

Из всякого растения исходил розоватый светящийся пар, а в чашечке ближайших к нему ползучих растений, обвивавших перила и колонны террасы, мерцали огоньки.

– Взгляни, Дахир, – сказал он, – на огоньки в чашечках цветов. Это ведь душа растения, божественная и несокрушимая искра, которая из бессознательного состояния пойдет со временем по тому же пути совершенствования, по какому идем мы.

Дахир осторожно приподнял большой белый цветок, лежавший на балюстраде, и долго рассматривал его.

– Да. Может быть, это – душа будущего мага покоятся в розовой чашечке, не сознавая своего будущего великого назначения, – заметил он задумчиво и потихоньку опуская цветок.

Они снова сели, не будучи в силах оторваться от обаятельного зрелица волшебной ночи, и вдруг им почудилось, что в хрустально чистом воздухе движутся прозрачные

существа в длинных развевающихся одеяниях. Они плавно летали, не касаясь вовсе земли, и, поднимаясь на недосягаемую высоту ледниковых вершин, исчезали из виду, словно расплывались в беловатом тумане. Были ли это ангелы или маги высших степеней, тела которых достигли достаточной легкости, чтобы возноситься в пространство и одной силой своей воли достигать желаемой цели? Когда первые лучи восходящего солнца разбудили спавшую природу, тогда лишь Супрамати и Дахир ушли с террасы.

— Боже мой, какие мы еще невежды, сколько вещей нам еще не понятно, а те немногие приобретенные нами познания, которые, к стыду моему, составляли предмет моей гордости, я не знак даже, как применить здесь, — со вздохом произнес Супрамати.

— Все придет в свое время. Не забывай, что поспешность служит доказательством несовершенства, — ответил с улыбкой Дахир.

Глава вторая

Много недель прошло со времени прибытия Дахира и Супрамати в волшебную долину, а они еще не видали ни Эбрамара, ни одной живой человеческой души. Однако они не скучали и ничто не омрачало их ясного и спокойного настроения.

Они гуляли, с любопытством изучали незнакомые фауну и флору, в изобилии окружавшую их, и работали в библиотеке, содержавшей настоящие сокровища науки, но вместе с тем множество трудов, им совершенно непонятных.

Однажды, после того как Супрамати долгое время просидел над одной древней рукописью и никак не мог вполне усвоить ее содержание, у него вырвалось нетерпеливое восклицание.

— Это, наконец, возмутительно! Сидишь, как дурак, над этой древней ветошью и никак не можешь добраться до скрытой в ней сути. А между тем, судя по каббалистическим знакам, которые я на ней вижу, это должно быть что-нибудь чрезвычайно интересное. Мне так хотелось бы работать, а Эбрамар не является и никого не шлет, чтобы руководить нашими занятиями.

— Почему не довольствуешься ты изучением того, что нам доступно? Благодаря Богу, в материале нет недостатка. А Эбрамар привез нас сюда, разумеется, не для того, чтобы обречь на бездействие; когда придет время, он явится сам или пришлет руководителя, — ответил Дахир.

— Пока будем наслаждаться счастливым настоящим, — улыбаясь, продолжал он. — Все у нас есть, невидимые руки удовлетворяют наши потребности, наши четвероногие друзья, привязавшиеся к нам до того, что являются с пожеланием доброго утра, без всякого ущерба заменяют старых парижских знакомых. Я нахожу очень интересным изучать разнообразие их характеров и способностей. Потом, не подметил ли ты, что со времени нашего прибытия сюда, в нас происходят странные явления? Я, по крайней мере, вижу, что из твоего тела выделяется какой-то черноватый пот.

— Ты прав, — перебил его Супрамати. — Я заметил подобное же испарение у тебя; а туники, которые мы каждое утро находим в купальне, также изменились. Вначале они были льняные,

а теперь — смотри, — такой ткани я никогда не видел. Она как будто фосфоресцирует. Утром, когда я надеваю ее, она серебрится, а вечером, когда снимаю, она делается тусклой, измятой и покрывается черными крапинками. Точно так же прозрачно-голубоватая вода бассейна становится мутно-сероватой после того, как я в ней выкупался. Очевидно, наше тело еще пропитано нечистыми испарениями, и мы не можем начать свое новое посвящение, пока не очистимся.

— Значит, надо быть терпеливым и мирно жить в нашем раю, — со смехом закончил Дахир.

Наконец к их великой радости появился Эбрамар.

— Я с удовольствием вижу, друзья мои, что вы нетерпеливо ожидали меня, а это служит

добрый знамением для наших занятий, – заметил маг с улыбкой. – Между тем я собираюсь возложить на вас нелегкую задачу: изучение бесконечного с утилитарной целью.

Нам со временем потребуется умение использовать силы природы, чтобы приходить на помощь человечеству и поддерживать его в страданиях, которые оно само себе подготавливает по своему бессмысленному ослеплению. А еще больше понадобятся нам все наши познания, когда мы высадимся на новой планете, где нам предстоит быть просветителями и наставниками.

Все, что мы теперь собираем, подобно пчелам, все плоды наших трудов мы должны будем предоставить на пользу нарождающегося человечества.

Установить там порядок, создать законы, научить людей разумному удовлетворению как материальных, так и духовных потребностей, внедрить в них основы процесса и понимания Божества. Задача громадная и трудная...

– Не вызывай передо мною это будущее, учитель. Оно представляется мне таким ужасным, что мной овладевает слабость, голова кружится и безумная тоска сжимает сердце! – вздрогнув, прошептал Супрамати.

Эбрамар возложил руку на его поникшую голову и лучистым взором поглядел на бледное лицо ученика.

– Я не стал бы вызывать картину грядущего, если бы не был уверен, что Даир и ты уже в силах вынести сознание того, что вам предстоит. Приучайтесь сознательно смотреть на предназначеннное вам будущее, оцените все его величие, и напрасный, малодушный страх исчезнет.

Впрочем, эта конечная цель нашего существования еще очень далека; а в настоящую минуту у нас более скромная задача, которая, надеюсь, совершенно поглотит вас.

Супрамати выпрямился; лицо его просветлело и в прекрасных, выразительных глазах зажглись вновь спокойная сила и решимость.

– Благодарю тебя, учитель, и прошу простить мою недостойную слабость. Чего мне опасаться в будущем при твоей поддержке и руководительстве? А Бог даст силы для выполнения предназначенной задачи.

– Вот таким я тебя люблю. Веруй, будь деятельным, покорным и ты будешь силен. А теперь я намечу вам программу ваших занятий до следующего моего прибытия.

Они сели, и Эбрамар отворил скрытый в стене шкаф, достал несколько связок пергамента и разложил на столе.

– Первые наши занятия будут посвящены изучению языка животных. Вот тут пояснительные заметки и ключи, которые дадут вам представление о разговоре существ, стоящих ниже вас. Это необходимо для мага, потому что иначе вы не могли бы составить себе полное понятие о всех фазах прохождения несокрушимой искры через три низшие царства, о корпорациях первичных духов, их работах, воспитании, подготовке к будущей их роли и также той, которую они играют в хозяйстве природы.

Во-вторых, вы будете развивать ваши чувства в том смысле, чтобы каждое из них имело, так сказать, себе равнозначащее в царстве четвертого измерения. То есть ваши глаза должны с одинаковой легкостью видеть и материальный и сверхземной мир; уши ваши должны одинаково слышать как пение птиц в саду, так и движение сока в ветках растения или колебание воздуха при пролете духа. Помимо же указаний, которые я вам дам, вы найдете в этой рукописи все необходимые вам советы.

Наконец, здесь – он развернул старый папирус, покрытый странными буквами и каббалистическими знаками, – заключаются некоторые законы белой магии и формулы, которые дадут вам власть распоряжаться молекулами пространства: сплачивать их воедино или рассеивать, смотря по надобности.

Три дня Эбрамар пробыл со своими учениками, указывая им основы и первые понятия трудной, предложенной им работы. Затем он уехал, наказав работать усердно, но не спеша, ввиду того, что недостатка времени опасаться нечего.

С обычной энергией Супрамати и Даир принялись за работу. Нелегкое дело было

разбирать запутанное письмо древних рукописей, учиться различать и применять многочисленные каббалистические знаки высшей магии; но прилежание и добрая воля помогали преодолевать трудности.

Эбрамар появлялся время от времени проверить их знания, подать советы и указания, ободрял их и радовался их успехам.

Быстрее всего подвигалось и в настоящую минуту более всего удовлетворяло их занятие изучением языка низших существ и усовершенствование собственных чувств.

Они могли уже разговаривать со своими четвероногими друзьями, понимали смысл пения птиц, жужжение насекомых, неуловимый шум, производимый муравьями.

Изумленные и очарованные, наблюдали они и изучали новый открывавшийся им мир, распознавая в нем уже твердо заложенные основы «будущего человека». Они были подавлены величием божественной премудрости, которая вела несокрушимую искру постепенным ходом совершенствования, начиная от бесчувственного сна в минерале к просонкам в растении и уже сознательной жизни в животности.

И чем более они научались понимать низшие души, тем более открывали в них странные бездны, расовую ненависть, корни которой, по-видимому, терялись в растительном, а не то даже минеральном царстве. Перед ними намечались антагонизм и борьба, в которых два великих двигателя «добро» и «зло», казалось, уже сталкивались между собою и мерялись силами.

В одно из своих посещений, после тщательного просмотра их трудов, Эбрамар объявил, что настало время включить в их занятия основательное изучение жизненного эликсира.

— Следуйте за мною, я поведу вас в лабораторию.

Крайне заинтересованные, молодые люди пошли за магом в боковую галерею, пробитую в скале и поддерживаемую колонками. Там, в нише, находился барельеф с изображением человеческой головы с закрытыми глазами. Оба они восторгались не раз художественной скульптурой, не подозревая в ней специального назначения, и с изумлением увидали теперь, что Эбрамар наложил руки на глаза барельефа.

Тотчас каменные веки приподнялись и из-под них глянули на минуту два изумрудных глаза. Затем задняя стена ниши повернулась на невидимых петлях и обнаружила ступени.

Все трое поднялись по лестнице, потом снова спустились, прошли небольшой сводчатый коридор, и в конце его Эбрамар приподнял тяжелую темную завесу, пропуская их в маленький грот, с одной стороны которого был небольшой дворик, замкнутый со всех сторон скалами и стенами. В глубине грота была железная дверь резной, драгоценной работы, которую Эбрамар отпер золотым ключом.

Тогда они очутились в другой пещере, большой и высокой, как собор. Стены были покрыты зелеными сталактитами, и царившее там освещение было так сильно, что позволяло легко читать самое мелкое письмо.

В углублении из расщелины в стене вытекала тонкая золотистая и сверкающая струйка, падала в хрустальный бассейн рубинового цвета и затем терялась в другой расщелине на поверхности земли.

Посередине пещеры стояли два больших хрустальных стола и два таких же стула; вдоль стены виднелось несколько столов и полок, установленных инструментами странной формы и неведомого назначения. Между прочим, были лупы различной величины, нечто вроде волшебного фонаря, большой белый экран и несколько астрономических инструментов, уже знакомых обоим ученикам.

— Здесь вы должны, друзья мои, проводить ежедневно несколько часов, — сказал Эбрамар, — чтобы специально изучить изначальную материю, то вещество, божественное и ужасное, которое с одинаковой силой переустраивает, дает жизнь, но и разрушает.

Прежде всего вы должны познать его в грубом виде, а затем научиться разлагать, чтобы извлекать первичные частицы, так сказать, зачатки минералов, растений и животных. Сначала надо отделить элементы один от другого, потом каждую породу отдельно, уметь

различать и применять их, соединять и разъединять. Это очень продолжительная и тяжелая работа, не скрою, но она окажет вам услугу впоследствии.

— Ты сказал, учитель, что изначальное вещество одинаково и дает жизнь, и разрушает. Я всегда предполагал, что по своей природе его назначение единственно давать жизнь и поддерживать ее? — спросил Супрамати.

— Без сомнения. Будучи разлито по всему организму планеты и во всем обитающем на ней, первобытное вещество всюду поддерживает жизнь; но оно разрушило бы всякий организм, который пришел бы в прямое и безмерное соприкосновение с могуществом этой грозной стихии, то есть такой организм разлетелся бы на свои первоначальные атомы.

Кроме того, жизненный эликсир, выполняя свое назначение, может разрушать и убивать иным способом. Припомните случай с несчастной Лоренцой, относительно которой Нарайяна возымел преступное намерение воскресить ее чуть не через три столетия после ее естественной смерти. Ты помнишь, Супрамати, с какой сказочной быстротой был оживлен и восстановлен организм, и привлечен живший в нем прежде дух. Но, чтобы достигнуть такого результата, было убито тело, обитаемое в ту минуту душою Лоренцы, и целая семья повергнута была в отчаяние, оплакивая эту необъяснимую смерть.

Жизненный эликсир представляет собой обоюдоостре оружие и если маг в интересах науки имеет право делать самые разнообразные опыты, то все же должен серьезно осторегаться злоупотреблять наукой и не увлекаться жестокими опытами.

— Супрамати передавал мне этот случай, и мне известен способ, употребленный Нарайяной. Но тем не менее, несмотря на горячее желание и любопытство взглянуть на подобное воскрешение, я все-таки воздержался бы пробовать его, — сказал Дахир.

— Твое любопытство очень естественно, а твоя осторожность делает тебе честь, — ответил Эбрамар. — А вот пойдемте со мною во двор и я покажу вам опыт в том же роде.

Во дворе маг отворил шкаф, вделанный в стене, и достал оттуда улей, очевидно, очень старый. Отверстия его были закупорены, и когда Эбрамар открыл их, то внутри оказались высохшие тела пчел, погибшие там за неимением выхода.

Эбрамар велел принести из лаборатории, с указанного стола, пульверизатор и фарфоровый горшок с каким-то сероватым студенистым веществом. Маг достал из-за пояса флакон с жизненным эликсиром и влил несколько капель в сосуд. Студенистое вещество стало мгновенно жидким, приняло розовый оттенок и дало фосфорический свет. Тогда Эбрамар налил часть жидкости в пульверизатор и прыснул во внутренность улья.

Посыпались с треском огненные брызги, и в тот же миг поднялись облака дыма, рассекаемые огненными зигзагами, словно молниями.

С неослабным вниманием следили Дахир и Супрамати за удивительной картиной превращения. Через несколько минут послышалось глухое гуденье, дым рассеялся, и ожившие, полные сил пчелы стали выползать из улья; одни полетели на работу, а другие летали и ползали по своему опустошенному жилищу, стараясь, вероятно, восстановить в нем порядок.

— Теперь я покажу вам подобное же воскрешение в мире растительном, — продолжал Эбрамар. — Видите там, в углу, старое иссохшее дерево; мертвые корни его похожи на лапы гигантского паука. Надо вытащить его на средину двора.

На этот раз Эбрамар вылил несколько капель таинственной жидкости прямо на ствол, где начинались корни.

Тотчас клубами повалил густой черный дым, с треском и свистом, совершенно закрыв собою мертвое дерево.

Спустя несколько минут дым из черного стал серым, потом принял зеленоватый отлив. Странный свист продолжался, поднялся ветер, затем раздался сильный треск, и когда дым рассеялся, глазам удивленных учеников представилось гигантское дерево.

Густая, пышная листва его отбрасывала тень по двору; могучие корни взрыли плиты, устилавшие двор, и глубоко врезались в землю.

— Что за чудодейственная и вместе с тем страшная сила! Такие чудеса вызывают

изумление и в то же время навевают ужас! – проговорил Супрамати.

Дахир закрыл лицо руками, точно ослепленный.

– Да, и действия этого таинственного вещества столь же многочисленны, как и чудны. Оно влияет не только на организмы, но даже на отпечатки, оставленные в атмосфере человеком или каким-либо событием. Вернемся в пещеру, и я покажу вам подобную картину.

Они вернулись в лабораторию. Смешивая каплю жизненного эликсира с несколькими другими веществами, маг рассказывал:

– Много веков тому назад один из наших привел в эту пещеру группу индусских паломников. Они далеко не совсем понимали тайну, беречь которую поклялись, не подозревая даже, что на расстоянии вытянутой руки находился жизненный эликсир. Они ушли отсюда и умерли затем, подобно всем обыкновенным смертным, но до конца своей очень долгой жизни были избавлены от болезней. А отпечатки их пребывания здесь остались, и я покажу их вам.

Он зажег в жаровне угли, бросил в них черноватое со смолистым запахом вещество, а сверху налил немного приготовленной смеси. Снова поднялся дым, и когда он рассеялся, открылось удивительное зрелище.

Человек десять в холщовом одеянии толпились около бассейна источника, кто на коленях, а кто стоя, с поднятыми в немом восторге к небу руками. Глаза всех были устремлены на чудесный источник.

Группа казалась живой, только вся была покрыта странным желтоватым оттенком, напоминавшим терракоту.

Через несколько минут все побледнело и растаяло в воздухе.

– Вы видите, что идя по тому же пути, но особым, приноровленным к каждомуциальному случаю способом, можно первобытным веществом оживить прах угасшей планеты и вернуть к жизни исчезнувшие народы, – продолжал Эбрамар.

Неподалеку отсюда лежит мертвый город, погребенный во время одной катастрофы, над которым давно уже вырос девственный лес. Но все-таки известными мне подземными путями можно пробраться туда, и, может быть, когда-нибудь я покажу вам его. При желании я мог бы вернуть к жизни население этого несчастного города. Это было бы грандиозно, но к чему ставить такой жестокий опыт.

Любопытно, что воспоминание о жизненном эликсире и его необычайной силе сохранилось даже среди непосвященных. То в образе источника вечной молодости в волшебных сказках, то в чаше св. Грааля, наполненной будто бы кровью Христа, везде воспевали и искали неведомое начало, которое должно устранивать смерть и обращать самый грубый металл в золото.

Один ученый европеец, кажется, Парацельс, тоже старался найти первобытную эссенцию, чтобы с помощью хотя бы ее капли создать человека без помощи людской, а просто собирая молекулы усилиями своего разума. Он воображал, что может упорным трудом заменить великую творческую силу, которая невидимо и неуловимо создает совершеннейшее из всех творений – человеческое существо. Разве ребенок, как и маленькое животное, не является наихудожественнейшим произведением лаборатории природы, в развитии которого человек не отдает себе даже полного отчета? Но Парацельс не имел ключа от этой тайны, и мечты его остались утопией.

На другой день, под вечер, все трое беседовали на террасе. Небо уже стало заволакиваться ночными тенями.

– Когда появятся звезды, – сказал Эбрамар, – я пошлю вас выкупаться, влив в воду содержимое этого флакона, а затем мы совершим маленькое воздушное путешествие.

Я хочу показать вам некоторые из слоев, окружающих землю, а попутно корпорации низших духов и их воспитание, словом, подготовку будущего человечества.

Обрадованные Супрамати и Дахир не знали, как благодарить Эбрамара, и между ними завязался оживленный разговор по поводу столь интересного и мало кому знакомого вопроса

о бытии и всех фазах развития, которые претерпевает несокрушимая психическая искра на пути ее восхождения.

Давно хотел я спросить тебя, учитель, как первообразные духи переходят из состояния минерала в растительное? Каким, так сказать, образом оканчивается их жизнь в неорганической среде и совершается переход в другое царство природы, тогда как существование каменистых пород представляется бесконечным? – спрашивал Супрамати.

– Все совершается просто, по общему закону, – отвечал Эбрамар.

Вы знаете, что центром всякой клеточки или собрания пассивных атомов является одна из тех несознательных индивидуальностей, вся роль которых заключается пока только в представительстве жизненного тока, то есть отталкивании или притяжении различных флюидов, вредных или необходимых для поддержания и питания этого мира. Такое бессознательное существование, хотя и кажется бесконечным с точки зрения человека, тем не менее, чрезвычайно хрупко, и очень немного надо, чтобы оторвать индивидуальность от центра, если только первые связи с материей нарушены духами, облеченными на то правом. Так сильные атмосферные сотрясения, колебания почвы и т.д. часто бывают сигналом громадного перемещения среди этих невидимых жителей. Миллиарды их, уже готовые в путь, выделяются из материи и уносятся сильными, образующимися тогда вихрями; тогда как другие, стоящие еще на первой ступени существования, занимают их место. Ибо в природе нет застоя, и все возобновляется в определенное время, хотя и невидимо для человека, но на основании непреложных законов.

Здесь действует тот же закон, что и в вашей крови, которая также совершенно обновляется в известное время, а вы не замечаете этого, и ваша внешность от того не изменяется. Кроме того, прохождение несокрушимой психической искры через минеральное царство играет первенствующую роль и определяет основы дальнейших существований.

Будучи связанными с клеточками, которые своими бесчисленными массами составляли какой-нибудь слой земли, скалу, и т. д., эти миллиарды первообразных душ были охвачены одновременно флюидическими токами,пущенными в них рабочими духами. Все проникались одинаковыми впечатлениями, насыщались одинакового состава флюидами, выделяли те же истечения, и, таким образом, вся масса с течением времени получила единообразие частиц, которое составляет сущность их организма, и, развиваясь, действует на их будущие организмы.

С этой первой ступени жизни идет расовое различие, которое с первой же минуты дает каждому определенный, своеобразный химический состав, отличный от других организмов.

Однообразие это остается как основа на будущее, продолжается в семействах растений, в животных породах, и, наконец, среди рода человеческого, начиная от расовых отличий по цвету кожи, форме черепа и т.д. вплоть до распределения народов одной расы, как, например, славяне, германцы, романцы. Не пустая вовсе болтовня, будто каждый народ имеет различный аромат. Это верно. Потому что в основе у каждого – особый химический состав. Образуется нового рода влечения, которое объединяет особенно мало развитых духов при их воплощениях; но и совершенные духи предпочитают воплощаться среди народа, химическая основа которого соответствует их астралу.

– О! Какую отвратительную иллюстрацию этой теории представляют негры, китайцы и евреи. Их тошнотворный запах выдает их весьма скверный химический состав! – воскликнул, смеясь, Дахир.

– Знакомство с запахами дает возможность добраться до первобытного источника происхождения народов и отдельных личностей, потому что он сохраняется в растениях и животных. Вам, любезные мои ученики, еще предстоит впереди эта высшая наука о запахах. Однако нам уже пора выкупаться и подобающим образом переодеться для нашего путешествия, – закончил добродушно Эбрамар.

Супрамати и Дахир тотчас встали и отправились исполнять приказание.

В ванной комнате они нашли два одеяния в виде трико, из очень оригинальной сероватой материи, шелковистой, чрезвычайно тонкой и слегка фосфоресцировавшей.

Одеяние это так плотно прилегало к телу, что словно сливалось с кожей и закрывало все тело с головой.

Придя к Эбрамару, они увидели его в таком же одеянии, но более светлом и блестящем.

Перед ним стояли два кубка с красной дымящейся жидкостью, которую он предложил ученикам выпить. Выпив, Супрамати почувствовал головокружение; но как только это неприятное состояние прошло, он заметил, что тело его как будто совершенно утратило вес и он без малейшего усилия взлетел на воздух за Эбрамаром, который быстро поднимался ввысь. Кроме того, он заметил, что тело его покорно следовало в том направлении, какое он ему желал дать.

Пространство, по которому они пролетали, озарено было теперь сероватым полусветом; воздух был напоен зловонными, гнилостными испарениями, и слышался беспорядочный шум; по временам в разных местах вспыхивал и мгновенно гас кроваво-красный свет. Разноцветнее всех оттенков радуги огни порхали и вихрем кружилась во всех направлениях, то поднимаясь, то опускаясь.

Всматриваясь внимательнее, вокруг этих огней можно было заметить отражения людей и животных. Местами плыли в воздухе, отдельно или группами, отражения растений.

Посреди этого хаоса проворно и легко, словно клубы пара, скользили светлые тени с ясно очерченными головами, большими фосфоресцировавшими глазами и отличительными знаками, соответствовавшими положению их в духовной иерархии: кто носил изображение огня, кто креста, звезды или цветов; то были духи-наставники, покровители, главы групп и т.д.

Местами, но далеко друг от друга, виднелись очаги ослепительного света, из которых снопами исходили лучи и терялись в направлении земли. И там, посередине этих очагов света, заметны были призрачные человеческие образы.

– Видите вы эти подобия солнца, рассыпанные в пространстве? Это хранилища сил добра, – пояснил Эбрамар.

– Существа, которых вы там видите, это – высшие духи, покровители какой-нибудь страны. Силой своих молитв и воли они собирают и направляют к намеченной цели обновляющий материал, который поддерживает и укрепляет бедное человечество, тонущее в пороках и страданиях. Люди называют их святыми и инстинктивно просят их помощи. Завтра я поведу вас в какую-нибудь церковь и покажу имеющиеся там флюидические токи, а также и печать светлого флюида на людях, священных предметах и т.д.

Разговаривая таким образом, они продолжали подниматься.

Мало-помалу стихал беспорядочный хаос раздирающих душу вибраций, вызываемых страданиями тела. Кровавый пар, тлетворные испарения порока – все это постепенно бледнело и оставалось под ними.

Пространство вокруг них становилось голубоватым, прозрачным и было напоено острым, но живительным ароматом.

Вдруг раздался странный шум, как бы от множества крыльев или колес машин.

– Мы приближаемся к очень интересному месту, школам низших духов, – заметил, улыбаясь, Эбрамар.

Живо заинтересованные, оба ученика следовали за учителем, быстрым полетом направлявшимся к светлому и казавшемуся бесконечным пространству.

С удивлением заметил Супрамати кое-где сероватые, окруженные красноватой аурой фигуры, с ясно очерченными головами, отражавшими ум и энергию. Вокруг каждой из этих личностей кишили тучами фосфорические искры, которыми те распоряжались, уча их подражать флюидическим моделям, огненными чертами вырисовывавшимся в воздухе, или разъясняя понемногу ход предстоявшей работы.

– Вы видите здесь подготовляющееся рабочее население земли: пчел, муравьев, пауков, шелковичных червей; а там, дальше, корпорации высших животных. Все занимаются под наблюдением их руководителей, учатся применению ремесел и проникаются знаниями, необходимыми при их воплощении.

Теперь трое adeptов двигались медленно, с трудом различая иногда микроскопических работников.

Однако Супрамати все же заметил среди учителей черноватые образы с демоническими глазами; также не ускользнуло от его внимания, что между учениками было несогласие. Тучи роившихся искорок набрасывались одна на другую, испуская черные клубы; а среди духов высших животных возникали настоящие драки и враждебные, полные ненависти токи, которыми они обдавали друг друга, бороздили даже кроваво-огненные зигзаги.

Супрамати хотел было спросить объяснение этому странному зрелищу, как Эбрамар дал знак к возвращению.

Спуск совершился с головокружительной быстротой. Очутившись на террасе своего жилища, молодые люди только что собирались задать интересовавшие их вопросы, как Эбрамар пресек их любопытство.

— Идите сейчас же выкупайтесь и ложитесь спать, потому что даже ваши бессмертные тела нуждаются в отдыхе после такого путешествия. Завтра поговорим, так как я еще не покидаю вас.

Глава третья

На следующий день, по окончании работы, все втроем расположились на террасе и Эбрамар сказал:

— Теперь, дети мои, предлагайте мне вопросы, которые хотели задать вчера. — Ах! В этом новом мире, который мы увидали, так много интересного, что не знаешь, с чего начать, — ответил Супрамати. — Но как я благодарен тебе, Эбрамар, за то, что ты показал мне астральные школы. Я никогда не мог объяснить словом «инстинкт» способности животных к работам, положительно артистическим или так практически полезным и целесообразным, что и сам человек не отказался бы от них.

— Несомненно. Какой же другой фактор, кроме *разума*, мог бы сделать все, что делает животное, — ответил Эбрамар.

— Это слово «инстинкт» человек выдумал по высокомерию, чтобы охранить собственное величие. Если бы люди, забыв свое глупое тщеславие, пожелали открыть глаза и увидеть очевидность, одни лишь работы животных послужили бы им доказательством их собственного происхождения с самых низов лестницы существ.

Среди животных человек нашел бы все то, что он горделиво считает признаком своего божественного происхождения. *Если бы он пожелал увидеть*, то осознал бы, что является лишь более усовершенствованным плагиатом. Среди этих меньших, презираемых братьев, есть хлебопашцы, химики, архитекторы, ткачи, рыболовы, пловцы, могильщики, математики, певцы, музыканты, воины и т.д.; все искусства и ремесла имеют своих представителей.

Также и относительно общественных организаций и форм правления: вы найдете у них монархии, республики, рабочие ассоциации, царей и цариц, гаремы и гинекеи. В меньшей степени у них заметны те же фазы развития, через которые проходят народы: касты, войны или военные экспедиции для захвата невольников. Словом, наше общество полностью отражается в мире животном.

— Ты забываешь ссоры, соперничество, вражду, — перебил его Супрамати. — Я видел вчера целые битвы среди этих микроскопических школьников, и задача их учителей должна быть не из легких.

— О, разумеется, их миссия одна из труднейших. Чем ниже порода, тем легче влиять на нее и внушать послушание; но по мере развития существа в нем расцветают непокорность, леность и ропот.

Эти крошечные существа — ленивые, капризные и эгоистичные — считают своего учителя угнетателем, понуждающим их к работе, которая им не нравится. Но самым трудным для дисциплинирования и руководства элементов являются духи животных,

которые при воплощении побывали в непосредственном соприкосновении с человеком и испытали на себе всю его жестокость. В загробный мир они вступают полные ненависти и жажды мести.

Велики преступления человека перед низшими и беззащитными существами, над которыми, он самовольно присвоил себе право распоряжаться жизнью и смертью; он убивает их, истребляет и мучает с беспримерной жестокостью.

Слепой и безжалостный, в надменности своей человек не осознает, что создает себе лютых врагов. Дух животного начинает смотреть на духа человека, как на своего самого жестокого врага, и по мере своих сил отплачивает ему злом за выстраданные мучения. Недаром говорят: «Животное чувствует, кто его любит»; но вообще оно избегает человека. Только уже очищенные и высокие души стараются снискать расположение низших существ, с любовью руководят ими, воздерживаются от дурного с ними обращения и создают себе друзей в их среде. Те, кто грубо обращаются с животными и мучают их, создают этим непокорное, враждующее, желчное население. По непреложному закону прогресса, эти миллиарды духов облекаются временно плотью; но когда они возвращаются в потусторонний мир, все их дурные страсти вспыхивают, и, повторяю вам, очень трудно руководить этими массами.

— Я понимаю ненависть животного к человеку; но по поводу чего дерутся они между собой в пространстве, как мы то видели вчера? — спросил Дахир.

— Много личных и общих причин заставляют их нападать друг на друга, — с улыбкой ответил Эбрамар.

— У этих низших народов существует расовая ненависть, точно так же, как у их братьев — людей. Кроме того, здесь действует еще один великий принцип. Две враждебные силы — добро и зло, — царящие во вселенной и оспаривающие ее друг у друга, дают себя знать с самого начала человечества. Потусторонний мир разбит на два лагеря: небесное светлое воинство и армия ада, которая рассчитывает взять приступом стены неба, скрывающие высочайшую тайну.

— Каждая из двух враждующих сторон старается навербовать себе союзников и создать орудия борьбы; по этой причине вы видите во всей одушевленной природе деятельных агентов *добра и зла*.

Уже среди минералов есть такие, которые содержат в себе смертельные яды; с другими как будто бы неразлучно связано несчастье. В растительном мире есть много адских растений, особо приспособленных к сатанинским действиям и мрачным обрядам черной магии. Такие растения всегда зловредны добродетельному человеку, полезному животному, питательному растению.

Между животными разделение на два лагеря оказывается еще заметнее. Существует великое множество вредных пород животных, о которых не без основания спрашиваешь себя, к чему они существуют? Хотя существа эти и низшие, но они одарены уже утонченной злобностью. Уничтожение — цель их жизни; вредить людям и животным противоположного лагеря — их главное занятие.

Из этих адских пород укажу, между прочим, на смертоносные растения, которые, обвиваясь вокруг дерева, душат его, или на нечистых насекомых, как клопы, блохи, вши, черви-точили, крысы, гиены и вообще животные, питающиеся падалью. Все они прячутся в щелях, расселинах, норах, ползают во тьме, избегая света и, если всмотреться внимательнее, то видно, что все высшей породы и полезные человеку животные избегают, боятся и ненавидят этих исчадий ада.

— Так значит, черноватые духи с демоническим взором — наставники зла? — спросил Дахир.

Именно. Сатанинский стан работает по мере сил над расширением своего поля действия и, подобно тому, как пионеры света внедряют в своих учеников добро, красоту и пользу, так деятели зла учат своих изощряться в искусстве наносить вред, разрушать, причинять страдания.

Я уже говорил, что своей неслыханной жестокостью к животным люди гонят в невидимый мир миллионы существ, снедаемых ненавистью, желчью, жаждой мести, которые легко становятся добычей злых духов. Позабыв уроки наставников света, существа эти втираются в мирную среду своих братьев, развращают их, внушают бунт и еще более затрудняют работу наставников. С течением времени эти низшие духи перерождаются в легионы демонов, в упорных противников всего чистого, полезного и светлого.

Человек – слеп и не понимает всего совершающегося вокруг него в том пространстве, которое кажется ему пустым и прозрачным; он и не подозревает, какой ад кипит и трещит около него.

С пошлой беспечностью невежества он глумливо смеется, когда прочтет в книге магии, что, тот или другой демон повелевает столькими-то легионами демонов; для «посвященного» это значит, что такой или иной злой дух властвует над легионами низших духов, духов животных, и направляет их действие сообразно своему желанию или под влиянием мстительного чувства.

Никто еще пока не объяснил научно причины внезапного появления миллионов мышей, неизвестно откуда взявшись и уничтожающих поля, или туч саранчи, пожирающей посевы. Какое неведомое дуновение направляет их и множество иных врагов, уничтожающих и сводящих на нет человеческий труд?

Человек кичится обрывками своего знания, хотя все-таки несомненно идет по пути прогресса и усидчивым трудом открывает не одну полезную истину. Тем не менее, ученый, действительно достойный этого имени, сознает, что он еще только невежда, а под скальпелем и в цифрах ищет «бесконечное», тогда как мнимые ученые с презрением заявляют, что в мире невидимом ничего нет. Между тем они ведь наблюдают лишь производные этого мира причин.

Кто, например, знает истинное происхождение повальных и неизлечимых болезней, эпидемий самоубийств, сумасшествия, убийств, которые, подобно урагану, охватывают внезапно человечество? Откуда берутся миллиарды микроорганизмов, которые заражают воздух, порождают неизвестные болезни, присасываются к человеческому организму и убивают его, пожирая ткани, или, наконец, ослепляют человека и заражают его душу?

И почему так часто бывает, что неизлечимые болезни эти, не поддающиеся врачебной науке, излечиваются чудесами, молитвой, святой водой? Разве не доказано неопровергимыми фактами, что эпидемии, засуха и другие катастрофы прекращались после религиозных процессий?

Именно в эпоху вырождения, когда падает вера, разлагается семья, а разврат и порок овладевают обществом, тогда-то с наибольшей силой и свирепствуют страшные эпидемии. Преграда, созданная вмешательством чистых и светлых флюидов, рушится, а всякого рода излишества и беспутства порождают смертоносные микробы повальных болезней, физических и духовных, проис текающих из преступных деяний.

И эти микроорганизмы тучами носятся в пространстве, отыскивая благоприятную среду для своего развития; потому что заразы не бывает там, где порок не находит для себя подходящего материала.

Порочный человек, как дымящаяся куча навоза, притягивает к себе вредоносные бациллы, которые проникают сначала в его *ауру*, затем просачиваются в поры организма и обрушаются на ту именно часть тела, которая является орудием господствующей страсти человека. Если человек жаден и прожорлив, развратен и чувственен, то и зараза поражает соответствующие органы. Если извращенный мозг развивает одни лишь преступные мысли, нечистые вожделения, циничные образы, то и разрушительная стая прицепляется к этому главному слуге разума, овладевает им, порабощает его, вырабатывает смертоносные флюиды зла, пока, наконец, жертва не валится в пропасть безумия, самоубийства или убийства. А когда телесное орудие разбито подобно сосуду, лопающемуся от слишком сильного давления пара, тогда стая невидимых врагов набрасывается на разлагающийся труп, пожирает его и в свою очередь умирает, чтобы возродиться в ином мире и двинуться дальше

в иерархии зла.

Ах, друзья мои! Если бы мы могли втолковать людям, как важно следить за своими мыслями, создавать при их помощи только добрые, прекрасные и чистые образы, чтобы из рассадника мышления исходили лишь потоки света, воздвигающие вокруг человека как бы священную ограду, которую не в состоянии преодолеть эти ужасные ублюдки пространства! Если бы они послушались нашего крика: храните чистоту сердца, и вы будете неуязвимы!

Христос обладал тем огнем и светом, которые исцеляли прокаженных, возвращали зрение слепым и изгоняли бесов. Ему-то была ведома тайна человеческих бедствий. Он знал, что молитвой можно ослабить и даже прекратить эти эпидемии.

Чем больше население планеты наводняется исчадиями ада, тем скорее ее постигает разрушение и наступает частичный или полный катаклизм. Равновесие нарушено, а излияния зла, становясь преобладающим элементом, отягчают атмосферу, мешаютциальному обмену кислорода и азота, вызывают атмосферные беспорядки. Непомерная эксплуатация, скажу прямо, грабеж всех земных богатств истощают землю; климат изменяется, холод, засуха или избыток влаги уничтожают плодородие почвы и вызывают голод. Питательные соки иссякают, прекращается правильный обмен необходимых веществ среди различных царств природы. Растительность становится жалкой и слабой; население дает людей хилых, нервных, болезненных, стареющих преждевременно, предрасположенных к порокам и болезням, которые человечество само породило.

В конце концов, планета умирает, и ад торжествует победу, радуясь, что уничтожен чудный цветок божественного творчества.

Поэтому, когда новая планета вступает в жизнь, законодатели, избранные духи, знающие основные законы творения, устанавливают строгие правила, ограждающие добродетель, учреждают культ Божества и священным ореолом окружают земледелие и вообще все, что растет и рождается на земле, дабы оградить его по мере возможности от влияния адова.

В человеке врождена потребность молиться, обожать Верховное Существо, неведомые и таинственные силы, управляющие его судьбою, для поклонения которым он посвящает особое место. Создание бессознательно чувствует, что молитва служит ему связью с Творцом, спасительной цепью, которая соединяет его с небом, ограждает от множества опасностей и привлекает к нему на помощь невидимых покровителей.

Тот же непреложный инстинкт внушал первоначально людям освящать поля, плоды, скот, жилища, дабы привлечь на них благотворные токи, светлые и чистые флюиды, отгоняющие бесов.

Какое величайшее заблуждение воображать, будто человек делает угодное Богу и его служителям, созиная в их честь храмы и молясь им! Ни верховное, неизреченное Существо, ни исполнители воли Его в этом не нуждаются.

Человек воздвигает храм исключительно для себя, чтобы иметь особое место, священную ограду, твердыню против вторжения духов зла.

Он ставит там престол, чтобы в одном месте сосредоточить божественный ток, привлеченный молитвой; священные песнопения, наполняющие церковь, порождают вибрации, которые поддерживают приток святого огня и собирают лучезарное, не загрязненное бесами вещество, откуда человек черпает силы душевые и телесные. Курения, всюду, во все времена и во всех культурах сопровождавшие божественную службу, распространяют ароматы, которые отгоняют и рассеивают нечистые выделения, приносимые с собою людьми в храм.

В древности все эти вопросы, тщательно изученные, применялись с полным знанием дела. Моисей, например, подробно перечисляет материалы, необходимые при построении святого места и для предметов богослужения: золото, серебро, слоновая кость, кедровое и сandalовое дерево; ладан для курений, оливковое масло, воск, вырабатываемый пчелами как чистыми насекомыми, сопровождающими работу пением молитв на своем языке.

Священнослужители, подчиненные относительно чистоты драконовским законам,

должны были носить льняные одежды; а алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и другие драгоценные камни, украшавшие нагрудник первосвященника, – все имели магическое, мистическое и символическое значение. Жемчуг, между прочим, на который большой спрос в обществе и который ценится высоко, не входил в число этих драгоценностей, несмотря на свою красоту; он считался нечистым, не приносящим счастья.

Со всех точек зрения, человек сам нуждается в Боге, великих покровителях планеты и в тех, кого вы называете святыми; это необходимый атрибут всех истинных религий, как наследие великих посвященных и посланников Божиих. Все такие верования признавали невидимых покровителей, и новорожденного ребенка посвящали или божеству, или святому. Верование это, в настоящее время поруганное и считаемое предрассудком, имеет, как видите, свои глубокие и справедливые основания; источник его теряется во мраке глубочайшей древности и составляет одну из великих тайн культа. Имя связывает человека с высшим духом или целой группой духов, которыми тот руководит и которым покровительствует; народ называет его ангелом-хранителем, ангелом имени человека.

Так же и изображения святых, статуи, моши, даже идолы являются (для прозорливого) очагами света; ибо *всякая молитва, всякая* благочестивая мысль, *всякий* горячий призыв дает луч светозарной материи, которая пристает к этому символическому изображению, проникает насквозь и в некотором роде оживляет его. Места, посвященные культу, – церкви и храмы, – как постоянно наполненные изображениями божества, благотворными ароматами, гармоническими вибрациями, освещенные неугасаемыми лампадами, в буквальном смысле являются убежищем для человека. Там, перед каждым из очагов лучезарного света, в единении с неведомыми, могучими силами, находится хранилище нравственной и физической помощи, готовой к услугам каждого, способного принять ее.

И чем больше в церкви таких очагов света, тем они могущественнее, выделяемый ими свет чище, молитва человека действительнее, тем скорее она облегчает и очищает его. Отсюда из этого основания проистекает уверенность в помощи чудодейственных икон и статуй, как, например, Лурдской Богоматери, святое место, колодезь и источник которой обладают неизвестными и неуловимыми целебными свойствами, излечивают болезни, признаваемые «наукой» неизлечимыми, и восстанавливают жизненные вещества в организме.

Эбрамар ожился во время разговора.

Горячая, восторженная вера звучала в голосе мага, а в ночной тьме его белоснежная одежда казалась осыпанной бриллиантовой росой. Вокруг его красивой головы образовался широкий светлый диск, три ослепительно ярких луча исходили из его чела в виде звезды, и все его тело как бы источало фосфорический свет.

Он весь был точно из огня и света; даже сам голос его звучал удивительно сладко и воодушевлено, а в луцистых глазах отражались словно чудеса иного мира, созерцать которые ему было дано.

Дрожь благоговейного страха охватила Даира и Супрамати. Почти бессознательно опустились они на колени и преклонились перед дивным, руководившим ими наставником, который постепенно открывал им чудные, божественные тайны творения.

Эбрамар вздрогнул и выпрямился.

– Что вы делаете, друзья? Какое незаслуженное поклонение оказываете вы мне, – строго сказал он, поспешно поднимая их.

– Как я еще ничтожен в сравнении с великими светочами небесного пространства! Но чтобы иллюстрировать рассказанное мною, я покажу вам некоторые места, посвященные молитве. Сначала мы побываем здесь, в Индии, в древней пагоде; а потом отправимся в далекую северную страну. Там вера сохранилась еще сильнее, чем где-либо, но зато рассвирепело воинство бесовское и ринулось на приступ, удушая совесть и щедрой рукой сея зло, преступления и разврат.

– Мы отправимся путешествовать, учитель? – удивился Супрамати.

– Астрально, сын мой. Что за жалкие маги были бы мы, если для перемещения нам

потребовалось бы много времени и экипаж, – возразил, улыбаясь, Эбрамар.

– А теперь, дети мои, вернемся к нашему путешествию. Примите ванну, наденьте одежду, что была на вас в прошедшую ночь, и возвращайтесь ко мне.

Когда молодые люди вернулись, он приказал им сесть, сделал над ними пассы, потом прикоснулся к их глазам и дунул на них со словами:

– Отверзаю ваши телесные очи на красоты небесные. Теперь в дорогу!

Легко, словно хлопья снега, поднялись они в пространство и скоро опустились перед входом в древнюю пагоду.

Была еще ночь. Справлялся какой-то праздник, и множество богомольцев входило в храм, над которым парил широкий диск золотистого света.

– Не бойся, в настоящую минуту мы невидимы для глаз простых смертных, – сказал Эбрамар, отвечая на мысль Супрамати.

Смешавшись с толпой, они вошли под своды храма.

В самой глубине, где стояла статуя Брамы, пыпал костер, ослепительно светлый и распространявший жар. С треском вылетали оттуда разноцветные огни и по временам озаряли чуть заметный облик человека.

Порывы чудного и опьяняющего аромата вырывались из середины костра и обевали тех, кто с полной верой подходил и преклонял колена. И по мере того как молитва, в виде луча, более или менее светлого, возносилась из сердца верующего, тело его покрывал дождь искр; точно серебристый, ароматный дым окруживал его, вызывая обильный пот, а черные, окружавшие его тени, бледнели, дыхание становилось свободнее, и весь его облик очищался и хорошел.

Многие, особенно горячо молившиеся, подолгу оставались на коленях, упиваясь проникавшим в них небесным током, который их успокаивал и ободрял, восстанавливая душевые и телесные силы.

– Идемте. Теперь мы посетим другой очаг света, – сказал Эбрамар, делая ученикам знак следовать за ним.

Они снова поднялись в пространство и, будто подхваченные вихрем, полетели с быстрой мысли.

Вскоре им представилась гористая местность. Станный фосфорический полусвет, точно лазурный купол, разлился над долиной.

– Мы в Лурде, где творится столько чудес, – сказал Эбрамар. Спустившись на землю, они присоединились к процессии, которая с пением молитв направлялась к чудотворному гроту.

Дойдя до источника, толпа опустилась на колени и горячие молитвы их сердец светлыми волнами поднялись к небу.

Картина была волшебная. Золотистые и серебристые лучи шли во всех направлениях; от источника исходил фосфорический пар, и статую Девы окружали, казалось, споны пламени, распространяющие жар. В воздухе звучала странная гармония, то нежная и тихая, то могучая, как ураган, всегда без единой несогласной нотки.

Вдруг из пространства стали падать огненные капли, потом с треском развернулась широкая, пламенная и золотистая лента, упавшая на лежавшую на носилках женщину, очевидно, параличную. Огненные зигзаги забегали по всему телу больной, потом оно как будто вспыхнуло, из организма поднялись клубы черного дыма, рассыпаясь в воздухе точно зерна бисера, и женщина с криком выпрямилась.

Минуту спустя она уже стояла на ногах, сияющая от счастья; затем упала на колени, восторженно крикнув:

– Я исцелилась!

– Вы видели только что оккультную сторону этого исцеления: существо святого огня, вызванного силой напряженной молитвы, – произнес Эбрамар.

– А теперь в путь, друзья мои. Я хочу показать вам еще два места благости небесной, оба в высокой степени интересных.

Он достал из-за пояса палочку, повертел ею в воздухе, и из нее посыпались снопами искры. Вдруг поднялся сильный ветер и теплое, огненно-красное течение подхватило всех троих и понесло с такой головокружительной быстротой, что Супрамати показалось, что он вот-вот задохнется.

Сколько времени летели они с такой бешеной быстротой, он не мог бы сказать. Но когда полет стал замедляться, Супрамати увидел под собою широко раскинувшийся город. Улицы и крыши были покрыты снегом; множество церквей поднимали к небу золоченые маковки, увенчанные крестами, и широкие полосы света отличали эти священные убежища человечества от окружающих зданий.

Воздушные путешественники опустились на землю около небольшой часовни, наполненной богомольцами и окутанной столь ярким светом, что она казалась объятым пламенем.

В высоких серебряных подсвечниках горело бесчисленное множество восковых свечей. Некоторые из них окружала широкая золотистая полоса, и свеча горела ярко, а пламя вытягивалось и точно сливалось с источником огня и света, пылавшим в глубине часовни; иные свечи горели тускло, дымились, трещали, и воск оплывал.

Посреди очага света виднелась большая икона под золотой, укращенной драгоценными камнями ризой, и сквозь древнюю живопись выступал лик небесной красоты, дышавший божественным милосердием и сосредоточенной грустью. Глаза, удивительно живые, вдумчиво смотрели на коленопреклоненную толпу с неописуемым выражением любви и сожаления. И на каждого подходящего к иконе ясный взгляд бросал огненный луч, который пронизывал, согревал, укреплял молящегося, вступавшего в эту обитель света, тепла и гармонии.

— Вы видите здесь одно из отражений Пресвятой Девы! — сказал Эбрамар, падая ниц перед образом.

Оба ученика последовали его примеру, и из душ их вознеслась горячая мольба к Утешительнице всех страждущих, плачущих, борющихся с юдолью земною изывающих к Ее милосердию.

Когда они поднялись, новая толпа мужчин, женщин и детей, богатых и бедных, без различия положения, хлынула в часовню; скоро явился священник, и начался общий молебен.

По мере того как молитва, сообразно чистоте молящегося, возносилась более или менее блестящими золотистыми спиралями, возникало удивительное зрелище.

В центре света, окружавшего образ, с треском кипела как будто раскаленная лава, из которой вырывались широкие волны разноцветного огни, падавшего на благоговейно склоненные головы, оставляя на них фосфорические светлые пятна.

Вся часовня точно дрожала под могучими вибрациями удивительной гармонии, которая не являла какую-нибудь определенную мелодию, а была каким-то собранием разнообразных аккордов, сливавшихся в бурю созвучий: то были вибрации общей молитвы.

— Вы видите, друзья мои, великую тайну божественной силы, вызванной и привлеченной человеческой молитвой. Она излечивает, укрепляет, обновляет, дает забвение страстей и горестей земных. Смотрите, одни плачут, другие вдруг охвачены испариной; это теплое, чистое излучение добра гонит из организма вредные миазмы, — заметил Эбрамар, когда они выходили из часовни.

У входа Эбрамар вдруг остановился и указал рукою на человека еще молодого, но истощенного. Он шел с поникшей головой, глядя в землю. На мертвенно-бледном лице его застыло выражение отчаянной злобы.

— Посмотрите на этого человека. Он собирается покончить с собой, в кармане у него яд; у него нет более ни сил, ни желания влечь свое существование, борясь с житейскими невзгодами, противиться мучающей его бесовской своре. Посмотрите: черные тени кружатся вокруг него, внушают ему ропот, разжигают горечь и отвращение к жизни. Но недаром, несчастный, твой дух-покровитель привел тебя к этому источнику спасения.

Маг поднял руку, и из нее блеснул яркий, светлый луч. Неизвестный, точно получив удар, остановился; адская же стая начала отступать, свистя и корчась.

Золотой луч змеей обвился вокруг незнакомца, увлекая его к часовне, куда он вошел почти бессознательно, и точно задыхаясь от чистых, острых и пронизывающих токов, тяжело упал на колени.

Несколько минут стоял он без мысли, в изнеможении, точно застыл. Но очи Божественной Матери уже взирали на горемыку с несказанным сожалением; хлынули потоки света и тепла, змейки огня забегали по нему, пронизывая его, а затем из его тела повалил густой черный дым и брызнули дождем разноцветные шарики, с треском лопавшиеся, распространяя зловоние, которое тотчас же заглушалось чистой атмосферой часовни.

И по мере того как очищался его организм, сходила мертвящая апатия, а мутный и усталый взор несчастного обратился к лицу Девы. Медленно, с усилием пробормотал он молитву, почти машинально поднял руку и три раза перекрестился. Тотчас же перед ним и по бокам появились три светящиеся креста и белая, блестящая дымка окутала его.

При виде этого толпившиеся у входа бесы заволновались, шумя, свистя и испуская зловонные флюиды. Они понимали, что жертва вырвалась от них, и когда несчастный вышел из часовни, как бешеные накинулись на него, но уже были бессильны, натолкнувшись на кресты, освещавшие путь грешнику и ограждавшие его совместно с явившимся за ним чистым духом. Черная бесовская туча отступила, а немного спустя незнакомец вынул из кармана флакон с ядом и разбил его о мостовую. Над его челом витал мерцающий огонек.

— Этот не погибнет. Он снова обрел веру, а такая броня делает человека неуязвимым, — сказал Эбрамар.

И трое невидимых путешественников поднялись в пространство.

Блаженная улыбка озаряла лицо мага: он спас человеческую душу.

— Куда отправляемся мы теперь, учитель? — спросил Супрамати.

— К одному из величайших и дивных покровителей этой злополучной страны, против которой ад ведет в настоящее время жесточайший приступ.

На этот раз достаточно было нескольких минут, чтобы привести их к цели.

Показалась зубчатая стена и золотые купола древнего монастыря.

Невидимые путешественники вошли в обширный храм с массивными стенами. Налево от царских врат на возвышении стояла гробница святого и несколько монахов стояли у изголовья.

Но там почивал вовсе не усопший, мощам которого поклонялись. Над ракой возвышалась высокая, величавая фигура старца. Громадное сияние окружало главу его, и из всего его существа исходили снопы света, а за плечами два широких луча ослепительной белизны и яркости, сверкавшие, как снег на солнце, поднимались точно громадные крылья и исчезали вверху.

Воздевая руки над теми, кто подходил к нему, дух обливал их серебристым светом.

Эбрамар также с благоговением преклонил колена и получил в ответ поток золотистых брызг, которые мгновенно были поглощены чистым и светлым телом мага.

— Тяжела и трудна миссия этого великого духа, — заметил Эбрамар.

Благодаря своей чистоте, мудрости и силе, он мог бы подняться в лучезарные сферы; а он добровольно остается прикованным к земле, в этой слизистой, наполненной миазмами атмосфере и ежеминутно должен прикасаться ко всем человеческим язвам.

Но великая любовь к народу, среди коего он жил, внушает ему столь глубокое сострадание, такой неистощимый запас милосердия, что бремя его не кажется ему тяжким. Взгляни: без перерыва и устали изливает он на всех приходящих к нему живительное и врачующее веяние. Сила его неимоверна, все вокруг озарено светом; даже масло, горящее в лампадках у раки, насыщено светом и целебными ароматами.

Какие же мы, право, счастливые бездельники в сравнении с ним! Мы бежим от тьмы, от прикосновения ко всему нечистому. Мы изучаем и мирно смакуем в тиши своих дворцов

чудеса науки, тогда как он, который мог бы наслаждаться всем великолепием высших сфер, гармонией и покоем, полным блаженством праведника, остается здесь. Ничто не может поколебать его бесконечного милосердия; он исцеляет и укрепляет; ухо его, равно как и сердце, всегда открыты всем, кто несет ему свои грехи, сомнения, горе и надежды. Он плачет и молится с ними, поддерживает их, внушает силу жить, чтобы честно довести до конца их земное испытание. Как мелки мы перед этими великими духами, которые жертвуют собою для человечества, защищая его против лукавства и злобы бесов, производящих даже на них яростные нападения.

Если бы люди знали только всю широту помощи, которую могут оказать им эти друзья и покровители свыше, именуемые святыми, если бы видели силу, заключающуюся в молитве, то не было бы столько несчастно погибающих.

— Учитель, а разве раскаяние и молитва после смерти не могут спасти душу? — спросил Дахир.

— Конечно, могут. Молитвой и раскаянием спасено неисчислимое количество душ. Только надо много силы упавшему в яму, чтобы выбраться из нее; а не все сильны. На эти-то колеблющиеся, греховные и часто впадающие в отчаяние души и набрасываются с ожесточением злые духи, привлекают их к себе и искушаютupoением, роскошью жизни, безнаказанностью преступления и наслаждением всем тем, что составляет прелесть для развращенной души. Часто, очень часто души эти становятся адептами ада и на долгие века сходят со светлого пути прогресса. Это служит объяснением одного места в Евангелии, которое профану кажется несправедливым: «...так на небесах более радости будет об одном греинике кающемся, нежели о девяности девятери праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

— Во время последнего моего пребывания среди людей я заметил, что религиозный дух угасал все более и более; что же будет, если столь необходимое чувство веры совершенно исчезнет в человечестве? — задал вопрос Супрамати.

— Разумеется, первым следствием подобного положения вещей для человечества явится громадное умножение преступности; а по мере того как люди будут двигаться дальше по пути порока, преступлений и других мерзостей, род человеческий будет дурнеть, вырождаться и быстро уменьшаться. Взамен того в

ужасающих размерах возрастет та язва невидимого мира, которая и теперь уже первый атмосферный слой, окружающий землю, обращает в настоящее чистилище, если не в ад для всякого духа, покинувшего тело. Я говорю о полчищах выкидышей, о тех несчастных духах, которые пригвождены к земной атмосфере.

Втолкнутые в плоть космическим законом воплощения, и затем будучи насильно вырваны из этой среды во время формирования земного тела, они оказываются в пространстве с астралом, покрытым точно толстой корою жизненными флюидами, собранными на значительное число лет. Тогда происходит странное и тягостное для духа явление: астральное тело питается этими жизненными запасами, оставшимися без употребления, растет, развивается неестественным образом и получается какая-то амфибия, — получеловек, полудух, пригвожденный однако к земле и испытывающий потребности земные.

Существа эти чаще всего становятся бесами, которые подстерегают людей и животных, чтобы высасывать из них жизненную силу. Иногда они внедряются в тело живого человека, чтобы насладиться с ним плотскими удовольствиями. Будучи духами одержимыми, по преимуществу, они толкают человека на преступление или подводят под несчастье, катастрофу и т.д., чтобы насытиться пролитой кровью, запах коей опьяняет их и доставляет невыразимое наслаждение. Народ, по своему безошибочному чутью, зовет их кикиморами; но люди и не подозревают даже страшного могущества этих ларвических, вампирических существ.

Ну, а теперь, дети мои, в дорогу. Пора вернуться домой, прибавил Эбрамар.

И легко, свободно, точно клубы пара,несомые ветром, все трое направились к их

уединенному дворцу в Гималаях.

Глава четвертая

Эбрамар уехал, а ученики его с новым жаром принялись за работу.

Главным образом они занимались развитием зрения, обоняния, слуха, осязания и с восторгом убеждались, как постепенно развивались незнакомые им до тех пор чувства.

Сокровенная жизнь существ и вещей раскрывалась перед их прозревшими глазами. Теперь они свободно видели в пространстве, как корпорации духов-работников вдыхали – в виде питания – растительные излияния, они уже могли следить за увяданием и смертью растений; глаз их усматривал черноватое пятно, поглощавшее последнюю каплю первобытной материи, которая выделялась из растительного организма.

С не меньшим интересом наблюдали они все фазы разволошения животного, этого меньшого брата человека, язык которого они научились понимать. Наконец, изучение бесчисленных свойств жизненного эликсира и разнообразные методы его применения представляли бесконечное поле для труда.

Эта умственная работа захватывающего интереса до того поглощала их, что личной жизни у них почти не существовало.

Как-то раз, когда они отдыхали на террасе после особенно утомительной работы, Дахир неожиданно спросил:

– Как ты думаешь? Сколько времени могло пройти с тех пор, как мы здесь? Должно быть, порядочное количество лет.

– О, конечно! Но к чему считать время! Ведь только заурядное человечество считает жалкие годы его мимолетной жизни, из которой к тому же половину оно проводит во сне, в еде и грехах. Нас время не касается, – ответил Супрамати.

– При последнем посещении Эбрамар сказал, что наши познания достаточно подвинулись для того, чтобы мы могли испытать их на практике, – заметил Дахир, помолчав.

– Но, признаюсь, я страшусь этой минуты. Что он от нас потребует? Какому испытанию подвергнет? Может статься, чувства и страсти, которые мы считаем побежденными, вновь пробудятся и будут терзать нас.

Супрамати вздохнул.

– Ты прав. Вероятно, предстоит еще не одна нравственная борьба. В каждом из нас земной человек глубоко укоренился.

Но к чему заранее мучить себя? Страшная тайна нашей удивительной судьбы повелевает нам идти вперед, и потому пойдем.

Он протянул руку своему товарищу по несчастью и работе, и тот молча пожал ее.

Дня через два после этого разговора, оканчивая свой скромный обед, они увидели приближавшуюся лодку.

В первую минуту они подумали, что это Эбрамар, но вскоре увидали в лодке двух учеников.

Причалив, те вышли на террасу и пожали руки обоим отшельникам, приветливо их встретившим.

Это были красивые молодые люди, но в глазах их таилось выражение глубокой задумчивости, изобличавшей бремя веков.

– Мы пришли за вами, братья, – сказал один из прибывших. – Надевайте скорее вашу лучшую одежду, и через час мы должны уехать.

– И куда мы отправимся? – спросил Супрамати.

– На собрание братьев, – ответил посланный. Час спустя Дахир и его друг входили в лодку.

Они были в белом официальном одеянии, на шее висели медальоны с первобытным веществом, на пальце надето было кольцо Грааля. По той же дороге, по которой когда-то пришли, они достигли пещеры источника вечной жизни.

На этот раз там собралась многочисленная толпа, сгруппировавшаяся полукругом около камня, где стояла чаша. С одной стороны стояли мужчины, с другой – женщины под покрывалами. Посредине, перед чашей, стоял Эбрамар, который жестом подозвал к себе Дахира и Супрамати и поставил около себя.

Тотчас же все присутствующие хором запели песнь, и странная, впервые услышанная мелодия произвела на обоих друзей глубокое впечатление.

Когда последние могучие аккорды стихли, заговорил Эбрамар и прочел молитву, испрашивая у Верховного Существа силу, мужество, терпение и покровительство для всех собравшихся, дабы они могли пройти тернистый путь их странной судьбы, предписанной им Отцом небесным.

После этого все опустились на колени, произнесли краткое благодарение, поклонились источнику жизни и затем прошли в большую смежную пещеру, в глубине коей был накрыт большой стол, окруженный стульями.

Прежде чем сесть за обед, все перемешались, с радостью отыскивая старых, давно невиданных знакомых. Супрамати узнал многих рыцарей Граала, как вдруг сердце его сильно забилось. Одна из женщин откинула вуаль и пошла к нему, счастливая и улыбающаяся. То была Нара.

Дрожа от волнения, Супрамати прижал ее к груди и крепко поцеловал.

Молодая женщина казалась еще прекраснее. В своей белой, легкой и фосфорически блестевшей тунике, окутанная, словно мантией, золотистыми волосами, она напоминала ангельское видение; глаза ее выражали такую горячую, глубокую и чистую любовь, что неописуемое блаженство охватило сердце Супрамати.

– Какое неожиданное счастье увидеть тебя снова, возлюбленная Нара, – шептал он. – Счастье это вознаграждает меня за все мои труды и долгую разлуку.

– Неблагодарный, – ответила Нара, улыбаясь, – Разве ты не слышал часто мой голос, не чувствовал дыхания моего на своем лице, не обменивались мы разве мыслями? Души наши никогда не разлучались. Но признаюсь, что для меня большая радость видеть тебя самолично. Погоди, после обеда мы наговоримся, а теперь ты должен еще обнять Нуравади и своего сына. Смотри, они идут к нам.

Взволнованный Супрамати направился навстречу прекрасной индуске, которая подходила в сопровождении юноши лет 17 или 18; большие черные глаза его смотрели на отца радостно и любовно.

Супрамати поцеловал Нуравади, потом привлек к себе сына.

– Сандира, дорогое мое дитя. Я с радостью замечаю, что последствия моего преступного невежества все более и более сглаживаются. Ты стал почти молодым человеком, – произнес Супрамати, волнуясь и радуясь.

– Да, я все быстрее и быстрее расту и лет через десять у меня начнут пробиваться усы, – ответил весело Сандира.

– Не упрекай себя, дорогой отец, – прибавил он, целуя руку Супрамати. – Ведь из любви ко мне, страшась потерять меня, ты дал мне выпить жизненный эликсир. Ты не предвидел, что доза

была слишком велика для грудного ребенка; но это простительно, и избави меня Бог упрекать тебя за то. Кроме того, твоя неосторожность дала мне неоценимое благо: покровительство и любовь Эбрамара. Он руководит мною, учит меня, лечит и наблюдает за мною, как за собственным сыном, а ты сам понимаешь, какое счастье быть под попечением этого высокого духа.

Разговор их прервало приглашение к обеду. С понятным любопытством Супрамати осматривал и общество, и накрытый стол, который был сервирован со всевозможной роскошью, по-видимому, любимой таинственным братством.

Посуда, сосуды и корзины – все было из драгоценного металла, резное, инкрустированное, отделанное эмалью; но все эти образцы искусства носили особый отпечаток, были неизвестного стиля, по-видимому, баснословной древности.

Что касается гостей, то они, вероятно, принадлежали ко всем слоям тайного общества, и на этой братской трапезе не соблюдалось иерархического различия.

Простые рыцари Граала сидели рядом с магами высших степеней, от которых лился сильный, трудно выносимый свет. Не без удивления убедился он, что головы adeptov, не исключая и Дахира, окруживало более или менее блестящее сияние. Свою голову он не видел, но предполагал, что и его очистившийся и развившийся разум источает подобный же свет, и это сознание глубоко радовало его.

Самый обед, несмотря на роскошную сервировку, был очень скромный.

Он состоял из риса и зелени, маленьких, чрезвычайно легких хлебцев, залитых медом, и чего-то вроде очень душистого сероватого желе, какого Супрамати никогда не пробовал. Это странное кушанье подали в крошечных золотых вазочках, по одному шарику с орех величиной в каждой. Съев его, Супрамати ощутил живительную теплоту; все существо его как бы расширилось, исполнилось неведомой силой, удивительным напряжением воли и жаждой деятельности.

После обеда все хором пропели молитву, потом присутствующие группами рассеялись по соседним гротам. В одном поместился Супрамати с Нарой, Нуравди с Сандирой.

Теперь только Супрамати разглядел внимательно молодую индуску.

Она похорошела, и ее большие черные глаза, с добрым и мягким выражением, озарились огнем высшего разума.

– Не испытываешь ли ты разочарования в твоей новой жизни, не жалеешь ли о прошлом, Нуравди? – спросил он дружески.

Молодая женщина покраснела.

– Нет, я счастлива. Я работаю, начинаю понимать красоты творения и, живя наукой, не испытываю более пожиравшей меня скуки. Сандира часто навещает меня и для меня это дни радости; а о тебе, которому обязана всем своим счастьем, я думаю непрестанно. Но теперь любовь моя к тебе иная. Ревнивая страсть, земные желания меня более не мучают, мир и гармония наполняют мое сердце, а я обожаю тебя, как доброго гения и покровителя, – заключила она, прижимая к губам руку Супрамати.

Сандира также описал подробно свою жизнь, и завязалась оживленная беседа, в которой Нара поделилась с мужем своими замечаниями.

– Слышишь, колокол звонит, – заметила Нара. – Это знак, что свидание наше должно закончиться. Надолго должны мы расстаться телесно. Сложная задача будет возложена на тебя и Дахира, как сообщил мне Эбрамар. Но, когда испытание это кончится, нас отправят, вероятно, прогуляться по белу свету, и тогда, господин маг, мы станем вновь простыми смертными, будем развлекаться и бывать в обществе. Только я не позволю тебе разыскивать m-II Пьеретту, – прибавила она лукаво и потянула его за ухо.

Супрамати от души рассмеялся. Мысль снова увидеть Пьеретту показалась ему необыкновенно комичной.

– Злопамятство женщины, оказывается, тоже бессмертно, – хитро улыбаясь, возразил он.

Однако шутка пришлась очень кстати, чтобы прервать и рассеять тяжелое волнение, охватившее Супрамати при мысли о продолжительной разлуке с Нарой, он с грустью осознал, как много еще было земного в его чувствах к жене.

В эту минуту у входа в грот появился Эбрамар и жестом позвал своего ученика.

Супрамати торопливо поцеловал Нуравди с сыном, прижал к груди Нару и, простившись с ними, пошел за магом.

В смежном гроте они нашли ожидавшего их Дахира. Целым лабиринтом подземных ходов дошли они до канала, где их ожидала лодка с гребцом, и Эбрамар сел у руля.

По мере того как они скользили под низким и мрачным сводом каменной галереи, озаренной невесть откуда исходившим бледно-зеленоватым светом, томительное ощущение тоски и усталости охватило обоих учеников-магов; потом незаметно веки их сомкнулись, и они крепко уснули. Неизвестно, сколько времени длился их сон, но разбудил их порыв

холодного ветра, от которого они вздрогнули. Они выпрямились и с удивлением осмотрелись.

Во все стороны расстипалось водное пространство; трудно было сказать, море это было или огромное озеро.

Воздух был значительно холоднее того, к которому они привыкли; по туманному небу бежали густые тучи, зеленоватая вода была непрозрачна и косматые пенистые волны сильно качали легкую лодку.

В эту минуту на горизонте показалась полоса земли, к которой они быстро подошли. Перед ними был пустынный каменистый берег, а вдали виднелись голые остроконечные скалы.

Дахир с приятелем обменялись тревожными взглядами и сердца их забились сильнее, когда лодка причалила к каменным ступеням и они смогли ближе взглянуть на расстилавшуюся перед ними тоскливую картину.

Почва была бесплодна и усеяна камнями, вдали тянулась цепь скал, и на всем видимом пространстве не имелось ни дерева, ни зелени. Перед ними была настоящая пустыня.

Эбрамар вышел на землю и сделал знак ученикам следовать за ним.

Привыкнув к послушанию, те тоже вышли; но по мере того как они подвигались, ими овладевала мучительная тоска.

Нигде не замечалось ни малейшего следа растительности; даже клочка мха не было, чтобы хоть сколько-нибудь оживить пыльную сероватую почву или черные расщелистые скалы; ни малейшей струйки воды не журчало между камнями. Несомненно, это была пустыня. А Эбрамар между тем все шел вперед. Дойдя до

ближайших скал, он остановился на минуту и потом через широкую расщелину вошел в высокую и просторную пещеру, слабо освещенную укрепленным в стене факелом.

Красноватое дымное пламя отражалось на темных сталактиках свода и позволяло видеть в полутьме две постели, каменный стол и два стула.

Недоумевая, осматривали Супрамати и Даир предназначенную им как будто для жилья мрачную, пустую, с двумя жалкими ложами пещеру. Сердце сжалось и голова кружилась у них при мысли жить в пустыне, в этой ужасной яме после того, как они привыкли к роскоши и комфорту их гималайского дворца и богатой, чудной природе, представлявшей уголок рая.

Наблюдавший за ними Эбрамар чуть заметно усмехнулся.

— Я вижу, друзья мои, что вы потрясены, но это совершенно напрасно. Я привез вас сюда вовсе не в ссылку, в виде наказания, а для того чтобы предоставить вам поле деятельности, предназначенное для упражнения ваших способностей.

Наступило время применить к делу усвоенную вами науку. Вам нет никакой необходимости жить в таком неприятном месте, и от вас одних зависит обратить его в уголок рая. В этом отношении вы обладаете всеми нужными средствами. Ваша дисциплинированная воля повелевает стихиями, утонченные чувства позволяют вам видеть и слышать многое, невидимое простому смертному; вы научились анализировать первобытную материю, извлекать таящиеся в ней семена жизни; наконец, в вашем распоряжении формулы белой магии, которые позволяют вам собирать и рассеивать молекулы пространства.

Словом, вы вооружены могуществом, необходимым для того, чтобы оплодотворить это бесплодное место; примените же ваши знания к столь громадному труду. Из простых невежественных смертных энергий ваша сделала вас магами, так покажите себя достойными посвящения и выполните эту задачу. Она велика, благородна и полезна. Вам незачем спешить, времени у вас достаточно.

А теперь, дети мои, я вас покидаю и вернусь тогда, когда это дикое место покроется растительностью, деревья дадут сладостную тень для отдыха, сочные плоды созреют, чтобы подкрепить меня, а цветы усадят мой взор и мое обоняние.

Недалеко от этой пещеры, в углублении скалы, висит колокол; он отлит из смеси металлов в особые мистические часы и обладает таинственной силой. Когда начертанная

мною вам программа будет окончательно выполнена и душа ваша будет призывать меня, колокол сам собою начнет звонить; тогда эти таинственные звуки донесутся до нашего слуха, и я приду с другими магами, моими братьями, приветствовать вас и проверить вашу работу.

Прощайте, дети мои! Да поддержат вас и да помогут вам добрые духи.

Он обнял их, благословил и покинул пещеру. С минуту Супрамати и Дахир стояли молча, словно оцепеневшие; но когда усилием воли они стряхнули с себя забытье и бросились провожать Эбрамара, то мага уже не было.

Безмолвно, с тяжелой головой, со скатым тоскою сердцем вернулись они в пещеру, сели на каменные стулья и, опустив головы на руки, погрузились в печальные думы.

Никогда еще смелые работники не испытывали такой слабости. Данная им программа казалась непреодолимой трудностью, задача обратить пустыню в рай их подавляла. Словом, это был недобрый час, час слабости душевной, когда они усомнились в собственном знании, и страх неудачи сжал, словно тисками, их сердца.

Супрамати вдруг показалось, что он ровно ничего не знает, что все его знания улетучились, что он безоружен перед невозможной задачей, и сквозь его пальцы капнуло несколько горячих слезинок. Была минута, когда он пожалел даже о своей комнате в Лондоне и о невежестве бедного врача Ральфа Моргана.

В этот момент лба его коснулась атласная ручка и хорошо знакомый голос прошептал:

– Ах, Супрамати! Можно ли поддаваться подобной слабости! Оставаясь Морганом, ты никогда не знал бы Нары, а я льщу себе мыслью, что ты пожалел бы об этом.

Как ужаленный, вскочил Супрамати со своего места и густо покраснел.

В его больших глазах сверкнула обычная энергия.

Подойдя к Дахиру, все еще сидевшему с поникшей головой, он хлопнул его по плечу.

– Подними голову, друг. Нара только что пристыдила меня за слабость, и она права! Мы ведем себя, как два школьника, а не как adeptы, стремящиеся завоевать венец магов. Я краснею при одной мысли об Эбрамаре.

Дахир выпрямился и поспешно отер свои влажные глаза.

– Благодарю, что ты заставил меня опомниться, – твердо сказал он. – Хныканьем мы не улучшим своего положения, а если не хотим терпеть нужду, то должны работать.

К Супрамати уже вернулось хорошее расположение духа.

– Пойдем прежде всего прогуляемся по нашим новым владениям и осмотрим великодушно предоставленное нам поле деятельности. Воздух освежит нас, а то эта отвратительная яма с дымящимся, вонючим факелом раздражает нервы.

Смеясь, он взял под руку Дахира и вывел на воздух.

Неподалеку они увидели таинственный колокол, который должен был возвестить об их успехе. Он был сделан из металла, отливавшего всеми цветами радуги, и помещался высоко над отвесной скалой; но как и на чем он висел, трудно было понять.

– Ах, прелестный колокол, как я буду рад, когда ты зазвонишь, возвещая наш отъезд из этого чудесного места, – сказал Супрамати, вздохнув.

Прогулка их длилась несколько часов.

Они убедились, что находятся на острове не более двух километров в окружности, разделенном надвое цепью скал.

– Нет ни источника, ни малейшего следа растительности. Эта мертвая природа просто отвратительна, и надо как можно скорее приняться за дело. Эбрамар прав; под этой серой, пыльной корой течет первобытная кровь творения, и я слышу шум подземных источников, – заметил Дахир.

Усталые, возвратились они в пещеру и улеглись на постелях, неудобных и жестких. Но через несколько минут Супрамати вскочил.

– Меня бесит этот факел, он дымит и воняет пуще прежнего, и к тому же так темно, что ничего не видно. А я хочу есть. Не может быть, чтобы на первый раз, по крайней мере, нам не приготовили чего-нибудь. Было бы просто жестокостью заставить нас спать на этом одре

с пустым желудком.

Дахир рассмеялся.

— Правда, и я голоден, и меня раздражает эта полутьма. А что, если устроить освещение сгущенным электричеством?

— Эврика! Ты можешь иногда дать хороший совет, Дахир. Примемся сейчас же за дело.

Они стали на значительном расстоянии друг от друга и, подняв свои волшебные жезлы, стали с головокружительной быстротой вертеть их над головами.

Вскоре на конце жезлов появился голубоватый свет, огненные зигзаги замелькали в воздухе и словно поглощались голубоватым светом, который явно увеличивался, принимал шаровидную форму, сгущался и становился матовым. Когда сфера достигла величины апельсина, Супрамати снял ее с жезла, который засунул за пояс, помял слегка в руках это, сделанное как бы из голубоватого теста, приложил его к стене, а затем поднял руку, и из пальцев его сверкнула струя огня, которая точно зажгла сферу, и она мгновенно вспыхнула ослепительным светом.

Дахир проделал то же самое, и когда его шарик также вспыхнул, пещера озарилась точно днем, и стали видны самые отдаленные ее уголки.

Прежде всего Супрамати сорвал факел, затушил его и брезгливо выбросил вон.

Теперь видно было, что в глубине пещеры стояли два шкафа, два деревянных сундука, а на них два больших ящика черного дерева с богатой резьбой, заключавшие в себе магические инструменты. В сундуках находились платье и белье, а в шкафах несколько книг и папирусов, два больших сосуда с вином и две коробки с темным, очень душистым порошком.

— Вино и питательный порошок? — Этим желудка не расстроишь, — с кислой миной проговорил Супрамати.

В это время Дахир снимал молча бывшее на нем платье и надевал темную шерстяную тунику с кожаным поясом.

Супрамати последовал его примеру. Затем они выпили каждый по чаше вина и съели по ложке питательного порошка.

— На сегодня приходится довольствоваться этой монашеской трапезой, а завтра постараемся добыть что-нибудь получше, — проворчал Супрамати, вытягиваясь на постели.

Глава пятая

На следующий день друзья поднялись с рассветом, свежие, бодрые и в прекрасном расположении духа.

Во время скромного завтрака, состоявшего из чаши вина и ложки порошка, Супрамати заметил: — Остров разделен на две части цепью скал; возьмем каждый по половине: ты будешь обрабатывать одну, — я другую. Во время обеда будем сходиться здесь и обмениваться результатами наших опытов.

— Превосходно. Мысль твоя очень хороша. Итак, мы расстанемся. Которую половину берешь ты?

— Ту, которая окружает нашу пещеру, если тебе все равно.

— Положительно.

Продолжая разговаривать, они вышли на воздух.

— С чего ты думаешь начать? — спросил Дахир.

— Я хочу вызвать проливной дождь, чтобы увлажнить и очистить воздух, который тяжел и густ, точно перед грозой. Мы еще не видели здесь солнечного луча. А ты что будешь делать?

— Я пойду искать подземные источники и попробую вызвать их на поверхность земли. Оба опыта хороши и помогут нам оживить нашу пустыню.

Обменявшись дружеским рукопожатием, друзья расстались.

Дахир перебрался через скалу, составлявшую границу его владения, достал свой

магический жезл и, опустив его к земле, пошел вдоль скал к тому месту, где накануне ему слышался шум подземных вод.

Вдруг его жезл начал вздрагивать, уклоняться вперед, увлекая хозяина, пока наконец не остановился на расщелине одной скалы. Дахир прислушался, и до его тонкого слуха ясно донеслось клокотание невидимого водяного потока.

Очевидно, там протекал могучий источник, не находивший выхода.

Заткнув за пояс жезл, Дахир обнажил волшебный меч. Блестящим клином он очертил в воздухе огненный треугольник и затем несколько каббалистических знаков, произнося в то же время формулы, вызывающие духов стихии.

На острие меча сверкнуло голубоватое пламя, и тогда Дахир быстро вонзил таинственное оружие в расщелину.

В тот же момент раздался взрыв. Расщелина скалы раздвинулась, и из нее стали вылетать камни и земля; потом вырвалась широкая струя воды, которая хлынула с такой силой, что покрыла ноги молодого мага и, наверно, опрокинула бы его, не воткни он тотчас же перед собой свой меч. Пенистые волны разделились на два рукава и стали наполнять ров, который, извиваясь, спускался в долину.

Очень довольный, Дахир шел вдоль нового потока, а потом свернул вправо и осмотрел долину.

Вскоре он открыл обширное углубление, походившее на высохшее дно озера. Опыт с волшебным жезлом убедил его, что воды, исчезнувшие вследствие какой-нибудь катастрофы, заполняли собою подземные пещеры, и надлежало вызвать их на поверхность.

Не теряя времени, он вынул волшебный меч, очертил им в воздухе круг и произнес формулы. Жилы на его лбу надулись под напряжением воли, а глаза метали пламя.

Вдруг с острым свистом из атмосферы сверкнуло что-то вроде стрелы, красной, как раскаленный металл, которая вонзилась в середину начертанного Дахиром круга.

Земля задрожала и стала растрескиваться; потом со всех сторон хлынула вода, и мутные волны стали наполнять высохшее ложе.

Погруженный в работу, Дахир не заметил, что небо покрылось густыми сизыми тучами; бурный ветер поднял вихрь пыли, и лишь когда прокатился могучий удар грома, он поднял голову и увидел, что потемневшее небо бороздили сверкающие молнии.

– Ага! Супрамати занялся грозой, – прошептал он, улыбаясь.

И, не обращая больше внимания на работу приятеля, он стал снова наблюдать, как наполняется чаша озера, а ветер вздымает пенистые, косматые волны.

Гроза между тем перешла в ураган; громовые удары потрясали землю, молнии диким блеском зловеще озаряли бесплодную долину и причудливые зубчатые контуры мрачных скал. Ветер ревел, свистел, и хлынул проливной дождь.

– Это, пожалуй, уже слишком, – проворчал Дахир, встряхивая свое промокшее в одну минуту платье. – Надо пойти к Супрамати и поздравить его с великолепным ураганом, а затем позвать в пещеру.

И он поспешил направиться к холмистой преграде, разделявшей их владения.

Он увидел Супрамати стоявшим на выступе скалы с поднятым жезлом; взор его сверкал и он, казалось, повелевал бурей.

В несколько шагов Дахир был около него и со смехом тряхнул его за руку:

– Поздравляю! Гроза сделана мастерски. Но, мне кажется, она может сама разыграться дальше, а мы пойдем в пещеру. Ты устроил целый потоп.

– Может быть, я употребил слишком сильную формулу; это мой первый опыт. Взгляни, однако, как работают духи стихий.

Дахир поднял глаза к темному небу, и оба залюбовались происходившей там работой.

Фаланги сероватых теней плотными рядами пронизывали воздух во всех направлениях. Их путь обозначался миллиардами искр, которые сливались и огненными зигзагами прорезывали сизо-черное небо. Другие колонны духов толкали скоплявшиеся тучи, словно что-то лепили и сгущали в пространстве.

— Пусть себе работают. Все идет, как я им приказал, — сказал Супрамати. — Пойдем в пещеру. В самом деле, здесь слишком сырьо. Но, сказать правду, управлять стихиями тяжелое дело.

И от души смеясь, оба бегом направились к своему жилищу.

Переодев сухое платье и обтерев мокрые волосы, они стали у входа в пещеру, наблюдая, как понемногу стихала гроза, прекращался дождь и ветер разгонял тучи. Наконец, выглянул кусочек голубого неба, и вдруг блеснул широкий солнечный луч, обдавший землю теплом и светом.

В радостном восторге Супрамати поднял руки к небу.

— Привет тебе, царственное светило, помощник всех сил творческих, животворный очаг света, тепла и надежд. Как я понимаю, мудрейшие из народов, египтяне, поклонялись тебе на коленях! Где появляешься ты, сердце людское оживает, и надежда возрождается в душе; человек поднимает свою поникшую голову и оживленный, укрепленный тобою, бодро принимается снова за работу. Нам также, Дахир, небесный благодетель Ра-победитель, источник жизни и изобилия, — посыпает свои лучи и улыбкой приветствует наши труды.

Дахир сочувственным взглядом смотрел на оживленное и взволнованное лицо своего друга.

— Да, первый день нашей работы был плодотворен, — сказал он с улыбкой. — У меня есть озеро, источник, голубое небо и солнце. Будем надеяться, что с помощью Ра в будущем у нас будет трава и другие хорошие вещи.

— Ах, как бы я хотел иметь дыню, грушу или какой-нибудь сочный плод! Я так голоден, точно я все еще бедный смертный Ральф Морган! — воскликнул Супрамати, резко переходя к действительности.

— Потерпи немного. Как только у нас появятся растения, мы станем выращивать плоды ускоренным темпом; а пока довольствуйся питательным порошком.

— И не подумаю. Я сейчас же добуду весьма сытный обед, — сказал Супрамати, доставая свой жезл.

— Ты собираешься, кажется, извлечь себе обед из воздуха? — спросил Дахир, смеясь.

— Нет. Для такого храброго и знаменитого разбойника, каким ты был, ты не особенно находчив, друг Дахир.

— Конечно, я немного отвык от моего старого ремесла, тем не менее начинаю, кажется, понимать. Ты просто хочешь стащить обед, — шутливо возразил Дахир.

— Фи, какие грубые выражения для бессмертного мага! Я хочу просто, в виде опыта, приказать первичным духам принести нам из нашего гималайского дворца обед более существенный. Эбрамар сказал, что от нас одних зависит создать себе довольство, и не запретил пользоваться нашей магической силой и каббалистическими формулами. Ну, иди скорее ко мне.

Своим жезлом он очертил обоих большим кругом, поклонился на север и юг, восток и запад, произнося формулы, которые призывали к нему первичных духов, и повелел им исполнить его приказания.

Вскоре глухой шум раздался в пещере, послышались всюду сухие удары и стали появляться сероватые облачные тени, усыпанные фосфорическими пятнами; разноцветные огоньки вихрем закружились в бешеной пляске за пределами круга и послышался беспорядочный гам, крики и свист, словно ветер в грозу.

Супрамати поднял руку, произнес формулу, и наступила тишина. Затем через минуту стена как бы расступилась, сверкнул широкий луч, и в голубоватом фосфорическом свете показались скопища сероватых призрачных существ, тянувших и толкавших с головокружительной быстротой какой-то облачный предмет, бесцветный и легкий, как паутина, который дрожал и колебался, но имел вид уставленного яствами стола.

Вдруг огненный зигзаг прорезал воздух, земля вздрогнула, точно от громового удара, и тяжелый объемистый предмет с сухим треском вдвинулся в круг. А прозрачные массы низших существ исчезли уже в воздухе подобно легкому дыму.

Супрамати опустил руку, спрятал жезл за пояс и отер струившийся по лбу пот.

– Браво! Стол готов и может удовлетворить даже обжору! А ты славно истолковал слова Эбрамара, что от нас зависит жить в довольстве, – засмеялся Дахир.

– Посмотрим, что нам подали, – сказал Супрамати, очень довольный, осматривая стол, от которого доносился приятный аромат.

Посредине красовались превосходная дыня и пирог, облитый вареньем; вокруг стояло несколько блюд зелени, свежее масло, хлеб, сыр, мед и кувшин с молоком.

– Да ведь они, вероятно, стянули это лукулловское пиршество на кухне какого-нибудь раджи, – прибавил Супрамати, восхищаясь не столько самим обедом, как способом, каким добыл его.

Приятели поели с большим аппетитом и часть провизии оставили на ужин. Тут же было решено, что на будущее время они будут доставать обед по очереди.

В следующие дни они продолжали отыскивать и извлекать новые подземные ключи, воды которых потекли в овраги. Они увидели также, что во многих местах вода и проливной дождь смывали песок и обнажили почву, пригодную для обработки.

Пользуясь способностью двойного зрения, приобретенного продолжительной работой над обострением их чувств, они скоро нашли невидимые для непосвященного подземные артерии, красные и жгучие, пронизывавшие землю по всем направлениям.

То была первобытная материя, так сказать, кровь планеты, которая текла, ища себе выход из-под твердой и сухой коры.

Тогда они занялись добыванием известного количества первобытной материи, чтобы извлечь из нее семена флоры и фауны, зародыши жизни, заключавшиеся в таинственной эссенции и ожидавшие, чтобы влажные земные пары пропитали их и вызвали на поверхность.

Наука ускоряла длительную работу природы. Могучая воля adeptов быстро вызывала на поверхность таившееся в недрах земли богатство и затем жизненные начала, извлекавшиеся непосредственно из первобытной материи, распределялись по поверхности.

Супрамати сделал план своего владения и каждое место его обозначил именем растения, которое желал на нем вырастить, а затем он разбил землю по участкам и работал на них попеременно. Стоя посередине такого участка с вытянутыми руками, со вздутыми от страшного усилия воли жилами на лбу, он точно преображался. Из всего его существа исходили фосфорический свет и порывы тепла. Из пальцев его то шли длинные огненные струи, уходившие в землю, то лились лучи белого серебристого света, который стлался по поверхности и покрывал землю точно легкой дымкой.

Усилия его скоро увенчались успехом.

Однажды утром, отправляясь на поле, где он работал, Супрамати с радостным трепетом увидел, что земля будто подернулась зеленоватым газом, и даже камни стали чуть окутываться мхом.

Не будем день в день следить за жизнью обоих adeptов и не станем описывать подробно их работы. Достаточно сказать, что мало-помалу выполнялась составленная Эбрамаром программа, и каменистая, бесплодная пустыня превращалась в цветущую плодородную долину.

Немало радости доставило молодым магам появление живых гостей, когда в густых уже ветвях деревьев начали вить гнезда первые певчие птички, в расщелинах скал появились прилетевшие голуби, в озере засверкала серебристой чешуйей рыба, а среди цветов запорхали бабочки и пчелы.

Неутомимо работали они, чтобы украсить и обогатить тот уголок рая, который обязан был им своим существованием. С ревнивой заботливостью они то умеряли силу грозы, то разгоняли тучи, грозившие градом, или ослабляли разрушительную силу бурного ветра. И каждый раз, когда стихии покорно повиновались их воле, природа действовала согласно их намерениям, а невидимые духи им покорялись, невыразимое чувство гордости и сознания своей власти просыпалось в душе молодых магов при мысли, что они владеют таинственной

наукой, облекавшей их чудодейственным, чуть не божественным могуществом. И в такие минуты их почти безгранична жизнь не казалась им бременем, а наоборот, неоценимым благом.

По мере того как шла естественная работа природы, Супрамати и Дахир не имели более свободного времени; но, привыкнув к беспрерывной деятельности, они захотели испытать себя в искусстве.

На первый раз они слепили колонку, изображающую ветку лотоса, из распустившегося цветка которой возвышался бюст Эбрамара, удивительный по сходству и законченности исполнения. Затем с не меньшим совершенством Супрамати сделал статую Нары: обе статуи были помещены в пещере и украшены свежими цветами. Неоднократно, когда художники любовались своей работой, им казалось, будто мраморные головы ожидают и приветствуют их улыбкой и любящим взором. Они забавлялись также добыванием металлов и делали корзины, сосуды и чаши из золота и серебра.

— Чтобы угостить магов даже из посуды собственной работы, — говорил, смеясь, Супрамати.

Наконец все было готово.

Под влиянием их воли и магического искусства пустыня преобразилась в роскошный сад. На плодоносных полях волновалось золотистое море спелых колосьев, изумрудная трава убралась цветами, деревья гнулись под тяжестью разнообразных плодов, хрустальные водопады лились, журча среди мшистых камней, а на кустарниках и в цветниках, всюду, редкие цветы с яркими лепестками разливали чудный аромат. В воздухе раздавалось пение птиц, а на озере спокойно и величаво плавали белые и черные лебеди.

Однажды утром, осмотрев созданный ими уголок рая, друзья стояли перед таинственным колоколом и в задумчивости смотрели на него. Бесплодная прежде равнина, расстилавшаяся у подножия отвесной скалы, была покрыта теперь исполинскими пальмами; могучая листва образовала зеленый купол, который сверкал, как изумруд, под солнечными лучами.

— Я полагаю, что мы разрешили данную нам задачу, и удивляюсь только, что не раздается еще сигнал, который должен призвать Эбрамара и других магов для осмотра нашей работы, — недоумевал Супрамати.

— Мне тоже кажется, что мы во всем объеме применили преподанную нам науку... А может быть, мы что-нибудь забыли или пропустили? При всем нашем знании, мы все-таки пока лишь невежды по сравнению с великими искателями истины и бесконечных, неразгаданных тайн творения.

— Ты прав, — прошептал Супрамати, нервным движением проводя рукою по лицу. — Где вершина той волны, которая подхватила и несет нас?

Они замолчали и потупились.

Но колокол безмолвствовал, и они вернулись в пещеру, решив, что в их работе сделано какое-нибудь упущение.

Тщательно осмотрели они каждую частицу своего маленького царства, украшая и оживляя каждый уголок, казавшийся им несовершенным. После этого они снова пришли к колоколу; но он по-прежнему безмолвствовал.

В тревоге и изумлении переглядывались адепты.

— Боже! Чего же не достает здесь, чтобы удовлетворить наших учителей? — проговорил Супрамати.

— Я знаю, — ответил Дахир после глубокого раздумья. — Недостает престола Богу!

— Ах! Как могли мы забыть венец нашего дела! — вскричал Супрамати, и глаза его сверкнули.

Не теряя ни минуты, они принялись за дело. Скоро под отвесной скалой появились две мраморные ступени; потом, послушный могучей воле магов, от скалы отделился огромный кубический камень и лег наверху ступеней. В ту же минуту из глыбы сверкнуло яркое пламя, оплотнилось и приняло форму яркого, блестящего, как алмаз, креста.

С благоговением оба мага распростерлись перед мистическим символом спасения и вечности; из сердца их полилась горячая молитва к Отцу всего сущего, непостижимому Создателю всех чудес, которыми наделена вселенная.

В эту самую минуту колокол начал звонить, и его странные звуки, могучие, как гром, и однако мягкие, как воздушная музыка, потрясали все фибры человека.

Ясные и спокойные встали Супрамати и Дахир. Никакое перо не опишет того, что они перечувствовали в эту минуту. Наполнявшая их душу гармония изгладила и рассеяла все тени, все сомнения, все страдания, пожирающие сердце человека-профана, которого плотские инстинкты держат в своих острых когтях.

Колокол смолк, но вдали послышался легкий мелодичный звук, точно пела Эолова арфа.

– Эбрамар едет, – сказали в одно время Дахир и Супрамати, и оба поспешно направились к берегу.

Там только что причалила лодка, из которой вышел Эбрамар, а с ним еще двое в белом одеянии, которые несли что-то на красных подушечках; в руках Эбрамара была небольшая золотая шкатулка.

Прибывшие шли величаво и торжественно и остановились перед молодыми людьми, в смущении и нерешительности смотревшими на них.

– Привет вам, мужественные работники, достойно использовавшие науку и данное вам могущество. Продолжайте идти тем же путем. А теперь примите следуемую вам награду и дары от ваших братьев-магов, – сказал Эбрамар, открывая шкатулку.

Дахир и Супрамати опустились на колени. Эбрамар обмакнул кисточку в голубоватую жидкость, находившуюся в шкатулке, и начертал ею знак на их челе. В ту же минуту на головах их вспыхнуло пламя.

– Это первый лепесток венца магов; по нему вас узнают все adeptы и его устрашатся силы зла.

Затем с одной из подушек он взял два больших золотых нагрудных знака, сверкающих камнями, и надел им на шею, а с другой подушки – две магические чаши, которые дал им в руки. После этого он поднял их и обнял; два других мага также поцеловали их.

Затем, помолившись у жертвенника, все направились в пещеру, где молодые хозяева предложили гостям обед исключительно из произведений их острова.

Завязалась оживленная беседа, и Эбрамар сообщил ученикам, что сопровождавшие его маги решили поселиться на острове, оплодотворенном благодаря их труду, и построить здесь дом для специальных научных работ. Они уезжали в тот же вечер и должны были возвратиться через несколько суток. Эбрамар же рассчитывал провести на острове весь следующий день для подробного осмотра их царства, а вечером намеревался вместе с ними уехать в один из их гималайских дворцов.

На следующий день Эбрамар с учениками обошли остров. Все было тщательно осмотрено и Супрамати с Дахиром дали отчет, какие способы они употребили на то, чтобы сделать плодородным и населить порученный им пустынnyй клочок земли.

Эбрамар хвалил, судил и объяснял, дополняя свой осмотр теоретическими и практическими указаниями в области науки, примененной обоими adeptами.

По возвращении в пещеру разговор продолжался на ту же тему.

Супрамати показывал электрические снаряды, с помощью которых он ускорял развитие зародышей животных и растений, извлеченных из первобытной материи, добавив при этом, что не один раз пожалел о невозможности воспользоваться прямо таинственной эссенцией, которая могла в мгновение ока восстановить или создать вполне организм, как, например, дерево или даже человеческое тело.

– Но ты предписал нам идти медленным, научным путем, и мы старались не отступать от этой программы.

– Такое ограничение было необходимо для того, чтобы посвятить вас во все подробности работы механизма природы. А пользоваться первобытной материей

относительно легко, – ответил с улыбкой Эбрамар.

– Да я вовсе не протестую против такого распоряжения, – мудрого и полезного, как всякое из твоих указаний, – ответил весело Супрамати. – Я хотел задать другой вопрос. Признавая

за первобытной материей свойство оживлять и восстанавливать, нельзя ли было бы при ее содействии предотвратить смерть планеты, оживить истощенные соки нашей земли. Это необыкновенное вещество до такой степени плодотворно, что достаточно будет бесконечно малых частиц, чтобы совершать настоящие чудеса. Нельзя ли сделать запасы жизненного эликсира в недоступных местах, и когда ослабнут или иссякнут внутренние источники, иным способом вдохнуть жизнь? Например, поливая землю, выращивать леса, возродить исчезнувшую растительность, хлеб что ли, для пропитания неимущих во время голода?

– Для всей планеты это было бы трудно; а местами такая помощь возможна. Но, во всяком случае, это будет искусственное оплодотворение, и как только запас первобытной материи, заложенный или впрыснутый в данное место, истощится, а возобновлять его неоткуда, все пойдет прахом и снова превратится в пустыню. Это была бы лишь гальванизация, а не воскрешение. Это ведь не человеческое тело; у организма планеты более сложные требования. Да и мы, выпивая жизненный эликсир, разве не умираем в первый момент, пораженные, словно молнией, силой страшной, поглощенной нами стихии? Только впоследствии совершается воскрешение, и обновленный организм готов служить нам почти беспредельное время. Помнишь жертву Нарайяны, Лилиану, тело которой он окунул в жидкость, заключавшую в себе первобытную эссенцию? Вспомни описание, как потом обновился ее организм.

– Да, учитель. В несколько месяцев она дошла до совершенной дряхлости и думала, что умирает от удара, а когда опомнилась, то снова сделалась молодой и сильной.

– Именно. Вот такие-то неполные смерть и воскрешение переживают планеты. Это то, что в индийских традициях называется «ночью Брамы».

Геологические перевороты потрясают планету, и жизнь как будто останавливается; а через некоторое время отдыха подкрепившая свои силы и обновленная земля принимается за прежнюю работу. И так до окончательной катастрофы, которая может быть ускорена или отдалена, смотря по тому, сберегут ли или расточат обитатели планеты силы матери-кормилицы, – закончил Эбрамар.

– Все это я понимаю, но мне кажется, что установленный на нашей планете порядок не рационален и способствует ее разрушению. Почему человечество, населяющее нашу планету, не может быть бессмертно, то есть жить планетной жизнью и, в известных пределах, получать свое духовное воспитание? Давая надлежащую дозу грудным детям, можно было бы создать новое поколение людей и воспитывать его в желаемых условиях, почему и совершенствование его подвигалось бы быстрее.

Ведь и грустно и невеликодушно смотреть, как человечества наследуют друг другу, одно другого ненужнее, ничтожнее, порочнее. Сколько проходит бесполезных и зловредных жизней; сколько печали и страданий, тяжких утрат, страшных происшествий переживают люди прежде, чем умереть; а затем сменяются столь же бесполезными и злыми существами.

Если планете предназначено жить тысячелетия, почему же не допустить, чтобы ее населяли люди здоровые, сильные, красивые и ученые? Одного флакона первобытной материи достаточно было бы для миллионов людей, а места всем хватит.

Возьмем даже нашу планету. Сколько сотен миллионов людей, сверх нынешнего населения, могла бы она прокормить! Сколько невозделанных земель можно было бы обработать; сколько островов, даже маленьких материков, можно было создать по мере роста населения. Ведь пространство, занимаемое океанами, громадно.

Супрамати говорил оживленно, а Эбрамар слушал его внимательно и не прерывая. Когда молодой человек умолк, маг улыбнулся и ответил, поглаживая свою черную бороду.

– Все тобою сказанное кажется справедливым и логичным, а между тем проект твой хромает со многих сторон.

Во-первых, кончится тем, что места все-таки не хватит на всех; во-вторых, ты забываешь, что наша земля есть школа, скажу мимоходом, довольно низкого сорта, куда духи приходят, чтобы бороться, работать и изощрять свои наклонности, как добрые, так и дурные. Как и во всякой школе, население на планете меняется, потому что необходимо освобождать вакансии для идущих снизу. В-третьих, ты не принимаешь в соображение, насколько разнообразны личности и что не всякий способен пройти «посвящение» вроде нашего; насколько оно трудно, вы знаете на опыте.

Чтобы достойно применять знание и могущество, какими вы обладаете, надо быть достойным их во всех отношениях. Представь себе, что делал бы человек преступный, одаренный бессмертием и страшным могуществом, которое дает наука?

— Ты прав, и мой прекрасный план оказался просто неосуществимой утопией, — произнес смущенно Супрамати.

— Отчего неосуществимой? Почем ты можешь знать, что опыт, о котором ты говорил, не был испробован где-нибудь в бесконечном пространстве? Позволь мне прибавить, что мысль человеческая не может изобрести что-либо несуществующее. Невозможное не может зародиться в мысли; значит, всякая идея, какой бы странной она ни казалась, где-нибудь существует, иначе мысль не могла бы сформулировать ее.

Итак, то, о чем ты говорил — существует, и чем более душа и мысль развиты, обработаны и гибки, тем разнообразнее будут представления о возможном; ибо для невозможного не существует вовсе *ни выражения, ни сравнения*. То, что можно создать, выразить и сформулировать в чистой идее, есть вещь существующая. Не здесь, может быть, но где-нибудь в ином месте вселенной, и — как я уже сказал — чем выше и развитее ум, тем шире его понимания о вероятном и возможном, которые он и выражает, как художник в фантастической картине.

— Ах! — прошептал Супрамати. — Если бы можно было понять весь механизм творения; понять и увидеть цель этого восхождения, кажущегося бесконечным; понять многое, что кажется странным, даже несправедливым, и победить сомнение и страх, внушаемые нам конечной целью, остающейся для нас неизвестной. А если этот путь к совершенству не имеет предела? Если это — закон круговорота, никогда не прерывающий своего действия: умирать, чтобы оживать и жить, чтобы умирать?

— Нет, друг мой, оживленно ответил Эбрамар. — Божественная мудрость верховного и неисповедимого Существа, из Которого все исходит и к Коему все возвращается, не может быть нелогичной. Несомненно, все идет по совершенному плану, но только мы еще не в состоянии понять и объять вселенную в целом. Не забывай, что перед нами бесконечность во всех направлениях. Кто может сказать, где кончается воздушный океан, по которому плавают миллиарды планетных систем и туманностей? Насколько нам известно, никто никогда не доходил до его пределов и, сколь ни велико доступное нам пространство, оно ничто в сравнении с целым. В этой необъятности наша несовершенная мысль всюду наталкивается на неведомое, смущается и пугливо спрашивает: «есть ли конец»? Но логика отвечает, что там, где царствует и правит столь мудрая, божественная и милосердная сила, господствует и совершенная справедливость; а когда мы победим последнее сомнение и пройдем последнюю ступень, тогда сила наша и наука найдут несомненно достойное применение.

Пока не будем искать то, чего нельзя найти, не будем стараться постичь непостижимое, а будем бодро работать в нашем маленьком царстве.

К тому же теперь вам предстоит не подниматься, а спускаться в область заурядного человечества. Но пора ехать, друзья мои! Проститесь с уголком, который обязан вам жизнью, и в путь.

Супрамати и Даир молча повиновались и в несколько минут уложили в ящики флаконы с первобытной эссенцией и разную мелочь, которую хотели сохранить на память.

Окинув прощальным взором пещеру, где текла их странная жизнь, они пошли помолиться в последний раз перед алтарем, воздвигнутым их волею, над которым блестел

лучезарный крест, – тот таинственный огонь, исшедший из недр камня, переместившегося по их велению.

После краткой, но горячей молитвы они медленным шагом направились к песчаному берегу, и тяжело было у них на сердце.

Никогда еще ни одно дерево, куст или цветок не казались им столь близкими и дорогими, как теперь, когда они покидали их навсегда.

– Не знаю, почему мне так тяжело расставаться с этим местом? Казалось бы, что это – просто место учения, испытания; а между тем у меня такое ощущение, как будто невидимые цепи приковывают меня к каждому предмету, – со слезами на глазах заметил Супрамати.

Но и Дахир торопливо отер свои влажные от слез глаза.

– Чувство ваше совершенно естественно, друзья мои, и неужели вы сами не догадываетесь, чем внушено оно? – возразил Эбрамар.

Цепи, ощущаемые вами, отлиты из вашей собственной силы и ваших излучений, из астрального огня вашего существа. К каждому кусту, к каждому предмету, вы привязаны светлой нитью вашей воли, а потому вы очутились точно в паутине, и разрыв этой флюидической сети для вас тяжел.

По мере приближения к берегу около адептов собралась многочисленная толпа. То были обитатели острова, пришедшие проститься с наставниками и покровителями, понимавшими их и всегда выражавшими им любовь и заботившимися о них. В умных глазах животных отражалась тоска разлуки.

Дахир и Супрамати ласкали жавшихся к ним животных, целовали шелковистые головки птичек, садившихся к ним на руки, и потом вошли в лодку, которая навсегда уносила их из того места, где над их челом засияла звезда магов, первый цветок мистического венца высшего посвящения.

Глава шестая

Для отдыха Эбрамар отвез своих учеников в тот гималайский дворец, где Супрамати в первый раз увидел своего учителя и покровителя. Эбрамар сказал, что им следует немного подготовиться к мирской жизни, к платью, которое придется носить в Европе, изучить всеобщий язык – нечто вроде эсперанто, – принятый в качестве международного; одним словом, им необходимо подготовиться, прежде чем вступать в людскую толпу, не возбуждая к себе внимания.

Программа эта заметно опечалила молодых людей. Они так отвыкли от светской суэты и шума, чувствовали себя так хорошо в уединении, на лоне прекрасной природы, в той умственной деятельности, которая заставляла их забывать о времени, что сознание необходимости покинуть это мирное и роскошное убежище было им невыразимо тяжело.

– Скажи нам, учитель, почему должны мы непременно снова войти в среду заурядного человечества? Мы были бы так счастливы побывать здесь с тобой и, признаюсь, мне отвратительна самая мысль смешаться с невежественной, порочной и пошлой толпой, – сказал Супрамати, когда они, сидя на террасе, беседовали о предстоящем отъезде.

– Правду говоря, мы довольно давно покинули Европу, и там все должно было измениться, – и нравы, и обычаи; мы будем совершенно не на месте и не будем знать, как держать себя, – прибавил Дахир.

– Тебе, Дахир, следовало бы быть рассудительнее, так как ты уже производил подобные опыты, попав из XV в XIX век, и всегда, однако, успевал ориентироваться. Вместо того чтобы ободрить Супрамати, самого младшего из нас, ты поддерживаешь его уныние, – неодобрительно отозвался Эбрамар. Поймите, дети мои, что эластичная душа мага должна уметь гнуться и применяться ко всяким положениям и, кроме того, не может становиться совершенно чуждой человечеству. Предназначенная нам в будущем роль ставит необходимым условием, чтобы мы всегда оставались до некоторой степени в сношениях и соприкосновении с поколениями, сменяющими одно другое на земле. Это – основной закон

нашего братства, всегда точно сохранявшийся. Наши члены появлялись в обществе как простые смертные, смешивались с толпой и следили за ее физическим и умственным развитием. Таким образом, это – обязанность, которую вы неизбежно должны исполнить и, я уверен, исполните так же добросовестно, как относительно оживления бесплодного острова, – закончил с улыбкой Эбрамар.

– Ты прав, учитель, и я понимаю необходимость появляться время от времени в обществе людей; мне противно только ежедневное соприкосновение с этой сутолокой, – ответил Супрамати.

Дахир, сильно покрасневший на замечание Эбрамара, молчал, понурав голову.

– Ах, какой сегодня неудачный день! Неужели я в самом деле должен напоминать магу высшей степени, что во всем им предпринимаемом он должен по принципу гнать прочь от себя отвращение и сомнение, этих двух микробов, которые в корне подрывают всякую удачу в предприятии.

Увидя, что Супрамати также покраснел и опустил голову, Эбрамар добродушно сказал:

– Ну, милые мои друзья и ученики, к чему так трагически смотреть на вашу экскурсию в мире мимолетного земного человечества? Попробуем перебрать ее хорошие стороны.

Прежде всего нравственная сторона. Испытываемое вами отвращение вытекает отчасти из сознания вашего научного превосходства, высоко возносящего вас над толпою, и вам противно натыкаться на массу глупостей и всякой пошлости. Но, дети мои, сама наука есть вещь относительная.

Я знаю больше вашего и перед профаном я – полубог; а между тем я – *ничто*, слепой и убогий атом рядом с архангелом. Такое сравнение с высшими ступенями лестницы знания прекрасно охлаждает нашу гордость и тщеславие. Но человек так создан, что ему иногда приятно стоять в первом ряду среди низших. Это поднимает в нем уважение к самому себе. Человек сознает, что он представляет нечто, и наслаждается скромным чувством собственного достоинства. Такое удовлетворение ожидает и вас, – с вашим знанием и жизненным эликсиром.

Вы тоже окажетесь полубогами. Вы в состоянии делать «чудеса» и попутно много добра; никто не мешает вам стать благодетелями рода человеческого, имена коих будут записаны в летописях народных. Эти имена были бы, разумеется, так же бессмертны, как и вы сами, если бы планета не таила коварного замысла развалиться, а с останками ее исчезнут в невидимом пространстве и имена всех героев, составлявших гордость народов.

Молодые люди, слушавшие с напряженным вниманием, весело рассмеялись.

– Ах, учитель! Ты набрасываешь тень на свою заманчивую картину для того, чтобы наше тщеславие не пересчур возросло, и чтобы нас не ослепили краткие и временные слава и бессмертие? – воскликнул Супрамати, к которому живо вернулись веселость и хорошее расположение духа.

– Вы оба неблагодарны и хотите поссориться со мною, – возразил, добродушно смеясь, Эбрамар. – Если ваша слава и окажется недолговременной здесь, на земле, тем продолжительнее она будет в другом месте.

Разве вы забыли, что мы переживем нашу землю и что на новой планете, куда попадем, мы сделаемся основоположниками новой цивилизации, имена коих будут чтиться наравне с Гермесом, Рамой, Заратустрой и прочими великими наставниками человечества, о которых сохранилось предание между людьми, как о божественных царях, современниках золотого века.

Шутка Эбрамара рассеяла тоскливо настроение его учеников. Разговор продолжался весело, и молодые маги живо трунили над своим будущим дебютом в свете и ожидавшими их там приключениями.

Последнее время Супрамати стал замечать, что подаваемая пища становилась все более существенной и чувствовал, что тело его делалось тяжелее.

На его вопрос Эбрамар ответил, что необходимо заслаговоременно привести организм их в такое состояние, которое позволяло бы им жить и свободно вращаться в толпе, не

возбуждая к себе внимания.

— Ведь вы не можете жить в миру питательным порошком. Вы обращаетесь в простых смертных, а потому должны жить, пить и есть, как все, но, конечно, вегетарианскую пищу. А по возвращении мы вас быстро очистим, будьте покойны, — прибавил Эбрамар.

Маг вручил им также книги с правилами и словарь всемирного, бывшего в употреблении языка, состоявшего из смешения всех европейских наречий и языков, в том числе и китайского. Привыкнув к другим, более трудным и отвлеченным занятиям, adeptы без особого труда изучили новый язык, показавшийся им, говоря откровенно, крайне неблагозвучным и пошлым.

— Какой дикий говор, — нашел Супрамати.

Решено было, что они отправятся во дворец около Бенареса, где когда-то жила Нуравди; там их должен был встретить молодой посвященный низшей степени, который будет их руководителем и доставит по назначению. Он будет состоять при них в качестве секретаря и исполнять их приказания и поручения, в которых профан не мог бы разобраться.

Только относительно числа текущего года, перемен, происшедших на свете за время их отшельничества, а равно и места их назначения Эбрамар упорно не хотел ничего говорить.

— Пусть это вам будет сюрпризом, я не хочу портить свежесть впечатлений. Одно название, так же, как число, год и месяц, не представляют ничего без самой действительности, служащей им иллюстрацией, — дружеским тоном добавил он.

Наконец, настал час разлуки. Эбрамар благословил их, долго держал в своих объятиях, дал еще некоторые последние указания и проводил до выхода.

— Я не прощаюсь с вами потому, что мы всегда можем переговариваться, когда понадобится. В добный путь, дети мои! У решетки за садом вас ожидают верховые лошади и свита. До Бенареса вы проедете по-старинному; здесь у нас мало перемен, а там вы уже попадете во власть новых цивилизаций.

Точно волна новой жизни захватила Супрамати и Дахира, когда золоченая решетка захлопнулась за ними. Они сели на великолепных коней в богатом уборе и в сопровождении нескольких индусов двинулись к Бенаресу.

Была уже ночь, когда они прибыли во дворец, оказавшийся нетронутым и в том же виде, как будто они только накануне покинули его.

Их почтительно встретил гораздо менее многочисленный штат прислуги, а в прихожей ожидал молодой человек с тем удивительным взглядом, который отличает бессмертных, и представился им как секретарь его светлости Леонтий Нивара.

С любопытством оглядывали друзья своего нового секретаря, который был не в индусском платье.

На нем было что-то вроде длинного сюртука светлого цвета с голубыми отворотами и шелковая рубашка, белая с голубыми полосами, без жилета, но с широким кожаным поясом.

— Это новая мода! — догадался Супрамати, удерживаясь от смеха при виде костюма и прически своего секретаря. — Боже милостивый, придется этак же вырядиться, — думал он, глубоко сожалея о том, что приходится покинуть льняные или шерстяные одежды, легкие и удобные, к которым он так привык.

После обильного ужина, какого они давно не имели, секретарь пригласил их в спальню, так как было время переодеться.

Прежде всего Нивара предложил им выкупаться в смежной комнате, где стояли две ванные с розовой, очень мягкой водой.

Затем секретарь помог им одеться.

Он достал из большой плетеной корзины и подал два полных костюма, состоявших из батистовых рубашек с мелкими складками на груди, узких черных брюк, кожаных ботинок, широкого черного атласного пояса, заменившего прежний жилет, и длинного черного бархатного сюртука с широкими отворотами, богато расшитым разноцветными шелками; на рукавах были такие же обшлага, из-под которых виднелись белые полотняные манжеты.

Под рубашку Супрамати повесил на голубой ленте свою звезду мага; она блестела, как

маленькое электрическое солнце, и Супрамати скрыл ее под широким поясом. Отложной воротник рубашки повязал мягким галстуком из черного шелка и воткнул в него булавку с сапфиром, поданную Ниварой, а потом стал разглядывать себя в зеркало.

Костюм шел ему, был сделан со вкусом и изящно прост, но прическа не нравилась. Нивара коротко обстриг ему волосы на затылке и только на маковке и по бокам оставил густые кудри, которые свободно падали на лоб.

Дахир также был готов и, подойдя, похлопал его по плечу.

– Ну, довольно любоваться. Ты очень красив и будь покоен – в победах недостатка не будет... Никто не заподозрит, что ты уже старый повеса, – пошутил он.

Супрамати оглянулся и осмотрел его.

– Да ты так же хорош, как и я; прическа жирафом идет тебе еще больше, чем мне. Никто не подумает, что ты на четыреста лет старше меня, – возразил Супрамати, смеясь. – Ну, а относительно побед, ты наверно одержишь их больше моего, потому что я женатый и степенный человек.

– Ага! Нары испугался и завидуешь моей свободе? Мне-то не будут делать сцены, как тебе, если ты вздумаешь разыскать m-elle Пьеретту, – поддразнивал Дахир.

Но приход секретаря прервал разговор.

– Экипаж ваш подан, – сказал он. – Из багажа вы возьмете с собою только эти два сундучка? – спросил он, указывая на два довольно большие ящика черного дерева с серебряными углами.

– Да, – ответил Дахир.

Друзья накинули на плечи черные плащи на шелковой подкладке, надели фетровые широкополые шляпы, взяли со стола перчатки желтоватой кожи и пошли за секретарем, который поднимался по витой лестнице, выходящей на площадку высокой башни; эта плоская крыша была окружена перилами.

Супрамати с любопытством огляделся кругом; очевидно, они поедут не по железной дороге.

Вдруг увидал он в воздухе большую звезду, приближавшуюся с головокружительной быстротой.

– Надеюсь, мы едем не на этой звезде? – спросил он, смеясь.

– Именно. Это ваш самолет, – отвечал с улыбкой секретарь. Минуту спустя длинный цилиндрический ящик в форме сигары, с двумя большими, круглыми, ярко освещенными окнами по концам, остановился на высоте площадки. Нивара отворил дверцу в балюстраде, вторая распахнулась в боку сигары, изнутри выкинули мостики, прикрепив его к железным кольцам, вдавленным в стену. Аппарат свистал и дрожал, как электрический фонарь.

Дахир и Супрамати перешли на судно, за ними Нивара, а слуга-индус перенес два сундука.

В маленьком освещенном коридоре их встретил господин, весь в черном, который поклонился им до земли и провел в крошечную гостиную, обитую золотистым атласом, с низкими мягкими креслами и черными лакированными столиками.

Самолет напоминал внутренним убранством вагон с тремя отделениями. Два из них были гостиная и спальня, затем шла комната для секретаря; а в каморках по концам помещались механик, слуга и багаж.

В спальне, меньшей, чем зала, были две низкие, узкие постели и умывальник с туалетным столом, все лакированное; в обивке и отделке преобладали цвета белый и голубой с золотом. Каждая из комнаток имела круглое окно, задернутое в ту минуту шелковой шторой.

Мгновенно был снят мостики, дверь захлопнулась, и легкая качка указала, что самолет двинулся в путь. Немного спустя слуга подал чай с бисквитами и молча удалился. Нивара больше не показывался.

После краткой беседы Дахир предложил идти поспать.

– Поздно, и я чувствую усталость; очевидно, нас везут куда следует, и когда

понадобится, разбудят.

Любопытство, нетерпение и нервное возбуждение не дали им долго спать, и чуть стало светать, как они вышли уже в залу, и Супрамати поднял оконную штору.

Далеко внизу под ними виднелась земля; кое-где намечались строения и водные пространства; но быстрота полета не давала рассмотреть подробности. Тут он убедился, что у их воздушного экипажа было много спутников; черные массы самолетов всех размеров мелькали в воздухе во всех направлениях.

Супрамати наскучил смотреть и он сел; вскоре появился Нивара, а потом слуга с завтраком.

Насытившись, друзья подробно осмотрели интересовавший их механизм воздушного судна. Вообще, новый способ передвижения им нравился; удобства были полные, езда быстрая и не утомительная, как бывало на железных дорогах.

Наступил день, и солнце блестало так ярко, что пришлось опустить шторы.

– Ну, далеко ли мы еще от места нашего назначения? Кстати, не едем ли мы в Париж? – спросил Супрамати, вытягиваясь в кресле.

– О, нет, Парижа давно не существует: он уничтожен огнем. Супрамати побледнел.

– Как? Неужели пожар был таков, что мог уничтожить громаднейший город? Вероятно, разрушена какая-нибудь часть.

– Разрушено до основания все. Это была страшная катастрофа; во-первых, из земли вырвались удручающие газы, заражавшие воздух; далее почва дала трещины и много зданий разрушилось, а из земли хлынул огонь. Все газовые трубы и электрические провода вспыхнули. Это было целое море огня, пожравшего все.

Я везу вашу светлость в Царьград, или бывший Константинополь, – прибавил Нивара, желая, очевидно, рассеять тягостное впечатление, отразившееся на лицах путешественников, – и мы скоро прибудем.

– Константинополь еще принадлежит Оттоманской империи?

– справился Дахир.

– Нет. Мусульмане уже давно изгнаны в Азию, где они основали единое, очень сильное даже в настоящее время государство, несмотря на конкуренцию Китая, тоже развившегося и захватившего Америку, наводненную желтолицами.

Что касается Царьграда, то он теперь столица Русской империи, одного из могущественнейших государств мира, стоящего во главе великолепного всеславянского союза.

Ведь Австрия погибла; она распалась на составные народности. Одна часть, чисто немецкая, присоединилась к Германии, а остальные, в том числе и венгры, слились в славянском море.

– Но мы уже подходим, – сказал секретарь, заглядывая в окно. – Самолет опускается.

Дахир и друг его удивленно переглянулись.

– Всю новую географию и порядочный кусочек истории придется изучать, чтобы показаться приличными в свете, – заметил Супрамати со вздохом.

Подойдя к окну, он поднял штору; Дахир встал рядом.

Воздушное судно опустилось и значительно уменьшило ход. Теперь можно было ясно рассмотреть расстилавшуюся под ними картину.

Золотой Рог мало изменился, и по берегам моря, спокойного и гладкого, как зеркало, раскинулся колоссальных размеров город, над которым во многих местах возвышались здания огромной высоты, господствовавшие над прочими зданиями, точно маяки.

Вокруг этих построек теснилась, словно пчелы около улья, подлетая и улетая, целая воздушная флотилия всех размеров.

Через несколько минут их самолет также подошел к обширной платформе, заполненной людьми.

Теперь наши путники увидали, что находятся на вершине огромного с Эйфелеву башню здания; длинный мост соединял башню, где они находились, с другим зданием одинакового размера и по этому мосту бегали взад и вперед вагончики с пассажирами.

Нивара объяснил магам, что эти два здания – пристани: одна для отъезжающих, другая для прибывающих; но так как на обеих пристанях были гостиницы и рестораны, то и движение между ними было очень оживленное.

Хотя по костюму Супрамати, Дахир и секретарь ничем не отличались от остальных, все-таки что-то привлекало к ним внимание, и многочисленные любопытные взгляды останавливались на путешественниках, когда они, в сопровождении Нивары и слуги, медленно двигались по платформе, а потом спускались в залу с подъемными машинами.

Спуск кончался круглой большой залой, вокруг которой виднелись сводчатые двери, подобно той, из какой они вышли; за ними были другие подъемные машины. Пространство между дверями заставлено было деревьями, креслами и диванами красной кожи, столами и этажерками с книгами и журналами; посреди залы в бассейне был серебристый сноп воды.

Было решено, что Дахир появится в свете под именем принца Дахири, младшего брата Супрамати. Да и на самом деле они любили друг друга и считали себя братьями.

Через одну из многочисленных дверей они вышли на широкий открытый подъезд, где внизу их ожидал экипаж, походивший на автомобиль, но много легче и изящнее.

Когда маги и секретарь уселись, Супрамати спросил:

– Куда мы едем?

– В ваш дворец, где все готово для приема вашей светлости и вашего брата. Я приказал ехать не прямо, дабы вы могли посмотреть город, – прибавил Нивара.

Медленно, очевидно, умышленно экипаж катился длинными улицами, усаженными деревьями и украшенными скверами с фонтанами и цветниками; вообще, зелень была в изобилии.

Наружный вид домов мало изменился; только фасады были чрезвычайно причудливо разукрашены в новом стиле, который показался Супрамати малоизящным и с претензиями.

Через бронзовую резную арку с надписью «Торговые галереи» экипаж въехал в великолепный сад.

В тенистых аллеях его возвышались беседки, киоски и галереи с магазинами. Тут собраны были разнообразнейшие и богатейшие произведения всех стран света. Сотни экипажей двигались во всех направлениях, а в аллеях, назначенных для пешеходов, стояло множество скамеек, занятых посетителями.

Новый Константинополь стал бесспорно великолепнейшим городом; старых кварталов с восточным обликом, узкими улицами, базарами, прежним типичным населением нигде не было видно.

На вопрос Супрамати Нивара ответил, что на окраине города остался еще один восточный квартал; сохранилась также и часть древних византийских стен, сберегаемых и поддерживаемых как исторический памятник седой старины.

Живой интерес, возбужденный видом города, кипевшего жизнью, от которой Супрамати и Дахир совершенно отвыкли, так поглотил их, что они не знали, куда смотреть, и впечатления путались. Тем не менее вид нескольких лиц среди мелькавшей толпы их поразил, и у Супрамати вырвалось восклицание.

– Взгляни, Дахир, на этих троих. Может быть, у меня куриная слепота, но неужели ныне на улице допускается подобное бесстыдство.

В это время они пересекали улицу и несколько пешеходов остановилось, давая дорогу экипажу. Внимание Супрамати привлекли две дамы и мужчина, одетые или, вернее, раздетые самым неприличным образом на взгляд людей, проникнутых еще старыми воззрениями на благопристойность.

На дамах было только нечто вроде газовой рубашки, доходившей до щиколотки, но такой прозрачной, что тело видно было во всех подробностях. На цветном шелковом пояссе сбоку висел большой с кружевами вышитый мешочек; ноги были обуты в золоченой кожи сандалии с кольцами на пальцах; на руках были кожаные перчатки до локтей; соломенная шляпа на высокой прическе и зонтик дополняли туалет.

Костюм господина был не менее откровенным. Короткая рубашка из такой же

прозрачной материи была стянута у пояса кожаным кушаком с привешенными к нему по обе стороны большими и тоже кожаными сумками, на шее висела золотая цепь с часами и маленькой памятной книжкой; на голове широкополая шляпа, как у Супрамати.

Держа под мышкой портфель, он курил сигару и весело болтал со своими знакомыми.

— Какие бесстыдники! Что это, сумасшедшие или маньяки? И как позволяют им ходить по улицам, оскорбляя общественную нравственность! — с негодованием сказал Супрамати.

— Я уже видел подобных господ на пристани и в коммерческой галерее и был крайне поражен, — заметил Дахир.

Молодой секретарь равнодушным взглядом окинул странных прохожих и, по-видимому, нисколько не поразился их видом.

— Это члены общества «Красота и природа», — ответил он. — По их убеждению, тело человеческое, высшее создание природы, не может быть неприличным, и только лицемерие да ложная стыдливость требуют прикрытия его. Если дозволяется показывать лицо, руки, шею и т.д., — говорят они, — то смешно закрывать остальное, столь же прекрасное, совершенное и полезное. Нагота, как и красота, «священны» по их понятиям, а так как теперь — полная свобода мнений, то их оставляют в покое и никто не обращает на них внимания.

— Много ли таких поклонников святой наготы? Ну, а зимой они тоже ходят раздетыми по улице? — насмешливо спросил Дахир.

— Их особенно много во Франции и Испании, но вообще — они встречаются везде. В XX веке были сделаны первые попытки завоевать наготе право гражданства в общественной жизни; сначала явились сильная оппозиция, которая мало-помалу слабела, а так как адепты стояли твердо за свои убеждения, то понемногу отстояли свои права. Сперва они появлялись на сцене, в живых картинах; потом они учредили особые кружки, а когда наступила эра безграничной свободы личности, они начали расхаживать и по улицам. Теперь к ним привыкли; у них свои клубы, казино, собрания, театр и т.д. Зимой же и вообще в холодную погоду они носят обыкновенное платье, а в прочих местах остаются верны своим убеждениям.

— Хороши убеждения, — ворчал Супрамати.

В эту минуту переходил дорогу другой член общества «Красота и природа», и Супрамати с отвращением отвернулся.

Теперь они проезжали по улице вдоль Босфора, усаженной пышными деревьями; потом экипаж свернул во двор, вымощенный мраморными плитами, и остановился у подъезда с колоннами.

Двое слуг бросились помогать господам; в прихожей собрался остальной служебный персонал, а величественного вида управляющий обратился с приветствием и провел во внутренние апартаменты на первом этаже.

Отпустив прислугу и объявив, что желает до обеда остаться один и отдохнуть, Супрамати осмотрел свое новое, пока только личное помещение: спальню, рабочий кабинет, библиотеку, залу и столовую.

Все было убрано с царской роскошью, но особенно понравилась ему спальня.

Стены были покрыты словно кружевом из слоновой кости на вишневого цвета эмалевом фоне; постель, мебель, туалет — все было из слоновой кости, или из какого-то состава, вполне ее напоминавшего; одеяла и драпировка были из шелка малинового цвета. Но вся эта обстановка вдруг потеряла для него всякий интерес, когда на столе рабочего кабинета он увидел пачку журналов.

Он нетерпеливо схватил попавшуюся газету и развернул ее, найдя глазами число: «14 июля, 2284 г.».

Газета задрожала в его руке, и глаза точно заволокло туманом. Охваченный внезапной слабостью, он опустился у стола в кресло, облокотился и сжал голову руками.

Три века прошло мимо него, а он и не заметил этого... Сердце его сжалось и неведомое доселе чувство отчаяния, страха и сознания одиночества объяло его душу.

Но слабость не была продолжительна. Могучая воля мага победила ее и вернула обычное спокойствие.

Что значило время? Неуловимый гигант, с которым считается скоропреходящее земное человечество и старается его урегулировать. Умственный труд заставил его забыть время. Да и не все ли равно, в конце концов, два ли, три ли, десять ли поколений сошли друг за другом с житейской сцены за время его отсутствия? Все они одинаково ему чужды...

Супрамати тяжело вздохнул, провел рукою по лицу, как бы отгоняя докучные мысли, и выпрямился. Он снова взял газету и в это мгновение взор его упал на его белую, тонкую руку, с атласной кожей, руку молодого человека не старше тридцати лет...

Горькое, насмешливое выражение мелькнуло на его лице.

Развернув газету, озаглавленную «Истина», он начал читать. Прежде, чем войти в сношение с людьми, ему хотелось немного сориентироваться в новой жизни. Пробежав газеты, разбирающие злободневные вопросы, Супрамати отыскал в библиотеке тома энциклопедии и стал их перелистывать.

Прежде всего он хотел изучить финансовую сторону и разобраться в монетной системе. Это нужно было для его ежедневных потребностей, чтобы не казаться смешным и не обращать на себя внимание своим непонятным невежеством. Кроме того, ему хотелось узнать, чем он владел в настоящее время в Европе, и просмотреть отчеты управляющих.

Он еще был весь погружен в изучение монет, когда его позвали обедать.

Дахир был уже в столовой и представил ему своего личного секретаря.

Обед, хотя и вегетарианский, был превосходный. За столом болтали о разных пустяках, а после обеда секретари удалились, и друзья прошли на половину Супрамати.

Они сели в рабочей комнате, и Супрамати молча протянул Дахиру газету, указывая на число.

— Я уже знаю, что мы постарели на три века. Такая же газета ожидала меня в моей комнате, — ответил тот, смеясь. — У меня уже был не один сюрприз в том же роде. Но я не для этого пришел к тебе, — прибавил он. — Я рассчитываю завтра уехать...

— Как! Ты хочешь покинуть меня? — перебил его Супрамати.

— Да. Будем развлекаться каждый по-своему, — возразил, смеясь, Дахир. — Я побеседовал с моим секретарем — чудесный юноша, между прочим, — и решил прежде всего съездить во дворец Граала, навестить некоторых друзей. Затем, я с Небо — моим секретарем — поеду во Францию и Испанию, где, надеюсь, мы встретимся с тобою, когда тебе наскучит Царьград.

— Ты побываешь, может быть, на месте, где стоял некогда Париж? — задумчиво спросил Супрамати.

— Нет, это интересует меня меньше. Но я узнал, что обе эти страны объединились в одно еврейское царство, и мне любопытно взглянуть, как устроились у себя евреи, эти всегдашие разрушители всякого государственного строя, эти нарушители всяких законов, устанавливающих честную жизнь человека. Еще одна новость, которая может огорчить тебя, если под оболочкой мага живет еще *англичанин*!

— Неужели и Лондон пострадал от катастрофы, уничтожившей Париж? — с живостью спросил Супрамати.

— Увы, хуже того! Страшная катастрофа уничтожила большую часть Англии, поглощенную затем океаном.

Супрамати побледнел, вздрогнул и оперся на стол.

В этот миг он забыл о своем бессмертии, о своей магической науке, о минувших веках; теперь он был только Ральф Морган, английский патриот, подавленный неслыханным несчастием, поразившим его родину.

Настало краткое молчание.

— Узнал ли ты какие-нибудь подробности об этом бедствии, и когда оно было? — спросил он с обычным уже хладнокровием.

— Сто восемьдесят или двести лет тому назад, не помню точно цифру, произошло

страшное землетрясение; английская часть острова обрушилась, и только гористая часть Шотландии устояла, образовав небольшой остров. И представь, Небо сказал мне, что наш старый замок в Шотландии, где ты проходил свое первое посвящение, уцелел на своем утесе. Там пришлось сделать поправки, но незначительные, – отвечал Дахир.

– Ужасно, что столько произошло на свете за время нашего отсутствия, и я примусь за серьезное историческое изучение происшедших перемен. Конечно, поверхность земли много раз уже изменяла свой вид, гибли целые материки, и ввиду готовящегося окончательного разрушения планеты это частичное несчастье – пустяки; а все-таки «ветхий человек» в нас так твердо сидит, что разрушение моей старой Англии ударило меня по сердцу, и я не могу еще смириться с мыслью, что Лондон, с его миллионным населением, со всеми его историческими и научными сокровищами, покоится на дне океана!...

– Надо привыкать ко всему; это как бы подготовка к иного рода тяжким испытаниям, ожидающим нас, когда будет умирать наша планета, – взорвал со вздохом Дахир.

Потом, запустив руки в свои густые черные волосы, он прибавил:

– В настоящую минуту мы здесь для того, чтобы жить среди людей; потому будем людьми и станем жить счастливыми смертными. Намерен ты сегодня выходить?

– Нет, я проведу вечер за чтением этой энциклопедии, чтобы несколько сориентироваться в истории и географии; составь мне компанию. Завтра утром я поговорю с управляющим и Ниварой, чтобы привести в порядок мои денежные дела, – сказал Супрамати.

– Отлично, будем изучать современную историю, а завтра после полудня я уеду. Кроме того, надо лечь не слишком поздно и постараться уснуть, чтобы успокоить нервы, – ответил Дахир.

– Ах, да! Спать, спать! Каждый день я благодарю Бога, что наше бессмертие не лишило нас этого божественного дара... сна.

Глава седьмая

На следующий день, после отличного завтрака, Дахир уехал. За завтраком, как и за обедом накануне, приятая музыка и великолепное пение увеселяли собеседников и Нивара объяснил, что это были инструменты вроде прежних граммофонов, но усовершенствованные до полной иллюзии. По отъезде друга Супрамати еще более почувствовал свое одиночество.

Все утро он работал с целой дюжиной управляющих и Нива-рой и убедился, что все еще обладал поместьями, дворцами и капиталами во всех уголках вселенной. Ему казалось чудом, что часть его прежних имений находилась и теперь в его владении, и он решил непременно их осмотреть. Но это соприкосновение с материальным миром, от которого он совершенно отвык, утомило его большее, чем самая сложная магическая работа.

Простишись с Дахиром, он ушел в свой кабинет, сел у открытого окна и просидел несколько часов, мечтая о былом, перебирая старые воспоминания и любуясь в то же время великолепной картиной Босфора с мелькающими по нему лодками. С наступлением вечерней прохлады он решил пройтись по городу пешком; это было лучшее средство близко видеть людей и войти с ними в сношения.

Он позвонил. Тотчас явился слуга, сопровождавший его от Бенареса, и помог ему одеться.

На этот раз он надел тоже черное платье, но не бархатное. Чрезвычайно мягкая и шелковистая материя напоминала тонкое сукно; платье было на темно-красном шелку и отвороты вышиты тем же цветом.

Супрамати положил в карман план города и собирался взять перчатки и шляпу, когда вошел Нивара; а слуга тотчас удалился.

Секретарь, улыбаясь, вручил ему часы и бумажник с монетами и банковскими билетами.

– Ваша светлость собирается выйти, а забыли спросить часы и кошелек.

Супрамати рассмеялся.

— Вы правы, мой друг. Что делал бы я на улице без часов и денег? Но я еще не усвоил привычки считать часы и расплачиваться за то, что мне понадобится.

Медленно, рассматривая дома, магазины и особенно толпу, ходил он по улицам. Дойдя до сада, в котором виднелся роскошный ресторан, он вошел, сел за первый попавшийся стол в тени деревьев и спросил вина, пирожков и фруктов. Ему подали охлажденное вино, пирожки, фрукты и несколько иллюстрированных листков.

Попивая глотками вино и заедая его фруктами, казавшимися ему гораздо менее сочными, чем бывшие на его пустынном острове, Супрамати внимательно наблюдал за всем происходившим вокруг.

Прежде всего он убедился, что в общем население было более хилое, чем в его время; тревожная нервозность явно отражалась на мужчинах и женщинах с хрупкими членами, бледными и точно преждевременно состарившимися лицами.

Еще более его поразило малое число детей. Многочисленные, шумные и веселые ватаги ребят всякого возраста, оживлявшие сады в его время, теперь совершенно отсутствовали.

Для него, человека с утонченными чувствами, астральный вид этой толпы был отвратителен, ее эманации вызывали тошноту. Но он старался побороть в себе неприятные ощущения; надо было привыкать к этому беспорядочному обществу, чтобы войти в него.

Он собирался позвать слугу, чтобы заплатить по счету и уйти из ресторана, как вдруг чья-то рука опустилась на его плечо и звучный насмешливый голос сказал:

— Добрый вечер, Ральф Морган, очень рад встретить тебя; уже триста лет мы не видались с тобой.

Супрамати смущился, обернулся и очутился лицом к лицу с улыбавшимся Нарайяной, пристально смотревшим на него своими черными глазами.

Он нисколько не утратил своей демонической красоты, одет был по последней моде, с тонким изяществом и, конечно, никто не заподозрил бы в нем странное таинственное существо, получеловека, полудуха.

Он бросил шляпу на стол и сел.

— Ну, очнись же от своего оцепенения, друг мой, а то ведь ты обратишь на себя внимание. Вместе с тем, позволь поздравить тебя; я вижу блистающую сквозь твою одежду звезду мага. Значит, ты хорошо поработал, и я искренне радуюсь, что так удачно выбрал тебе наследника.

— Ради Бога, не болтай так неосторожно, Нарайяна; тебя могут услышать! Пойдем, пожалуйста, куда-нибудь, где мы могли бы поговорить без свидетелей. Хочешь ко мне, если у тебя здесь нет дома?

— Я не имею дома? За кого ты меня принимаешь? Я не хуже тебя живу! Благодаря Богу, в пещере Монте-Роза недостатка в золоте не бывает. Пойдем, я сведу тебя в мое скромное жилище.

Когда Супрамати расплатился, Нарайяна взял его под руку, и они отправились к выходу, но в эту минуту группа входивших молодых людей заметила их и поспешило подошли к ним.

— Как мы счастливы, принц, что встретили вас, — сказал один, пожимая руку Нарайяны.

— Мы всюду вас ищем, чтобы пригласить вас с нами в театр,

— прибавил второй.

— Прежде всего, господа, позвольте представить вам моего двоюродного брата, принца Супрамати. Прелестнейший в свете молодой человек и притом ученый. Прошу любить и жаловать.

И он быстро назвал Супрамати несколько русских имен.

После рукопожатий один из этих господ, граф Минин, пояснил, что они искали Нарайяну, чтобы пригласить его с ними в театр смотреть новую пьесу и что они будут счастливы, если его двоюродный брат присоединится к ним.

— Я, право, искренне сожалею, господа, что не могу воспользоваться вашим любезным

приглашением, – ответил Нараяна.

– Я не свободен сегодня вечером. Видите, мой двоюродный брат только что приехал из Бенареса; мы давно не виделись и нам надо обсудить семейные и другие дела, не терпящие отлагательства. Завтра мы будем в полном вашем распоряжении.

Но я должен предупредить, что Супрамати не такой весельчак, как я. Он слишком учен и при этом скромнее и застенчивее всякой девушки; хотя я надеюсь, что мы приучим его и немного развратим, – прибавил Нараяна, лукаво и значительно подмигивая.

При общем веселом смехе они расстались.

– Ты неисправим, Нараяна! Я убеждаюсь, что твоя голова набита всяким вздором, как и 300 лет тому назад, до твоей телесной смерти.

– Конечно! Мой девиз – «женщины, карты и вино» – никогда не изменится. Уж я признаюсь тебе, что, благодаря божественному эликсиру, я довел свое тело до такой степени плотности, что могу пользоваться всякого рода наслаждениями. Я всегда был довольно приличным химиком, и в этом отношении уроки Эбрамара не пропали даром, – ответил Нараяна самодовольно. – А ты разве намерен разыгрывать из себя монаха? Предупреждаю, что во время ваших экскурсий в мире ты свободен делать что хочешь, лишь бы хорошенъко сойтись с обществом и основательно изучить его; даже жениться можно, и самой Наре до этого нет дела! – добавил он лукаво.

– Во всяком случае, до этой минуты я еще не видел ни одной женщины, которая внушила бы мне желание жениться, – проговорил брезгливо Супрамати.

В это время Нараяна остановился у высокой золоченой решетки, отворил калитку ключом, который достал из кармана, и они вошли в обширный сад. В конце сада возвышался изящный маленький, совершенно белый дворец. Через отворенную на террасу дверь они прошли в роскошную розовую залу, убранную цветами, а оттуда в столовую, где был накрыт богато сервированный стол, с несколькими бутылками шипучего вина в серебристых ведерках со льдом.

– Ты живешь без прислуги? – спросил Супрамати, не видя ни души в целой анфиладе пустых комнат.

В эту минуту взор его остановился на приготовленных кушаньях, и он с удивлением спросил:

– И ты ешь мясо, или это только для отвода глаз публики?

– Нисколько. Если хочешь, это скорее известный шик для богатых людей, так как мясо едят только очень богатые люди; цены на него ужасные. Что касается первого вопроса, то увы! У меня есть лакеи, но я не люблю, чтобы эти плуты торчали на глазах. Ты понимаешь, что при моем несколько... загадочном существовании неудобно, если тебя побеспокоят не вовремя. Потому все и всегда должно быть готово, но слуги являются только на зов. Итак, мы одни, никто не потревожит нас и мы можем говорить, о чем угодно.

– Я о многом хочу тебя порасспросить, тем более, что у тебя обширные, по-видимому, знакомства, а мне предложено войти в общество.

– О! ничего нет легче. Я бываю в высших кругах, не только здесь, но и в других столицах, а потому могу всюду тебя ввести. Я представлен ко двору, так как ведь у русских все еще есть император. Очень хорошо принят в императорской семье и являюсь баловнем великосветского общества. Особенно балуют меня женщины; те, конечно, которые еще отдают предпочтение мужчинам. Но у меня приятельницы везде, даже среди тех, которые нас недолюбливают. Боюсь только, что ты явишься сильным конкурентом мне. Ты так красив, богат, как император, и вооружен наукой, которая делает тебя полубогом. Ты будешь делать чудеса и похищать у меня сердца женщин, которые не догадываются, понятно, о твоем почтенном возрасте, – задумчиво закончил Нараяна, отрезая кусок пирога.

Супрамати не мог удержаться от смеха.

– Относительно возраста ты больше моего надуваешь женщин, так как я по сравнению с тобой – грудной ребенок. Но успокойся, я не намерен конкурировать с тобою перед прекрасным полом, я – верный муж.

– Осел ты!

– Пусть так, положим, осел. Но серьезно говоря, Нараяна, могу ли я веселиться и забавляться, как заурядные люди, при всем том, что мне известно. Имеем ли, наконец, право мы, *посвященные*, предаваться пошлым развлечениям, когда предстоят такие страшные катастрофы, когда столько бедствий и страданий готово обрушиться на человечество. Мы призваны для того, чтобы приносить пользу, применять наши знания для облегчения и поддержки ближних, а не для того, чтобы забавляться и делать глупости, – проговорил Супрамати.

Нараяна облокотился на стол, оттолкнув тарелку с куском пирога.

– Правда. Наша планета трещит по швам, а благодушные обитатели ее всеми силами способствуют ее уничтожению. Общая температура понизилась; там, где прежде была страшная жара, теперь рады и 30°. Вообще, в самые жаркие месяцы температура не превышает 20°; многие пространства земли обратились в пустыни, участились геологические катастрофы. Здесь еще оазис дивной растительности и богатства; а вообще растительность также оскудела, в чем ты убедишься впоследствии.

Я только что сказал тебе, что мясо доступно лишь богачам. Это потому, прежде всего, что неслыханные эпизодии в несколько приемов уничтожили стада, а причины повального падежа «наука» – он иронически улыбнулся – не сумела исследовать. Вообще, количество скота уменьшается в ужасающих размерах.

Многие породы, очень многочисленные в твоё время, совершенно исчезли. Давно уже не существует китов, тюленей, выдр, слонов, бизонов, северных оленей и т.д. Многие виды птиц сохраняются как редкость в птичниках и зоологических садах. Не могу даже перечислить всего, что угасло и исчезло в мире водном, воздушном и земном.

Да, да, земля наша приводит в порядок свое хозяйство и готовится к смерти. Говоря откровенно, это огорчает меня. Я люблю нашу старушку, хотя не имел счастия присутствовать при ее формировании и способствовать ее цивилизации. У меня здесь много прекрасных и приятных воспоминаний, но...

Он провел рукою по лицу, точно отгоняя тяжелые мысли.

– К чему оплакивать неизбежное! Мы ведь переживем планету, и меня вы должны взять с собой! Там я буду очень полезен для колонизации новой земли и насаждения вкуса к прекрасному. А пока будем наслаждаться настоящим. Да здравствует жизнь и первобытная материя!

Он снова придинул тарелку с пирогом, налил два стакана вина и выпил за здоровье Супрамати, а тот полуслуга, полусерьезно выпил также.

– А теперь, Нараяна, брось дурачества и шутки; ответь мне серьезно прежде всего о религии. Какое вероисповедание теперь господствующее? Христианство еще существует, потому что в Царьграде я видел много церквей с крестами.

– Да, – ответил Нараяна, – христианство еще держится в России и все славянские народы исповедуют его теперь. Необходимость в политической сплоченности создала и религиозное единство. Проще сказать, в этой колоссальной массе, именующейся Всеславянским союзом, еще есть бесчисленное множество церквей, святых мест, монастырей и т.д. Сохранились также в значительной мере обряды и таинства.

Что же касается христианства римско-католического, которое сильно пошатнулось еще в XX веке, то оно пало вследствие равнодушия его последователей и вражды отступников. Уже более полтораста лет уничтожено папство. Ватикан теперь просто музей; в прежних католических странах самые красивые и исторически замечательные церкви обращены в музеи, и то, что называлось божественным культом, не существует более.

Германия, сделавшись вполне рационалистической и атеистической, упразднила Бога. Существуют некоторые секты, между прочим, их много и в славянстве, которые имеют свои оккультические храмы, где вызывают духов, но, конечно, не первого разбора.

Евреи с тех пор, как образовали собственное государство, управляемое старинной сектой франкмасонов, уволили в отставку своего старого Иегову! Они восстановили культ

Бафомета, которому поклонялись тамплиеры, концепцию нового мировоззренческого направления так что теперь открыто чтут дьявольского козла и публично совершают «восхитительные» обряды, стоявшие некогда смерти на костре бедным рыцарям Храма. Так вот! Как видишь, день на день не походит.

Азиатские народы тверже в своих убеждениях. Китайская республика по-прежнему чтит Конфуция и Будду, а мусульманский мир и теперь еще поет: «Аллах и Мохамед пророк его».

Кажется, я сказал тебе главное относительно религии. Добавлю только, что, если вообще и существуют еще фанатики, то религиозный индифферентизм распространяется все более и более.

— Благодарю. Общее представление у меня теперь имеется, подробности нетрудно добавить. Теперь, если позволишь, поговорим о нравственности и ее влиянии на быт.

Нарайана усмехнулся и почесал за ухом.

— Нравственность?... Гм! Она никогда не была особенно крепка на нашей земле; я имел возможность кое-что понаблюдать со временем великого Македонца. Что она хромала в твоё время, ты сам знаешь, а теперь произошла эволюция и взгляды изменились.

Например, брак! В России он существует еще как таинство и церковь освящает его; но церковная церемония не обязательна. Развод допускается, но лишь по истечении десяти лет, ввиду слишком частых злоупотреблений. Кроме того, церковь и общество сделали уступку духу времени.

Так, прелюбодеяния — как называли прежде — терпимы, никто не осуждает за них; но они строго оформлены, все ясно и скрепляется нотариальным контрактом. Например, если женатый человек захочет взять любовницу, он извещает об этом свою законную жену и заключает с женщиной, которая ему нравится, контракт на десять месяцев, причем обязывается внести достаточную сумму на содержание матери и ребенка, на случай если их связь будет иметь последствия. Если бы та же возлюбленная, по неосторожности, заключила в течение уговоренных десяти месяцев другой контракт, то первый считается недействительным, а все потери и убытки падают на второго возлюбленного.

Равным образом и замужняя женщина не может иметь возлюбленного иначе, как получив от мужа десятимесячный супружеский отпуск, в течение которого тот отказывается от своих на нее прав. Ребенок, рожденный при таких условиях, носит девичье имя своей матери, которая совместно с другом сердца вносит капитал на его содержание и воспитание. Незаконный ребенок воспитывается в семье не иначе, как с согласия мужа. Дама пользуется во время отпуска правом посещать своего возлюбленного, но тот не смеет бывать в доме, где она проживает с мужем.

— Как видишь, все делается открыто, по договору и обеспечивается деньгами. Если хочешь, нет более обманутых мужей, ни жен-изменниц. Если мужчина нравится женщине и объяснился ей в любви, дама спрашивает у супруга отпуск на несколько месяцев, не покидая супружеского дома, если сама не пожелает; муж не имеет права отказать ясене, потому что и сам не стесняется заключать контракты с женщинами, которые ему нравятся. Не правда ли, это оригинально? А какой богатый материал для романистов! Совсем новая литература, — сказал Нарайана, смеясь. — Но факт, — прибавил он серьезно. — Теперь меньше разводов и, сравнительно, даже меньше прелюбодеяний, потому что все эти сделки стоят очень дорого, так что многие бережливые люди предпочитают довольствоваться законным счастьем.

Однако мы еще не исчерпали вполне брачный вопрос. В безрелигиозных странах контракты заключают на 5, 10, 15 и 20 лет.

Через 20 лет союз сам собой прекращается, но если стороны желают продолжать его, брак возобновляется новым контрактом. Против «шалостей» существуют также специальные правила, вроде перечисленных мною.

— А не бывает раздоров вследствие ревности? Или ото чувства, свойственное даже животному, теперь совершенно атрофировалось? — спросил Супрамати.

— О нет, бывают ссоры и даже семейные катастрофы, только реже прежнего. Во-первых, потому что вся человеческая порода пошла назад и стала апатичной, малодушной, трусливой, неспособной к более пылким, героическим, возвышенным чувствам; во-вторых, привычка — вторая натура, и, наконец, такие преступления, как задушить жену, а не то перерезать горло мужу или любовнику, караются очень строго. Это не устраивает, однако, убийства, замечу в скобках, и вообще преступность ужасающая.

Но возвращаюсь к дамам. Я еще не говорил тебе об одной категории женщин, прозванных «амазонками». Это совершенно независимые женщины, не желающие связывать себя ни браком, ни контрактом, но которые сохраняют за собою право иметь детей, если им вздумается, не отдавая в том никому отчета. Это совсем особый мир!

— Но неужели в христианской стране, где еще сохранились кое-какие понятия о нравственности, подобная свобода нравов допущена и терпима? — спросил Супрамати.

— Стихийная сила заставила допустить ее; так же, как женщинам дозволили основывать собственные университеты, клубы, убежища, больницы и т. д. Между учеными всяких категорий есть члены — женщины, и выдающиеся; как же ты хочешь, чтобы подобные женщины, независимые по уму и состоянию, — а зарабатывают они не меньше мужчин, — не получили права жить по своему усмотрению? Они воспитывают детей, если таковые окажутся, дают им свое имя и не требуют ничего на их содержание.

О, женщина сделала большой шаг в деле эмансипации. Она пробралась даже в священство. Здесь, в России, среди православных, нет женщин между священнослужителями; но в большинстве сект богослужения совершают молодые девушки. Но они должны быть весталками; верующие строго следят за этим и им плохо приходится, если они вздумают заняться флиртом. Супрамати вздохнул.

— Тяжело при всем этом являться в новом мире, — точно выходцам с того света, и наталкиваться на перемены, которые противоречат убеждениям, твердо внедрившимся в нашу душу

— Мне это знакомо. Помню, как меня коробило и возмущало, когда я не нашел невольников, а потом когда вассалы обратились в граждан. — Нарайяна засмеялся. — Поговорим о чем-нибудь другом, что тебя меньше волнует. Надо развлечь тебя, друг мой! Хочешь, я сведу тебя к моим приятельницам-амазонкам? Между ними есть прехорошенькие. Или предпочитаешь идти в театр?...

— А еще есть театры? Я тогда съезжу непременно, но не сегодня; посещение амazonок также терпит. Но раз мы коснулись этой темы, скажи мне, как развились искусства. Ведь ты всегда был знаток этого дела? — спросил Супрамати, наливая себе вина.

Нарайяна улыбнулся.

— У меня душа эллина, и я всегда любил прекрасное во всех видах. Что касается искусства с практической стороны, то оно сделало огромные успехи: машины работают с таким совершенством, что кажутся живыми. Человек покорил все стихии и эксплуатирует их с лихорадочной алчностью; богатство людское растет, а богатство природы оскудевает. Прокорм так дорог, что количество скота уменьшается с каждым днем; народ, принужденный к вегетарианству, менее подвержен эпидемиям, которые теперь чрезвычайно редки. Но, взамен того, страшно возросли эпидемии флюидические, и, безусловно, от сумасшествия самоубийств, маразма и преждевременного истощения людей погибает не меньше, чем прежде от холеры или чумы.

— Понимаю, физическая гигиена преуспела, зато духовная гигиена пала, — заметил Супрамати.

— Именно. И эта духовная упадочность прежде всего отзывалась на искусствах. Искусства, в тесном смысле, как живопись, скульптура, музыка, — все пропитаны цинизмом, который характеризует эпоху.

— Так и театр обратился в школу цинизма?

— Как и всегда, он является отражением общества.

— А артисты все так же самодовольны и требовательны, словом, так же жадны,

неносны, как было и в наше время? – спросил, смеясь, Супрамати.

– О, эти достоинства никогда не меняются, – отвечал лукаво Нарайяна. – Только теперешние артисты пользуются более прочным положением. Вообще, театр стал такой же необходимостью, как еда, а потому число их значительно увеличилось. Нет даже маленького городка, где бы их не было; в больших городах и столицах они насчитываются сотнями, потому что каждый гражданин, богатый или бедный, хочет иметь свое представление в театре или у себя. Все частные дома соединены с разнообразными храмами искусств и дают возможность, не выходя из своей гостиной, видеть и слышать всякое интересное представление.

Ты понимаешь, какой огромный персонал нужен для удовлетворения такой потребности. Поэтому имеется бесчисленное множество театральных школ, настоящих университетов по числу учеников и разнообразию курсов; есть также много убежищ для артистов, которые по старости или болезни не могут работать. Эти превосходные учреждения очень богато содержатся и доставляют своим пенсионерам до самой смерти все удовольствия и комфорт, к какому те привыкли.

Вообще это архимиллионная корпорация, позволяющая себе неимоверную роскошь. Например, здесь, в Царьграде, наиболее известные артисты составили компанию для постройки собственного дворца, где у каждого отдельное роскошное помещение; кроме того, там устроены общие залы для собраний, приемные, библиотеки и двенадцать театральных сцен, специально для репетиций, чтобы ходить в театр приходилось только для генеральных репетиций и спектаклей. Как видишь, теперь любят удобства. Что касается административной части, то она совершенно в руках государства и составляет специальное министерство. Назначения на должности делаются сообразно степени таланта и расположения, которое артист успел заслужить или снискать у публики. А жалованья громадны!

– В общем, я вижу, что корпорация артистов значительно выиграла в отношении материальных средств, привилегий и общественного положения, – заметил Супрамати, смеясь. – Жаль только, что приближается конец мира, о чем ни они, ни бедное человечество не подозревают, – прибавил он более серьезным тоном.

– В этом ты ошибаешься. Инстинкт подсказывает людям, что готовится нечто скверное. Со всех сторон являются пророки, предсказывающие конец нашей планеты, только они не могут прийти к соглашению, какого именно рода предстоит катастрофа. Одни говорят, что нас уничтожит комета, другие – что мы замернем, третий – что вулканические извержения взорвут землю. Словом, предсказываются самые разнообразные виды смерти; но упорнее всего держится мнение о новом потопе, который уничтожит население, но не истребит совершенно землю. В предвидении катастрофы наивные предприниматели даже проектируют построить здания, могущие противостоять потопу, а я предлагаю соорудить для будущей выставки ковчег вроде Ноева, – с хохотом закончил Нарайяна.

Супрамати не мог удержаться и тоже от души рассмеялся.

– Да, я думаю, что катастрофа готовит им много сюрпризов,

– прибавил он вновь серьезно. – Они даже не догадываются, насколько земля истощена, и не понимают, как должно, многозначительных предупреждений природы.

Они умолкли, занятые своими думами.

Супрамати, рассеянно оглядывавший стол, заметил вдруг стоявшую недалеко от него корзину с фруктами, где посредине лежала исполнская груша, а по бокам ее – две сливы величиною с большой апельсин; виноград размером в большую сливу завершал содержимое корзины; рядом, на хрустальной тарелке, лежала крупная, как небольшое яблоко, земляника.

– Разве теперь разводят только такие громадные фрукты? Я еще дома у себя заметил, что нам с Дахиром кидали на десерт четыре вишни, которые я принял сначала за гранаты, а сейчас в ресторане подали смородину феноменальной или скорее аномальной величины, – спросил Супрамати.

– Именно «аномальной». Овощи, плоды, хлебные злаки достигают теперь громадной

величины; это просто великаны, а все благодаря новому способу обработки при помощи электричества,

— ответил Нараяна.

— Я уже говорил тебе, — продолжал он, — что земля оскудела, обширные пространства превратились в пустыни, а выращивание фруктов и овощей производится в огромных теплицах...

— Но ведь хлеб, овес и другие злаки нельзя возделывать в теплицах? — перебил Супрамати.

Загадочная улыбка появилась на губах Нараяны.

— Завтра я повезу тебя в городок амазонок и покажу их теплицы; они славятся своими чудными продуктами, составляющими даже один из главных источников богатых доходов общины эмансионированных дам. Пока скажу тебе, что лишь благодаря электричеству получаются такие исполинские произведения, которые именно приурочены к настоящим условиям жизни и потребностям человечества. Условия эти сильно-таки изменились за то время, пока ты там зарабатывал себе звезду мага; но будь покоен, ты очень скоро со всем освоишься.

— Будем надеяться, а пока я чувствую себя совершенно не в своей тарелке, — ответил Супрамати со вздохом. — Однако, поздно, — прибавил он, взглянув на часы, — пора домой. Я чувствую себя усталым и разбитым, точно двенадцать часов подряд копал землю, а мне еще хочется почитать энциклопедию, чтобы разобраться в истории. Я не могу показаться неучем перед людьми, среди которых мне суждено вращаться.

— Ты устал и разбит потому, что отвык от флюидов толпы и материальных, порочных людей, окружающих тебя и... увы, нынешние еще хуже наших современников, — заметил Нараяна.

Но подожди, я дам тебе книгу, в которой очень кратко, но ясно изложена история последних трех веков, и ты ознакомишься с ней в общих чертах.

Он встал и через минуту вернулся с книгой, которую вручил другу.

— А теперь пойдем, я провожу тебя на своем летуне, а завтра приеду за тобой на нашу первую прогулку, — закончил он, смеясь.

Они прошли в смежную комнату и по витой лестнице поднялись на площадку башенки.

Там находился привязанный к перилам, точно лодка на причале, небольшой воздушный экипаж с электрическим, похожим на часы аппаратом, снабженным компасом и ручкой. Мягкое сиденье, обтянутое темным шелком, было двухместное и спереди

устроена была низенькая скамеечка для механика. Легкий кожаный верх был поднят, но Нараяна опустил его, посадил Супрамати, сел сам, и, отвязав канат, пустил в ход машину.

Легко, как птица, воздушная лодка поднялась в пространство и потом взяла нужное направление.

— Ты не держишь механика? — спросил Супрамати.

— Держу двух: одного для земных экипажей, другого для воздушных; но это не мешает мне очень часто выезжать одному. Вообще же должен тебе сказать, что прислуга все более уменьшается и баснословно дорого стоит! Только очень богатые люди позволяют себе роскошь иметь повара, лакея, камердинера, и то это не прежние слуги. Я знаю очень богатые семьи, где довольствуются одной служанкой, редко двумя и, говоря правду, этого достаточно, потому что в доме все приготовляется машинами. Ты еще не видал таких хозяйств. Мне даже пришла мысль свести тебя завтра к моему приятелю, доктору Ранцеву. Это прелестный человек. Он в настоящее время один, потому что жена его в отпуску, — и ты можешь подробно осмотреть его помещение.

Нараяна приподнял дощечку, приложенную около двигателя, и открыл круглую плоскую коробочку, где была целая серия металлических кнопок.

— Посмотри, Супрамати, этот аппаратик — усовершенствованный правнук беспроволочного телеграфа системы Маркони; через него можно говорить с кем угодно. Я

спрошу доктора, когда он может нас принять.

Он надавил несколько кнопок, и через минуту в центре коробки появился свиток тонкой бумаги, на которой обозначались фосфорические знаки.

— Вот, доктор завтра ожидает нас к обеду. Я приеду за тобою, и мы отправимся сначала к доктору, а потом к амазонкам. Но вот мы и приехали.

Аэрокэб тихо спустился у башенки с такой же платформой, как и у дома Нарайяны; Супрамати вышел, друзьями дружески простились, и воздушный экипаж исчез в темноте.

Войдя в свою комнату, Супрамати приказал подать себе халат и отпустил камердинера.

Он хотел, было ознакомиться с книгой истории, данной ему Нарайянной, но, прочитав немного про вторжение желтых, наводнивших Европу в XX веке, он снова почувствовал такую усталость, что бросил книгу и лег.

Очевидно, нездоровые испарения, тяжелые и зловонные флюиды, излучаемые толпой и заражавшие атмосферу, болезненно отзывались на очищенном организме мага, утомляя его более, нежели упорный умственный труд и самые сложные магические опыты.

Глава восьмая

На следующий день, приняв ванну, Супрамати почувствовал себя вполне свежим и бодрым, если не считать легкой тяжести, от которой он не мог отделаться с приезда в Царьград. Выходить из дома ему не хотелось, и он провел утро за чтением истории, разыскивая попутно в энциклопедии биографии знаменитых людей, имена которых встречались ему.

Затем он принял отчет управляющего одним из отдаленных поместьев, вручившего ему крупную сумму денег, и наконец занялся туалетом, чтобы быть готовым к приходу приятеля.

Было около трех часов, когда прибыл Нарайяна — свежий, улыбающийся и изящный, как всегда.

— Не рано ли для обеда? — спросил Супрамати.

— Конечно, час для обыкновенного обеда неподходящий. Но так как мы отправимся еще к амазонкам, то доктор, с которым я утром беседовал, предлагает нам *dejeuner-dinatoire*. Я предупредил его, что ты первый раз в Европе и желаешь изучить последнее слово современного комфорта, и он покажет тебе свой дом.

Теперь Нарайяна приехал в экипаже вроде того, какой достали и Супрамати с пристани, и через полчаса автомобиль остановился у большого дома в двенадцать этажей.

Это был настоящий дворец, построенный в странном и не особенно изящном архитектурном стиле последнего времени. На каждом этаже были широкие балконы с цветами и резными перилами, и почти у всякого было прикреплено по воздушному экипажу.

— Почему не приехали мы в самолете? Это было бы удобнее, особенно если доктор живет высоко, — заметил Супрамати.

— Он живет на десятом этаже, и швейцар поднимет нас; но я хотел показать тебе прихожую дома.

— Как! Еще существуют швейцары? — полюбопытствовал Супрамати, смеясь.

— Да, но они очень мало походят на прежних. Это необходимый служащий в каждом доме, очень занятый своей особой. Получает он 15000 руб. жалованья и квартиру; у него четыре помощника, получающих по 6000 руб. жалованья с квартирой, и каждый обслуживает один из входов, которых имеется пять, по это главный.

Разговаривая, они поднялись на ступени крыльца и вошли в прихожую.

Подчиняясь требованиям эпохи, стремившейся во всем к грандиозному, прихожая оказалась обширной залой с эмалированными керамическими колоннами; в центре потолок доходил до вершины дома и кончался стеклянным куполом с разноцветной живописью. В этом словно колодце четыре подъемные машины ходили вверх и вниз, по нигде не было видно, кто бы управлял аппаратом. Высокие с разноцветными стеклами окна освещали залу; два фонтана в мраморных бассейнах веяли приятной прохладой; там и сям, среди цветов и

зелени, разбросаны были скамейки и кресла, а на столиках кучами лежали газеты и журналы.

С одной стороны залы, на прилавках и полках, помещались различные съестные припасы: овощи огромных размеров, фрукты, масло, сыры; все было расположено с большим вкусом и аппетитно выглядело в корзинах, убранных зелеными листьями и украшенных вырезанными из бумаги кружевами.

— Это что, рынок? — спросил Супрамати.

— Эти продукты выставляются каждое утро, чтобы жильцы могли воочию убедиться в доброкачественности и свежести припасов и, по желанию, выбирать провизию. А вон там, направо, па эстраде, этот шикарный господин, восседающий за бюро, заваленным счетными книгами и другими бумагами, и есть швейцар, — ответил Нараяна вполголоса, подходя к эстраде.

Швейцар, увидев их, встал и поклонился.

— Принц желает, вероятно, подняться на десятый этаж, квартира двенадцать? Благоволите пожаловать в машину номер два.

Поблагодарив его, приятели сели в подъемную машину, и Нараяна нажал пружину. Аппарат быстро полетел вверх и мгновенно остановился, когда привели в движение другой механизм.

Вышли они на маленькой площадке, украшенной цветами и большим зеркалом; тут же находились две двери с фарфоровыми пластинками, обозначавшими имена жильцов.

Нараяна нажал пластинку; тотчас дверь без шума отворилась, и они очутились в небольшой передней, где в стену был вделан шкаф, закрытый хрустальной дверцей. В этот шкаф посетители спрятали свои плащи, шляпы и трости, и в эту минуту вошел доктор и весело поздоровался с ними.

Это был молодой человек лет тридцати, худой и даже несколько хилый, как большинство населения; но наружность была интеллигентная, приятная и добродушная.

— Здравствуйте, Павел Павлович. Как видите, мы аккуратны; а вот и мой двоюродный брат, принц Супрамати, о котором я вам говорил. Прошу любить да жаловать; но предупреждаю, что он крайне любознательен, скажу даже, жаден на все новое, потому что приехал из старого гималайского дворца, где ревнивая мамаша воспитала его в затворе.

— Хорошая рекомендация! Доктор сочтет меня навязчивым и любопытным дикарем, — возразил Супрамати, усмехаясь. — Должен однако сознаться, что во дворец, где я воспитывался, еще не проникло последнее слово цивилизации и новейшего комфорта, и я желал бы познакомиться с ними для того именно, чтобы ввести у себя все новейшие усовершенствования.

— Я рад показать вам все, что может вас заинтересовать, принц, но боюсь, что скромный комфорт моего уголка не удовлетворит требования человека вашего положения и состояния, — честосердечно ответил доктор, вводя своих гостей в маленькую, меблированную с большим вкусом залу, к которой прилегал обширный балкон, служивший так же пристанью для самолетов.

— Если не желают видеть балкон, выдвигают эту ширму, — пояснил доктор, нажимая пружинку.

Тотчас из стены выдвинулась перегородка и плотно закрыла балконную дверь так, что стена казалась цельной.

— Вот мой кабинет, но в нем нет решительно ничего интересного, а это спальня, — продолжал хозяин, вводя их в большую, очень светлую комнату с лакированными, блестящими, как атлас, стенами; несколько кресел и диван, обитые кожей, два деревянных туалета с круглыми зеркалами и бесчисленными перламутровыми инкрустированными ящичками для мелких вещиц составляли всю меблировку.

— А где же постели? — полюбопытствовал Супрамати. — У меня они занимают порядочно места.

— Это другое дело. Вы занимаете один целый дворец, а я живу в квартире, где место очень ограничено, — улыбаясь, ответил доктор.

Он тронул доску в стене и мгновенно появилась прекрасная постель с металлической отделкой, покрытая красным шелковым одеялом.

— Взгляни, Супрамати, матрац и подушка из каучука и только покрыты шелковыми наволочками, — заметил Нарайяна.

— О да, пух ценится теперь на вес золота, так как птица стала редкостью, — сказал доктор.

— А вот наше белье, — прибавил он, открывая широкий шкаф, также вделанный в стену.

Там лежало стопками все белье, необходимое в обиходе светского человека. Он достал рубашку, полотенце, носовой платок и дал Супрамати их пощупать.

— Не правда ли, что ткань мягка, тонка и шелковиста, как лучший батист? А между тем, это — просто китайская или японская бумага. Как все удобно и гигиенично! Теперь не стирают белья, как прежде; кто бы это делал? К тому же нет больше прачек, а потому бывшее в употреблении белье просто выбрасывается; жалеть об этом не стоит, потому что тысяча платков, например, стоит десять рублей.

— Отчего же, в таком случае, белье мое и моего кузена из полотна или шелка? — спросил Супрамати.

Доктор улыбнулся.

— Это прихоть миллиардеров, которые только и могут иметь собственные прачечные; обыкновенные смертные носят бумажное белье. Пойдемте, господа, я покажу вам ванную и кухню; а затем пожалуйте кушать.

Ванная была средних размеров комната, которая осветилась, как только отворили дверь; в глубине помещалась низкая фарфоровая ванна и камышовая мебель. Хозяин объяснил, что можно весь день иметь горячую воду, затем показал кухню.

То, что носило такое громкое название, оказалось крошечной комнаткой с электрической печью величиною с чайный поднос.

— Это только для исключительных случаев, если понадобится что-нибудь сварить или согреть ночью; обед же нам подается готовый, — пояснил Павел Павлович.

— О! У нас уже нет громоздкого хозяйства наших предков и жены наши гораздо свободнее; их не злят нечистоплотные и ленивые горничные или пьяные и вороватые кухарки. Все делает-

ся и подается готовое; даже уборка и метение производятся усовершенствованной машиной, которая вбирает, поглощает пыль и немедленно сжигает ее. — Теперь перейдемте в столовую и я прикажу подавать.

Столовая была большая комната с панелями полированного дерева. В ней были два буфета с дорогим серебром и фарфором, а посредине, вокруг пустого пространства, были расставлены стулья; около того, который, очевидно, назначался для хозяина или хозяйки дома, находились две низкие и широкие колонки, окруженные тонкой золоченой решеткой.

Приказание подавать ограничилось нажатием металлической кнопки на одной из колонн.

Пока разговаривали в ожидании обеда, доктор заметил:

— Я часто спрашиваю себя, как наши бедные предки могли жить при таком полном отсутствии комфорта? Например, переезд на квартиру. Ведь это ужасно — перетаскивать все свое имущество из одного дома в другой или, еще ужаснее, — из одного города в другой.

— Так вы никогда не переезжаете? — спросил, улыбаясь, Супрамати.

— Избави Бог делать это так, как делали мои предки. Для меня перемена квартиры не значит ровно ничего; я оставляю здесь все, что вы видите, и получаю там все необходимое. Все находящееся в квартире, — мебель, серебро, посуда, цветы, безделушки и т.д., — все принадлежит этому заведению; я отвечаю только за разбитое и испорченное. И лишь приходится увозить одни не громоздкие вещи, составляющие мою личную собственность. А вот и обед! Звонят!

В полу образовалось широкое отверстие и оттуда поднялся роскошно сервированный стол, украшенный цветами и хрусталем.

Сначала съели суп из зелени с пирожками, после чего доктор поставил грязную посуду на колонну с левой стороны, привел в движение механизм и посуда опустилась, а через правую колонну появилось второе блюдо. Таким образом шло последовательно до десерта из фруктов и шипучего вина.

Во все время обеда, оказавшегося превосходным, играла приятная музыка, но так тихо, что не мешала разговаривать.

По окончании обеда, точно по волшебству, исчез стол. Они перешли в гостиную, сели около открытого балкона, беседовали, попивая кофе, а доктор с Нарайяной закурили сигары.

— Позвольте задать нескромный вопрос, Павел Павлович: сколько стоит вам квартира, включая стол, услуги и т.д.? Ввиду окружающей вас роскоши, я полагаю, что это должно быть очень дорого, — сказал Супрамати.

— Нет, я плачу относительно недорого. Все, что вы видите, стоит мне тридцать тысяч рублей в год, а так как мой годовой заработка равняется шестьдесят тысяч рублей, то, значит, половина остается мне на остальные нужды и удовольствия.

— У вас большая практика?

— Да, если хотите. Я врач общества этого дома, который невелик и вмещает всего три тысячи жильцов. Другие дома имеют по пятнадцать и двадцать тысяч человек. Но порядок, установленный в таких учреждениях, везде одинаков; у каждого — свои врачи, аптекари, дантисты, механики и т.д., которые связаны с заведениями пожизненными или продолжительными контрактами. Здесь нас три врача, и я обязан во всякое время дня и ночи быть в распоряжении жильцов четырех этажей, находящихся в моем заведении.

В этом отношении мы также гораздо счастливее наших коллег прошлых веков, которые должны были охотиться за пациентами; причем один утопал в золоте, другой умирал с голода. В настояще время, завися от случайности клиентуры, никто не мог бы существовать; каждый находит прочное положение, обеспечивающее ему известное удовольство. Конечно, есть разница в заработке врача, так, заведения второго и третьего класса платят меньше, но все-таки это верный доход.

Да, я забыл сказать, что обед мой рассчитан на троих: на меня, мою жену и дочь. Хотя жена моя в настояще время отсутствует, а дочь гостит у бабушки, мне подают все-таки на троих, и я могу приглашать друзей. Если я приглашу больше гостей, то платить должен отдельно.

Когда доктор сказал о жене, Супрамати с любопытством, пристально посмотрел на него. Он знал от Нарайяны, что дама была в супружеском отпуску с возлюбленным. Но напрасно он искал на лице своего амфитриона и даже в его мыслях, которые читал,

хотя бы тень грусти, ревности, нравственного страдания. По веселому лицу доктора разлито было самое благодушное спокойствие, а мысли его отражали только жадное любопытство, которое внушала ему личность Супрамати. Доктор инстинктивно чуял в своем госте что-то необыкновенное.

— У нас, в Индии, люди еще очень консервативны; я убеждаюсь в этом каждую минуту. Действительно, мы отстали, по крайней мере, на столетие, — заметил Супрамати, улыбаясь. — Рискуя, что вы примете меня, дорогой Павел Павлович, за выходца из прошлого века, я позволю себе задать вам еще несколько вопросов ввиду того, что я намереваюсь употребить свое очень значительное состояние на нововведения по последним данным европейской цивилизации.

— Пожалуйста, ваша светость, спрашивайте; я буду счастлив разъяснить все вас интересующее.

— Благодарю. Я именно желал бы осведомиться насчет медицины, устройства больниц, борьбы с эпидемиями, со смертностью и т.д. Я знаю, что в медицине произошел огромный переворот, что прежние эпидемии уступили место другим, но все мои сведения крайне поверхностны.

— Это понятно, князь. Вы еще слишком молоды для того, чтобы приобрести познания по специальным отраслям науки. Я постараюсь ответить на ваши вопросы по порядку. Итак,

прежде всего о медицине. Она развилась и изменилась, что было необходимо, потому что само человечество страшно изменилось, и люди мало походят на прежних, насколько я могу судить по нашей литературе. Если вы, принц, изучали историю минувших веков с этой именно точки зрения, то...

— Как же, — перебил Супрамати, — я забыл сказать вам, что у меня страсть к археологии, и я так ушел в прошлое, что даже чувствую себя в настоящем не на месте.

— В этом случае я вполне вам сочувствую. Я тоже очень люблю рыться в прошлом, читать старые медицинские сочинения, сравнивать прежние нравы с нынешними и подчас — он вздохнул — мне кажется, что, несмотря на их более тяжелую, бедную, лишенную комфорта жизнь, минувшие поколения были счастливее нас.

Впрочем, это все грезы мечтателя. Конечно, и в нашей современной действительности достаточно прекрасного и хорошего, чтобы не сожалеть о прошлом. Но возвращаюсь к вопросу.

Настоящее наше поколение малосильно, все у нас искусственно, настоящей солнечной теплоты недостает и людям, и растениям. Все эти фрукты, овощи и прочее лишены естественного импульса для произрастания; все растет и зреет при помощи электричества, и организмы наши, пресыщенные электричеством, стали хилы и нервны до чрезвычайности. Нынешняя порода людей нигде словно не находит себе места; лихорадочно возбужденная и в то же время страстная, но утратившая прежнюю мощь, она породила болезни, совершенно неизвестные прошлым векам. Вообще говоря, теперь меньше болезней; холера, чума, дифтерит, инфекционные болезни совершенно исчезли, это правда; наука сумела исследовать и осилить мир бацилл, особенно после полного истребления крыс и мышей к концу XX века. Но взамен их нервные болезни возросли в ужасающих размерах; менингит, например, является ныне бичом человечества и убивает за несколько часов.

Есть еще странная, ужасная и безусловно неизлечимая болезнь св. Эльма. Больной начинает испускать огонь; сначала из концов пальцев, потом изо рта и ноздрей. К такому больному опасно подходить: как это ни странно, но болезнь заразна. Через два-три дня страшных мучений человек умирает; тело кажется нетронутым, но внутренние органы совершенно сожжены.

Увы! Наша аномальная жизнь мстит за себя! Таланты редчают, возбужденный мозг лишь с большим трудом выносит продолжительную и деятельную умственную работу. Рождаемость также уменьшается в тревожных размерах; живут не сердцем уже, а ощущениями; то, что было прежде любовью, обратилось в чувственность. Повторяю, все это отмывает за себя. Леность и слабость объяли род человеческий. Так ученье, слишком усердные работники, нередко впадают в летаргию и только после нескольких месяцев полного отдыха в состоянии приняться за занятия. С другой стороны, есть люди, которые проводят половину жизни в дремоте и прозябают таким образом, не будучи в состоянии очнуться и работать. Для таких есть специальные убежища.

Болезни, будучи менее частыми, стали более сложными; а ввиду происшедших в человеческом организме изменений прежние

методы лечения уже неприменимы! Аллопатические дозы, которые назначали раньше, подействовали бы теперь ошеломляюще и убили бы больного; так что я иногда спрашиваю себя, какими исполинами должны были быть люди еще два, три века назад, не только чтобы глотая не умереть, но даже излечиться такими варварскими средствами.

— Значит, аллопатия теперь не в ходу и, вероятно, воздается честь нашей индийской растительной медицине и магнетизму, — заметил, улыбаясь, Супрамати.

— О! Я полагаю, что никто не лечится более аллопатией. Гомеопатия совершенно заменила ее, лечение магнетизмом — самое действенное; теперешний врач не может получить диплом, не пройдя курс магнетизма и не будучи хорошим магнетизером. Есть и особые магнетизеры-специалисты, обладающие исключительной силой. Те следуют особому режиму и образу жизни в медицинских институтах, откуда эти целители и вызываются в серьезных и опасных случаях.

— Вы сказали, доктор, что рождаемость уменьшается в тревожных размерах? Это объясняет мне, почему на улицах и в садах видно так мало детей. Печальная перспектива для человечества! — заметил Супрамати.

— Увы! Будущее представляется мне не только печальным, но зловещим, — возразил доктор со вздохом. — Статистикой доказан непреложный факт, что смертность превышает рождаемость; поэтому государство стремится блюсти подрастающее поколение и охраняет его от возможных случайностей. Вследствие этого дети с самого рождения помещаются в специальные заведения.

— Это некоторое насилие относительно родителей! — заметил Супрамати.

— Нисколько. Нежным родителям предоставляется свобода оставлять у себя малюток, но они обязаны с шестилетнего возраста посыпать их в школу. Школьная карета с особо доверенным лицом приезжает за детьми в девять часов и привозит обратно в пять. Во время рекреаций их водят в санитарный сад, где подается теплое молоко, свежие яйца, фрукты. Тем не менее, многочисленных семей более нет, как и вообще не существует «семьи» в прежнем смысле.

К чему это в конце концов приведет, — один Бог знает, настолько условия жизни становятся тяжелы. В теплых странах, как здесь, например, еще ничего; но на севере, где страшные морозы и не всякий может оттуда бежать, существование становится совершенно аномальным. Несчастные, вынужденные жить в таком климате, подвергаются приступам спячки или оцепенения в такой степени, что часто приходят в себя только через пять, шесть дней, чтобы немного подкормиться; что касается полярных жителей, они совершенно исчезли.

В эту минуту раздался дрожащий и мелодичный звук, но такой громкий, что его слышно было во всей квартире.

Доктор тотчас встал и подошел к большой раме с металлической пластинкой, на которой появились фосфорические знаки.

— Извините, господа, меня зовут к больному, — сказал Павел Павлович, обращаясь к гостям. — Я, право, в отчаянии, но, может быть, вы подождете меня; я поспешу вернуться.

Но гости поблагодарили, сказав, что у них еще визит к амазонкам.

Супрамати пригласил доктора к себе на обед в один из ближайших дней, и они расстались. Доктор побежал к своему балкону, чтобы перелететь на самолете на балкон своего клиента, а друзья пошли к своему экипажу.

Глава девятая

Амазонки жили за городом на расстоянии не менее часа пути. Дорога, превосходно содержимая и гладкая, как паркет, вилась между зеленых полей и садов; во все стороны, куда только хватал глаз, всюду видны были колоссальные теплицы и оранжереи со сверкающими на солнце стеклянными куполами.

Проезжая мимо огромного здания, построенного на пригорке, Нарайяна сказал:

— Взгляни, это яичный завод. Тут содержатся несколько миллионов кур, которые несутся день и ночь. Компания ведет блестящие дела, потому что каждое яйцо заранее куплено учреждениями, подобными тому, где живет доктор, а их в городе более двухсот тысяч, при населении в несколько миллионов. Но вот мы уже приближаемся к городку прекрасных амазонок.

Дорога здесь шла немного в гору, и с вершины холма вдали стали видны белые стены ограды, живописные разноцветные здания и огромные сады оригинальной общини.

Через несколько минут автомобиль остановился у въездных ворот.

Это был высокий портал с беломраморными колоннами, увенчанными колоссальных размеров группой тоже из мрамора. Изображала она мужчину, лежащего на спине и держащего в зубах половину библейского яблока; женщина, с гордо закинутой головой, поставила ногу на грудь распростертого мужчины, а в поднятой руке держала знамя с

надписью красными буквами:

«*Ева-победительница*».

– Ева, свергнувшая тиранию мужчины и изгнавшая мужа. Ни один мужчина не имеет права жить здесь, – пояснил Нараяна, насмешливо прочитав надпись.

– А между тем мы собираемся войти и ты рассчитывала, кажется, быть принятой, – усмехнулся Супрамати.

– О! Гостей-то они принимают, но соблазнить их трудно, ввиду того, что многие из них принадлежат к «третьему полу».

Тем не менее, если ты понравишься даме, она наградит, пожалуй, тебя минутной любовью, что не даст тебе, однако, никаких дальнейших прав. Это вроде чашки чая, подаваемой гостю, которая также ни к чему не обязывает.

– А подарки можно делать таким гостеприимным хозяйствам? – не без лукавства спросил Супрамати.

– Это дозволяется, хотя и необязательно. Но, если кто желает завоевать расположение и быть хорошо здесь принятой, он должен пожертвовать сумму на улучшение общины. Это называется «носить дрова для собственного костра». Меня, например, очень хорошо принимают. Я уже пожертвовал для своего «костра» миллион, а попутно откушал не одну «чашку чая»...

– Неисправимый повеса! – сказал Супрамати. Нараяна подмигнул.

– Привычка, милый мой. К тому же женщины тут есть прехорошенькие и по большей части артистки; лучшие произведения искусства бывают обыкновенно на выставках амazonок. Но я позвоню, чтобы нам открыли двери рая.

Он подошел к решетке и нажал металлическую кнопку.

Несколько минут спустя дверь отворилась и у входа показалась очень кокетливо одетая женщина неопределенного возраста, высокая и худая.

На ней были желтые кожаные лакированные ботинки с голубыми шелковыми чулками, короткая юбочка и темные шелковые панталоны буфами, того же цвета блузка и фетровая шапочка с голубым пером.

– А! Это вы, принц? Кого вы привезли к нам? – спросила она, протягивая Нараяне руку.

Когда тот представил своего двоюродного брата Супрамати, того так же удостоили пожатием руки.

– Входите, господа, а экипаж вы уж знаете куда поставить, м-р Нараяна, – прибавила она.

Вкатив автомобиль в сарай у стены, оба они и их спутница направились по усыпанной песком аллее к большому зданию с громадным подъездом.

Они вошли в круглую прихожую, увенчанную вверху куполом с цветными стеклами, а оттуда в открытую залу, представлявшую настоящий вход в царство амazonок. Отсюда открывался великолепный вид на огромный парк, прорезанный песчаными аллеями; вдали сверкала гладкая поверхность озера, и то там,

то сям из густой зелени выглядывали купола беседок и стены домов, разбросанных в глубине парка.

В зале были белые стены, украшенные легкой сеткой из золотой проволоки, на которой вились ползучие растения с цветами и густой зеленью; пышные цветы – розы преобладали, распространяя одуряющий аромат; в мраморном бассейне посередине высоко был фонтан, переливаваясь всеми цветами радуги.

– Не желаете ли, господа, погулять в парке? Наши дамы еще не в сборе, а потом они займутся туалетом, так как у нас сегодня концерт. Соберутся в большом павильоне, куда вы и пожалуете часа через полтора. Я должна извиниться, у меня еще есть работа, а затем нужно переодеться.

– Конечно, Ираида Петровна, отправляйтесь по своим делам. Мы погуляем в вашем прекрасном парке, где так много интересного, и с вашего позволения пройдем в теплицы и

оранжереи.

— Пожалуйста, все к вашим услугам. До скорого свидания. Она кивнула на прощанье и как тень исчезла в боковой аллее.

— Во всяком случае, эти дамы прекрасно устроились, — заметил Супрамати, осматривая чудную картину.

— Да, они страшно богаты, любят искусство и постоянно украшают свое обиталище. Пойдем, сначала я покажу тебе гроты, потом отправимся в теплицы, которые действительно замечательны, — ответил Нарайяна.

И они не спеша направились по тенистой аллее.

Парк содержался в изумительном порядке. Всюду были цветники, статуи, маленькие павильоны, высеченные словно из коралла, перламутра или лазуревого камня; в огромных птичниках летали редкие птицы, а целые стаи белых и темных павлинов блестели в траве своим разноцветным оперением.

Проходив с четверть часа, они подошли к груде скал; в расщелинах росли кустарники, а с вершины широкой струей падал каскад, образуя внизу ручей, исчезавший в глубине густого парка.

Они вошли в узкую, но высокую расселину в виде двери, и Супрамати, к удивлению своему, очутился в прелестном гроте из сапфирового цвета сталактитов. Мягкий голубой свет наполнял грот. В конце его, в углублении, стояла статуя женщины из голубого хрустяля. В одной руке она держала кувшин, из которого с тихим журчаньем лилась серебристая струйка воды в хрустальный бассейн; другой рукой она поднимала голубой шар в виде лампы.

По другим нишам были разбросаны диванчики из золоченой бронзы с голубымишелковыми и с золотой бахромой подушками; на столиках стояли фарфоровые подносы с чашами и хрустальными кувшинами, наполненными чем-то темным. Неподалеку, в виде треугольника, расположены были еще два грота, точно так же отделанные; только статуя, свет, подушки были в одном изумрудного цвета, а в другом рубинового.

— Отдохнем немного, здесь очень красиво. Тому, кто не видел гроты, окружающие источник первобытной эссенции, картина покажется совершенно волшебной, — сказал Супрамати, усаживаясь на диван.

— Правда, здесь хорошо. А самое интересное, что почти все здесь собственноручная работа амазонок. Например, статуи сделаны из вещества, изобретенного лет пятьдесят тому назад; как видишь, по блеску, по игре света оно походит на горный хрусталь, но его можно окрашивать по желанию и высекать, как из мрамора, что угодно. А лампы делают из того газа, который, ты знаешь горит вечно; но так как свет его слишком ослепителен, его помещают в цветные шары. Это дает эффект; но ведь у тебя должны быть такие лампы?

— Да, я видел их в одной из зал библиотеки.

— Кстати, — заметил Нарайяна, — на последней выставке один художник дал несколько статуй и в зрачки ввел крошечные шарики с таким светом. От этого лица получили удивительно жизненное, но, говоря правду, вместе и демоническое выражение. Однако пора идти, если желаешь видеть теплицы.

Нарайяна, очевидно, превосходно знал топографию местности и быстро затем провел своего друга к огромным высоким постройкам со стеклянными куполами.

Они вошли в первое из этих сооружений, оказавшееся очень широкой и бесконечно длинной галереей. По обеим стенам в три этажа расположены были на бронзовых колонках стеллажи вроде балконов, на которых помещались ящики, кадки и гряды земли, покрытые растительностью.

— Здесь культивируют хлеба: рожь, пшеницу и т.д., — пояснил Нарайяна, всходя по металлической лестнице, которая вела на первую галерею.

Там в ящиках и кадках росла целыми кустарниками рожь; огромные колосья сгибались под тяжестью множества зерен величиною с крупную горошину; каждый куст представлял целый сноп этих чудовищных колосьев.

— Когда колосья созревают, их мелют в электрической машине, подобной прежним кофейным мельницам. Теперь в городе многие небогатые семьи выращивают таким способом рожь в кадках и муку мелют дома. Это обходится дешевле.

— Но как же целая семья может прокормиться мукой из ржи, созревшей на ее балконе? — заметил, смеясь, Супрамати.

Нарайяна также засмеялся.

— Должно быть, может, потому что люди едят теперь очень мало. Я помню, сколько мы поедали в XIX веке, и сравнивая, сколько надо теперь человеку, чтобы быть сытым, я положительно удивляюсь. Тогда, возьмем хлеб: здоровый человек, особенно пролетарий, свободно съедал три фунта в день; теперь не найдешь такого, кто бы переварил один фунт, а прочее в том же роде. Одной картофелины хватает на семью, одна-две ягоды земляники — самая большая порция. Ты заметил, что ел сегодня доктор? Три-четыре ложки супа, пирожок величиной с орех, одну спаржу, — правда, с прежний огурец толщиною, рисовую котлетку и одну ягоду земляники; к хлебу он не дотронулся. Подай такой обед Лормейлю или даже Пьеретте, они умерли бы с голода через три дня. Ха, ха! — засмеялся от души Нарайяна.

Супрамати улыбнулся.

— Правда, по нашим прежним понятиям этого мало, но ведь это не новость, что аппетит человека уменьшается. Ты, видевший аппетит средневековых рыцарей и принимавший участие в тех гомерических пиршествах, где подавали целых кабанов, мог сравнить, каким пигмеем рядом с этим закованым в железо великаном, оказывался человек XX века, который не мог справиться с одним пирогом. А теперь, когда близится конец, регресс пойдет еще быстрее. Продуктов окажется все меньше и меньше, и они будут дороже, а человек, становясь все более нервным и более пропитываясь электричеством, при извращенной и порочной жизни, будет есть еще меньше; его хилый организм потребует еще более легкой пищи. Впрочем, шаг, сделанный в этом направлении, громаден за последние три века, и вид этой растительности, такой же аномальный, как и ее насадители, внушает мне живейший интерес.

— Действительно, все громадно и аномально. Взгляни ты на этот колос, в нем около тысячи зерен величиною с боб, и весит он по крайней мере несколько фунтов. Но во всяком случае увеличился комфорт, и люди довели свой труд до минимума. Взгляни, например, на это сито, протянутое над всеми посадками; три раза в день поворачивают рычаг при входе в галерею и тотчас через бесчисленное множество проводов выступает вода и через это сито мелким дождем поливает растения; через десять минут или четверть часа, смотря по надобности, автоматический механизм замыкает рычаг в определенную минуту. Жатва производится также посредством машин. Однаково земля в ящиках и кадках возобновляется не раньше пяти или шести лет, ввиду того, что ее постоянно удобряют, поливая студенистой массой, — смесью экстракта нефти и разных снадобий, которые не умею сейчас назвать; вещество это немедленно всасывается и поддерживает плодородие почвы.

— А что в других теплицах и в этом огромном круглом павильоне? — полюбопытствовал Супрамати, указывая на отдаленные здания.

— В теплицах овощи и фрукты колоссальных размеров, как ты уже видел, а там целый лес деревьев, из которых выгоняют растительное молоко, очень распространенное теперь, когда так вздорожало коровье. Как видишь, все это под защитой стеклянных куполов и не боится дождя, засухи, града и других бедствий прежнего земледельца; голод в настоящее время исчез. А эта круглая башня — мукомольная мельница, за нею амбары для запасов, консервов, сухих фруктов и т.д.

Весь день амазонки заняты посадками, жатвой и другими работами; но так как они очень богаты, то нанимают помощниц; держат служанок и несколько кухарок.

Но я полагаю, ты достаточно насладился здесь. Пойдем теперь к лебединому озеру, там главное здание и другие заведения.

По аллее, обрамленной цветниками и кустарниками, они направились к большому озеру. На гладкой поверхности его плавали белые и черные лебеди; посредине, на маленьком

изумрудно-зеленом островке, возвышался лебединый домик и большой птичник; у берега была привязана лодочка, сверкавшая, как драгоценный камень, эмалью и позолотой.

Огибая озеро, посреди кустов и вековых деревьев, разбросан был целый ряд построек.

Во-первых, стоял огромный дом в 10 или 12 этажей из эмалированного кирпича; дом этот был главным местожительством амазонок. Далее был маленький, весь розовый дворец начальницы общинны, «царицы амazonок», как ее называли; затем два очень большие здания, голубое и красное, с галереями, колоннами и высокими портиками, к которым вели монументальные лестницы. – Голубое – храм искусств, – пояснил Нарайяна. – В нем мастерские живописи и скульптуры, библиотека, школы: музыкальная, декламации и т.д. В красном – театр, концертный зал, залы для собраний, танцев, гимнастики и различных игр.

Когда они входили в галерею с колоннами красного дворца, до них донеслись отдаленные звуки музыки; затем они вступили в концертный зал, полный уже публикой.

В глубине, на возвышении, была сцена, задрапированная красной материей, и там сгруппировались артисты; на скамьях, покрытых также красным, сидели слушатели; прямо против сцены, в закругленном углублении, была устроена большая ложа, тоже убранная красным с золотом.

В ней, на стульях с резными спинками, помещалось «начальство» общинны, очень красивые женщины, в нарядных легких платьях, большую частью белых; шеи и руки украшены были бриллиантами, а завитые и распущенные волосы цветами. Посредине ложи восседала «царица» амазонок, молодая и очень красивая особа с черными волосами и глазами.

К этой ложе Нарайяна и повел Супрамати. После представления «кузена» они приглашены были занять места позади «царицы», рядом с двумя другими господами еврейского облика.

Это были директора одного из театров, приехавшие приглашать певиц, которые ради общинны соглашались выступить на сцене, конечно, за неимоверно высокую плату.

Молодые артистки пели действительно превосходно, но Супрамати не понравились их странные мелодии, иногда совершенно дикие и дышавшие какой-то беспорядочной страстью. Оба директора были, наоборот, в восторге и уже в первом антракте условились с начальницей общинны, что на другой день утром приедут подписывать контракт. Еще одну странность подметил Супрамати: некоторым номерам пения аккомпанировали невидимые инструменты. Глубокие аккорды с тихой модуляцией чудесно вторили голосам певиц; казалось, что эти новые инструменты также страстно увлекались исполняемой музыкой, как и живые ее выразительницы.

По окончании концерта «царица» пригласила присутствующих к ужину и все прошли в обширную, волшебно освещенную залу с расставленными столами, украшенными серебром, хрусталем и душистыми цветами.

Супрамати с Нарайяной и оба директора как почетные гости помещены были за столом «царицы», и Супрамати скоро убедился, что та совершенно открыто флиртует с Нарайяной.

– Пир как раз для мага, – подумал он, до того легки были подаваемые блюда, состоявшие исключительно из овощей, фруктов и чрезвычайно воздушных, таявших во рту пирожков.

Все было превосходно приготовлено, но Супрамати едва притрагивался к кушаньям, чувствуя недомогание. Воздух, которым он дышал, казался ему густым, грудь давила тяжесть и минутами кружилась голова. От черных теней, скользивших между присутствовавшими, веяло ледяным холодом. Его охватила глубокая тоска и он с удивлением смотрел, как Нарайяна весело и беззаботно болтал со своей прекрасной соседкой, ел с аппетитом и чувствовал себя, по-видимому, превосходно.

Чувство, что кто-то пристально смотрит на него, вывело Супрамати из задумчивости. Он огляделся и увидал, что черные глаза сидевшей против него дамы смотрели на него с таким жадным любопытством, с таким нескрываемым восхищением, что невольная усмешка мелькнула на его лице. Пойманная на месте преступления, дама, казалось, смущилась;

прозрачное лицо зарделось и она отвернулась. Но минуту спустя взгляд ее, словно заколдованный, снова остановился на Супрамати; на этот раз и он внимательно вгляделся в нее.

Это было очаровательное создание, совсем юное, с густыми золотистыми волосами и белым, как фарфор, лицом; на пурпуровых губках замечалась энергичная складка.

После ужина все отправились гулять по великолепно освещенному парку, и Нарайяна вел под руку «царицу» амазонок, которая отнюдь не скрывала, что он ей нравился. Ей и в голову не могло прийти, конечно, что красивый молодой человек, ухаживавший за нею, как простой смертный, был загадочным и странным существом, амфибией между мирами видимым и невидимым.

Когда Супрамати спускался по ступеням в парк, хорошенъкая дама, внимательно разглядывавшая его за столом, вдруг очутилась возле.

— Позвольте мне, принц, показать вам наш сад. Меня зовут Ольга Александровна Болотова, я племянница председательницы нашей общины, — проговорила она без стеснения, слегка кивая головой.

— Будьте так любезны, я вам очень благодарен, — ответил Супрамати, вежливо кланяясь и подавая ей руку.

Она вдруг вздрогнула и подняла на него испытующий взгляд.

— Какой странный ток исходит от вас! Он вызвал во мне дрожь, точно от прикосновения к электрической батарее, — заметила она минуту спустя.

— Это только вам показалось, — ответил Супрамати, подавляя тотчас же усилием воли испытанное молодой девушкой ощущение.

— Правда, теперь я уже ничего не ощущаю. И она принялась болтать, подвергая своего кавалера наивному допросу, откуда он явился, кто он и т.д.

Супрамати добродушно слушал ее, но ответы его были сдержанны, бесцветны и даже немного холодны. Пустая болтовня начинала ему надоедать, а заниматься флиртом, подобно Нарайяне, он не мог.

Над ним еще тяготели величие и важность его положения как мага и мыслителя, только что вышедшего из области тишины и созерцания; гармония и торжество победы, одержанной над плотскими страстями, запечатлелись на его чертах особой духовной красотой.

Он почувствовал облегчение, когда к нему подошел Нарайяна и объявил, что пора уезжать.

Когда они ехали уже в автомобиле, Нарайяна начал подсмеиваться и поддразнивать Супрамати.

— Поздравляю с победой, в тебя влюбилась красивейшая из амазонок; она просто ела тебя глазами. Увидишь, что на этих днях она явится к тебе с визитом, потом последует приглашение к ней, а кончится тем, что тебе предложат... «чашку чаю»!

— Которую я принять не намерен, — спокойным тоном возразил Супрамати.

— Почему? Я уже говорил, — да ты и сам знаешь лучше моего, что во время путешествия по свету любовные отношения разрешаются. Никто, даже твоя вековая супруга Нара, не будет ничего иметь против; потому что для мага даже необходимо иногда окунуться в действительную жизнь. Итак, повторяю, зачем ты будешь отвергать любовь этого очаровательного ребенка, обожающего тебя? До сих пор она совершенно чиста, если можно еще в настоящее время употреблять это слово; я хочу сказать, что она не поддавалась любви мужчин и женщин, из которых многие без ума от нее. Итак, ты — первая ее страсть; а если в память своего здесь пребывания ты оставишь ей еще маленького мага, то этим, может быть, избавишь ее даже от других опасностей и она всецело отдастся ребенку. Ха! Ха! Ха! Да ты еще сделаешь доброе дело...

Супрамати улыбнулся.

— Доказательства твои совсем особенные и вполне достойные такого, как ты, неисправимого проказника. Но как ты, будучи *посвященным*, не понимаешь, что степень достигнутого мною очищения препятствует мне находить удовольствие в подобных

похождениях?

Уже одно присутствие этих людей, с их тяжелыми, нечистыми, зловонными излучениями тягостно на меня действует; что же будет, если я вступил бы в такие отношения? Кроме того, она еще полуребенок и возбуждает во мне сожаление; ее флюиды и мысли доказывают, что она менее испорчена, нежели ее подруги, менее заражена окружающим ее пороком.

Она впечатлительна, потому что сразу сильно почувствовала чистый ток, исходящий из меня, который не пробил-таки толстую материальную броню других. Поэтому я посмотрю, не смогу ли употребить внущенное мною чувство на то, чтобы возбудить в ней более благородные мысли и вырвать из грязи, в которой она. пресмыкается.

Ведь наше назначение – испытывать сердца и разыскивать тех, кого еще можно спасти и в достаточной мере посвятить для того, чтобы можно было взять их с собой на новую планету, очень большую и населенную существами, едва вышедшими из животного состояния. Труд предстоит громадный, и нам весьма понадобятся помощники и наставники, воодушевленные чистым рвением. Подумай об этом, Нараяна, ведь ты же отправишься с нами?

– Ах, не напоминай ты мне об этой ужасной перспективе! – воскликнул Нараяна.- Я чуть не плачу, когда подумаю, что наша бедная старушка осуждена на смерть и доживает последние дни. Надо пользоваться этой последней возможностью насладиться культурной жизнью, веселиться, оказывать внимание нашей умирающей, любуясь и смакуя все, что она нам дает.

На новой планете будет столько дела! Нечего сказать, хорошее удовольствие цивилизовать этот зверинец; я буду чувствовать себя гладиатором или укротителем зверей.

Но пока мы не освоимся сколько-нибудь с этими низшими породами, я недоумеваю, как будем мы обходиться без театров, ресторанов, железных дорог, автомобилей, воздушных экипажей и т. д. Ничего, кроме этой дичи!...

В голосе его звучало такое забавное отчаяние, что Супрамати от души расхохотался, но не успел ответить, потому что экипаж остановился у его дворца и один из слуг поспешил встретить его.

Глава десятая

На следующий день, когда Супрамати завтракал на открытой террасе, выходившей в сад, он увидел приставший к башенке самолет, из которого выскоцил Дахир в сопровождении секретаря. Пять минут спустя Дахир, весело улыбаясь, появился на террасе.

– Как, ты уже окончил свое кругосветное путешествие в три дня? – лукаво заметил Супрамати.

– Я побывал только в храме Граала и проехался ненадолго в Шотландию, – ответил весело Дахир.

Я привез тебе поклоны от всех друзей и главы братства. Все очень желают увидеть тебя, – прибавил он. – Горячая любовь, с которой меня встретили, очень тронула меня и придала силы; после всего услышанного от них, я был особенно огорчен нравственным и физическим вырождением мира.

– Притом, – Дахир вздохнул, – мне стало одному скучно. Я так привык делиться с тобою всеми своими мыслями и впечатлениями, что мне было невыразимо противно бродить одному по этому *новому* миру. А так как и в Царьграде немало интересного, то я и вернулся.

Супрамати протянул ему руку и взгляды, которыми они обменялись, доказывали, как сильна и непоколебима была связывавшая их дружба.

– Но что тебе понадобилось в Шотландии? – осведомился Супрамати.

– Ничего особенного. Просто у меня явилось желание повидать место, где мы оба выдержали наше первое *посвящение*. Ах, я испытывал гнетущее чувство, когда увидел, что

волны покрывают место, где расстилались плодоносные равнины города и порта самого величественного в мире флота, нового Карфагена. Гористая часть Шотландии тоже пережила, однако, страшную катастрофу, но наше древнее гнездо все еще ютится на утесе; оно кажется так же несокрушимо, как мы. Я даже хочу предложить тебе, Супрамати, поехать провести там несколько недель, чтобы отдохнуть от соприкосновения с действующим на нервы порочным обществом, в которое мы принуждены войти. Мы изучим там на свободе историю трех веков, которые прошли около нас так, что мы их даже и не заметили; а эта безмолвная тишина с видом на океан принесет нам пользу.

Супрамати слушал, понурив голову, и сердце его томительно сжалось; но он энергично поборол свою слабость и одобрил предложение Даира, сказав, что при первой возможности они приведут его в исполнение.

Затем он рассказал своему другу о встрече с Нараяной и обо всем виденном и услышанном за время их разлуки. Он описывал свой визит к амазонкам, когда явился Нараяна, в наилучшем, по обыкновению, настроении.

— А, Кастор и Поллукс снова вместе, — сказал он, смеясь и пожимая руку Даира. — Он рассказывает тебе о своих победах у амazonок? Продолжай, продолжай, Супрамати, и если ты пропустишь какие-нибудь интересные подробности, я дополню твой рассказ. Держу пари, что он не упомянул о своем блестящем успехе. Красивейшая из амазонок у его ног, сгорает от любви к нему, а он бесчувствен, как пень, и прикрывается своим величием мага.

— Хорош был бы я маг, если бы руководился гордостью, или, еще лучше, увлекался бы похотью, — заметил Супрамати, пожимая плечами.

— Он просто боится, как бы ревнивая Нара не свалилась ему, как снег на голову, и не устроила ему сцену, несмотря на их обоядное величие! — дразнил Нараяна, подмигивая лукаво.

Супрамати не мог удержаться от смеха.

— Это твое предположение доказывает только, какого страха задала Нара тебе самому, что ты до сих пор хорошо помнишь о супружеской дисциплине.

Даир рассмеялся, а Нараяна нетерпеливо повел плечами.

— Брр! Подумай, о каких сценах, клятвах иссорах за всякую безделицу напоминаешь ты, чудовище! Поговорим лучше о другом.

Он достал из кармана несколько печатных листов и развернул их.

— Вот несколько объявлений, которые должны вас заинтересовать. Здесь есть такие места, которые вам необходимо осмотреть; например, «Сpirituалистический нейтральный храм». Там не проповедуют ни Бога, ни черта, а признают одну чистую науку и могущество формул. Там есть отделы вызывания духов, проро-

чество, астрологию, ясновидение; показывают в магическом зеркале прошедшее и разные неведомые вещи, предсказывают будущее, готовят магические зелья, заговоры на любовь или ненависть, составляют гороскопы; вообще там имеются специалисты по всем полезным отраслям.

Да, чуть не забыл. Там вызывают мертвых, но только первой сферы и если смерть последовала не более 50 лет назад.

— Вот это действительно любопытно. Поедем сегодня же в этот храм, Супрамати! — сказал Даир.

— Поедем. Мне самому любопытно видеть, как они пророчествуют, что у них за волшебные зеркала и какого сорта зелья они фабрикуют, — ответил Супрамати.

— Закажите им свой гороскоп. Пусть-ка они раскусят этот орешек, — вставил Нараяна.

Даир объявил, что непременно последует его совету.

— Отлично! Теперь перейдемте ко второму номеру моей программы. Он еще интереснее, потому что в нем будет деятельная роль Супрамати, а также твоя, Даир, раз ты налицо.

— Уж не собираешься ли ты показывать нас за деньги? — спросил Супрамати.

— Нет, друг мой, я назначаю вам более благородные роли и хочу вас развлечь, дав

занятие. А то ты в своих гималайских пещерах сделался совсем старым англичанином, одержимым хандрой, – возразил Нарайяна.

А теперь слушайте! Здесь есть две ложи сатанистов и у них немало последователей. Главная резиденция сатанизма – во Франции, но ложи их разбросаны по всем странам. Через несколько дней там будут торжества и вот программа, чрезвычайно заманчивая.

Нарайяна развернул большой черный лист с надписью кроваво-красными буквами:

«*Программа собрания братьев ложи Люцифера, такого-то дня и числа:* I. Черная месса, совершаемая самим Люцифером. – II. Поругание божества. – III. Кровавая чаша сатаны. – IV. Адская пляска. – V. Жертвоприношение ребенка, раздача крови и мяса. – VI. Большой пир с ларвами, близкими присутствующим действительным и вновь посвященным членам. – VII. Вызование умерших».

– Ну, что, разве это не великолепно? Разве это не достойная тебя или Дахира роль присутствовать там и спасти вашей магической властью несчастных, купленных у бедных родителей детей, которых собираются задушить почтенные ложи Люцифера и Ваала, – прибавил Нарайяна, с довольным видом свертывая программу.

– Гм! Сознаюсь, что перспектива попасть в эту преступную, кощунственную берлогу не особенно заманчива, но все-таки ты прав, Нарайяна. Раз только мы вошли в людскую толпу, паша обязанность бороться с тьмой и преступлениями посредством чистой и светлой власти, которой мы облечены. Только каким же образом попадем мы на эти почтенные собрания? – прибавил Супрамати после минутного размышления. – Ведь если они пронюхают о нашем сане, то даже не подпустят близко подойти к дьявольскому гнездышку.

– Не бойтесь, я достану вам обоим входные билеты. Завтра званый вечер у барона Моргеншильда, одного из моих друзей, очень любезного человека. Я обещал ему представить моего или моих кузенов, прибывших из Индии. Вы встретите там весь цвет царыградского общества. Но так как барон – завзятый сатанист и член ложи Люцифера, а дядя его – один из главарей ложи Ваала, то вы понимаете, что им доставит удовольствие ввести вас на свои собрания. Конечно, в приятной надежде обратить и вас, таких богачей, в свою веру. Разумеется, оба милых сатаниста и подозревать не будут, какую шутку я сыграю с ними.

Обсудив все подробности, друзья расстались. Нарайяна отправился, по его словам, делать визиты, а приятели переоделись и поехали в храм Нейтрального Спиритуализма.

Это было обширное здание из базальта крайне причудливого стиля. Широкие ступени вели ко входу, поддерживаемому колоннами; подле монументальной бронзовой двери на высоких треножниках горели травы, распространявшие едкий и сильный аромат. На дверях были нарисованы огненно-красные, фосфоресцировавшие ночью, огромные пентаграммы.

Когда Дахир нажал металлическую ручку, дверь бесшумно отворилась и они вошли в сводчатую залу со стеклянным потолком сапфирового цвета.

Посредине залы помещалась касса с двумя кассиршами.

– В какое отделение желаете вы получить билеты, господа?

– спросила первая, к которой обратились друзья, – Если вы профаны, *то* могу указать, что секция магического зеркала, гороскопов или вызывания умерших – очень интересны. Впрочем, вот программа, потрудитесь выбрать.

– Мы не совсем профаны, – скромно заявил Супрамати. – Но нам желательно видеть все, что есть интересного в этом храме науки; поэтому потрудитесь дать нам билеты во все отделения.

Когда они заплатили довольно круглую сумму, кассирша крикнула в аппарат:

– Проводника для двух иностранцев, взявших билеты во все отделения.

Через несколько минут вошел изящный молодой человек и представился им в качестве руководителя; взглянув же на визитные карточки посетителей, он отвесил им глубокий поклон.

– Ваши светлости прибыли из Индии, колыбели наших сокровенных наук; значит, вы не можете быть профанами в полном значении этого слова. С какого отдела желаете вы

начать?

— покровительственно спросил он.

— Действительно, мы обладаем кое-какими обрывками оккультного знания. Но я желал бы видеть прежде всего вызывание, — с легкой усмешкой ответил Дахир.

— В таком случае, мы спустимся в склепы, и вы вызовете по вашему желанию души усопших родственников ваших.

В подземелье вела довольно длинная лестница. Руководитель ввел их в круглую, обитую черным залу, освещенную неизвестно откуда бледным полусветом; в зале стоял острый и едкий запах.

Близ двери, в длинных белых балахонах, стояло несколько молодых людей, споривших с молодой женщиной в трауре.

Она желала, по-видимому, вызвать двух лиц, так как один из молодых людей грубо заявил ей, что в таком случае она должна заплатить вдвое, ибо на один билет нельзя вызывать двух душ.

При входе Супрамати и Дахира вызыватели почтительно поклонились им, а руководитель провел их в нишу, где стояли два кресла, и справился, кого они желают вызвать.

Даме в трауре было предложено обождать, пока окончится сеанс для знатных иностранцев.

— Да нет же, пожалуйста, займитесь этой дамой, — вступил Супрамати. — Мы лично не хотим никого вызывать, а желали бы только присутствовать при этом явлении. Я вижу, что дама эта жаждет вызвать мужа и сына, погибших в море во время крушения. Это и нам очень интересно видеть.

Вызывающие удивленно переглянулись, не понимая, каким образом иностранец был осведомлен об обстоятельстве, которого они и сами еще не знали; однако с их стороны возражений не последовало.

Дама была посажена на стул в другой нише, и один из молодых людей с поясом, украшенным звездами, что отличало его как главного вызывателя, занял место в центре большого металлического круга на полу. Помощники принесли три треножника и расставили их треугольником. Затем вызыватель достал из-за пояса карточку с напечатанными формулами и палочку, которой начал делать в воздухе каббалистические знаки, произнося заклинания.

Вскоре зала потонула в легком сумраке. Раздался отдаленный гром, потом засвистел ветер и послышался яростный плеск волн. Из металлического круга повалил черный дым и окутал вызывателя. С потолка блеснула сверкающая молния, дым рассеялся, и зрителям представилось открытое море.

По небу неслись серые косматые тучи, у ног катились седые пенистые волны и терялись в облачной дали. Волны били и заливали остатки разбитого судна, а неподалеку молодой человек и мальчик лет десяти уцепились за доску и боролись с бурей, в надежде добраться до берега, смутно видневшегося на горизонте.

Дама в трауре в ужасе вскрикнула и хотела броситься в воду, но один из помощников удержал ее. Еще несколько минут образы погибших были видны; потом они растаяли в серых волнах и все исчезло. Дама лежала в обмороке.

Видимо, довольный собою, вызыватель вышел из круга и подошел к Супрамати, ожидая, вероятно, услышать похвалу своей учености и могуществу.

— Вы показывали нам, сударь, не духов умерших, — спокойно заметил ему Супрамати, — а лишь отражение прошлого и безжизненные, безличные оболочки.

Лицо вызывателя густо покраснело.

— Ваша светлость, нам только в редких случаях дано вызывать самый дух.

— Тогда следует называть вещи их настоящим именем. Это не совсем порядочно, — прибавил Дахир, направляясь со своим другом к выходу.

Сконфуженный иерофант проводил их гневным недоверчивым взглядом. Да и

руководитель, не проронивший ни одного слова, исподлобья поглядывал на иностранцев.

В отделении волшебного зеркала им более посчастливились, и они полюбовались террасой и уголком сада одного из их гималайских дворцов. Но в отделе гороскопов снова возникли недоразумения.

Астролог несколько раз переспрашивал разные подробности, осматривал их руки, мешал азбуку, справлялся с цифровыми таблицами и наконец бросил все.

— Я ничего не понимаю в вашей судьбе, господа, — в отчаянии сказал он. — События представляют такую путаницу, что теряешься положительно; ни начала, ни конца вашей жизни не видно, а линии ваших рук кажутся бесконечными. Я не могу составить вашего гороскопа. Кто же вы, наконец?

— Да самые простые, безобидные люди, как и вы. Я совершенно не понимаю, что может препятствовать вам в составлении нашего гороскопа? — заметил Дахир невинным тоном, пожимая плечами.

— Черт возьми! Никогда еще мне не доводилось видеть, что жизнь, окончившаяся будто какой-то катастрофой, снова возродилась, как ни в чем не бывало! — оправдывался в отчаянии астролог.

— Ну, так оставим это. Очевидно, флюиды наши противоположны и неблагоприятно реагируют на ваше ясновидение! — сказал Супрамати.

И на этом туманном решении они расстались.

С сомнамбулами вышло, однако, еще хуже.

Несколько женщин, находившихся в трансе, пали ниц на землю и кричали, что они не в состоянии выносить ослепительного света, исходящего от этих двух людей.

Этот случай был особенно неприятен магам. Они поняли, что нелегко им скрыть свою силу и свойство. Но так как они уже составили себе понятие о направлении современного спиритуализма, то Супрамати хотел уйти, а Дахир желал непременно видеть свое будущее. Супрамати, оставив его одного, направился к выходу.

Когда он проходил коридором, неожиданно отворилась дверь и на пороге появился молодой человек высокого роста, в плотно облегавшем белом платье и черном плаще. На шее у него висела золотая, украшенная каменьями цепь с пентаграммой, спускавшейся на грудь в виде медальона.

Долгим, пытливым взглядом посмотрел он на Супрамати, потом низко поклонился ему и жестом пригласил его войти. Как только дверь за ними затворилась и они остались вдвоем, человек этот, оказавшийся начальником заведения, опустился на одно колено.

— Приветствуя тебя, учитель! Добро пожаловать под эту кровлю и не откажи нам в своей благосклонности, — с благоговением произнес он. — Тебе подобает всякая честь и духи сфер да охранят каждый шаг твой.

Супрамати понял, что был узнан.

— Сын мой, ты истинно *посвященный*, ибо ты узнал меня, — сказал он, возлагая руку на его голову. — Но храни молчание, таков приказ свыше. Я не что более, как скромный служитель высшей науки, и нам повелено было идти сюда. Я готов принять тебя в число тайных учеников моих, когда возвращусь опять сюда, но ты никогда и никому не должен выдавать тайну моего сана.

— Благодарю тебя, учитель, за даруемую мне милость; приказание твое — для меня закон, — ответил адепт, почтительно целуя руку Супрамати.

По дороге Супрамати передал Дахиру этот разговор.

— Очевидно, — заметил тот, качая головой, — его служащие возбудили в нем подозрение, что у них появились не совсем обычные посетители; но я предвижу, что впереди еще не одна опасность грозит нашему инкогнито.

Назавтра друзья весь день заняты были визитами.

Нарайана составил им список знатных лиц и богатых гостеприимных семейств, много принимавших у себя, с которыми, по его мнению, им следовало познакомиться.

Утомившись этим обездом больше, чем если бы произвели целый ряд бурь, они

вернулись домой и тотчас приняли ванну.

Восстановив силы, они переоделись в легкое домашнее платье из мягкой шелковой ткани и, пообедав, расположились на террасе, выходившей в сад, которая уже сделалась любимым местом отдохновения Супрамати.

Кусты роз и других цветов наполняли воздух своим благоуханием; в густой зелени сверкали фонтаны, и эта мирная картина, это безмолвие природы успокаивало нервы, утомленные соприкосновением с толпой.

Удобно растянувшись в шелковых гамаках, они беседовали, попивая кофе и обмениваясь впечатлениями. Вдруг раздался шум и довольно объемистый черный предмет спустился из воздуха на песчаную площадку вблизи террасы.

Это был маленький одноместный самолет и, к удивлению приятелей, из воздушного экипажа вышла хорошенская амазонка, Ольга Александровна Болотова. Она поднялась на ступеньки и протянула им руку. Супрамати был сконфужен и недоволен, а Дахир едва удерживался, чтобы не рассмеяться.

– Вы, не особенно довольны моим визитом, принц? – произнесла она добродушно. – Но мне так хотелось видеть вас.

Супрамати протестовал против такого предположения, пояснив только, что предпочитал бы быть предупрежденным заранее о ее лестном визите, чтобы принять ее более достойным образом. Затем он представил ей своего брата, принца Даира.

Молодая девушка вздрогнула при этом имени и какое-то неопределенное выражение скользнуло по ее лицу; но она долго не задумывалась и весело обратилась к Супрамати:

– Я ненавижу скучные визиты с церемонными приемами и являюсь всегда внезапно. Я застала вас дома, чего же больше? Но если вы непременно желаете угостить меня, дайте мне чашечку кофе и пирожок. А затем, господа, пожалуйста, ложитесь в свои гамаки. Я приехала не для того, чтобы стеснять вас, а поболтать, и китайские церемонии просто смешны в наш просвещенный, свободный век.

Она придвинула камышовое кресло к столу возле гамака Супрамати и с удовольствием выпила крошечную чашечку кофе, хрустя поданным по приказанию хозяина сухариком.

Завязался оживленный разговор. Ольга была остроумна и образованна. Между прочим, она рассказала, что приехала от одной приятельницы, в семье которой оба принца были днем.

– Все очарованы вами и хотят видеть вас. Кстати, будете вы на празднике барона Моргеншильда?

– Да, мы получили очень любезное приглашение, – ответил Даир.

Значит, это правда. А он телефонировал про то всем своим друзьям, и будет толпа народу.

– Мне это очень лестно, только я не совсем понимаю причину внимания общества ко мне и моему брату, – заметил Супрамати.

– Очевидно, в вас подозревают что-то необыкновенное, – проговорила лукаво Ольга. – Двоюродный брат моей приятельницы – вызыватель в нейтральном храме Спиритуализма; так он передавал, что вы были в их учреждении и произвели там неслыханный переполох. Вы ужасным образом раскритиковали чудесно удавшиеся, по их мнению, вызывания; сомнамбулы заявили, что от вас исходит сияние, как от солнца, а астролог даже заболел с отчаяния, потерпев постыдную неудачу с вашими гороскопами.

– Это только доказывает, что господа эти рассчитывают главным образом на совершенно невежественных и доверчивых посетителей, которым можно говорить и предсказывать все, что вздумается, мы же приехали из Индии, где оккультные науки очень разработаны и где умеют отличить простую тень от психической индивидуальности. Тем не менее мы очень сожалеем, что огорчили бедного вызывателя.

И оба они от души посмеялись.

Однако Супрамати поспешил дать другое направление разговору, и на его вопросы Ольга отвечала с наивной откровенностью.

Рассказала она, что была сиротой, имела значительное состояние и ушла в общину, чтобы пользоваться полной свободой.

— Мне очень хорошо у тети, — прибавила Ольга. — Тетя никогда не вмешивается в мои дела, я езжу куда хочу, принимаю кого вздумается; а так как я чрезвычайно люблю чтение и науку, в моем распоряжении одна из первоклассных библиотек мира, залы для занятий и прекраснейшие мастерские; словом, полный комфорт и свобода.

Разговаривая, она несколько раз с любопытством взглядала на лежавшую на столе книгу, но наконец не выдержала и спросила:

— Можно взглянуть, что вы читаете, принц?

— Разумеется. Книга мне кажется очень интересной; я нашел ее сегодня в своей библиотеке, — ответил Супрамати, подавая ей книгу.

— А! «Прошедшее и Грядущее», — прочла она. — Это действительно интересно, хотя автор пророчит в будущем несчастье и видит все в черном цвете. Он предсказывает конец мира, страшные перевороты и второе пришествие антихриста, словом, одни ужасы. Но в сочинении есть и пробелы; так, он почти вовсе не говорит о первом пришествии антихриста, а между тем это — такая интересная легенда.

— Я знаю, что по преданию антихрист появлялся уже несколько веков тому назад и причинил много зла, но я не знал, что существует особая легенда об этом. Не помню только, как и чем он кончил, — сказал Супрамати.

— Если желаете, я расскажу вам легенду. Она особенно интересует меня тем, что многие серьезные люди предвидят близкое второе пришествие антихриста.

Друзья уверили свою прелестную гостью, что будут ей очень благодарны, и она, немного подумав, начала свой рассказ:

— Это случилось в конце XX века. Время было очень тяжелое. Происходило великое крушение тронов, ну, а подданные были охвачены всеобщим поветрием безумия. Измены и восстания подрывали богатство и могущество стран; народы объяла мания разрушения, беззакония, кощунства. Вражда к Богу и Христу приняла невиданные до тех пор размеры. В это-то время и появился антихрист.

Прибыл он из Америки и оказался сыном еврейки и расстрigli-католического монаха, богоотступника.

По словам легенды, это был человек чарующей, но демонической красоты; надо всеми, с кем бы он ни соприкасался, он приобретал необыкновенное могущество. Он умел возбуждать страсти, управлять толпой сообразно своим целям и всюду вслед за ним разражалась буря вражды, кровавой анархии и братоубийственной войны.

Сатанизм сделался так могуч, что всякий осмеливавшийся еще верить в Бога и переступать порог церкви, подвергался гонению. Но несмотря на великие победы антихриста, немало оказалось еще благочестивых и верующих людей, потому что у христианства были слишком глубокие корни; образовались партии, и каждый с остерьением защищал свои убеждения.

Христиане водрузили на своих дверях щит с высеченной чашей и крестом над нею; перед церквями непрерывно курился в треножниках ладан, у входа поставлены были плоские чаши со святой водой, а порог можно было переступить только босым, произнося при этом молитвы, отгоняющие бесов. Верующие для повышения своих сил собирались для общей молитвы и ежедневно причащались; образовали христианскую милицию, которая охраняла их собрания, а также богослужения и процесии, если они осмеливались выходить за церковную ограду. Наконец, как отличительный знак христианина, каждый верующий в Бога татуировал себе на ладони крест и, входя в какое-либо собрание, поднимал открытую руку, чтобы обнаружить распятие и открыто показать, к какой партии он принадлежал.

Приверженцы сатаны не отставали от них. Они рисовали на своих домах и на руках рогатого козла или какой-нибудь иной дьявольский знак. В то время кровавые стычки с верующими и убийства их стали обыденным явлением.

Антихрист подстрекал на все эти преступления; вера с каждым днем таяла, а антихрист

торжествовал.

В тот именно момент, когда могущество его достигло своего апогея и ему оставалось сделать несколько шагов, чтобы завладеть мировым скипетром, он внезапно исчез и ошеломленный народ тщетно вопрошал, что с ним случилось.

Сначала никто ничего не знал, а потом стал циркулировать следующий рассказ о конце антихриста.

Среди христиан находилась молодая девушка ангельской красоты; кожа ее была лилейной белизны, волосы точно золотые нити, а глаза небесного цвета. Антихрист безумно влюбился в нее и желал во что бы то ни стало обладать ею; он употреблял все способы соблазна, и сначала все было напрасно, но затем в голове ее созрел план уничтожить гения зла.

Она притворилась, будто склоняется на любовь антихриста; но заявила ему, что из страха перед своей партией она не может открыто сочетаться с ним и, таким образом, завлекла его в уединенную пещеру в Альпах. Там, несмотря на ненависть и ужас, внушаемые им, она должна была отиться ему; но зато она влила ему в вино сноторное зелье, и когда он заснул, распяла его.

Все демоны пришли от этого в бешенство и кинулись освобождать его, но мужественная девушка оборонялась Распятием, призывая на помощь Христа, святых и небесное воинство. Тогда неведомой силой крест, к которому был пригвожден антихрист, глубоко врезался в скалу, пещера закрылась и на входе в нее тоже появился высеченный в камне крест.

Разъяренные демоны отшатнулись было, но затем, схватили молодую христианку и бросили в пропасть ледников. Христос, к которому она взывала умирая, обратил ее в горлицу, и с тех пор она витаёт над входом в пещеру и стережет темницу антихриста.

Но когда наступит час, назначенный судьбой для торжества сатаны, демоны ринутся на приступ пещеры, горлица улетит на небо, скала распадется и освобожденный антихрист выйдет, уничтожит всех оставшихся верующих в Бога и зальет землю кровью из своих ран; кровь эта обратится в целый великий потоп и человечество потонет в нем, а земля, покинутая даже и демонами, погибнет.

– Это очень любопытная легенда. Но на чем основывается предположение, что антихрист в скором времени освободится из своей темницы? – спросил Супрамати, поблагодарив сначала молодую девушку.

– Не знаю хорошо, но это предсказывается со всех сторон. Это в воздухе, если можно так выражаться. На меня произвели сильное впечатление слова одного старого священника, нашего родственника, которого я очень люблю. Это удивительный человек, точно из другого века; он ведет отшельническую жизнь, постится и молится день и ночь; вера у него так велика, что, когда бываю с ним, я также начинаю верить и пробую молиться; правда, это не бывает продолжительно, и действительность вступает в свои права.

Она засмеялась.

– Но все-таки слова преподобного Филарета имеют для меня большое значение. Считаю нужным прибавить, что этот благочестивый старец особенно почитает одного святого, жившего еще в начале XX века и носившего имя отца Иоанна, прозванного Кронштадтским по острову, уже не существующему теперь, где он был многие годы священником. Так вот, у отца Филарета бывают видения, ему является отец Иоанн, и, вероятно, дает предсказания, потому что однажды он сказал мне:

– О! Как люди слепы! Они пляшут на вулкане; не хотят видеть, что могущество сатаны растет с каждым днем, что он мало-помалу забирает в свои лапы все человечество, что антихрист зашевелился уже в своей темнице, что расшатываются уже удерживающие его гвозди. Скоро пробьет час, когда он выйдет, кипя ненавистью и гордыней, чтобы задушить все, что еще осталось доброго и чистого. Но наказание не замедлит поразить эту оргию зла, и десница Божия столь тяжело ударит по этому нечестивому гнезду, что оно развалится.

– Ах! Я вздрогнула от его слов, а потом сказала себе, что отец Филарет увлекается.

Свет, право, не так уж дурен; у нас так много свободы, благосостояния, знания, мы живем много лучше, нежели люди прошедших веков; почему же все это должно быть преступным? Может быть, антихрист и придет, а с ним все несчастья, но только еще через несколько веков.

— Будем надеяться, — произнес, улыбаясь, Супрамати. — Во всяком случае у вас теперь так много сатанистов, что повторение всего, бывшего в XX веке возможно.

— Правда, их много; но ведь это такое же верование, как и всякое другое, и они имеют одинаковое право поклоняться Люциферу, как и те, кто желает почитать Бога и Христа; душе приказывать нельзя. Или вы другого мнения?

— Нет, я вовсе не намерен посягать на свободу совести, но признаюсь, что поклонники сатаны не внушают мне вовсе симпатий.

— Действительно, между ними есть отвратительные личности. Особенно одного я не могу даже видеть! — воскликнула Ольга с живостью.

— Разве этот бедный люциферианин оскорбил вас чем-нибудь, что вы так не расположены к нему? — не без лукавства спросил Дахир. Ольга покраснела.

— Посмотрю я, как он посмеет меня оскорбить! Он просто надоел...

Хозяева улыбнулись, засмеялась и гостья.

— Видите ли, в чем дело, — прибавила Ольга решительным тоном. — Он влюблен в меня и желал бы сделать меня своей возлюбленной, а я буду любить только того, кто мне понравится. Но меня злит, что он всюду волочится за мною. Это испортит мне даже удовольствие предстоящего бала у барона Моргеншильда. Он двоюродный брат хозяина и, конечно, будет приглашен, а, значит, надоест мне своими ухаживаниями. Однако мне пора, сегодня у тети гости, — закончила она, вставая.

Она пожала руки хозяевам и проворно села в свой самолет, а минуту спустя легкий аппарат поднялся и быстро, как ласточка, исчез из вида.

Как только друзья остались вдвоем, Дахир от души рассмеялся.

— Поздравляю, Супрамати, победа твоя восхитительна и, если устоишь перед этой соблазнительницей, вдвойне опасной по своей наивности, ты окажешься тверже св. Антония.

— Ах, оставь ты меня в покое; ничего глупее не могло со мною приключиться, как именно эта победа! Экое несчастье, что не ты первый попал к амazonкам; победа досталась бы тебе, и, как знать, может быть, ты оказался бы снисходительнее.

— Почему я? Не будь самоуверен. Ты забываешь, что раз мы вмешиваемся в толпу людей, то их флюиды действуют на нас, а мы, несмотря на наши знания, остаемся людьми, да еще людьми «бессмертными», у которых ни лета, ни болезни не убивают плотских инстинктов организма, в котором жизнь бьет ключом. Чтобы обуздить страсти, еще таящиеся в глубине человеческого существа и подстрекаемые порочной и страстью окружающей атмосферой, у нас есть только воля. Поэтому недаром во время наших экскурсий по свету нам все разрешается.

— Это все справедливо, но воля достаточно сильна, чтобы оградить нас от пошлых увлечений. Верно только то, что эта маленькая ветреница *до* сих пор не внушала мне ни малейшего соблазна; но я очень желал бы вырвать ее из окружающей ее грязи, потому что инстинкты у нее не дурные, — полусерьезно, полушуя проговорил Супрамати.

Глава одиннадцатая

Дом барона Моргеншильда, расположенный на одной из лучших улиц Царьграда, был громадным зданием новейшего стиля, с монументальным подъездом и двумя башенками для воздушных экипажей.

На улице и у башенок теснились разного сорта экипажи, высаживавшие все новых гостей.

Залы были уже переполнены гостями, когда вошли Дахир с Супрамати, и сразу сотни глаз обратились на них, пока они раскланялись с хозяевами дома и старушкой, его

родственницей, представлявшей хозяйку, так как барон был холост.

Для магов это был первый большой вечер, на котором они присутствовали; поэтому они с любопытством осматривали все окружающее.

Особенный интерес возбудила в них большая зала с открытыми буфетами и столами, на которых автоматические приборы доставляли гостям чай, бульон, вино, словом, всякую желаемую жидкость и мороженое. Слуг было очень мало, и Нарайяна объяснил, что теперь не принято подавать ужины, а каждый брал сам что угодно в буфете.

Затем, как и следовало ожидать, внимание магов привлекло собравшееся общество и они с любопытством рассматривали шутливую, оживленную и веселую толпу, их окружавшую.

Конечно, не было недостатка в хорошеных женских личиках, немало было и красивых, интеллигентных мужчин; но в общем, на всем этом хилом, болезненном, нервном поколении с лихорадочными взглядами и порывистыми движениями, лежал несомненный отпечаток вырождения. Рост также уменьшился, и высокие фигуры Даира и Супрамати выделялись в толпе. Туалеты были великолепны, дамы блестали драгоценностями и даже костюмы мужчин отличались богатством и разнообразием цветов.

Но Супрамати и Даира невыразимо покорило наличие многих членов общества «Красота и Природа». Поверх своих газовых рубашек дамы понавесили на себя огромные ожерелья и широкие пояса, усыпанные драгоценными камнями; на головах некоторых развевались султаны из перьев, а другие украсили себя

гирляндами цветов и диадемами; рубахи мужчин были расшиты разноцветными шелками, а пояса, цепочки и кошельки были тонкой ювелирной работы. Присутствие этих безобразников и циничное самодовольство, с которым те расхаживали, выставляя свою бесстыдную наготу, возмущало и раздражало Супрамати.

Группа молодых людей увлекла Даира, а Супрамати, беседуя с Нарайяной в обществе дам, заметил в другом конце залы Ольгу с молодым человеком, оживленно говорившим с нею.

Господин этот, весь в черном, был бесспорно красив. Довольно высокий, худощавый и стройный, с правильным характерным лицом, густыми волосами на голове и маленькой остроконечной иссиня-черной бородкой, он выгодно выделялся между другими; но мрачное и жесткое выражение больших черных глаз и мертвенная бледность лица портили его приятный внешний облик.

Ольга была прелестна. Белое воздушное шитое серебром платье обрисовывало ее гибкий, стройный стан, чудные волосы, подхваченные жемчужными нитями и розами, были распущены и падали ниже колен; нитки крупного жемчуга украшали шею. В обтянутых белыми перчатками ручках она держала кружевной веер и нетерпеливо раскрывала и складывала его; слушала она своего кавалера, по-видимому, одним ухом, а глазами с жадностью оглядывала толпу.

По всему было видно, что кавалер в нее влюблен; бурная страсть ясно светилась в его глазах, устремленных на девушку.

Вдруг Ольга ярко вспыхнула: она увидала Супрамати; но когда заметила, что он весело разговаривает с какой-то дамой, на лице ее мелькнуло выражение гнева и ревности. Она отвернулась от своего кавалера и направилась к Супрамати.

Поклонник позеленел и мрачным, злобным взором окинул Ольгу и Супрамати; минуту спустя он затерялся в толпе.

Супрамати видел всю эту сцену; но так как он вовсе не желал, чтобы Ольга так ясно выставляла свое увлечение, то встретил ее холодно-вежливо и продолжал разговор.

Ольга смешалась и огорчилась; на ее подвижном опечалившемся личике ясно мелькнуло негодование; потом она побледнела, приняла усталый, равнодушный вид, отвернулась и пошла к другим знакомым.

В эту минуту поклонник Ольги проходил по зале, и Супрамати спросил у своей собеседницы его имя.

— Это Хирам де Ришвилль, француз, несколько лет тому назад поселившийся в Царьграде. Он богатый человек и очень любим в обществе, — отвечала дама.

Тут подошли еще несколько человек, и разговор изменился.

Прошло с полчаса. Супрамати чувствовал уже усталость; у него снова появились недомогание и тяжесть, которые он обыкновенно испытывал в многолюдных собраниях. Он вышел из залы и прошел в громадный зимний сад, занимавший весь задний фасад дома.

Сад казался пустым и лишь плеск фонтана нарушал глубокую тишину. Уйдя в дальнюю часть сада, Супрамати присел под лавровыми и апельсиновыми деревьями на скамью, крытую наподобие дерна зеленым плюшем, и облегченно вздохнул.

Но не прошло и нескольких минут, как он услыхал шаги, шелест шелковых юбок и раздраженный голос Ольги:

— Прошу вас оставить меня. Я уже сказала вам, что хочу быть одна; у меня болит голова.

— Простая отговорка, Ольга Александровна! — возразил звучный голос. — Вы бежите от меня; но если вы думаете избавиться под этим предлогом от решительного объяснения, то ошибаетесь. Мне надоели ваши причуды, не имеющие к тому же разумного основания. Вы забавлялись, дразнили меня, возбуждая мои чувства, и достигли своей цели. Я люблю вас и рассчитываю обладать вами; поэтому бросьте эту жестокую игру, эту бесцельную комедию. Вы свободная амazonка, которой ничто не мешает наградить любовью кого вздумается; почему же вы отказываете мне?

— Потому что я вас ненавижу! Это ложь, будто я кокетничала с вами, возбуждала или поощряла вашу любовь; я всегда вас избегала, потому что ненавижу, повторяю еще раз. Да, я свободна любить кого хочу, иметь сколько вздумается любовников — хотя до сих пор у меня их не было, — но не вы будете первым!...

Послыпался глухой возглас:

— А! Вы отталкиваете меня, потому что влюбились в этого индусского проходимца, неизвестно откуда взявшегося? И вы воображаете, что я уступлю ему счастье быть вашим первым любовником! — хриплым, задыхающимся от бешенства голосом

проговорил Хирам. — О! Ты еще плохо знаешь меня! Мне и только мне, и никому другому будешь ты принадлежать, и притом немедленно!

Супрамати встал, повернулся внутрь ладони камень кольца Граала и произнес каббалистическую формулу. Почти в ту же минуту образ мага затуманился, побледнел и словно растаял в воздухе.

В искусственном гроте зимнего сада продолжалась между тем бурная сцена между Хирамом и Ольгой.

— Как! Вы смеете грозить мне насилием? Да вы с ума сошли!

— гневно крикнула молодая девушка, подавляя страх и тоску, вдруг охватившие ее.

Место, где она находилась, казалось совершенно уединенным, и надо было очень хорошо знать топографию зимнего сада, чтобы в этот момент совершенного безлюдья сразу найти выход в залу. Как она была неосторожна, что допустила завести себя сюда! Она повернулась, чтобы бежать, но внезапно застыла на месте, точно получив удар молотом по голове.

На последнее замечание Ольги Хирам глумливо захохотал и поднял обе руки. Из кольца с красным камнем, которое он носил на пальце, сверкнул яркий зеленоватый свет, и в ту минуту, когда он коснулся головы Ольги, та глухо вскрикнула и зашаталась, а потом выпрямилась, руки ее повисли, голова безжизненно завалилась назад, а сама она, как автомат, опустилась на стул.

Хирам подошел ближе и, не сводя пристального взгляда с ее лица, направил ей в глаза зеленый луч своего кольца.

— Приказываю тебе, — произнес он звонко, — полюбить меня и добровольно мне отдаваться; индуза ты забудешь и возненавидишь.

Он нагнулся, схватил пышные волосы молодой девушки и прижал их к губам.

– А теперь сними свое платье, – приказывал он, выпрямляясь.

– Я хочу насладиться видом божественной красоты твоих форм, прежде чем обладать твоим телом.

Когда губы Хирама коснулись волос спавшей Ольги, та тихо застонала и зашевелилась. В ту же минуту лицо ее озарилось улыбкой счаствия, и простирая с мольбою руки к чему-то невидимому, она чуть взято прошептала:

– Учитель! Спаси, защити меня!

Между нею и Хирамом сверкнул свет и горячая струя воздуха с силой его отбросила. Широко раскрыв глаза, сатанист с ненавистью и страхом глядел на высокую фигуру человека в белом, который появился в воздухе и заслонил собою Ольгу.

Светлая дымка скрывала его черты; на груди сияла звезда, а над челом сверкало ослепительное пламя. Рука видения была поднята, а из ладони и пальцев снопами сыпались искры.

– Прочь, мерзкий раб плоти! – произнес повелительный голос. – Никогда не смей осквернять эту девушку своим тлетворным дыханием. Я ограждаю ее кругом, недоступным для тебя, – негодный осквернитель истины и света.

Увидав, что вокруг Ольги фосфорически загорелся круг, Хирам отшатнулся с пеной у рта, но затем он угрожающе поднял обе руки, начертав в воздухе магический знак и произнес сатанинскую формулу; но в ту же минуту сверкающая молния пала на него и опрокинула его на землю.

– На колени перед твоим господином, повелевающим низшими тварями, как ты! – прогремел голос. – Ползи отсюда на четвереньках, как тебе и подобает, бесовская тварь!

Побежденный, словно пригвожденный к земле, Хирам жалобно завыл и пополз к выходу. Ему казалось, что удары кинжала поражали его в спину, а это было не что иное, как светлые лучи, исходившие из руки мага.

Затем Супрамати обратился к девушке, опустившейся на колени, и положил руку на ее склоненную голову.

– Спи спокойно, а через четверть часа проснись, – сказал он и вышел из грота.

Через несколько минут в доме поднялась суматоха. В большой зале, примыкавшей к зимнему саду, гости бегали, кричали и сутились. Причиною необычайного волнения было, конечно, появление Хирама, который полз к выходу с искаженным лицом и жалобно вопя. К нему бросились, чтобы помочь, но поставить его на ноги не было возможности; он казался пригвожденным к земле и при всяком прикосновении корчился от боли.

Среди любопытных, прибежавших на крик из соседних комнат, оказался и Нарайяна. Он-то вмиг угадал причину странного явления, но сразу нашелся, как положить этому конец.

– Господин де Ришвиль страдает болезнью позвоночника, которую я наблюдал часто в Индии, но я надеюсь помочь ему, – крикнул он. – Позвольте мне только на минуту остаться вдвоем с больным.

Хотя и с видимым сожалением, но все-таки любопытная толпа отхлынула в глубину комнаты. Тогда Нарайяна опустился на колени и сделал пассы; потом он достал из-за воротника металлический предмет в форме креста и приложил ко лбу Хирама, спине и солнечному сплетению.

– Теперь встаньте, уходите и не болтайте. А впредь не бравируйте высшими силами! – прошептал он на ухо сатаниstu.

Затем он помог ему встать, но тот шатался и Нарайяна, поддерживая его, повел к двери. Теперь подошли и остальные, а друзья взялись свести Хирама до экипажа.

Тем временем Нарайяна объяснял любопытным, что у больного были нервные судороги позвоночника, и что эта болезнь облегчается иногда наложением предметов из известной смеси металлов.

Как и следовало ожидать, случай с Хирамом сделался темой всех разговоров; скоро узнал про него и Дахир, игравший в шахматы в другой комнате, и не усомнился, что это было наказание, наложенное Супрамати на сатаниста, пойманного, вероятно, на каком-

нибудь гадком деле.

Нарайяна же, вполне убежденный в том же и желавший знать подробности, отправился искать Супрамати, которого нигде еще не видал; но так как Хирям выполз из зимнего сада, то он и направился прямо туда.

Однако он не нашел того, кого искал, несмотря на то, что для него Супрамати был видим и тогда, когда другие не видели его.

Вместо него он наткнулся в конце сада на Ольгу. Бледная, расстроенная, с полными слез глазами, она стояла около кустарника.

— А! Я не ошибся, — подумал Нарайяна. — Девочка замешана в истории. Мой друг Морган защищал ее и наказал жестоко ее оскорбителя.

Он подошел к молодой девушке с равнодушным видом.

— Я ищу своего двоюродного брата; не встретили ли вы его? Но что я вижу! Глаза полны слез, лицо бледно. Что с вами, милая барышня? Говорите откровенно и будьте уверены, что я вам друг и не употреблю во зло ваше доверие.

Он взял ее руку и дружески пожал.

Ольга испытующе взглянула на него, но, очевидно, ее семнадцатилетнее сердечко было переполнено и ждало, кому открыться. Она быстро сообщила, что сама не понимает, как удалось Хирому увлечь ее в уединенный грот, о существовании которого она даже не знала, а там он сделал ей ужаснейшую сцену и даже осмелился грозить.

— Затем, — продолжала она, — я почувствовала, будто меня ударили обухом по голове, я не знаю, что произошло дальше. Когда я опомнилась, Хирама не было, но грот наполнен был тем удивительно приятным ароматом, который я всегда ощущаю в присутствии принца Супрамати, как будто он исходит от него. Я непоколебимо уверена, что это именно он спас меня от гадкого Ришвилля и затем ушел. Он пренебрегает даже моей благодарностью, а между тем один Бог знает, как я... — она покраснела, как пион, и смешалась.

— Я его люблю, — окончил за нее Нарайяна, хитро улыбаясь.

— Нет, я хотела сказать, что уважаю и восхищаюсь им. Мало того, я чувствую, я знаю, что он — человек необыкновенный; впрочем, и вы, и принц Дахир, также не те, за кого выдаете себя; но из вас трех загадочных людей никто не действует на меня, как Супрамати. От него исходит ток, приводящий меня в дрожь, дыхание мое захватывает, но в то же время меня влечет к нему, как железо притягивается магнитом. В глазах его, спокойных и глубоких, как тихое море, таится что-то бесконечное; а между тем мне кажется, что я могла бы без устали, целую вечность любоваться ими. О! Как должны быть счастливы те, кого он удостаивает своей дружбы!

Она воодушевилась, щеки ее горели, глаза восторженно блестели и в них так ясно сказывалась любовь, что Нарайяна невольно улыбнулся.

— Клянусь моей бородой, милая амazonка, вы влюбились в моего кузена; ясно, что если бы в его загадочных глазах вы увидали немножко любви, это не было бы вам противно.

— О! Я отдала бы жизнь за его любовь! — наивно воскликнула Ольга. Но увидав, что ее собеседник от души засмеялся, она побледнела и опустила глаза.

— Дело плохо, мой юный друг, Супрамати, — увы, — это чудовище бесчувственное и упрямое. Какое несчастье, что вы не меня полюбили; я гораздо сговорчивее и... легче воспламеняюсь.

— Ах, принц, вы красивы, как прекрасная греческая статуя; вы даже красивее его, я это знаю. Но вас любит тетя, и я не хочу обижать ее. Что делать? У всякого свой вкус, и я отдаю предпочтение ему. Милый принц, вы добры, вы — мой друг, скажите же, что мне сделать, чтобы удостоиться его любви?

— Гм! Право, не знаю, как вам помочь? С ним очень трудно поладить, уж очень он несговорчивый... А может быть, он и не свободен?...

— Ах! — вырвалось у Ольги и она схватилась руками за голову. — Как я могла забыть это? Ведь он муж Нары!

Это было так неожиданно, что даже Нарайяна на минуту смущился.

– Вот так штука! Это слишком! – воскликнул он с комическим ужасом. – Что вы затронули, неосторожная! Знаете ли вы, что мне следует одним ударом заставить вас смолкнуть навсегда, чтобы вы не болтали впредь о вещах, скрытых от смертных. А теперь, признавайтесь, кто рассказал вам этот вздор?

Ольга недоверчиво и пугливо взглянула на него.

– Никто ничего мне не рассказывал; я читала всю вашу историю...

– Час от часу не легче, – дивился Нараяна.

– Ну, раз уж я вам выдала, что знаю, так я расскажу, откуда я почерпнула эти сведения, – заявила решительно Ольга.

– Я весь обратился в слух, – сказал Нараяна, подводя ее к дивану и сам усаживаясь рядом.

– Один из наших предков был рьяным оккультистом и собрал большую драгоценную библиотеку самых редких сочинений по этой отрасли знания. Во время «желтого нашествия» ему удалось спастись и так счастливо, что он захватил даже часть библиотеки и вещи, которыми больше всего дорожил. Вы ведь знаете, какое это было ужасное время, сколько сокровищ искусства и науки было истреблено; но ему посчастливилось и, как я сказала, он скрылся на дирижабле с частью своих сокровищ. Тогда воздухоплавание не было еще так усовершенствовано, как теперь, но все же были уже воздушные суда, на которых можно было провозить 40-50 человек и значительное количество багажа.

Предок мой укрылся на Кавказе, где владел землею и домом в уединенном горном ущелье. Там он и поселился; но после его смерти не нашли ни одной книги из его библиотеки и никто не знал, куда она исчезла.

Несмотря на все дальнейшие превратности судьбы, поместье это осталось собственностью нашего рода, а в прошлом году неожиданно досталось мне по наследству от двоюродного брата, и мы отправились с тетей его осматривать. Дом мне понравился; хотя он очень стар, но он каменный и прочный; одной стороной он прислонен к очень высокой скале.

По преданию, одна из комнат этой части дома была кабинетом «Колдуна», как прозвали моего ученого предка. Комната эта особенно привлекала мое внимание.

Она показалась мне знакомой, и я постоянно искала в ней чего-то, но чего? Я никогда не могла дать себе ясного отчета. Однажды, любуясь и осматривая в сотый раз старинную деревянную резьбу, украшавшую стены, я случайно нашла пружину, невольно нажала ее и, вообразите, в стене открылась дверь, так хороша скрытая, что никто не подозревал о ее существовании.

Я прошла в сводчатую, высеченную в скале залу и там – представьте себе мою радость – нашла нетронутой и в полном порядке исчезнувшую библиотеку. Среди заключавшихся в ней сокровищ нашлись, между прочим, две книги XX столетия с описанием трех загадочных личностей: Нараяны, Даира и Супрамати.

Каждые сто лет, или через несколько столетий, они появляются в миру, вполне уверенные, что новое поколение ничего не знает о них.

Теперь посудите, не странная ли случайность, что в настоящее время в Царьграде появились три носителя тех же самых имен и совершенно отвечающие описанию той удивительной книги?

– Очень любопытно, но уверяю вас, это – простая случайность, – возразил Нараяна.

– Нет, нет! Таких случайностей не может быть; к тому же ведь существует предание, что в гималайских горах живут таинственные ученые, которые иногда появляются в свете...

– Я вижу, вы стоите на своем; но скажите, кто этот негодный писатель XX века, которому вздумалось, с добрым или дурным умыслом, все равно, изобразить в подозрительном виде людей, так похожих на нас?

– Не могу сейчас вспомнить имя автора... но мне кажется, что это – женщина.

– Женщина? Я так и думал. Язык их – на погибель человечества! Но мы отклонились от главного предмета нашего разговора, от Супрамати, которого вы любите, не разбирая, старый ли это Супрамати или новый, – произнес Нараяна со смехом.

— Ох, я желала бы, чтобы был новый. В этом случае ничто не помешало бы ему любить меня, если бы мне удалось завоевать его сердце,- вздохнула Ольга.- Но, к несчастью, это – старый маг, супруг Нары.

— Но если это – прежний, то подумайте, как он должен быть стар. Вам должно быть страшно любить его, – лукаво заметил Нарайяна.

— Стар он? Да вы еще старее его, и притом вы – воскресший мертвец, – сердито возразила ему Ольга, раскрасневшись.

— Я? Мертвец? Протестую, и многие дамы могут удостоверить, что я «живой», а личность моя доказывает, что ваша авторша XX века оказалась только пророчицей, просто предсказавшей наше существование, – воскликнул Нарайяна, притворяясь серьезно обиженным.

Ольга очень побледнела.

— Умоляю вас, простите мои глупые слова. Теперь вы рассердитесь и не захотите помогать мне. Она готова была заплакать.

— Нет, я всегда снисходителен к хорошеньким женщинам и готов забыть ваши оскорбительные слова. Но как, на самом деле, могу я помочь вам?

— Скажите, Нара очень ревнива?

— Гм! Какая женщина не ревнива!

— Но она не может же отказать ему в отпуске, если он его потребует? Ведь это – закон, – оживляясь, воскликнула Ольга.

— Черт возьми, это идея! – воскликнул Нарайяна, забавляясь таким исходом. – Подождите-ка, милая моя барышня, у меня тоже явилось блестящее соображение. У Супрамати, видите ли, есть начальник, маг Эбрамар...

— Эбрамар? – перебила его Ольга. – Не тот ли это, что спас Нару, когда она была весталкой и ее замуровали живой? Про это ведь тоже сказано в той книге.

— Ну, знаете, эта ваша дама XX века была поразительно точна. Да, это – тот самый Эбрамар. В то время он не видел в любви смертного греха, да я уверен, что и теперь, несмотря на свое высокое достоинство мага, трижды увенчанного, он не откажет вам в любезности.

Итак, пожалуй, я помогу вам вызвать Эбрамара. Я дам вам волшебное зеркало, молоток, диск и одеяние с магической гирляндой, необходимые для вызывания, а затем научу нужным формулам. Пусть будет, что будет!

Эбрамар – единственный, кто может добыть Супрамати отпуск и, может быть, тогда тот вас и полюбит... Есть же у него, в самом деле, обязанности относительно своих современников...

— Как мне благодарить вас за громадную услугу, оказываемую мне? – благодарила Ольга, горячо пожимая руку Нарайяны.

— А когда вы дадите мне эти предметы, когда научите формулам для вызывания? – дрожа от нетерпения, добавила она.

— Как только приготовлю все необходимое. А найдется ли у вас уединенное место, где вы могли бы в одиночестве и посте приготовиться к столь важной церемонии.

— У меня есть недалеко от города маленький домик с садом; место очень уединенное, а живет там один старик сторож, так что я могу пробыть там, сколько понадобится.

— Отлично. Я вас предупрежу, когда будет нужно, а пока последний совет: никогда не говорите никому о ваших на наш счет предположениях, основанных на старой книге XX века; из того могут произойти неприятности, которые вынудят нас немедленно отсюда уехать. Кому приятно быть предметом нескромного любопытства и смешных пересудов?

На этот раз тон Нарайяны был строгий, а взгляд так мрачен и повелителен, что Ольга окончательно смущилась.

— Если я молчала до сих пор, так и впредь буду нема, как рыба, – прошептала она, бледнея.

— В таком случае мы останемся добрыми друзьями, – ответил Нарайяна.

Чтобы развеселить молодую девушку, он рассказал ей неприятное приключение с Хирамом и его внезапный отъезд с вечера.

Удовлетворение, данное Ольге таким изумительным унижением человека, осмелившегося оскорбить ее, вернуло ей ее прежнее хорошее настроение; а так как она горела нетерпением поболтать с подругами о столь невероятном приключении, то новые друзья вышли вон из зимнего сада, который в это время стал наполняться гостями.

В одной из зал Ольга увидала Супрамати, но он был в обществе мужчин и они мирно толковали о политике. Поэтому она не подошла к нему, а присоединилась к своим приятельницам и целой группе дам, продолжавших оживленный разговор о странной новой болезни, постигшей бедного Ришвилля.

Глава двенадцатая

По просьбе Нараяны барон Моргеншильд вручил индусским принцам входные билеты на сатанинские собрания, готовившиеся в двух люциферианских ложах: Ваала и Люцифера.

Вечером, через день после описанного праздника, друзья наши имели совещание со своими секретарями, которым были даны особые инструкции; а затем они отправились каждый в свою сторону, так как ложи находились в разных частях города.

В сопровождении одного Нивары Супрамати отправился в самолете, и через несколько минут воздушный экипаж опустился на большой площади, посередине которой возвышалось круглое здание с плоской крышей, окруженное колоннами. Все сооружение было черное, как смола.

Супрамати вышел, поднялся по ступеням галереи с колоннами, окружавшей сатанинский храм, и три раза стукнул в дверь, у которой стояли две статуи демонов из черного камня.

Дверь без шума отворилась и он вступил в обширную круглую залу с черными стенами, озаренную красноватым полусветом.

Посредине, на высоком и громадном цоколе, воздвигнута была исполинская статуя сатаны, сидящего не на скале, как было прежде, а на земном глобусе. Своим копытом он попирал опрокинутый крест; в одной руке он держал мешок с надписью фосфорическими буквами: «Золото заглушает все добродетели», а в другой – чашу с огненной надписью: «Кровь сынов Божиих».

В цоколе, под ногами идола, виднелась узкая дверь, по сторонам которой сидели два рогатых демона из черного камня, с зажженными факелами в руках.

При входе Супрамати, к нему подошел закутанный в плащ человек. Осмотрев его билет, он подал ему маску и пригласил следовать за ним.

Когда дверь в цоколе распахнулась и Супрамати переступил порог, раздался зловещий треск, и где-то вдали прокатился удар грома.

– Наденьте маску, – сказал проводник с некоторым удивлением и пристально смотревший на него.

Супрамати надел маску; затем они оба спустились по освещенной красными лампами черной мраморной лестнице и вошли в громадную подземную залу, уже наполненную публикой. Все присутствовавшие, – мужчины и женщины, – закутаны были в длинные черные плащи и толпились в первой половине, так что глубина залы оставалась свободной.

Там, на высоте нескольких ступеней, возвышался жертвенник из красного порфира перед статуей Бафомета, и пять электрических ламп, расположенные в форме пентаграммы над головой дьявольского козла, заливали залу кроваво-красным светом. Перед статуей, в тяжелом золоченом семирожковом подсвечнике, горели со зловещим треском черные восковые свечи.

В полу перед жертвенником был вделан большой металлический круг, а около, на треножниках, горели травы и сучья, распространяя острый запах серы и смолы.

От соприкосновения с зараженной нечистыми выделениями атмосферой в очищенном

теле Супрамати дрожал каждый нерв; но усилием воли он мгновенно поборол слабость. Крепко сжимая в руке крест магов, который достал из-за пояса, он молча занял место во втором ряду присутствовавших и сосредоточил все внимание на трех жрецах-люциферианах, стоявших в центре металлического круга, около большого металлического резервуара, почти до верха наполненного кровью.

На шее жрецов – совершенно нагих с закрученными вверх волосами, стянутыми красными ремнями, – висели черные эмалевые нагрудные знаки; тела их были выпачканы кровью только что перед тем зарезанных ими животных, туши которых еще валялись тут же. В эту минуту они выпускали в резервуар кровь последней жертвы – черного козленка. Затем они расположились треугольником вокруг резервуара и затянули дикий и нестройный гимн.

Через несколько минут кровь в бассейне начала волноваться, потом кипеть и подернулась черной дымкой. При этом и присутствовавшие также запели, если можно назвать пением этот нескладный гам, прерываемый иногда криками:

«Гор! Гор! Саббат!»

Точно какое-то безумие овладело присутствовавшими; голоса все больше дичали. Плачи спали, обнаруживая наготу этой бесновавшейся толпы, глаза которых, как завороженные, были прикованы к резервуару.

Теперь из него поднималась человеческая фигура. Сквозь черное прозрачное тело просвечивал точно жидкий огонь; черты лица, более плотного, были зловеще прекрасны, но выражение дьявольской злобы делало его омерзительным.

Как только это таинственное существо начало формироваться над резервуаром, один из люциферианских жрецов поднял с земли и развернул красный сверток, из которого достал и положил на жертвенник ребенка нескольких месяцев, по-видимому, спавшего. Два других жреца встали на ступенях по обе стороны жертвенника: один держал в руках сверкающий нож, а другой золоченую чашу.

– Слава! Слава тебе, Люцифер! – рычали собравшиеся. Темный дух выскочил тем временем из бассейна на ступени жертвенника; теперь тело его казалось плотным, как у живого.

А за ним, из того же резервуара, выходили сероватые тени, которые быстро оплотнялись и оживали. То были женщины-ларвы: странной, ужас навевающей красоты, с зеленоватыми глазами, кроваво-красными губами и вкрадчивыми, гибкими движениями.

Но что-то не нравилось и беспокоило, по-видимому, гостей из преисподней, потому что гибкие тела их вздрагивали и корчились, а тревожные взоры пытливо оглядывали собравшуюся толпу.

Люцифер схватил жертвенный нож и, произнося заклинания, занес его над недвижимым ребенком.

Вдруг он вздрогнул, выронил нож и стремительно обернулся. Лицо его исказилось отвратительной судорогой, а из полуоткрытого рта капала зеленоватая пена.

– Измена! – закричал он хриплым голосом, цепляясь за жертвенник.

Супрамати сбросил плащ и маску; голова его пылала серебристым голубоватым светом, над челом горело мистическое пламя его оккультного могущества, а из висевшей на груди звезды исходили ослепительные лучи, окутывая всю фигуру мага широким ореолом; в поднятой руке его сверкал крест мага. Это был крест чистого золота, освященный магами высших степеней; из концов его струились снопами лучи света, а в середине виднелась чаша.

Подняв высоко это священное оружие страшной силы и произнося формулы высшего посвящения, Супрамати твердым шагом шел к дьявольскому жертвеннику.

В эту минуту раскат грома потряс все здание до основания и Люцифер, корчась в судорогах, зарычал, как дикий зверь. Свечи и другие огни потухли, треножники полетели на землю и зала огласилась раздирающими душу криками. Лишь яркий свет, исходивший от мага, освещал, как днем, отвратительное окружавшее его зрелище.

Позади Супрамати тянулась широкая полоса света и там виднелись волнующиеся массы низших, подчиненных ему духов; лица их светились умом, а на груди блестели

голубоватые огни. Вызванные своим главою, они явились поддержать его в борьбе с адскими духами.

И борьба эта разразилась со страшной силой. Бесовская свора сплотилась у жертвенника, окружая Люцифера, который с пеной у рта, отвратительный и страшный, пускал в мага снопы искр и клубы черного зловонного дыма; все это большими темными пятнами падало на светлую одежду Супрамати, но мгновенно таяло и исчезало. Ларвы и сатанинские жрецы метали в него раскаленными добела стрелами.

Но спокойный Супрамати мужественно шел, точно столб света, и дойдя до металлического круга, поднял руку, вооруженную крестом, а его звучный и чистый голос, читавший громко заклинания, покрыл стоявший в зале невообразимый шум.

В это мгновенье из креста сверкнула молния и ударила прямо в грудь Люцифера. Нечистый дух заревел и покатился со ступеней, корчась в страшных судорогах у ног Супрамати.

— Сгинь ты, дьявольская плоть, тварь негодная и преступная. Я изгоняю тебя из земной атмосферы! Блуждай в отражениях прошлого, любуйся своими преступлениями и затем размышляй над ними в одиночестве.

По мере того как говорил маг, Люцифер переставал обороняться и вытянулся недвижимо. Но вдруг тело его распалось с шумом пушечного выстрела и из этой окровавленной бесформенной массы вылетело удивительное существо, нечто вроде полосатого черно-желтого крылатого змея с человеческой головой. Со свистом и рычанием чудовище пролетело по зале и исчезло.

В тот момент, как Люцифер пал, побежденный, ларвы превратились в разного сорта нечистых животных, а члены собрания, с пеной у рта и воя, бросались один на другого. Ларвы вмешались в толпу и началась невообразимая свалка. Видны были лишь сцепившиеся между собою голые тела, которые катались, рвали зубами и душили друг друга, вопя нечеловеческими голосами; все три жреца люцифериан валялись мертвые, и тела их почернели, точно сожженные молнией.

Не обращая внимания на ужасающую, происходившую перед ним сцену, Супрамати взял с жертвенника все еще недвижимого, точно погруженного в летаргию ребенка и, прижимая его к себе, вышел, пятясь, продолжая читать магические формулы. В прихожей его ожидал бледный и ошеломленный Нивара. Супрамати увидел, что опрокинутая с цоколя статуя сатаны валялась на земле и была разбита и что толстые стены храма в трех местах треснули во всю вышину.

— Возьмите ребенка, Нивара. Он останется у нас, потому что родители недостойны видеть его и для них он исчез навсегда! — сказал Супрамати, закутываясь в поданный секретарем плащ.

У выхода их ждал самолет, который и доставил их обратно.

По возвращении домой Супрамати прошел с Ниварой в свое помещение и занялся приведением в чувство ребенка.

Это была прелестная девочка шести месяцев, и когда она открыла свои большие голубые глазки, Супрамати нежно погладил кудрявую головку невинного создания, спасенного им от позорной смерти.

В это время прибыл Дахир с ребенком, которого он также спас. Это был полуторагодовалый мальчик. Когда он очнулся, Нивара унес обоих малюток с тем, чтобы на другой день отвезти на воспитание в общину.

Оба мага были страшно утомлены. Они поспешили взять ванну и переоделись; а затем отправились в столовую, чтобы подкрепиться чашею вина и поужинать.

За ужином они рассказывали друг другу о своих приключениях и обменивались впечатлениями. В обоих случаях дело происходило почти одинаковым образом.

— Как разрослось зло, какую силу приобрело оно с тех пор, как мы ушли от жизни в обществе, то есть за эти три века, — заметил, вздыхая, Супрамати.

— Да, в то время публичные собрания вроде тех, на которых мы сегодня

присутствовали, считались бы чудовищными и невозможными, – возразил Дахир.

– И какое гадкое дело обуздывать этих чудовищ. Фу! Я дрожу от отвращения при одном воспоминании, – прибавил он брезгливо.

– Да, мы отвыкли от такого общества и подобных малоприятных волнений, – сказал Супрамати с улыбкой. – Да и борьба была нелегкая, несмотря на мою силу и бывшее в моей руке могучее орудие. Был момент, когда я думал, что зловонные флюиды задушат меня, и мне пришлось напрячь всю силу воли, чтобы отбивать дьявольские нападения; так отчаянно защищался Люцифер со своей стороны.

– Да, да, я испытывал то же самое. Там также делалось все, чтобы отбросить меня и заставить покинуть свое место. Но, к счастью, им это не удалось, и Ваал так же был побежден, как и Люцифер, – весело закончил Дахир.

На другой день друзья только что отпили кофе и отдыхали на террасе, как явился веселый, но озабоченный Нарайяна.

– Вот вы какие герои! – сказал он, пожимая руки друзьям. – Весь город содрогается от ваших похождений, а вы прескокойно распиваете тут кофе!

– Если ты называешь «похождениями» наше посещение католических лож, то, признаюсь, приключение это далеко не так забавно. Я еще до сих пор совершенно разбит борьбой с дьявольской шайкой, – добродушно возразил Дахир.

– Ты уже давно знаешь об этом деле, но меня удивляет, что о нем так рано уже говорят в городе! – заметил Супрамати.

– Говорят! Не говорят, а кричат, ревут и дрожат от страха. Ведь ничего подобного не было с тех пор, как свет стоит! – с хохотом болтал Нарайяна.

– Сегодня утром – не было еще восьми часов – являлся ко мне молодой барон Нейндорф, племянник нашего любезного амфитриона, давшего вам входные билеты, – продолжал смеявшись до слез Нарайяна, вытирая глаза. – Но, Боже мой, на что он был похож! Все лицо испещрено синяками и залеплено пластырем: один глаз подбит, а рука на перевязи. Увидя мое удивление, он заявил, что пришел просить моей помощи и совета ввиду необыкновенных знаний, доказанных мною в деле Ришвилля, а затем описал мне все происшествие, с его точки зрения. По его мнению, к ним появился волшебник, более сильный, чем они, наученный или подосланный кем-то, желавшим отомстить; вот этот-то негодяй и устроил из их мирного собрания целое побоище.

– Значит, им еще неизвестно, что такое же «побоище» произошло в другой ложе и что работали два «негодяя»? – спросил Супрамати, смеясь от души.

– Известно. Только предполагают, что в обоих случаях действовал один и тот же «мерзавец».

– В таком случае, на нас не пало ни малейшего подозрения? – заметил Дахир.

– Ни малейшего. До сих пор, по крайней мере. Но ввиду того, что в обоих случаях были пущены в ход одинаковые способы, это вселило убеждение, что действовало одно и то же лицо.

– А какого совета ожидали от тебя? – полюбопытствовал Дахир.

– Прежде всего просили помочь им найти чародея, чтобы справиться с ним, – опять засмеялся Нарайяна. – Они дышат жаждой мести, а что делать – не знают, потому что погибли их сильнейшие члены. Должен вам сказать, что двадцать человек в ложе Люцифера и семнадцать в ложе Ваала убито, а ранено более ста. Такое кровопролитие встревожило город. Уцелевшие члены обеих лож уже созывали собрание, на котором присутствовали все пострадавшие, способные двигаться; был приглашен глава храма спиритуалистов и ему дали поручение открыть, с помощью его ясновидящих, личность волшебника, лица которого никто не мог различить, вследствие окутывавшего его ослепительного света. Но вообразите, почтенный директор наотрез отказался делать что-либо в этом направлении и не разрешил сомнамбулам участвовать, да и вообще вмешиваться в эту историю; ни уверения, ни угрозы не поколебали его упорства. Вот тогда-то они вздумали обратиться ко мне.

– И что ты ответил?

— Я сказал, что действительно знаю кое-что по части индусской медицины и поверхностно знаком с оккультическими науками; но, по несчастию, совершенно не компетентен в таком серьезном и сложном случае...

Все дружно рассмеялись.

— А что, храбрый Хирам не в числе ли умерших? Это было бы очень кстати, — спросил Супрамати.

— Эге! Как ты, однако, принимаешь к сердцу обиду твоей обожательницы, — подтрунивал Нарайяна. — Но, увы, я не могу тебя порадовать этой приятной новостью. Интересующий тебя Хирам — жив; он все еще страдает от боли, которой ты его наградил, и потому не мог быть на собрании.

— Жаль! — коротко заметил Супрамати. Они поговорили еще о событиях последней ночи, а затем Нарайяна нашел, что им следует выйти, показаться в городе, чтобы окончательно устраниТЬ от себя всякое подозрение, и предложил посетить театральный дворец, которого они еще не видали.

Дахир согласился сразу, а Супрамати насилиу дал себя уговорить. Давно не чувствовал он такой потребности в уединении, как теперь, и не ощущал такого отвращения к людям.

Переодевшись, они отправились в аэрокэбе и быстро прибыли на место. Театральный дворец был колоссальных размеров зданием, точно целый квартал под одной крышей.

— Вот вам и театральный дворец, или Лабиринт, — указал Нарайяна. — Здесь соединены все наиболее известные театры, и только на отдаленных окраинах находятся театры для народа. Вон там, видите, налево, отделенный садом, дворец артистов. Бесчисленное множество актеров и актрис живут здесь в маленьких квартирах, куда они приходят, большую частью, только спать; потому что все остальное они могут найти в самом театре, где играют. Там есть рестораны, читальни, приемные, уборные и т.д.; там завязывается большинство интриг, выставляются напоказ самые богатые туалеты, и залы постоянно переполнены. Первые представления для избранной публики начинаются в два часа пополудни; это делается для очень богатых людей, не работающих, живущих доходами и желающих быть в своем кругу. Вечером же бывают люди, занятые службою или делами днем и освобождающиеся только вечером.

Во время разговора воздушный экипаж опускался над обширным садом, где среди густой зелени были разбросаны домики самой разнообразной архитектуры; над входной дверью на маленьких шелковых флагжаках разных цветов значились имена владельцев.

— Все павильоны — особые убежища и принадлежат или артистам, или богатым частным лицам, желающим отдохнуть до представления, которое, впрочем, и отсюда можно видеть, не давая себе труда идти в залу. Полюбуйся на теперешних людей; это уже люди «не конца века», а «конца света»: нервные, чахлые, болезненные и бессильные душой и телом. Они мечтают и ищут только, как бы до высшей степени увеличить комфорт и возможно менее утомляться. У меня также есть здесь pied-a-terre; я покажу его вам до представления.

Самолет остановился перед небольшим индусским храмом из белого мрамора, напоминавшим их гималайский дворец; около входа алебастровый слон держал в поднятом хоботе щит с надписью: «Нарайяна, индийский принц».

Они вошли сначала на мощеный дворик, посередине которого был фонтан, а оттуда поднялись по ступеням крыльца, и Нарайяна отворил резную дверь. Очнулись они в маленькой прихожей, где два индуза в белых тюрбанах до земли поклонились им и подняли тяжелую завесу из индийской материи, затканной золотом. Перед ними была круглая зала с голубым стеклянным куполом вместо потолка; единственное окно было задернуто голубой кисеей, и вся зала тонула в приятном полусвете. Меблировка состояла из нескольких мягких диванов и стульев; в хрустальном бассейне плескался фонтан, распространяя приятную прохладу.

— Рай Магомета, хотя и без гурий! — засмеялся Дахир.

— Могу достать гурий, если желаешь и... если позволит нам добродетельный и целомудренный Супрамати, — шутил Нарайяна.

— Пока подкрепимся, — прибавил он, нажимая кнопку в одной из колонн.

Из-под пола поднялся сервированный со всей утонченной роскошью стол, за который они и сели.

— Я не против того, чтобы вы пригласили гурий, — сказал Супрамати, развертывая салфетку, — только бы мне не пришлось принимать участие в их приеме. А пока скажи, Нарайяна, что сегодня дают в театре и что более всего в моде?

— Если желаешь знать, все — в моде, начиная с самого циничного реализма до самого отчаянного мистицизма; потому что среди многочисленных посетителей театров есть поклонники и даже фанатики всех сортов, — ответил Нарайяна. — Вот подожди, пока мы завтракаем, я покажу тебе одну из пьес, идущих в настоящую минуту.

Он встал и подошел к вделанной в стену раме, на которой было множество разного цвета эмалированных кнопок, расположенных вокруг одной, гораздо большей кнопки, посередине. Нарайяна привел в движение сначала среднюю кнопку и часть стены бесшумно раздвинулась, открывая огромное фосфоресцировавшее полотно, тонкое, как паутина; оно дрожало и волновалось, точно поверхность воды под легким ветерком. Тогда Нарайяна нажал вторую кнопку и минуту спустя полотно потемнело, потом обрисовалась внутренность помещения, появились действующие лица, и все приняло жизненный вид, а представление шло так правдиво и жизненно, что можно было вполне чувствовать себя в театральной зале.

Действие уже началось; тем не менее, нетрудно было уяснить сюжет и следить за развитием пьесы, несложной, но изумительно циничной по содержанию.

Дело шло о приключениях жены, находившейся «в отпуску»; муж, хотя по закону и обязан был разрешить ей наслаждаться с другим, но был ревнив и втихомолку подносил влюбленным самые неожиданные и неприятные сюрпризы. Приключения были очень забавны, но большинство сцен так сильны, так бесстыдно реальны, что Супрамати с Дахиром минутами сомневались в свидетельстве глаз своих.

— Это невообразимо! Я не понимаю, какое удовольствие находят люди в таких нелепостях, и притом грязных до тошноты, — с отвращением заметил Супрамати.

— А ты однако же смеялся, — сказал Нарайяна, искренно забавлявшийся спектаклем.

— Смешные положения, конечно, возбуждают смех, но подробности отвратительны!

Встав из-за стола, Нарайяна предложил идти в какой-нибудь театр, где должно начаться представление.

— Только, пожалуйста, покажи нам что-нибудь в ином роде; с меня достаточно виденного. Надеюсь, и Дахир согласен со мною, — сказал Супрамати.

— Я покажу вам мистическую феерию, такую высоконравственную, что ты можешь вообразить себя в раю, — смеялся Нарайяна.

Итак, все трое отправились в театр. Зала была великолепна, а ложа их представляла настоящий будуар хорошенкой барыни: была обтянута розовым шелком, с цветами, зеркалами и статуями.

Что касается спектакля, то если он и не вполне отвечал характеристикам Нарайяны и, конечно, былым понятиям о рае, то все-таки был в достаточной мере приличен, чтобы смотреть его, не особенно краснея.

Сюжетом взята была история молоденькой амазонки. Разочаровавшись в жизни, она обратилась к благочестию, но злые духи старались свернуть ее с пути истинного и толкнуть на грех, а после смерти душу ее оспаривали добрые и злые силы. Но главный интерес представления сосредоточивался на сценической обстановке и, в этом отношении, театральная техника действительно достигла такого совершенства, что иллюзия была полная. Даже Дахир и его друг увлечены были картинами, в которых с изумительной точностью изображались сцены «потустороннего» мира, виденные ими в действительности.

Зала была полна; но не все зрители одинаково интересовались представлением и разговоры не умолкали.

В соседней ложе болтали громко, и Супрамати скоро узнал, что поражение сатанистов

занимало все умы. Слухи разрастались, и дело приняло чудовищные размеры. Какая-то дама, зная будто бы все подробности из первых источников, рассказывала, что погибло, по крайней мере, двести человек; что оба храма разрушены, что в стенах оказались огромные дыры, через которые улетели демоны и, наконец, что искать волшебника было бы напрасно, потому что это был не только не волшебник, но и человек, а архангел.

— Моя кузина, Лили, бывшая там, своими глазами видела, как он развернул огромные огненные орлиные крылья и улетел через потолок, — окончила взволнованная рассказчица.

— А бедная Лили благополучно отделалась при этом ужасном происшествии? — спросила участливо другая дама.

— Она, слава Богу, вышла живой, но порядочно потрепанной, — со вздохом ответила первая дама. — У нее следы укусов на щеках, а все тело в синяках и иссечено, точно ее стегали розгами. Вообще, она решила порвать с католицизмом и выходит из общины.

Во время разговора соседей Нараяна забавлялся тем, что подталкивал то одного, то другого из друзей, особенно, когда говорили об улетевшем архангеле; Супрамати с Даиром с трудом удерживались от смеха.

Последующие дни друзья только и слышали те же разговоры. Всюду, в обществе, ресторанах и театре им подносили новые подробности, хотели знать их мнение, спорили о причинах и последствиях этого неслыханного события.

Однажды, по возвращении со званого вечера, раздосадованный этими пересудами Супрамати швырнул на пол шляпу.

— Нет, больше не могу, — с отчаянием в голосе сказал он. — Если я услышу еще о Люцифере, у меня будет хандра. Завтра же убегу все равно куда и вернусь только, когда эта история забудется.

— О, как ты прав! У меня делаются спазмы, когда начинают пересчитывать разбитые физиономии, спины и носы наших жертв; а так как столько живых свидетелей видело, как мы улетели, то улетим действительно, но куда? — проговорил Даир, искренне смеясь.

— Я предлагаю навестить наше старое гнездо в Шотландии и заняться там слегка изучением истории, — ответил Супрамати. — Видишь эти книги на столе, у окна? Это сочинение только что вышло в свет, и мне прислал его мой книгопродавец. В нем история последних трех веков; именно то, что нам нужно, потому что предшествовавшие мы знаем порядочно. Там, в уединении, полном воспоминаний о прошлом, мы отдохнем от этой суеты и поработаем на свободе; а через несколько недель можем возвратиться, не рискуя, что нас будут снова бесить.

— Прекрасная мысль, едем! Я сейчас распоряжусь приготовить нам самолет, — весело ответил Даир.

Глава тринадцатая

На рассвете следующего дня друзья сели в воздушный корабль, который доставил их из Индии, и покинули Царь-град. Секретарям, Ниваре и Небо, поручено было оповестить знакомых, что по неотложному делу они неожиданно уехали на несколько недель.

Супрамати приказал, чтобы судно шло медленно и опускалось, пролетая над местом, где стоял Париж, и над той частью океана, где была погребена его родина.

После полудня судно вдруг уменьшило ход и начало спускаться. Друзья, молча мечтавшие до сих пор, сразу выпрямились и стали у окон.

Под ними расстипался вид, очень напоминающий окрестности Царыграда. Среди зеленеющих лугов мелькали широкие полосы бесплодной и пустынной земли; далее виднелись огромные теплицы и некоторые в несколько километров длиною. Потом стало видно обширное тоскливое пространство необработанной земли. Сожженная, словно изрытая почва была покрыта бесформенными развалинами, точно новый Содом, уничтоженный небесным огнем. Подробностей рассмотреть было нельзя, но и от того, что видел Супрамати, сердце его сжалось, нахлынули воспоминания. Но ожидание увидеть

могилу старой Англии поглотило его совершенно. И вот океан катит свои мутные, пенистые волны и бьет о новые берега Франции, часть которых тоже исчезла под водой при страшном бедствии. А там, вдали, виднелись лишь два маленьких островка, обрезанная и обезображенная океаном Ирландия, да клочок Шотландии.

Так вот где покоилась закутанная в свой водяной саван гордая царица морей. В этих бурных волнах погребены плодородные земли, дивные памятники и вся лихорадочная, суетливая и корыстная деятельность второго Карфагена.

Супрамати становилось трудно дышать, а задумчивый, грустный взор его прикован был к океану, над которым медленно пролетало воздушное судно. В памяти его ожидала чудная картина прошлого, и горячие слезы глубокого сожаления засверкали в глазах. В эту минуту он был только Ральф Морган, англичанин, горько оплакивавший свою родину.

Дахир молча наблюдал за тяжелыми впечатлениями, отражавшимися на подвижном лице Супрамати. Сочувствие к горю друга и любовь светились в его глазах, и лишь когда они приблизились к цели путешествия, он пожал ему руку, словно отрешая его от прошлого и пробуждая к действительности.

Супрамати вздрогнул и выпрямился.

— Я все еще во власти земных мелочных интересов, — виновато произнес он со вздохом.

— Я горюю о разрушении клочка земли, когда скоро и сама планета обратится в одно воспоминание...

— И мы не менее горько будем оплакивать нашу кормилицу-землю. Флюидические нити, связывающие нас с ней, слишком крепки, чтобы порваться, не нанося боли, и самым тяжким испытанием для нас будет, конечно, обязанность полюбить тот новый мир, в который мы попадем сеять там семена добра и просвещения, — задумчиво сказал Дахир.

Они перешли к другому окну и стали разглядывать древний замок. Массивный, мрачный и почерневший от времени, он высился на своем утесе, неразрушимый, как они сами...

Минут через десять воздушное судно опускалось на главном дворе и, понятно, трудно было бы представить более странное противоречие, чем этот аппарат, олицетворявший собою новейший триумф творчества разума, среди толстых стен феодальной твердыни.

Несколько старых слуг почтительно встретили хозяев. Это были, разумеется, не те, что служили Супрамати в его первый приезд сюда; но они казались не менее почтенными по летам.

Внутри замка также ничто не переменилось. На мебели XII века не было заметно следов порчи; обои, старые картины, древняя утварь — все было нетронуто, и в той самой зале, где Дахир ужинал с Нарой и ее мужем, когда приезжал для первого посвящения Супрамати, там они снова ужинали теперь и долго мечтали на балконе, висящем над океаном. Оба молчали. В памяти их вставало прошлое, смущавшее ту чистую и ясную гармонию, которая издавна жила в душе магов. Потом Супрамати удалился в прежнюю комнату Нары, где множество мелочей напоминало ему молодую жену.

Утром следующего дня приятели осматривали башню посвящения, а после обеда расположились в библиотеке, чтобы начать свои занятия по истории. Наружно они были спокойны, как всегда.

Странное и неопределенное чувство просыпалось и волновало душу Супрамати, когда он читал первый том привезенного им сочинения; он переживал точно воскрешение. Он был жив и, вместе с тем, мертв для прошедшей мимо него действительной жизни. "Угасали целые поколения, поглощались целые страны, падали государства, кровавые битвы косили человечество в то время, как он, ничего не подозревая, мирно учился в своем неприступном гималайском уголке.

И снова поднялось в душе его то острое, горькое и бурное чувство, которое он испытывал накануне; тоска о прошлом, о той исчезнувшей стране, где родился, полюбил и страдал скромный Ральф Морган...

Он тяжело вздохнул и, сжав руками голову, напряг свою могучую волю, чтобы

отогнать волновавшие его воспоминания.

К чему бесплодные сожаления? Несокрушимая судьба указала ему иное назначение. Ральф Морган, обыкновенный человек, умер; Супрамати – бессмертен и сфера его – бесконечная наука. Иная будущность ждет его в новом отечестве на той неведомой планете, которой суждено схоронить его кости после того, как он отдаст ей весь цвет знания, собранного здесь.

Он энергично выпрямился, и из его взболваненного сердца полилась жаркая молитва к неисповедимому Существу, управляющему вселенной. Тот, Кто указал ему эту странную и загадочную участь, будет руководить им и поможет достойно нести ее бремя...

Успокоенный и укрепленный молитвой, он снова взял книгу и принялся за чтение вступления.

Автор был, очевидно, философ и мыслитель, человек, сохранивший веру и здраво судивший как прошедшее, так и своих современников.

«Чем больше я изучаю прошлое и разбираюсь в исторических явлениях жизни человечества, – писал он, – тем более во мне крепнет убеждение, что наша эпоха – эпоха упадка, и что цивилизация, которой мы так гордимся, ведет нас к какой-то катастрофе, может быть, даже худшей, чем та, которой закончился XX век; а может быть, и к геологическому перевороту.

Еще в конце XVIII века начали ясно назревать злополучные идеи и общественные течения, которые неминуемо должны были вызвать историческую катастрофу, т.е. вторжение желтых, о чём упоминалось выше.

Нравственный распад ведет свое начало от сочинений так называемых «философов», возвещавших новые будто бы истины, которые в действительности оказывались объятием войны Божеству и установленным Его именем законам, – законам, которые вели человечество до тех пор к последовательному прогрессу, к изобилию и к убеждениям, устанавливавшим правильные взаимоотношения людей на основах чести и долга. Одним словом, существовали принципы и правила жизни, которые если и нарушались, то лишь по слабости; но и эти нарушения смотрели, как на постыдные или преступные.

Но лишь только объявили войну этому невидимому и неосозаемому врагу, именуемому Богом, как снята была всякая узда, сдерживающая страсти. Подрытая в корне нравственность, осмеянная добродетель, все восхваляемые или поощряемые пороки, все это вместе породило поколение без совести, чести и принципов, подлое и алчное, поклонявшееся одному лишь золотому тельцу, – этому новому богу, воссевшему на руинах древних алтарей.

И душа людская все более проникалась грубыми инстинктами и пагубными страстями; человеческое достоинство падало все ниже, зверь в человеке все рос и, наконец всецело захватил его. Разум, уже не искавший более божественного, потонул в материи; люди терзали друг друга из-за клюочка власти, никакое преступление не могло остановить того, кто стремился только к золоту, материальной выгоде и наслаждению. Человечество по своей дикой алчности и жестокости действительно стало походить на апокалиптическое чудовище, которое в ослеплении своем богохульствовало и воображало, что, отрицая Творца, оно покорило Его. Для мыслящего человека и историка больно и трудно рыться в этом прошлом, отмеченном печатью непрерывного падения, которое и привело наилучше богато одаренную из всех белую расу к полнейшему упадку и к невиданному в истории унижению.

Разложение нравственное имело своим следствием развал политический. Так как утрачено было понятие о чести, то каждый считал совершенно естественным руководствоваться только личными материальными интересами. Патриотизм и честность обратились в глупые, отжившие понятия; главы государств без стеснения грабили страны; неподкупных чиновников не существовало более, всякий продавал, предавал и крал как можно больше, потому что уважение оценивалось его богатством.

Семейная жизнь рушилась, а с нею пропало и воспитание, которое прежде выковывало великие характеры. Все спуталось; древняя аристократия смешалась с подонками народа, и обособленность, поддерживавшая прежде чистоту породы, заменилась настоящим хаосом.

Герцогини бегали за скоморохами, князья женились на еврейках или уличных таскуньях, громадные состояния проматывались, а разбогатевшие проходимцы, скупавшие старые родовые «гнезда» и украшенные гербами замки, забавлялись унижением разорившихся аристократов и издевались над ними. Но самым удивительным явлением эпохи было то, что сами падшие потешались над своим упадком, униженно пресмыкаясь перед новыми «господами», которые внушили им ненавидеть родину и презирать долг, растлевали нравственность жен и дочерей их, прививая им бесстыдство, и глумливо выставляли напоказ грубой, животной, но победоносной толпе нравственную наготу этих древних «привилегированных» культурных слоев.

И нравственная гангрена быстро заражала все европейские народы, а людей охватило поветрие безумия. Они торговали всем: честью, уважением, национальной гордостью и безопасностью родины. Национальные богатства продавались с молотка; все народности смешались в какое-то месиво, все здравые понятия были извращены.

Параллельно с этим росла леность. Никто не желал уже больше обрабатывать землю, по-прежнему работать в поле, на фабрике или заниматься ремеслами; в невероятном количестве множились школы, университеты и разные научные учреждения. Не стало крестьянина и рабочего, а остались только «господа», «дамы», ученые и артисты, желавшие жить богато. Изощрялись в изобретении усовершенствованных машин, которые заменяли бы личный труд и позволяли каждому быть хозяином и служой.

А пока разыгрывалась вся эта вакханалия, из глубины бездны явились бесы, и это не был уже причудливый плод фантазии «отсталого духовенства», пугавшего людей XVII и XVIII века дьяволом, над которым все смеялись и в которого не верили, потому что не видали его никогда. В конце же XX века дьявол явился видимый и осязаемый, враждебный и глумливый.

И вот через 300 лет мы пришли к тому же. Теперь бесов вызывают публично, их все видят, осязают и им поклоняются, а сатана воссед на престол, управляет миром и в злобе своей ведет нас несомненно к гибели. Кто может сказать, когда совершенно окончится эта адская работа? Но многие, как и я, думают, что какая бы то ни было катастрофа близка и что планета наша перестала быть нормальной. Всякое новое открытие, вытаскивающее на улицу какую-нибудь герметическую тайну, которой толпа пользуется не на благо земли, а лишь для того, чтобы скорее опустошить и разорить ее, звучит, как отзыв адского смеха над нашей слепотой.

Но я уклонился от своего предмета и возвращаюсь к последним годам XX века. В то время, как в Европе быстро подвигалось нравственное и физическое падение белых народов, в Азии пробуждалась, росла и зрила желтая раса. Еще здоровая, верующая, одушевленная горячим патриотизмом, тем воинственным пылом, который создает героев и учит презирать смерть, эта старая желтая раса благоразумно переняла у белых все могущее служить ей на пользу. Она создала и дисциплинировала войска, построила флот морской и воздушный, улучшила пути сообщения, и когда все было готово, чтобы вывести избыток своего населения, она двинулась на запад.

Это было новое переселение народов, неистощимый людской поток и миллионы желтолицых по суще и морю хлынули на белых.

Европа и Америка были ими наводнены; но прежде мы займемся судьбою Европы.

В то время Китай был еще империей и на троне сидел молодой, энергичный император, мудрый и лукавый, как настоящий азиат. Прежде чем предпринять свой грандиозный поход, он собрал самые подробные сведения. Целая армия хорошо организованных шпионов обошла все намеченные завоевателем страны и удостоверила, что момент был исключительно благоприятен для успеха вторжения. Прежде всего шпионы убедились, что вследствие противоестественных пороков, наличности «третьего пола» и ненависти к ребенку население Европы значительно уменьшилось. А в общем, это были люди расслабленные, нервные, мало способные к обороне, так как «милитаризм» признавался безнравственным, национальное знамя выброшено было в навоз, армии хотя и не были

совершенно упразднены, но представляли собою плохо вооруженное людское стадо, недисциплинированное и не проникнутое военным духом; одним словом, то были граждане, презиравшие свое ремесло и видевшие в нем пережиток варварства, обреченный на уничтожение.

Нашлись, конечно, упрямые и отсталые люди, которые пробовали протестовать против такого направления мысли; но «мирные» конгрессы и конференции объявили их врагами человечества, желавшими залить кровью землю, да еще в такое время, когда *de facto* война стала невозможной ввиду усовершенствования боевых снарядов и орудий войны, которые могли в одну минуту разрушить целый город, усеять страну обломками, вызвав большие жертвы.

– Надо было проповедовать не вооружение, а братство народов, – кричали «миротворцы». – Потому что кто же отстроит разрушенные города и починит повреждения, когда почти невозможно найти рабочих; а с другой стороны, цивилизация достигла, наконец цели и все члены общества богаты, счастливы и равноправны.

И вот во время этой идиллии нежданно-негаданно вторгнулись воинственные орды желтых и настало неслыханное унижение белых перед азиатами, которых те так давно презирали, эксплуатировали и мучили.

Подлое, трусливое население, истинное порождение гнилой «цивилизации», которую оно представляло, ошелело от страха. Каждый дрожал только за свою презренную жизнь, о самообороне не было помина, и побежденные на коленях встречали победителей, ожидая приговора и вымаливая помилование.

Не скрывая даже своего презрения к стаду трусов, распространявшимся на его пути, совершил молодой император обезд покоренных стран, останавливаясь преимущественно в столицах, которые, будучи чрезмерно заселены, сделались в буквальном смысле сердцем страны и вмещали весь цвет нации.

И всюду, где проходил гордый «сын солнца», он заводил новый порядок: богатое население изгонялось из их домов и дворцов, а имущество его конфисковалось. Лишенная комфорта и роскоши, вся эта толпа тунеядцев и предателей, умевшая только изменять и убивать, или унижать и продавать свою родину, презирайя притом честный труд, была изгнана под надежным конвоем из городов и послана обрабатывать поля, чтобы обеспечить победителям запасы овса, муки и других видов продовольствия. Толпы «ученых» и богачей трудились под угрозой кнута или виселицы. Оживились заброшенные заводы и фабрики и начали работать на пользу победителя.

Загнанные в жалкие лачуги, эти «освободители» людей от всякого долга, закона и веры испытывали на себе закон возмездия. Исповедываемое ими утопическое «равенство» они нашли теперь в общем позоре, несчастии, нищете и неустанном тяжком труде. Они отринули Бога и религию, уничтожили церкви, памятные праздничные в Христианстве дни, а в горькие дни унизительного рабства под железным кулаком нового владыки они пожалели о прошлом и стали опять молиться, ища помощи у невидимого Творца, Который один мог помочь там, где бессилен человек. Грешить по-прежнему уже было нельзя, поклонение сатане было воспрещено под страхом смерти, так же как противоестественная любовь, и в глубине души не один из «свободных граждан» пожалел, что не любил в свое время свою родину и не защищал ее, а кулаки грозно сжимались при воспоминании о «миротворцах» и их разглашениях.

Молодой император обдумывал между тем один вопрос, сугубо его интересовавший. Он не мог понять, каким образом славные, гордые и воинственные некогда народы могли падать до такой степени скотства, чтобы сдаваться, не обороняясь, и даже совершенно потеряли понятие о нравственном и гражданском мужестве, в течение многих веков составлявшем их силу и славу. Шпионы донесли ему, что пороки, продажность, безверие, отсутствие патриотизма съедали, как ржавчина, западные народы и облегчали победу; но что было причиной такой духовной нищеты? Что вызвало ее? – додуматься он не мог.

Тогда император созвал несколько советников, изложил им свое недоумение, поручил

исследовать причины упадка покоренных народов и прибавил:

– Нам необходимо исследовать зло, погубившее белые нации, потому что народ наш живет теперь среди них и та же гангрена может его заразить.

Советники принялись за работу и через несколько месяцев явились с докладом. Изложив указанные нами выше причины всеобщего упадка, они дополнили:

– Главным виновником всего этого упадка, нравственного и физического, оказался пришедший некогда из Азии народ-паразит, который втерся во все страны и вел к неминуемому уничтожению всех, кто имел неосторожность приютить его у себя. Этот необыкновенный народ, враг рода человеческого, проникал всюду и с удивительной ловкостью и наглостью использовал для себя гуманитарные принципы христианской веры, чтобы забрать в руки все управление и богатство...»

...Далее рассказ касался подробностей владычества желтой расы и того страшного гната, который вынесли порабощенные европейские народы.

– Боже мой, что за ужасное время! Я не могу даже себе представить подобное рабство целых народов в XXI веке и такое хладнокровное избиение нескольких миллионов людей, – сказал Супрамати, прерывая чтение.

Дахир отодвинул книгу и потянулся в кресле.

– Правда, – заметил он, улыбаясь, – скверные вещи творились на белом свете, пока мы оживляли пустынный остров. Но, откровенно говоря, разве европейские народы не заслужили этот тяжелый урок? И он принес им очевидную пользу: снова научил их работать, пробудил остаток дремавшей в них энергии, дал силы сбросить иго рабства и прогнать желтых в Азию. Несомненно, что с этого времени берет свое начало уменьшение народонаселения Европы; просто невероятно, сколько погибло тогда народа, особенно женщин и детей. Зато уцелевшие оживились новой энергией, верой и молчавшим в них чувством долга. Я только что прочел описание этого пробуждения белой расы.

Это был чудный порыв единодушия, и хоть на короткое время, но осуществилось братство народов. Конечно, продолжительно это быть не могло, потому что проснувшееся национальное чувство побуждало племена замкнуться в своем племенном составе. Тогда-то объединились славянские народы; Германия слилась с Голландией, Бельгией, частью Франции и Швейцарии; Италия дополнила свое объединение, а турки были отброшены в Азию. Это чрезвычайно интересно, и нам надо бы перечитать все это вместе.

– Здесь также есть крайне любопытные подробности о вторжении желтых и о европейской трагедии, которая была ужасна по количеству жертв, – сказал Супрамати.

– Разумеется, избиение зараз нескольких миллионов людей представляет собою факт, редко повторяющийся в истории, – заметил Дахир. – Но в то же время ясно, что эта упорная раса – неистребима; потому что даже такое кровопускание не помешало евреям, сплотившимся вновь, образовать даже собственное государство, где они по-старому стали поклоняться сатане и немало, конечно, содействовали воскрешению всех пороков, предшествовавших вторжению желтых, и которые процветают теперь на наших глазах.

– Жаль очень, – прибавил Дахир со вздохом, – что твоей старой Англии не довелось дожить до этого времени и участвовать в славном пробуждении Европы. Она не вынесла своего падения, сознания неизбежности рабства, привыкнув сама всегда повелевать, и рухнула от стыда, похоронив в океане и победителей, и побежденных.

Супрамати ничего не ответил и только вздохнул, тоскливо глядя на седые косматые волны, разбивавшиеся об утес.

– Хотя надо сказать правду, – продолжал Дахир минуту спустя, – что у гордой царицы морей на счету грехов много. Без зазрения совести она всегда преследовала только свой личный интерес, принося ему в жертву народы и людей, выжимала соки из союзников, изменяла и управляла миром, опутав его целой сетью интриг.

– Tcc! De mortuis aut bene, aut nihil!. Англия руководилась правилом: «que la charite bien entendue commence par soi meme». А потому с точки зрения человеческой и политической она была права, – возразил Супрамати.

Дахир громко рассмеялся и, встав с места, похлопал друга по плечу.

– Браво, Ральф Морган! Я заключаю, что в тебе англичанин – выше мага, и предвижу, что на новой планете ты обоснуешь первую империю с девизом «La charite bien entendue» и т.д.

Оба весело посмеялись и снова принялись за чтение.

Глава четырнадцатая

Больше трех недель прошло с отъезда друзей из Царьграда, и они так хорошо чувствовали себя в старом замке, что и не думали покидать его. Они снова нашли тишину, спокойствие и единение, к которым так привыкли.

Изучение истории заняло их и служило даже отдохновением, потому что не было столь тяжелым и требующим сосредоточенного внимания, как занятия, требуемые посвящением...

Дахир заметил было как-то, что им де следовало бы вернуться в мир; но Супрамати ответил, что, благодаря Богу, у них нет недостатка во времени и они успеют еще вдоволь насладиться чарующим современным обществом.

Однажды после полудня, с неделями времени после этого разговора, друзья сидели за кофе и вдруг увидали направлявшееся прямо к замку воздушное судно.

– Держу пари, что это к нам летит Нарайяна, – смеясь, сказал Супрамати.

И он не ошибся. Через несколько минут самолет спустился во двор замка и Нарайяна весело пожимал руки вышедшему навстречу приятелям.

– Я приехал взглянуть, что вы поделываете в этом старом совином гнезде, – сказал он, когда все трое очутились на балконе. – Или вы намерены провести здесь все время вашего пребывания в миру?

– Нет. Мы хотим только окончить наши занятия историей, а ты так устроил этот замок, что здесь чувствуешь себя превосходно; делай, что хочешь: мечтай, учись или производи опыты, – ответил Супрамати.

– Да, я всегда был недурным хозяином... Ну, а так как мне выпала честь быть вашим чичероне*, то я явился, чтобы нарушить ваше пустынножительство для прогулки, которая будет вам и приятна и полезна.

– Вполне полагаемся на твою опытность. Но куда ты хочешь везти нас? – засмеялся Дахир.

– В Сахару.

– Разве уж это будет так приятно?

– Даже очень, потому что вы не узнаете Сахары. Великая пустыня превратилась в одно из плодороднейших и богатейших мест на земном шаре. Там теперь масса воды и много больших городов; а городское население, равно как и сельское, представляет смесь всех рас, что дало в общем довольно некрасивый тип.

Этот народ «попурри», деятельный и предприимчивый; однако и там, как повсюду, столько злоупотреблений в эксплуатации сил природы, что уже замечается истощение.

– Странное и непонятное явление вспомнилось мне. В такое время, как теперь, когда известен и исследован всякий уголок на земном шаре, когда воздухоплавание устраивает горы и все препятствия, словом, все, что в прежнее время задерживало исследователей, наши гималайские дворцы остаются неизвестными и неоткрытыми, – заметил Супрамати задумчиво.

– И так останется до разрушения планеты, – ответил Нарайяна. – Помнится, я даже разговаривал однажды по этому поводу с Эбрамаром.

– Да, – сказал он мне, – дворцы Махатм, школы магов, вся подземная Индия с ее богатствами и тайнами никогда не осквернятся нескромными и невежественными любопытными. Несомненно, кое-какие секреты будут украдены и проданы, но это не важно. Толпа будет злоупотреблять ими, но использовать их не сумеет, а все-таки никто не переступит порога наших храмов посвящения. Могучая воля высших магов сделала эти

места навсегда невидимыми для взора профана, и тот никогда не увидит ничего, кроме диких, недоступных скал, бездонных пропастей, и никогда не нарушит покой наших счастливых приютов.

– Это высочайшая степень гипноза, – добродушно заметил Дахир.

– Однако вернемся к вопросу, – сказал Нарайяна. – После объезда новой Сахары я свезу вас в Египет. Там вы тоже найдете много любопытного, и если пожелаете, то увидите восстановленные Фивы, Мемфис и Гелиополь, перестроенные спекулянтами в древнем стиле для любителей. У меня тоже есть дворец в Александрии, выстроенный по модели отцовского, моего настоящего отца, друга и сподвижника Птолемея Лага.

– Решено! – ответил весело Супрамати. – Мы отправимся в Сахару и Египет и двинемся, когда ты только захочешь. А после куда ты повезешь нас?

– Я думал, что вы вернетесь в Царьград, где вам еще много осталось кое-чего посмотреть.

– Только бы не слышать больше разговора о люциферианах. Одна мысль о подобного рода толках меня выводит из терпения.

– Об этом, правда, еще болтают пока немного ввиду многочисленных случаев отступничества; но надо надеяться, что к приезду нашему что-нибудь новое займет праздное людское любопытство, – ответил Нарайяна.

– Кстати, раз уж мы заговорили о Царьграде. Что там нового? Что поделывают интересный Хирам и очаровательная амazonка m-lle Ольга? – лукаво улыбаясь, спросил Дахир.

– Добротельный Хирам излечился наконец от своих спазмов, но кипит бессильной злобой, потому что не смеет подходить к Ольге, в которую влюблен до безумия. Ревность делает проницательным, и он не без основания подозревает, что ты, Супрамати, виновник его неудачи, а потому замышляет отомстить тебе.

– Пусть попробует!

– Я думаю, что он все-таки попробует или над тобою, или над нею. Бедняжка только и мечтает добиться для тебя отпуска у Нары! – объявил Нарайяна.

Он захотел, видя, что Супрамати стремительно выпрямился и в изумлении, пристально смотрел на него.

– Что ты такое мелешь?

Нарайяна передал то, что молодая девушка говорила ему по поводу старой книги, изданной триста лет тому назад, в которой писалось о них.

– Какая глупая история! – заметил Дахир. – Если эта девочка примется теперь болтать, то наше «кинкогнито» быстро откроется и кто-нибудь явится с предложением показывать нас как ученых пуделей с объявлением: вот, мол, настоящие бессмертные.

– Мы поступили опрометчиво, не изменив имен. Но можно ли было думать, что через три века кто-нибудь о нас вспомнит, – проворчал Супрамати, нахмурив брови.

– Успокойтесь, – объявил Нарайяна. – Девочка не будет болтать; она слишком боится этого, да и голова ее занята…

– Глупостями, – с досадой подсказал Супрамати.

– Фи! Можно ли сердиться на такого прелестного ребенка. Она обожает тебя и надеется, по своей наивности, применить к тебе и Наре законы, к которым привыкла.

– Я не сержусь. Да и на самом деле это очень забавно, – ответил Супрамати, невольно смеясь. – Меня только бесит это потому, что я ничего не могу поделать. Время любовных похождений прошло для меня, а жениться на ней, чтобы зажить мещанским счастьем в Царьграде, было бы… отменно скучно! Впрочем, оставим пока этот вопрос и лучше поговорим о нашем отъезде.

Обсудив дело, решили ехать безотлагательно в Сахару и Египет, и на следующий день воздушное судно мчало друзей к берегам Африки.

Действительно, громадная пустыня была неузнаваема. Некогда мертвые, песчаные пространства были теперь покрыты пальмовыми лесами и всей пышной флорой жарких

стран. Посреди этого моря зелени виднелись большие города, архитектурой своей не отличавшиеся, впрочем, от царьградской.

В одном из этих городов приятели провели три дня, чтобы ближе познакомиться с интересовавшим их населением.

И в самом деле, народ этот, образовавшийся из смеси всех земных рас, представлял любопытный, но странный и противный тип.

Люди были приземистые, коренастые и сильные, с цветом от красновато-бурого до грязно-серого, с большими темными глазами и каштановыми волосами, не густыми, но жесткими.

Они казались более деятельными и энергичными, чем старые западные народы, нервные и изнеженные: но, в свою очередь, подвержены были какой-то странной и опасной накожной болезни, которая выражалась слабостью, появлением кровавых пятен, потом сонливостью, быстро переходившей в летаргию и, наконец, смерть. Средств против этой болезни еще не было найдено. Между тем, в центре прежней пустыни открыты были радиоактивные источники такой силы, что вода в темноте излучала голубоватый фосфорический свет. Источники эти производили чудесные исцеления, но против «красной немочи», как прозвали удивительную болезнь, и они были бессильны.

Наконец как-то утром путешественники высадились на древнеегипетской земле и их самолет пристал у высокого пилона, исполняющего здесь назначение башен-пристаней для воздушных экипажей.

Очтились они на месте древнего Мемфиса, который восстановили предприниматели, сохранив по возможности старый стиль, но приспособив его к потребностям новейшего комфорта, что создавало иногда довольно забавные сочетания, изображавшие упадок художественного чутья и вкуса. Египтянин времен Рамзеса почувствовал бы себя, разумеется, чужим в этом «новом» Мемфисе. От этих разнокалиберных сооружений приятно отличался дворец Нарайяны, построенный на берегу Нила, в строго историческом стиле, с громадной террасой; украшенная сфинксами лестница спускалась к реке и внизу покачивалась на воде настоящая египетская ладья, с высоким остроконечным носом, украшенным золотым цветком лотоса.

Внутренность дворца вполне соответствовала его внешнему виду. Залы, драгоценная с инкрустацией мебель, тяжелые драпировки из неизвестной ткани – все было восхитительно и стоило, разумеется, дорого; но ведь у Нарайяны было в распоряжении такое же неистощимое богатство, как сама жизнь «бессмертных», а его изысканный вкус не терпел ничего пошлого и мишурного.

На небольшом внутреннем дворе, примыкавшем к занимаемой им комнате, в гуще роскошной зелени стояли две статуи белого мрамора, изображавшие изумительно прекрасного греческого воина с головой Аполлона и высокую стройную женщину восточного типа с миндалевидными глазами.

– Это статуи моих родителей, высеченные по образцу отражений прошедшего, которые я вызвал. Мать моя была персиянка из придворных Дария Кодомана; ее выдали за моего отца незадолго до смерти Александра, – объяснил Нарайяна, становясь вдруг серьезным и задумчивым, грустно глядя на статуи, что случалось с ним довольно редко.

Но он быстро стряхнул с себя тоскливо настроение и увел друзей под предлогом, что пора завтракать и он умирает от голода.

После полудня, когда спала жара, Нарайяна предложил магам осмотреть пирамиды и сфинкса.

Супрамати и Дахир с удовольствием согласились и вскоре изящный автомобиль привез их к пирамиде Хеопса, все еще стоявшей, словно презирая время, несокрушимо, как и мысль удивительного народа, воздвигнувшего ее, чтобы обессмертить память своего царя.

Но вместо прежней однообразной пустыни, представлявшей вполне соответствовавшую этим оригинальным памятникам раму, теперь пирамиду окружал пальмовый лес, тянувшийся дальше вдоль реки, а в долине сверкали огни большого города.

Под пальмами, на открытом воздухе, разбросаны были киоски и рестораны, всюду виднелись толпы гуляющих.

Заметив грустные и недовольные взоры друзей, Нараяна приказал везти их к сфинксу.

— Вас коробит происшедшая здесь перемена; а что сказали бы вы, если бы видели створчатые древние Фивы, перестроенные частью в современном, а частью в мнимо древнем стиле?

В голосе и в глазах Нараяны заметно было глубокое презрение.

— Знаете ли, какое впечатление это произвело на меня? Передо мной была точно старая матрона, которую все привыкли уважать, и вдруг она является разрумяненная, затянутая в корсет, выкрашенная и разряженная в современную мишуре. А сквозь белила и румяна проглядывают почтенные морщины, как бы протестующие против такого глупого и смешного маскарада.

Пока он говорил, экипаж въехал в тенистую аллею и остановился около большой площадки вокруг сфинкса, обрамленной золоченой решеткой.

Там были цветники и тенистые аллеи, а на голове древнего колосса соорудили кафе-ресторанчик, в который поднимались по бронзовым витым лесенкам, устроенным по обе стороны каменного сооружения. Откуда-то слышались звуки граммофона, игравшего танцы и отрывки из опер.

— Такой обстановки я и вообразить никогда не мог бы. Это действительно что-то невероятное! — заметил Супрамати.

— Пойдемте наверх. Оттуда прелестный вид; видно даже кусок пустыни, оставленный нарочно для любителей старины, — предложил Нараяна, выходя из автомобиля. Приятели последовали за ним и вскоре сидели за столом на голове сфинкса.

Солнце садилось, заливая небо теми сочными, восхитительными красками, каких нигде больше не увидишь.

Супрамати молча пил вино, не спуская глаз с куска пустыни и пирамид, видневшихся сквозь прогалину и залитых в эту минуту золотом и пурпуром заката.

— Скажи, Нараяна, показывают ли внутренность пирамиды, то есть подземелья, я хочу сказать, — неожиданно спросил он.

— Представь, не было никакой возможности их исследовать, — ответил Нараяна, лукаво улыбаясь. — Вход в подземелья недоступен. Сколько раз собирались проникнуть туда, но вредные газы удушают смельчаков, и никакими усилиями не удалось очистить воздух. Поэтому любопытствующей публике приходится ограничиться обозрением старых стен и кое-каких неинтересных галерей.

— Я так и думал! — сказал Дахир.

— Но для рыцарей Граала воздух, вероятно, очистится, — прошептал Нараяна, нагибаясь к приятелям. — Если хотите, как-нибудь ночью мы сделаем визит иерофантам пирамиды.

— Хочу ли я?! У меня нет более сильного желания, как засвидетельствовать почтение знаменитым представителям древней науки. Я считаю это даже своим долгом.

В это время спустилась ночь и в разных местах вспыхнули электрические фонари. Супрамати вдруг охватила жажда покоя, непреодолимая потребность мечтать в уединении. Он встал и сошел вниз, сказав, что будет ожидать их у выхода.

Тихо обошел он вокруг древнего памятника и остановился, дойдя до каменной доски с надписью между лап сфинкса. Прислонясь к дереву, Супрамати глубоко задумался, так что не слышал громких звуков музыки и шума толпы.

Он знал от Эбрамара, что в тайных подземельях старой пирамиды уже много веков существует школа магов и братство иерофантов, еще своими глазами видевших Египет в расцвете величия; но до сих пор он не имел еще случая посетить этот питомник высшей науки.

Широкая полоса зеленоватого света, ударившая в лицо Супрамати, вывела его из задумчивости. Он выпрямился, вздрогнул и тогда заметил, что светлый луч исходил из

надписи каменной

доски, а прислоняясь к ней и залитый зеленоватым светом, стоял человек в белом одеянии.

Это был худой, высокого роста стариk; бронзового цвета лицо его дышало ясным покоем, а в больших темных и глубоких глазах светилась энергия и могучая воля.

На нем был полосатый клафт и над челом горела звезда, а на шее сверкало разноцветными огнями широкое ожерелье из драгоценных камней.

Он протянул руку к Супрамати, и послышался звучный, точно издалека донесшийся голос:

– Добро пожаловать, маг, рыцарь круглого стола вечности и св. Грааля. Голос сердца подсказывает нам, что ты находишься поблизости и желаешь нас видеть. В будущую ночь мы будем ждать тебя с братом.

Луч мгновенно погас и видение словно растворяло в воздухе.

Взволнованный Супрамати поспешил обратно в ресторан, но внизу, у лестницы, столкнулся с шедшими навстречу приятелями и тотчас сообщил им о случившемся.

– Что за невежа. Меня так и не пригласил. Должно быть, я в их глазах что-то вроде ларва высшего разряда, – ворчал Нарайяна полуушибленно.

– Впрочем, – утешил он себя, – я и не жажду приглашения. Мне уж не раз доводилось посещать почтенное братство, а вот вам будет интересно и ново повидать стариков.

– Хорошо, но как мы войдем туда, чтоб нас не заметили, везде так много народа! – заметил Супрамати.

– Я вас проведу, – ответил Нарайяна. – Кроме того, ты забыл от волнения, должно быть, что можешь делаться по желанию невидимым.

– Правда! Я действительно наивен! – добродушно согласился Супрамати, и все трое расхохотались.

В следующую ночь маги облеклись в серебристые хитоны и белые плащи рыцарей Грааля, надели звезды и нагрудные знаки своего достоинства и, завернувшись в черные плащи с капюшонами, отправились в сопровождении Нарайяны к большой пирамиде.

В этот поздний час ночи пальмовый лес и рестораны были почти пусты. Никто не обратил внимания на черные фигуры,

скоро скрывшиеся в тени пирамиды. Беззвучно вошли они в одну из галерей и засветили электрический фонарик.

Перед рисунком, изображавшим Озириса и двух судей Аменти, Нарайяна остановился и постучал особым образом. Через минуту камень бесшумно повернулся на невидимых петлях, открывая узкое отверстие, в котором показался человек в белом одеянии египетских жрецов с факелом в руке. Затем отверстие быстро закрылось за Дахиром и Супрамати и, следуя за своим проводником, они спустились по узкой и очень длинной лестнице, которая вывела их на берег подземного канала. Там была привязана лодка; высокий золоченый нос изображал цветок лотоса. Все трое вошли в нее, проводник привел в движение механизм и лодка быстро полетела по темной гладкой, как зеркало, воде.

Висевшие вверху под сводом лампы заливали канал мягким голубоватым светом. По обе стороны кое-где попадались обширные, ярко освещенные залы, и в них за столами, заваленными свитками папируса, книгами и инструментами, сидели люди в белом одеянии и были так погружены в работу, что не поднимали голов при проходе лодки.

По мере движения все яснее слышалась музыка и наконец можно было различить, что многочисленный хор с несравненным совершенством пел могучий, но приятный гимн.

Но вот подземный канал сделал крутой поворот, и скоро лодка подошла к ступеням белокаменной террасы.

За террасой тянулась усыпанная песком площадка, которую можно было бы принять за сад, будь над ней голубое небо вместо каменного свода. Там росли деревья, кусты и даже цветы; но вся эта растительность была какого-то необыкновенного оттенка, то бледно-зеленого и сероватого, то совершенно белого и словно фосфорического. Темные углы

озарены были белым и голубым светом. Два небольших фонтана с прозрачной, как хрусталь, водой оживляли картину.

По обе стороны террасы и дальше, в саду, стояли иерофанты высших степеней в древнем одеянии египетских жрецов. Из голов их, украшенных клафтами, исходил золотистый, серебристый или голубоватый свет, но настолько сильный, что осенял как бы сиянием всю фигуру.

Бронзовые лица дышали ясным покоем, а из нагрудных с драгоценными камнями знаков исходили разноцветные лучи.

За этими высокими сановниками таинственного братства расставлен был ряд посвященных низших степеней, одетых так же в белое; а посредине собрания стоял великий иерофант и держал в руке золотую чашу, окутанную ослепительным светом.

Сбросив плащи, Даир и Супрамати поспешно направились к великому иерофанту, величавому старцу, голова которого казалась окруженной точно столпом огня.

Подойдя к нему, они преклонили колени. В серебристом одеянии, со звездами магов на груди, с пламенем посвящения над челом и просветленно-покойными красивыми лицами, они казались действительно неземными существами.

– Добро пожаловать, передовые сыны священной науки! Знаки ваши показывают, что вы достигли степени магов и поработили зверя в человеке; так пейте же эту эссенцию, освященную излучениями Божества, – сказал великий иерофант, давая им испить из чаши.

Затем он поднял их, облобызкал и сказал:

– Вы вооружены духовными чувствами и высшим знанием, поэтому я введу вас в наше святилище, где мы поклоняемся Божеству по древним обрядам, практиковавшимся еще в то время, когда мы приняли первое посвящение, и которым мы остались верны доселе в нашем недоступном убежище.

Он указал Даиру и Супрамати стать по бокам его и прошел с ними в сад. Там они остановились перед двумя массивными пилонами, за которыми точно пылала огненная завеса.

На пороге лежал огромный змей, который приподнялся, шипя и яростно смотря своими пристальными изумрудными глазами на подошедших. Но когда Супрамати поднял свой меч и произнес священную формулу, змей свернулся и отполз влево от входа, огненная завеса погасла, а иерофант со спутниками вошли в святилище.

Там, на каменном постаменте, возвышалась статуя Озириса, озаренная вся светлой фосфорической дымкой. Перед ней на низком жертвеннике были подготовлены для жертвоприношения хлеб, вино, елей и ладан.

– Видите, братья, здесь мы поклоняемся Верховному Существу под именем Озириса, – пояснил иерофант. – В мире, где живете вы, это неизреченное и непостижимое Существо, Которое создало всю вселенную и правит ею во веки веков, носит другие имена, но Оно едино по существу. Только люди в слепоте своей поделили единого Бога, сделав из Него «богов», яростно оспаривающих Его друг у друга и заливают мир потоками крови во имя Его. Это – всевечное повторение убийства Озириса Тифоном (воплощением зла), – покрывшим мир окровавленными останками Единого, Милосердного Бога, вокруг которых режется слепая, глупая толпа, с остервенением отнимая их один у другого.

Человек не понимает, что лишь с миром в душе, с уважением, верою и любовью в сердце можно приступать к Божеству; что только поборов в себе нечистые и мятежные земные желания, божественная искра найдет силу вознести и установить связь, которая соединит ее с Создателем. Иначе между ними вырастает неприступная стена плоти и тьмы, закрывающая собою все, а чистый, божественный луч не в состоянии уже проникнуть сквозь эту бурю животных страстей.

Полные веры, сосредоточенные, опустились оба мага на колени и потом принесли обычную жертву.

– У вас есть вера, покорность и знание, – сказал иерофант, когда они окончили молитву, – поэтому я считаю вас достойными приблизиться к высокому духу, который был

просветителем с первых веков и о котором у людей сохранилось воспоминание под именем Гермеса Трисмегиста.

Заметя, как обрадовались гости, иерофант улыбнулся, поставил чашу на жертвенник и, взяв их руки, пошел с ними за статую Озириса, где откинул завесу из золотых нитей. Они очутились в длинной галерее и, дойдя до конца, изумленно оглядели помещение, в которое вступили.

Была ли то зала, или пещера? Подробности мешал рассмотреть голубоватый туман. Но сквозь него смутно вырисовывался большой саркофаг, стоявший посередине. Супрамати показалось, что появлявшиеся там и сям туманные облака скрывали легкие, с неясными очертаниями существа, идеально прекрасные головы которых то появлялись, то быстро исчезали.

Из глубины грота, или залы к ним подошел другой жрец, и все четверо пали ниц, а великий иерофант запел тихую и мелодичную молитву.

Минуту спустя сами собою вспыхнули несколько треножников, до тех пор невидимых, и полился мягкий и сильный аромат; потом широким лучом хлынул свет, и в дрожащем блеске его появился человеческий образ изумительной, но суровой красоты.

Существо это было соткано точно из голубоватого света с золотистыми отливами; на голове сиял семиконечный венец высших магов.

С сердечным трепетом Дахир и Супрамати созерцали легендарное существо, Гермеса Трисмегиста, просветителя древнего мира; того мира, который уже исчез целиком и сохранился лишь в этом укромном уголке верных иерофантов с их учениками.

Глядя на этот человеческий образ, казавшийся ни чем иным, как лучом света, они осознали с тоской в душе, какая пропасть еще отделяла их от этого адепта верховной науки; какой длинный путь предстояло им еще пройти, чтобы достигнуть подобной духовной красоты. Сопоставлениеказалось подавляющим, но в чистой душе их не было и тени зависти, а разлито было лишь чувство умиления, благоговения и благодарности за многочисленные и необычайные милости, даруемые им их странной судьбою в вознаграждение за бремя бесконечной жизни, в том числе и за милость созерцать лицом к лицу того, чью книгу о семи печатях они научились разбирать.

Гермес, читавший их мысли, ласково им улыбался.

— Для знания не существует ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего, — произнес он мелодичным, звучавшим, словно издалека голосом. — Безусловное знание есть тайна, существовавшая раньше нас, которая будет существовать всегда, потому что она есть сущность самого Божества, не имеющего ни прошедшего, ни настоящего, ни будущего, всеведение Которого никогда не изменяется, не уменьшается и не увеличивается.

Но для создания, сотворенного этим бесконечным существом, познания эти накапляются атом за атомом. Приобретаемое знание подобно лампе; чем совершеннее ее прибор, тем более она дает света. Первые люди довольствовались горевшей веткой; потом появились факелы; за ними масляные лампы; масло сменилось газом, газ электричеством, а будущее готовит еще более совершенный свет.

Такова человеческая душа — бессмертная лампа, и назначение ее загореться светом совершенным.

Не отчайтайтесь, сыны науки, потому только, что ваш свет еще не полный, вы уже на пути. Пожалейте лучше бедное человечество, которое бродит в потьмах, съедаемое животными страстями, неспособное воспринять лучи очистительного света, создать и укрепить связующую цепь между Богом и Его созданием. Вы понимаете, разумеется, что я говорю о молитве, об этом порыве души, возносящем ее над плотью.

Горе поколениям, низвергающим алтари, оскверняющим святыни и разрывающим связь с вечным отечеством. Божество не нуждается ведь ни в алтарях, ни в их молитвах; самим людям нужен свет, исходящий с небес, который всасывается в атмосферу, зараженную миазмами всевозможных пороков, и очищает ее.

На вас, братья мои, возложена тяжелая, но дивная миссия спасать тех, кого еще можно

спасти! Вы, достигшие уже света, несите его неверующим, воспойте священные гимны, раздуйте огонь на погасших алтарях, зовите людей к покаянию, ибо быстро надвигается гнев Божий, и близок час истребления этой истощенной земли.

Тяжела будет расплата, которую готовит себе эта надменная, ничтожная толпа, ослепленная дикой жаждой наслаждений; тяжкими испытаниями и изнурительной работой ей придется добывать себе тот свет, от которого она отворачивается с презрением ныне. Таким образом, вы окажете тройное благодеяние тем, кого спасете из мрака.

Повторяю вам, братья мои, смело идите вперед! Сколь ни далека еще конечная цель, первые шаги сделаны: в вас зверь уже скован и бессилен; а перед вами расстилается громадное поле благотворной работы – новый мир, в котором вы будете господами, руководителями и просветителями. Там приложите вы приобретенные вами знания и среди этого еще младенческого человечества вы насадите новую цивилизацию, вкусите тысячи еще неведомых вам радостей. Вас будет окружать толпа adeptov, учеников, истинных друзей, связанных с вами светом, который вы прольете в их души. И как вы полюбите этих слепцов, которым дадите зрение, глухих, которые благодаря вам услышат гар-

монию небесную, этих слабых, которых обратите в атлетов силы и воли. Эта светлая цель стоит борьбы! Поэтому, братья мои, без страха спускайтесь в мрачные бездны преступления и греха, вырывайтесь у демонов их жертвы, и никакое нечистое прикосновение не запятнает ваши белые одеяния.

А теперь подойдите и по-брратски поцелуйте меня.

Дрожа от волнения, Супрамати и Даир вошли в огненный круг, отделявший их от верховного мага.

Когда Гермес заключил их в свои светлые объятия, он точно преобразился в столб пламени, которое поглотило, казалось, обоих adeptов. Мягкое и звонкое пение раздавалось под сводами.

Потом пламя внезапно погасло; Гермес исчез, а в открытом саркофаге оказались лежащими, как мертвые, Даир с Супрамати, и золотистая светящаяся дымка, точно саваном, покрывала их. Они почивали сном магов.

Открыв глаза, Даир и Супрамати увидали по бокам саркофага двух молодых посвященных, которые помогли им встать и подали каждому по чаше теплого, сильно ароматичного вина, а затем с глубоким поклоном пригласили пройти в залу, где их ожидали иерофанты.

Задумчиво шел Супрамати с приятелем за своими проводниками, дивясь, что тела их, и особенно голова, излучали яркий свет.

Но мысли их приняли другое направление, когда они очутились в большой подземной зале, где был приготовлен парадный стол и собирались члены таинственного братства. В подобной обстановке пировали, вероятно, Тутмосы и Рамзесы, гордые фараоны древнего Египта.

Поддерживавшие довольно низкий потолок колонны украшала такая свежая живопись и блестящая позолота, словно художник только накануне окончил свою работу. Вокруг стола расставлены были древние стулья пурпурового цвета с затканными золотом подушками, а драгоценная столовая утварь могла привести в восторг любого археолога, которому посчастливилось бы любоваться такой картиной.

Великий иерофант посадил гостей на почетные места около себя, а во время подаваемого на золотых блюдах обеда слышалась тихая нежная музыка, и эта ласкающая, смутная, неведомая мелодия оказывала тем не менее удивительное действие. Под ее захватывающими аккордами все существо, казалось, ширилось, трепетало, стремилось в пространство, в область мира и света, а телесная тяжесть как бы исчезла.

В этой атмосфере, не имевшей ничего общего с наружным воздухом, охватывало какое-то непонятное, невыразимое благосостояние. Супрамати казалось, что стоит только пожелать – и поднимешься в пространство, погрузишься в волшебный сон, убаюканный гармонией сфер, и почерпнешь новые силы под наитием высших духов.

– Опять новые ощущения, опять неведомые силы, – думал Супрамати.

В нем пробудилось горячее желание остаться здесь, окунуться в эту атмосферу мира и знания.

– Учитель, – сказал он, обращаясь к великому иерофанту, – когда я снова вступлю в область покоя, позволишь ли ты мне вернуться сюда, чтобы провести здесь некоторое время и поработать под твоим руководством?...

– И ты, и брат твой будете желанными гостями. Дверь наша всегда будет открыта для вас. Супрамати поблагодарил и потом прибавил:

– Не могу выразить тебе, учитель, как жажду я этой минуты. Никогда раньше не понимал я, как заманчиво очарование тишины!...

Иерофант улыбнулся.

– Сын мой, полной тишины нигде не бывает. Ты принимаешь за нее мир твоей души, чуждой желаний. В мнимой, окружающей тебя тишине царит между тем невидимый мир, полный жизни, деятельности, движения; в этом самом безмолвии с искателем говорят силы природы, перед ним развертывается ее сложный механизм. Вокруг нас везде, все – жизнь; каждый, проносящийся в пространстве атом таит в себе судьбу свою; всюду кипит бессмертное семя творчества, всюду рассеян материал для нарождающихся миров.

Каждая клеточка представляет собою мир, каждый мир есть клеточка великого целого и все это наделено разумом, все тянется к свету и проходит сквозь упорную, мягкую, великую борьбу гармонии с дисгармонией, сил творческих с разрушительными силами хаоса.

Каждое существо представляет особый мир и, сообразно с полетом его мысли, с направлением его труда, оно создает семена добра или зла, красоты или безобразия. Ах! Если бы люди знакомы были с великими законами образования материи, они строже следили бы за своими поступками и мыслями...

После все адепты собрались на террасе странного маленьского садика и завязалась дружеская оживленная беседа. Еще во время обеда Супрамати заметил молодого посвященного, худощавого и бледного, который внимательно смотрел на него большими задумчивыми глазами.

Увидав, что юноша, скромно стоя в тени кустарника, прислушивается к разговорам высших посвященных, Супрамати подошел к нему, усадил на скамью и заговорил о его занятиях, жизни и работах. Между прочим, он спросил, какую степень посвящения тот прошел и почему не носит установленного знака. Пентаур, как звали молодого адепта, отвечал, что он недавно лишь закончил труды над развитием пяти чувств и получит знак отличия только после практического применения своих способностей.

– А как же вы это делаете? – спросил Супрамати, желая убедиться, та ли метода существует здесь, как и у Эбрамара.

– Вот какой путь проходим мы, – ответил Пентаур. – Когда иерофант, на которого возложено наше посвящение, найдет, что время наступило, он помещает неофита в комнату, где тот в полном уединении в продолжение трех лет ведет подготовительный образ жизни для очищения себя путем поста, омовений и окуриваний. Кроме того, в это же время он учится разбирать рукописи, магические формулы и чертить каббалистические знаки, повелевающие силами невидимого мира.

Когда ученик удовлетворительно выдержит испытание в этом, переходят к управлению пятью чувствами. Иерофант лишает своего ученика дара слова, чтобы тот не растративал силы в ненужных звуках, а учился говорить мыслями и сделал бы их столь же понятными, как и человеческий голос; одинаково он должен уметь силою своей мысли начертать в воздухе или на каком-нибудь предмете то, что желает выразить словом.

По достижении этого ученик лишается слуха для того, чтобы звуки извне не развлекали и не смущали его. Тогда он учится слышать издалека, приобретает способность воспринимать звуки мысли, приближение духов, шелест невидимых сил, колебания материи, музыку сфер.

Затем иерофант лишает его обоняния, чтобы он выработал способность распознавать ароматы, чистые и нечистые. Развитое обоняние дает возможность различать астральные ароматы, миазмы пространства и по испарениям растений определять их лечебные свойства, полезные или вредные.

Посредством вкуса ученик определяет медикаменты и т.д., но это чувство играет наименьшую роль.

Наконец, его лишают зрения и, став слепым, ученик приучается видеть невидимое, изощрять духовное зрение до такой степени, чтобы смело ходить в незнакомых местах и преодолевать препятствия. Внутренний свет должен все озарять, указывать ему излучения и выделения всех трех царств, сокровенный мир и т.д.

Одним словом, когда такой калека станет хозяином всех духовных чувств и сделается совершенно независимым от своего физического организма, все его пять чувств к нему, так сказать, возвращаются. Но, говоря правду, так привыкаешь обходиться без них, что первое время глаза, уши, нос только стесняют, – закончил, улыбаясь, Пентаур.

Супрамати слушал его с живейшим интересом.

– Мое посвящение в этом отношении, происходило несколько иначе. Эбрамар, мой руководитель-маг, применяет иную методу... Но много путей ведут к одной и той же цели, – заметил он.

– Без сомнения, только бы достигнуть ее, и особенно лишь бы забыть время, это чудовище, преследующее смертных, – вздохнул Пентаур.

– Разве вы боитесь его? Я думаю, что для вас и всех, здесь живущих, время пустой звук, – улыбаясь, заметил Супрамати.

– Это правда; но однако я все-таки чувствую еще его влияние, вследствие, конечно, моего настоящего несовершенства. То мне кажется, что время летит слишком скоро, то тащится чересчур медленно. Иногда я пытаюсь представить себе обыкновенного человека, не могущего забыть о времени, которого давит прошедшее, терзает настоящее и страшит будущее, потому что там, в конце, его ждет грозная загадка: *смерть*. Вот я и спрашиваю себя, кто из нас двоих несчастнее: он ли, боязливо отсчитывающий годы и дни своей жизни, или мы, для которых прошлое представляется бездонным, а будущее рисуется беспредельным...

– Счастливее – мы, потому что мы лучше понимаем цель существования, не тела, конечно, а души; и еще потому, что для нас смерть не является ни загадкой, ни пугалом, – горячо ответил Супрамати, пожимая руку молодого адепта.

Когда через несколько часов приятели вернулись, Нарайана поджидал их.

– Ну, как понравилось вам у стариков? – с лукавой усмешкой спросил он.

– Воспоминание об этом вечере будет драгоценным для меня и я благодарю тебя за то, что ты привел нас сюда, – серьезно ответил Супрамати.

– Эх, Нарайана! – с сожалением заметил Дахир. – И зачем ты остановился на полпути? Скольких радостей лишил ты себя...

– По милости Божией, времени-то ведь, кажется, хватит? Передо мной вечность, и я свое наверстать поспею, – добродушно ответил тот.

Глава пятнадцатая

Прошло несколько дней, и приятели спокойно поживали в чудесном дворце на берегу Нила, то разъезжая по окрестностям, то мечтая на террасе. Но суетливой натуре Нарайаны такая бездеятельность становилась скучной. Как-то после полудня Дахир читал на террасе, Супрамати разлегся в гамаке и молча любовался рекой, а Нарайана на большом листе картона рисовал сфинкса с его рестораном.

Несколько раз исподлобья посматривал он на своих друзей и вдруг швырнул карандаш.

– Черт возьми! Я начинаю предполагать, что вы хотите поселиться здесь. Послушайте-ка, прекрасные принцы, вы становитесь лентяями. Целые дни вы преимущественно заняты

мечтаниями на этой террасе, позабыв, что приехали из Гималаев для того, чтобы пожить в свете.

Он встал с места и хлопнул Супрамати по плечу.

– Так что ж? Ведь отпуск же мой не ограничен и состариться я не рисую, отдохшая здесь. А вот ты, непоседа, я вижу, соскучился, и тебя опять куда-то потянуло, – приподнимаясь, сказал Супрамати.

– Действительно, здесь изрядно скучно, да и вы перевидали все, что достойно внимания.

– В таком случае уедем. Но куда?

– Да в Царьград, я полагал бы. Город прелестный, у меня там друзья и я очень весело провожу время.

Заметив, что Супрамати нахмурился, Нарайяна рассмеялся.

– Взгляни, Даир, как встревожился Супрамати! – сказал он, лукаво подмигивая. – Мне сдается, что он словно боится туда вернуться. Ха! Ха! Ха!

Увидав, что Супрамати чуть покраснел, и подметив на его подвижном лице досаду, Нарайяна поспешил его утешить.

– Успокойся, о ты, стыдливейший из бессмертных. Я придумал везти тебя в гораздо менее опасное место. Не желаете ли обозреть город ученых? Там производятся разные медицинские опыты, и ты будешь чувствовать себя в своей стихии.

– Да разве? Город докторов? Ведь это же самое интересное, что может быть! – воскликнул восхищенный Супрамати, выскачивая из гамака.

– Кроме врачей, там есть и другие специалисты: химики, астрономы, археологи, словом, ученые всякого рода. А городок преоригинальный! Видишь ли, в настоящее время ученые исследователи, посвятившие себя чистой науке, тяготятся жизнью в чересчур нервной и шумливой атмосфере больших населенных центров и потому основали особый город, приспособленный к их занятиям.

Рассказ Нарайяны возбудил столь живой интерес, что решено было ехать в тот же вечер.

Луна только что взошла, когда самолет Супрамати направился к границам древней Сахары, где находился город ученых.

При восходе солнца воздушный корабль начал опускаться, и вставший ото сна Супрамати увидел из окна большой, закутанный в массу зелени город.

По мере спуска стали яснее видны широкие и прямые улицы, обсаженные исполинскими деревьями, густая листва которых сливалась и точно образовала свод. Большие, словно дворцы, дома отделялись друг от друга садами.

Вскоре самолет пристал у высокой башни. Приятели вышли и по широкой лестнице спустились в открытую залу, перед которой разбит был сквер с фонтаном.

– Я поведу вас к своему другу профессору Иваресу, директору одной из самых больших клиник, где под его руководством работают около 2000 студентов, – сказал Нарайяна, направляясь со своими друзьями в боковую улицу.

Даир и Супрамати с любопытством рассматривали обширные здания невиданной еще архитектуры и дивились колossalным размерам растительности. Вода всюду была в изобилии, вдоль улиц тянулись каналы, а на каждом перекрестке и во всех садах били фонтаны.

А более всего поражала наших путешественников царившая всюду глубокая тишина. Суета обыденной жизни отсутствовала вполне. Не видно было ни магазинов, ни экипажей; а изредка попадавшиеся пешеходы проходили безмолвно, как тени, и пропадали где-нибудь в саду или в домах.

– Какая специальность профессора Ивареса? – спросил Даир, прерывая молчание.

Нарайяна повернулся к нему и хитро улыбнулся.

– Вы расхохочетесь, если я назову специальность моего друга. Как бы это сказать?... Ну, он изобрел способ впрыскивать добродетель, что ли...

– И что же, средство действует? – с усмешкой спросил Супрамати.

– Кажется, что да. Он утверждает, что может преобразить преступного, с грубыми страстями человека – в честного и добродетельного.

– Это просто чудо! Помнится, в XX веке делали впрыскивания против болезней, но против пороков?! Это не могло бы мне и в голову прийти, – рассмеялся Дахир.

– Иварес рассказывал мне, что в конце XXI века какой-то ученый открыл микробы *порока и добродетели*, а вместе с тем убедился, что у преступного человека зародышам этим присущи тошнотворный запах и темная окраска; кроме того, они лишены способности лучеиспускания. Рядом опытов доказано было, что микробы эти, впрынутые в кровь собаки, лошади или другого какого животного, заведомо спокойного и кроткого, делали его диким и злым. Продолжая опыты, подметили новое любопытное явление, а именно, что микробы *добра*, будучи введены в порочный организм, хотя и переделывали в конце концов такого отрицательного субъекта, но уже в промежуток времени довольно продолжительный и при многократном повторении. Из этого следовало заключение, что микробы *зла*, так сказать, поглощали микробов *добра* и для победы положительного начала следовало несколько раз возобновлять прививку их. Отсюда ученые справедливо предположили, что при борьбе положительные микробы оказывались много слабее отрицательных... Вот мы и пришли, а остальное профессор объяснит вам лучше меня.

Приемная в клинике профессора Ивареса оказалась прекрасной залой, одной стороной выходящей в сад и украшенной множеством редких душистых цветов.

Вскоре пришел сам профессор и радушно принял гостей. Это был человек средних лет, невысокий, худощавый, уже лысый, с добродушным, приветливым лицом; серые глаза его глядели умно и вдумчиво.

Узнав, что гости интересуются его опытами, профессор оживился и подробнее пояснил им уже рассказанное Нараянной.

– Теперь, – продолжал он, – мы сделали большие успехи, а так как многочисленными фактами было подтверждено, что дети и даже взрослые исправлялись изложенно мною методою, то этот способ лечения распространился. Несколько веков раньше нас сочли бы, конечно, за сумасшедших; впрочем, и в настоящее время находятся люди, которые считают, что мы увлекаемся, и недоверчиво относятся к нашим работам. Пусть себе думают, что хотят; а мы идем вперед и неоспоримые, возрастающие подтверждения указанного мною метода расширяют круг наших сторонников.

Открытие, сделанное мною лично и которому я придаю исключительно важное значение, состоит в том, что для действительного излечения субъекта порочного, алкоголика или умалишенного, следует очистить его *ауру*, где гнездятся вредные микроорганизмы, представляющие собою словно резервную армию, которую необходимо уничтожить прежде, чем приступить к очищению организма телесного.

– Ввиду поражающей развращенности нашего времени ваша клиника, профессор, должна быть переполнена. Кроме того, вам невозможно, конечно, лечить миллионы больных, если не устроить массу вспомогательных отделений, – заметил Супрамати.

– Нет, мой институт единственный, и хотя больных очень много, но он удовлетворяет пока нужды моих пациентов.

Я уже упоминал, что есть много скептиков, а еще более людей, не желающих лечиться, хотя бы люцифериане, например. Конечно, если бы лечение наше было обязательно, как в прошлые века была обязательна прививка оспы; если бы особенно дети подчинены были ему поголовно, то я полагаю, что можно было бы вернуть человечество к началам нравственной и физической чистоты. Но... я сомневаюсь, чтобы мы когда-либо достигли этого. Остается делать, что можно; остальное – в воле Божией. Я должен сказать вам, принц, что я, мои помощники и ученики, все – люди верующие. Привели нас к этому неизбежно наша наука и опыты.

Но, возвращаясь к вашему вопросу, я должен отметить, к сожалению, что в наш институт доставляют лишь субъектов, считаемых окончательно погибшими, –

«висельников», сказали бы в старину, или таких, с которыми семьи не знают что делать и хотят от них избавиться: пьяниц, буйных сумасшедших, бесноватых, воров, одним словом, преступников всякого рода.

— А какую методу применяете вы, и могу ли я надеяться, что вы разрешите нам осмотреть ваше интересное заведение? — спросил Супрамати.

— Несомненно, господа. Как только я объясню ясно систему, дабы облегчить вам понимание того, что вы затем увидите, тогда я покажу вам и всю больницу.

Возвращаюсь к лечению. Для исследования ауры необходимо ее видеть, а следовательно осветить, для чего мы имеем специальные инструменты. Как только определены объем, толщина, степень черноты и состав этой атмосферы, субъект помещается в особую келью, голубую или зеленую, смотря по надобности.

Келья эта постоянно озарена нужным для пациента светом и пропитана чистым ароматом. Кроме того, в одной из стен проделано окно с решеткой, выходящее в круглую залу, — голубую или зеленую, — где звучит тихая, гармоническая музыка или глубоко потрясающее серьезное религиозное пение. Залы наши устроены наподобие театральных, кельи изображают ярусы лож и из каждой можно видеть сцену, на которой несколько раз в день кинематограф показывает то живописные виды, то возвышенные сцены самопожертвования, экстаза и т.д., образы или группы идеальной красоты, словом, картины, которые возбуждали бы в больном одни лишь приятные и мирные ощущения.

Таким образом, наши пациенты окружены мягким светом, гармоничными звуками, чистыми и оживляющими ароматами; а все это вместе взятое потрясает их ауру, убивает и ослабляет микроорганизмы, которые для своего существования нуждаются в острых и зловонных испарениях, резких дисгармоничных звуках, раздражающем запахе крови, в картинах убийства и резни, красном свете страсти и гнева, в возбудителях порока, в тяжелой пряной пище. Тогда происходит двойной эффект: аура прежде всего пустеет, а затем микроорганизмы тела, лишенные привычного благосостояния и подходящей пищи, через несколько недель выселяются в ауру, где также погибают. В течение этого времени пища больного состоит исключительно из молока и овощей. К концу шести недель аура принимает уже совершенно иной вид, больной впадает в продолжительную сонливость и тут-то наступает момент делать впрыскивания, которые мы повторяем через день.

— Откуда же вы берете это очищенное вещество? — спросил Супрамати.

— Есть люди, добровольно приносящие себя для этого в жертву. Они проводят жизнь в посте и молитве, жертвуя часть крови на благо своих братьев по человечеству. Если хотите, это «миссионеры» нашего времени, отвечающие потребностям минуты.

В нашем заведении имеется до 200 аскетов, живущих истинными отшельниками, в воздержании и восторженной молитве. Кровь их, будучи освещена, похожа на серебристый пар.

Теперь, господа, если желаете, я покажу вам больницу и все ее отделения, потому что мы ведь лечим также нервные болезни, леность, недостаток воли, апатию... Но эти недуги требуют другого метода лечения.

Супрамати и Дахир благодарно приняли приглашение осмотреть эту нового рода клинику, восхищаясь в глубине души тем, что в такое развращенное время нашлись еще, однако, тысячи людей, пожелавших посвятить себя подобному делу благотворения; а это доказывало новую победу человеческого духа над пороками и страстями людскими, давая возможность совершать положительные чудеса.

В сопровождении директора они начали осмотр клиники и прежде всего им показали одну из зал, окруженных кельями.

Зала была громадна и обнесена тремя ярусами лож. Сцена в ту минуту была пуста и представления не было, зато посередине ее, почти до самого потолка, был фонтан воды сапфирового цвета и все было залито мягким голубым светом. Воздух был напоен сочным ароматом — смеси розы с ладаном, — и музыка, действительно небесная, потрясала каждый нерв могучими аккордами. Пел изумительно стройный хор и звуки то мощно нарастали, то

замирали в мелодичном шепоте. Эти гармоничные волны действительно могли унести душу в высшие сферы, а телесные цепи и низменные страсти должны были спасти.

Супрамати и Дахир с глубоким уважением смотрели на скромного ученого, который не только угадал, но и применил на деле неведомые его современникам законы астрального очищения.

Довольный явным интересом своих гостей, профессор рассказывал, что у него восемь подобных зал, четыре синих и четыре зеленых, а затем повел их в кельи.

Они дошли до коридора, по сторонам которого были двери на большом расстоянии одна от другой. Одна из дверей была в то время отворена и около нее столпились молодые люди в длинных белых рубахах; они заняты были укладкой на длинную тележку с колесами тела, завернутого в простыню.

Профессор нахмурился, на минуту остановился, а потом подбежал к группе учеников.

– Умер? Наш опыт лечения не помог?

– Нет, профессор, ничто не помогло. Он скончался полчаса тому назад и тело покернело, – ответил один из молодых людей, сочувственно пожимая плечами.

– Это последний, которого я согласился принять к себе; никто из них не будет более допущен в заведение, – сердито объявили профессор, возвращаясь к своим гостям.

– Один из ваших больных не вынес, кажется, очистительного лечения? Часты у вас подобные случаи? – спросил Дахир.

– Да нет! Эта смерть вовсе не является следствием лечения; это случай особый и относится к одному из самых непонятных явлений. Умерший... не поддается очищению, сколько я ни пробовал – все напрасно.

...Он отворил одну из дверей и впустил гостей в длинную и довольно просторную комнату.

У решетки, на низкой постели, лежал человек в длинной белой рубашке. По лицу его струились слезы; минутами его потрясали судорожные рыдания и все тело корчилось, а лицо его горело, как в лихорадке. По-видимому, он страдал; глаза были закрыты и он не заметил присутствия посторонних.

На низеньком столе, около постели, стоял графин и стакан; а в углу устроен был душ.

– Вы видите теперь самый тягостный для больного период лечения, – пояснил профессор. – Музыкальные вибрации потрясают тело и изгоняют микроорганизмы. Во время этого процесса больной находится в лихорадочном состоянии и мучается жаждой; довольно часто у него появляется обильный липкий и едкий пот, причиняющий сильный зуд, а потому требуются частые омовения. Наши ученики и надзиратели следят за всем этим.

Теперь я поведу вас на опытную станцию, где мы исследуем больных и там же находятся определительные приборы, – сказал Иварес по выходе из кельи. – Вам везет: у нас сегодня три крайне любопытных субъекта: алкоголик, умалишенный, болезнь которого официально называется неизлечимым параличом мозга, и бесноватый.

Спустившись в нижний этаж, они вошли в большую круглую залу, где было до пятидесяти молодых людей и двое пожилых, которых профессор представил как своих помощников. Посредине залы, на железной сетке, лежал с раскрытыми глазами совершенно нагой человек.

– Приходится всегда усыплять больного; иначе нельзя его исследовать, – пояснил профессор, проводя посетителей к ряду кресел.

Они сели. Один из врачей поместился около них, и профессор попросил начать.

Молодые ученики-медицины погасили электричество и наступила полная темнота. Студенты сгруппировались около больших приборов, поставленных в глубине комнаты.

Послышался легкий треск, затем внезапно вырвался широкий луч ослепительного света, который сосредоточился на распластертом теле и принял овальную форму.

На этом белоснежном фоне спиралью заклубился красноватый дым, испещренный черными точками; затем он расширился и появился, словно в капле воды под микроскопом, тучи микроорганизмов.

Инфузории эти были самых разнообразных форм: длинные, точно пиявки, другие в виде нитей или похожие на драконов, мух, пауков и скорпионов; а между этими роившимися массами мелькали маленькие существа со змеиными хвостами и фосфорически блестевшими осмысленными, казалось, глазами.

Тело больного было усыпано этими микроорганизмами, которые ползали по нему, липли к нему и его сосали. Тело его казалось прозрачным, как стекло, и паразиты особенно обрушивались на внутренние органы, грызли их, покрывая ранами, в которые внедрялись скопища микроскопических чудовищ.

– Не правда ли, хорошенькое население живет в теле пьяницы? – заметил профессор.

Через минуту свет был зажжен, ученики унесли человека, казавшегося мертвым, и вернулись с другим больным, которого также положили на сетку.

Снова настала темнота и обозначился яйцевидный круг, но тело и аура были совсем иного вида.

– Здесь вы видите умалишенного, – объяснил Иварес. – Его аура тускло-серая и черные разновидные точки, кишащие точно пчелы в улье, как сеткой покрывают его организм. Обратите также внимание на внутренние органы, пестрящие их черные полосы и вздутое сердце, но особенно на мозг. Он точно окутан черным паром, который препятствует всяческому обмену веществ тела с веществами внешними; кровяные шарики точно съежились, и это сероватое вещество, прозрачное, волнистое, но непроницаемое, которым окутан весь организм, как кокон гусеницы, останавливает всякую деятельность астрального тела.

Прежде всего следует уничтожить этот серый саван, оживить клетки и восстановить обмен мозговых веществ с внешним миром. Все это мы достигнем при посредстве трех великих сил звука, света и аромата, – с уверенным и довольным видом заключил профессор.

Во время объяснений ученики заменили больного новым субъектом.

Это был еще молодой и сильный человек, но его мертвенная бледность и полная слабость тела производили впечатление покойника.

В светящемся кругу обозначилась аура зеленовато-желтого цвета, более расширенная, чем у первых двух субъектов и совершенно иной плотности. У первых двух больных астральное тело – тяжелое и вздутое у пьяницы или сморщенное и точно высохшее у помешанного, – в общем, бездействовало; тут было наоборот.

Над головой физического тела выдвинулось до пояса тело астральное – серо-зеленоватого цвета, испещренное черными, точно трупными пятнами; лицо было искажено, а широко раскрытые глаза тупо глядели в пространство с выражением злобы и ужаса. Физическое тело больного облипло кругом странными существами: полулюдьми-иолуживотными, которые сосали жизненную силу несчастного одержимого, и такие же отвратительные существа бешено набрасывались на присосавшихся уже ларвов, стараясь вытеснить их, чтобы самим захватить какую-нибудь жизненною артерию; между ними шла невообразимая, ожесточенная, бешеная драка.

Вне пределов ауры, окутанной кроваво-красной дымкой, витал отвратительный дух чисто дьявольского облика и фосфоресцирующая нить соединяла его с жертвой. Дух, видимо, наслаждая страданиями одержимого им человека, который стонал и корчился; а враг натравлял на него и науськивал ларвов, вызывая в его мозгу картины сладострастия, игры, обжорства и т.д.

Наконец, электрический удар вогнал астральное тело снова в организм, куда провалился за ним вместе и его мучитель.

– Этого господина мудрено будет выселить. Бесноватые труднее всего поддаются лечению, – заметил профессор. – Очень любопытна также аура убийц, – продолжал он. – Но, к сожалению, я не располагаю теперь таким субъектом, чтобы показать вам. Но, сообразно уже виденному вами, вы легко поймете описание.

Вообразите себе, что аура убийц – громадных размеров и кровавого цвета, а на этом фоне мелькают картины совершенных злодействий. Вне пределов ауры витает образ жертвы или жертв, соединенных с преступником прочными фосфорическими нитями, и по такого

рода каналам в убийцу влиается зеленоватая масса, густая и липкая на вид. По-видимому, насильственная смерть исторгает насильственно же из организма жертвы различные вещества, которые входят затем в ауру убийцы и остаются там, отражая волнения предсмертной минуты и перипетии убийства. Я подметил также, что, если жертвы находятся на одном нравственном уровне с убийцей, то вражда положительно приковывает их один к другому и состояние их должно быть ужасно. Я убежден, что в этом обстоятельстве и кроется истинная причина того явления, что часто преступники выдают сами себя. В подобных случаях излечение возможно только при условии, если удастся отделить жертву от убийцы.

Дахир и Супрамати знали, разумеется, это лучше самого профессора, сотни раз видев все собственными глазами, которые проникали сквозь завесу, скрывающую тайны иного мира; но им любопытно было знать, до чего именно дошли присяжные ученые в искусстве делать видимыми явления мира, обыкновенно невидимого; результаты превзошли их ожидания.

Горячо поблагодарив профессора Ивареса, гости простились с любезным хозяином, а так как работы ученых по другим отраслям знания менее интересовали их, то они решили покинуть город сынов наук и пошли по пустынным улицам к башне, где ожидал их воздушный корабль.

— Ясно, что приближается конец мира, — заметил Дахир. — Невидимое обнаруживается аппаратами современной науки и подчиняется человеку; перед профаном раскрылась великая книга о семи печатях и стали известны замогильные тайны.

— Да. А вместо того, чтобы облагораживаться и очищаться, ввиду открывшихся страшных тайн, человечество вырождается. Дикое и безнравственное, растеряв веру и идеалы, оно опускается на степень животности, — со вздохом ответил Супрамати.

— Куда повезешь ты нас теперь? — спрятался Дахир.

— Право, не знаю, ввиду того, что Супрамати не хочет в Царь-град, — ответил Нарайяна, лукаво подмигивая.

— Я не говорил, что не хочу возвращаться туда.

— Нечего, нечего. Ты просто боишься за свою добродетель.

— Ну, а если тебе это известно, в таком случае следует избегать наталкивать меня на соблазн, — спокойно возразил Супрамати.

— Вовсе нет. Признаюсь, ввиду собственного моего несовершенства, твоя добродетель колет мне глаза; я только и думаю, как бы совратить тебя с пути истинного.

— Вот это настоящий друг! — от души засмеялся Супрамати. — Но почему же именно *моя* добродетель, а не Дахира, колет тебе глаза?

— Потому что я не могу видеть, как хорошенъкая женщина сохнет от любви к такому бездушному бревну! По совести скажи, разве Ольга не нравится тебе?

— Нет, нравится. Она чарующе хороша, ее обожание очень трогательно, а наивность ни с чем даже несравнима. Возьми она меня в учителя, а не в возлюбленные, я был бы ей преданнейшим слугой.

— Господи, Боже мой! Ну, если мне грозит опасность сделаться подобным дураком, так я отказываюсь навсегда от звезды мага, несмотря на все доводы Эбрамара — с комическим экстазом воскликнул Нарайяна.

Оба мага смеялись от души. Но тут они уже подошли к башне и снова начали обсуждать цель путешествия.

— Я повезу вас в Иудейское царство, к люциферианам. Но будьте осторожны, потому что, если вы вздумаете разрушать их храмы, выйдет скандал и наше «инкогнито» быстро откроется.

— Как же быть в таком случае? Ведь не можем же мы приносить жертву Люциферу! — возразил Дахир, смеясь.

— Слушайте, друзья, что я вам предложу, — перебил Супрамати. — Ясно, что мы не пустим корни в этой прекрасной стране, а потому бесполезно совершать торжественный

объезд с барабанным боем; самое же надежное «инкогнито» – это быть невидимым. К тому же нетрудно быть невидимым для грузных и грубых люцифериан, и мы можем незаметно осмотреть все интересное; потом только надо будет хорошенко вычиститься.

– Мысль блестящая, – одобрил Нараяна. – Таким путем мы можем беспрепятственно все осмотреть и даже знатно потешиться над этими негодяями. На будущей неделе у них большой праздник с пышной процессией в честь сатаны, избиением христиан, уничтожением религиозных символов, оргиями и т.д. Великолепно будет, если мы испортим им торжество; а втроем мы можем устроить пречудесный скандал.

– Не сомневаюсь. Тем не менее, прежде чем пускаться в такую «авантюру», я полагаю, следовало бы посоветоваться с Эбрамаром. А если он нас одобрит, тогда держись, сатанисты! – сказал Супрамати.

– В таком случае, вернемся в Шотландию на несколько дней; там все приспособлено для вызываний, – предложил Дахир.

Совет был принят единодушно и через несколько минут самолет летел к старому замку над океаном.

Часть вторая

Глава первая

Несколько дней спустя по отъезде магов из Царьграда Нараяна посетил Ольгу и передал ей обещанные предметы для вызывания Эбрамара. Молодая девушка была грустна, и, видимо, пала духом; а когда заговорили об отъезде Супрамати, она едва сдерживалась, чтобы не расплакаться. Нараяна утешал ее и уверял, что кузен его – ученый чудак, имеющий обыкновение скрываться таким образом, но что на этот раз было действительно дело, вызвавшее его отъезд. Подняв несколько дух Ольги и дав обстоятельные указания, он простился со своим новым другом.

На следующий день она заявила тетке, что на несколько недель уезжает в одно из своих поместий, и ввиду предоставляемой общиной амazonок своим членам полной свободы действий, Ольга не встретила никаких препятствий.

Прибыв в имение, о котором говорила Нараяне, она тотчас начала предписанные ей приготовления к вызыванию.

Никто не беспокоил ее, потому что старый управляющий и его жена, охранявшие усадьбу, были простые добрые люди, которые, хотя и подивились, что их красивая, молодая барышня замкнулась в одиночестве, но не позволили себе никаких расспросов по этому поводу.

Живя в тишине и безмолвии, Ольга наложила на себя строгий пост и неустанно молилась. Образ Супрамати преследовал ее день и ночь; она совершенно отдалась своей страсти, и в нервном, восторженном состоянии ничто не казалось ей тяжелым, лишь бы, в конце концов, удалось покорить сердце обожаемого человека.

Эта упорная, страстная мысль дошла-таки до Супрамати, напоминая ему о молодой девушке, вызывая в памяти ее образ и внушая самые разнообразные чувства. Иногда он сердился и скучал, а порой был весел; но случалось, что в глубине чистой души мага шевелился остаток смертного человека, и безграничнаенная им любовь трогала его и возбуждала доброе, дружеское чувство к наивной девочке.

Наконец миновали три подготовительные недели, и Ольга стала готовиться к вызыванию.

Она очень изменилась за время поста и духовного самосозерцания, стала еще стройнее и тоньше; а миниатюрное прозрачное лицо сделалось серьезным и задумчивым.

К ночи Ольга приняла ванну, вылив в нее содержимое флакона, данного Нараяной, и почувствовала уколы по всему телу, но не обратила на это никакого внимания. Потом она надела длинную широкую тунику из шелковистой фосфорической ткани, плотно

прилегавшую к телу, и распустила свои чудные золотистые волосы. Голову она украсила гирляндой никогда не виданных ею доселе цветов – не то лилий, не то нарциссов – с широкими лепестками серебристо-белого цвета, фосфорически светившимися чашечками и маленькими голубовато-зелеными листьями, покрытыми словно хрустальной, сверкавшей, как алмазы, пылью.

Окончив одевание, она вошла на большую террасу в саду, куда предварительно перенесла кедрового дерева сундук, привезенный ей Нарайяной. В нем находился большой металлический круг, покрытый гравированными красными каббалистическими знаками, три небольших треножника и два массивных серебряных подсвечника со свечами, отлитыми точно из серебра.

Разместив все согласно указанию, она зажгла свечи, а на треножниках ароматичные травы, и окропила кругом сильно душистой эссенцией. Засим Ольга вошла в круг, опустилась на колени и стала произносить непонятные ей формулы, заученные наизусть.

Спустилась роскошная южная ночь, теплая и благоуханная, но темная; в природе стояла глубокая, таинственно-величавая и чуткая тишина, нарушавшаяся лишь голосом Ольги, дрожавшим по временам от волнения, но звучавшим восторженно и решительно.

Вдруг на темном небе зажглась точно падающая звезда, которая с неимоверной быстротой стремилась по направлению к террасе. Потом звезда окуталась как будто облаком и упала в нескольких шагах от Ольги, которая, ни жива ни мертва, изумленно смотрела на туманный, будто из земли выросший затем столб, испещренный огненными зигзагами. Через мгновение облачный покров рассеялся и показалась высокая стройная фигура человека в белом одеянии. На голове его была белая чалма, искрившаяся, как снег на солнце; бронзового цвета лицо было обаятельно прекрасно, и Ольге казалось, что большие черные глаза пронизали ее своим жгучим взором, точно копьем.

– Безумная!... На что ты отважилась?... Не понимая тех сил, которые привела в действие, ты рисковала сгореть живой или быть убитой электрическим ударом, – раздался звучный голос.

Две сильные руки подхватили ее и вынесли из металлического круга.

Ольга оцепенела от изумления и со страхом смотрела на своего странного гостя.

Только в эту минуту у нее явилось сознание того, что она неосторожно коснулась каких-то неведомых и страшных тайн.

Вся дрожа, опустилась она на колени и с мольбой протянула к незнакомцу руки.

– Прости мне, божественный маг, мою смелость... Решившись тревожить и призывать тебя, я – нечистая, ничтожная – не постигала всей дерзости моего поступка. Надоумил меня и наставлял Нарайяна... А теперь, увидев тебя, могущественного и таинственного, мне стыдно признаться, что именнонушило мне эту мысль.

Она разразилась судорожными рыданиями и закрыла руками лицо; все тело ее дрожало, как в лихорадке, и хорошенъкая головка склонялась все ниже.

Она не видела улыбки, озарившей строго прекрасное лицо Эбрамара, и бесконечной отразившейся на нем доброты. Он положил руку на ее голову и поднял Ольгу.

– Встань, моя милая, и успокойся. Нет человека, который был бы слишком низок, чтобы не осмелиться призвать меня, если только призыв его в достаточной мере искренен и могуч, чтобы достичь моего слуха. Степень очищения и знания, приобретенные мною, налагает на меня долг служить каждому нуждающемуся в моей помощи и имеющему возможность войти в сношение со мной. А ты – молода, чиста душою и телом; так почему же твой призыв может оскорбить меня? Порицаю я Нарайяну, который необдуманно натолкнул тебя на столь опасный магический опыт, не приняв в соображение законы, могущие быть пагубными для тебя.

Во время разговора он подвел девушку к мраморной скамье в конце террасы, сел и указал ей место около себя.

– Сядь, малютка, побеседуем.

Ольга схватила тонкую руку мага и прижала к своим губам. Густая краска покрывала ее

лицо, крупные слезы повисли, блестя на длинных пушистых ресницах, а на подвижном лице так ясно отражалась борьба стыда сознания и жгучего желания его помочи, что Эбрамар снова улыбнулся:

– Я знаю твои помыслы и намерения, моя милая; иначе был ли бы я магом! Ты любишь Супрамати, моего ученика и друга, и жаждешь взаимности...

Ольга прижала обе руки к своей груди.

– Да, учитель, я люблю его больше жизни. С тех пор, как я увидала Супрамати, образ его пленил меня и поработил мою душу; я не знаю иного желания, как быть подле него, слушать его голос, видеть *его* взгляд на себе. От него исходит странное излучение, тепло, что-то для меня необъяснимое, но что положительно приковывает меня к нему.

– Верю, а то, что тебя влечет именно к такому чистому и возвышенному существу, как он, доказывает лишь, что ты стремишься к свету и отвращаешься от тьмы. Если в тебе хватило настойчивости провести три недели в безмолвии, уединении, посте и молитве, воздерживаясь от всяких развлечений, то это свидетельствует, что ты способна принести себя в жертву для идеи и что чувство твое – глубоко и истинно. При таких условиях понятно, что ты ищешь единения с Супрамати.

– Да, я жажду этого, но он совершенно ко мне равнодушен и, кажется, презирает мою любовь. Он уехал, не бросив мне ни слова на прощанье. Кто знает, вернется ли он когда-нибудь сюда?... Впрочем, любовь ослепила меня, и в настоящую минуту я с грустью сознаю, насколько она была тщеславна, стремясь к нему, как к обыкновенному человеку. Какой интерес может возбудить невежественная девочка у мага, подобного ему...

Слезы помешали ей продолжать. Эбрамар вдумчиво и долго смотрел на нее.

– Глубокая, чистая привязанность – дар драгоценный для мага, как и для обыкновенного человека; так почему же Супрамати мог бы пренебрегать им? Очень может быть, что иное чувство руководит им; ему ведомо то, что неизвестно тебе: ведь союз мага с простой смертной оплачивается ее смертью. Пламя высшей любви сжигает нежный цветок человеческий.

Яркая краска залила очаровательное лицо Ольги, а глазки заблестели восторженно и страстно.

– О, если бы только это, учитель! Заплатить только смертью за счастье принадлежать ему, ведь это было бы верхом блаженства. Чего большего могла бы я желать, как умереть молодой, красивой, любимой, прежде чем годы состарят меня; потому что я-то смертная, а он бессмертен! Какую пытку испытывала бы я – старая, дряхлая – рядом с ним, всегда молодым, прекрасным, неуязвимым для всеразрушающего времени. Какая милость небесная избежать этих мучений и умереть подле него, насладившись неслыханным счастьем. Но не шутишь ли ты, уважаемый учитель? Неужели такое блаженство покупается всего лишь ценою смерти. О! Десять раз готова я умереть, лишь бы прожить хотя один только год в раю...

Эбрамар покачал головой.

– Не увлекаешься ли ты, восторженная головушка, и не пожалеешь ли, сходя в могилу, когда придется прощаться с жизнью, полной очарования, и покидать любимого человека, а может быть, и ребенка?...

На мгновение оживленное лицо Ольги подернулось словно облаком грусти. Она побледнела и вздрогнула, но затем энергично стряхнула мимолетную охватившую ее слабость, и восторженная, но полная смиренния вера вспыхнула в ее прекрасных лучистых глазах.

– Подле Супрамати веет мир и свет, а сила, исходящая из него, утишит всякую бурю душевную. Ты говорил, между прочим, о законе, по которому низшая материя сжигается очищенным огнем, исходящим из мага! Посмею ли я роптать против непреложного закона? Нет. Если бы на мою долю могло выпасть незаслуженное счастье быть любимой Супрамати, я приняла бы смерть, не моргнув глазом и не жалуясь; ведь она также была бы даром, от него исходящим.

Глубокий взор Эбрамара засветился приветливо; он положил руку на голову Ольги и затем встал.

— Вижу, что ты способна твердо вынести испытание, очиститься в ауре мага и покорно принять смерть. Добавлю, что телесная смерть снимет с твоего существа тени плоти и вознесет тебя в высшие сферы. Я не имею власти над сердцем Супрамати и ничего определенного не обещаю тебе, но поговорю с ним и, если буду в состоянии способствовать твоему счастию, сделаю это.

Ольга схватила его руку и прижала к своим горячим устам.

Минуту спустя серебристая дымка заволокла высокую фигуру мага; затем облачный столб вихрем поднялся в пространство и скрылся во тьме.

Ольга встала, шатаясь, и убрала предметы, служившие для вызывания. Но, очутившись в своей комнате, она упала на постель без сознания.

В эту самую ночь Нараяна с друзьями вернулись в Шотландию.

Следующий день прошел весело, в разговорах и проектах относительно посещения люциферианской столицы. Нараяна особенно был неистощим в изобретении разных подвохов сатанистам, в которых видел точно личных врагов. Решено было пригласить вечером Эбрамара отужинать с ними и узнать, одобрит ли он их намерения, а тогда побеседовать и об исполнении их замыслов. Приглашение было возложено на Супрамати.

Он отправился на башню, приспособленную для магических операций, и сел перед большим аппаратом, представлявшим раму, поддерживающую разной формы металлическими цилиндрами и палочками. Внутренность рамы представляла слегка студенистую вибрирующую поверхность, темную, как грозовое небо, по которому ходили точно голубоватые облака. Вся эта гладь волновалась, дрожала и меняла вид, словно под напором сильных порывов ветра.

Супрамати только собрался было начать полагавшуюся формулу, как заметил вспыхнувшую где-то в глубине облачной тьмы блестящую звездочку, которая быстро приближалась, увеличивалась и превратилась, наконец, в ярко-светлое облако, выступившее из рамы.

На Супрамати пахнул порыв теплого и ароматичного ветра, а несколько секунд спустя светлое облако рассеялось и перед ним появилась высокая фигура Эбрамара, с улыбкой протянувшего ему руку.

— Учитель, ты услышал наш мысленный призыв и пожаловал раньше, нежели я произнес формулу! — воскликнул сияющий Супрамати, обнимая мага.

— Да, милый мой ученик, я явился на ваше приглашение отужинать с вами, но, кроме того, мне надо серьезно поговорить с тобою и я рад, что застал тебя одного.

— Не провинился ли я в чем-нибудь? Может быть, я нарушил какое-нибудь из твоих предписаний? — сказал встревоженный Супрамати.

Эбрамар рассмеялся.

— Нет, нет, я охотно выдам тебе аттестат, что ни один из учеников моих не доставил мне столько радости и так мало причинил огорчений, как ты. Мне не в чем упрекать тебя. Я просто хочу дать несколько советов, а ты — свободен принять их или нет.

— Что ты говоришь, учитель! Каждый твой совет — приказ для меня, — ответил Супрамати, покрасневший от похвал мага.

— Я хочу поговорить с тобою о жизни в свете, которую ты призван теперь вести, — сказал Эбрамар, садясь на предложенный стул.

— О, она ужасно нелепа, эта жизнь, и возбуждает во мне сильное желание вернуться в мир науки и тишины. Не могу высказать тебе, учитель, как мне порою хочется бежать из этого жалкого, неразумного общества, от этих тупых, порочных людей, от всего этого безобразного хаоса пошлых интересов, грязных интриг и животных инстинктов, — с отвращением закончил Супрамати.

Эбрамар покачал головою.

— Ты идешь по ложной дороге, Супрамати, предаваясь чувству отвращения к людям, с

которыми тебе надлежит прожить известное время. Поверь, что глубокая, прозорливая мудрость высших руководителей недаром требует, чтобы мы сходились со смертными людьми, чтобы мы жили *их* жизнью и интересовались тем, что волнует *их* душу. Хотя мы и бессмертны, до известного предела, но все-таки остаемся людьми, и потому не можем порывать отношений с человечеством, но обязаны помнить, что каждый из нас – человек, и ничто *человеческое* не должно быть ему чуждо. Не забывай, что конечная цель нашего долгого жизненного странствования – *новый мир*, где мы станем снова смертными, куда мы призываемся на работу, чтобы там применить все наше знание и посеять науку, которой обладала погибшая планета.

Будущие *цари* младенческих народов, *основатели* религий, *законодатели* и *руководители* этой молодой земли, изобилующей жизнью и богатством, мы не смеем забывать ничего, что волнует и увлекает человеческое сердце.

Чтобы достойно выполнить эту задачу и заложить основы новой цивилизации, полчища магов, – этих тружеников будущего, – не могут вращаться только в астрале, но должны являть собою двусторонних исполинов, обладающих всеми физическими способностями человека и всем могуществом духовным. *Царь, священнослужитель и законодатель* должны непременно быть живыми существами, а не только бесстрастными магами, любящими одну науку.

Ты легко можешь впасть в такое заблуждение, если поддашься чувствам отвращения и презрения, которые сейчас высказал. Остерегайся и не беги от того, что волнует человеческое сердце, дабы впоследствии тебя не упрекнули в том, что, вознесясь так высоко, ты утратил понимание людей, которыми правишь; чтобы не сочли ясный свет и тихую гармонию твоего существа за грубую бесчувственность.

Да не обвинят тебя никогда в том, что ты глух к нуждам и жалобам малых, сирых и убогих. Помни, что ведь на тебя взирать-то будут *снизу*, и эти слабые, безвольные существа, с шатающейся верой, могут не понять твоей мудрости, а будут видеть в тебе только палача, бездушного исполнителя неумолимых законов, налагающего на них непосильные испытания и толкающего их, вместо далеких, недосягаемых, – по их мнению, – врат неба, в самый ад!

Супрамати побледнел.

– То, что ты сказал, учитель, ужасно. Сохрани меня Бог потерять способность понимать моих меньших братьев, но что же мне делать, чтобы избежать этой опасности?

– Никогда не отстраняться от людей, дабы в невозмутимом спокойствии бесстрастного мага не погасли все волнения души человеческой. Пока живешь в свете, ныряй без страха в круговорот жизни; свет истинный не должен блестеть и греть на одних лишь вершинах, а обязан озарять также глубины и бездны. Чистая любовь нисколько не унижает мага, ибо любовь, ты сам знаешь, это – сила природы, чувство божественное, хотя бы даже в ничтожном создании. Маленькая птичка, которая дрожит за свое гнездо и печется о своих птенцах, уже трогает струны великих божественных чувств.

Почему бы тебе, друг, не последовать, вообще, примеру птицы и не свить себе гнездо на время твоего пребывания между смертными? Мы – бессмертные – право, похожи на перелетных ласточек. Подобно им, мы прилетаем из дальних, неведомых стран и вскоре улетаем неизвестно куда; подобно им, поднимаемся мы на эфирные высоты, купаясь в живительных лучах солнца науки, и снова вступаем в вихрь жизни, опускаясь на землю...

– Учитель! Ты хочешь женить меня?! – воскликнул Супрамати, слушавший с возрастающим изумлением и густо покраснев.

Эбрамар засмеялся.

– Могу ли я хотеть женить тебя, если это тебе неприятно! Избави меня Бог злоупотреблять моим на тебя влиянием, чтобы навязывать отношения, которые можно взять на себя только добровольно. Но я не отрицаю, что, если бы ты решил жениться на достойной тебя женщине, то я вполне одобрил бы такое решение, и по многим причинам.

Во-первых, ты на самом деле вступил бы в мир, для тебя совершенно чуждый, и сразу завязал бы родственные отношения, которые обяжут тебя принимать участие в людях; одним

словом, ты действительно стал бы настоящим членом общества. Во-вторых, несмотря на наше относительное, так сказать, бессмертие, мы остаемся людьми, подчиненными законам физическим, и в известные промежутки времени организм наш, насыщенный первоначальным веществом, то есть жидким огнем, испытывает потребность окунуться в сферу, наполненную веществами более материальными, чем в наших убежищах науки, обладающих особой атмосферой. Потому-то нам и необходимо сливаться с низшими относительно нас существами (до известной степени, конечно), чтобы освобождать наше тело от излишка астрального огня и электричества.

Все это ты знаешь сам, как и то, что наши Махатмы после 180-200 лет аскетической жизни вступают в брак; поэтому и бессмертным разрешается во время их пребывания в миру вести жизнь заурядного человека. Прибавляю к этому, что дети магов становятся могущественными помощниками и превосходными работниками в том мире, которым мы будем управлять.

– Однако, с этой точки зрения, Даир также должен жениться? – заметил видимо озабоченный и удрученный Супрамати.

– Несомненно, и я не премину сегодня дать ему подобный совет. Закон один для всех и поэтому-то, например, Нара, стоявшая много выше тебя, сделалась твоей женой, как была раньше мою, несмотря на разделявшее нас расстояние. Низший очищается и возвышается в единении с существом высшим, которое подобно свече может зажечь тысячи других, не утратив николько своей яркости и силы. Итак, если мы можем ввести в нашу ауру другое существо, чтобы очистить и возвысить его, почему же этого не сделать? Хорошо ли ты понял меня, ученик мой и друг?

– Да, учитель, и охотно постараюсь последовать твоему совету, глубокую мудрость которого я вполне понимаю. Я знаю даже женщину, которая любит меня... – он колебался. – Любовь ее наивна до смешного, но сама она чище и честнее окружающей ее толпы.

– Ты говоришь об Ольге Болотовой, – сказал Эбрамар, улыбаясь, – и я должен подтвердить, что любовь ее, несмотря на наивность, чиста, сильна и способна на жертвы.

И он передал разговор с вызывавшей его девушкой.

– Ох! Уж этот Нараяна просто из рук вон! Выдумать подобную вещь! – изумился Супрамати.

Он в смущении слушал учителя, а в то же время был тронут и взволнован.

– Теперь я понимаю, почему меня так упорно преследовало воспоминание об этой сумасбродке; но так как я не хотел допустить чужое влияние на себя, то постоянно и совершенно напрасно – как вижу теперь – отгонял ее мысль, не прочтя.

Он на минуту задумался и замолчал.

– Учитель, – нерешительно начал он, – а мне ведь жаль эту девушку; союз со мною сократит ее жизнь, если не дать ей эликсир.

Эбрамар покачал головой.

– Нет, Супрамати, ваш союз будет испытанием и для тебя. Ольга умрет, и несмотря на твое могущество и горесть потери этого молодого создания, ты должен воздержаться от соблазна дать ей бессмертие. Я нахожу полезным для нее, как и для тебя,

чтобы она вернулась в невидимый мир, который, однако, прекрасно видим мы с тобой. Понимаешь ли, друг, что это вызывается вовсе не бесполезной жестокостью?

– Понимаю и подчиняюсь всему, что ты прикажешь. Я знаю, что одна любовь и высшая мудрость руководят тобою, – ответил Супрамати.

Его лучистые глаза любовно и доверчиво глядели в глубокие очи наставника. Тот привлек его к себе и обнял.

– А теперь, – весело прибавил Эбрамар, – пойдем к нашим друзьям. Я рад отужинать с вами, а затем мне надо поговорить с Даиром.

В маленькой комнате, рядом со столовой, приятели играли в шахматы и оба вскочили при виде Эбрамара.

Чувство стыда и неловкости охватило Нараяну, и черные глаза его опустились под

строгим и испытующим взглядом мага.

— Нараяна, Нараяна, когда же ты сделаешься наконец благоразумным? — произнес тот, неодобрительно качая головой.

Повинуясь безотчетному благоговению перед магом, Нараяна опустился на колени и, схватив руку Эбрамара, прижал к своим губам.

— Прости, учитель мой, руководитель и покровитель; полюби меня — хоть немного таким, каков я, — прошептал он. — Я знаю, ты не покинешь меня, и в светлых волнах твоего существа я все-таки очищусь.

Эбрамар нагнулся, поцеловал Нараяну в лоб и потом поднял его.

— Конечно, я никогда не покину тебя, — сказал он, улыбаясь, — но мне тяжело видеть тебя все в одном положении; я бы желал, чтобы ты шел вперед. Неужели тебе еще не надоело дурачиться? Ты не думаешь о тяжелых испытаниях, ожидающих тебя на новой планете, где тебе придется-таки в конце концов обуздать «зверя», который властвует над тобой.

— Эх, учитель! Там, среди этих гадких скотов, будет легче, меньше представится соблазнов. А пока еще можно, дай мне повеселиться на нашей бедной утонченной и уютной земле.

Все посмеялись и перешли в столовую, где был приготовлен ужин из молока, вина, меда и легких печений.

За столом разговор зашел о поездке друзей в город ученых.

— Скажи-ка, Нараяна, это ты, вероятно, выдумал подшутить над люциферианами? — спросил вдруг Эбрамар. — Кажется, Дахир с Супрамати сыграли уже с ними довольно злую шутку в Царьграде?

— Да, учитель, но этого мне показалось мало. Надо разить их в самом центре их могущества. Уж очень они стали наглы в своем кощунстве и цинизме. Давно пора напомнить им, что существуют и высшие силы. Только мы не хотели действовать без твоего одобрения и совета, учитель, — воскликнул Нараяна, сверкнув глазами.

— Я нисколько не против этого, если вы хотите взять на себя довольно-таки противное дело, — чистить эту помойную яму.

— Мы останемся невидимыми, учитель!

— Разумеется, но это не избавит вас от необходимости окунуться в зловредную, вонючую атмосферу, — возразил Эбрамар.

— Можно потом почиститься; а зато мы испортим им их сатанинский пир, их мерзкие жертвоприношения и кощунственные церемонии.

Эбрамар не мог удержаться от улыбки.

— Да, если ты возьмешься за составление программы, то можно быть уверенным, что экспедиция выйдет любопытной.

— Забавной и интересной, — дополнил весело Нараяна. По окончании ужина Эбрамар увел Дахира для дружеской беседы в соседнюю комнату, откуда они вернулись через четверть часа и маг объявил, что ему пора уйти.

Все направились к башне-лаборатории.

Здесь Эбрамар простился с учениками, обнял их, пожелал успеха в предприятии против люцифериан, а потом подошел к раме, поверхность которой так живо волновалась и бурлила, словно то были морские волны.

Порыв теплого, ароматичного ветра пронесся по комнате и в ту же минуту Эбрамар, подхваченный этой воздушной волной четвертого измерения, очутился за рамой. Он рукою послал последний привет и стал быстро исчезать в пространстве.

Теперь можно было ясно видеть что-то вроде светящейся искристой полосы, которая уносила мага словно ковер-самолет.

Потом, далеко-далеко, на голубоватом фоне, точно марево, показался чудный белый гималайский дворец с его воздушными колоннами, тонкой резьбой, бьющими фонтанами и роскошной зеленью окружавших его садов.

Друзья, как очарованные, смотрели на чудную картину, и вдруг их охватила жгучая тоска, непобедимое желание следовать за Эбрамаром, укрыться в этом безмолвном покое природы, вдали от ядовитого, пресмыкающегося человечества, живущего завистью, алчностью, братоубийственной враждой.

Тяжело дыша, смотрел Супрамати на далекий дворец. Ему слышался ласкающий плеск фонтанов, стройная музыка сфер, и казалось, что он вдыхает аромат цветов, растущих под широким окном его рабочей комнаты. Вся душа его точно отрывалась и летела в этот далекий приют чистой науки, где ничто не нарушало светлой гармонии мысли, где забывалось само время, где века проходили, как дни. И сознание, что он должен снова окунуться в людской хаос, войти в тесные отношения с этой озверелой толпой – грубой и развратной, – наполнила его таким отвращением, что даже сердце замерло, сжатое словно тисками.

Но далекая картина бледнела, а потом исчезла вовсе, и поверхность рамы приняла снова гладкий и зеркальный вид.

– Ну, друзья, не мечтайте о пустынных островах и новых победных венках. Пока вас ожидают более скромные обязанности и занятия, – сказал Нарайяна.

И голос его, дружески насмешливый, вернул молодых ученых к действительности.

– Гм! Дело так скромно, что любой боялся с ним справился бы. А между тем, кто знает, мне легче, пожалуй, оплодотворить пустынный остров, – заметил иронически Дахир. – Эбрамар желает, чтобы я женился, а я не встретил еще ни одной симпатичной мне женщины. Мне не так везет, как Супрамати, и не удалось зажечь такую пылкую любовь, которая способна ради него взять приступом небо, – прибавил он, лукаво посматривая на своего друга, который задумчиво прислонился к стулу.

Тот выпрямился и провел рукою по лбу, точно отгоняя тяжелые думы.

– Я полагаю, тебе стоит только пожелать, и ты найдешь счастье, не уступающее моему, – сказал Супрамати, улыбаясь.

– Такому красивому и прелестному мужчине остается только выбрать...

– Не беспокойся, я тебе найду подходящую жену из родни принцессы Супрамати! – перебил довольный Нарайяна.

– О! Если он позаботится о твоем семейном счасти, то можешь быть уверен – мигом пристроишься. У него в запасе героические средства. Ясно, что он, чувствовавший себя хорошо только у домашнего очага, желает дать такое же счастье и другим, – заметил насмешливо Супрамати.

– Твои слова не что иное, как отголосок рассказней Нары, которая ревностью отравила мне жизнь, – ответил Нарайяна, полуслутя, полусердито.

– Ну, успокойся! Все знают, что ты был примерным мужем, и я предвижу, что иссякни сокровища Монте-Розы, ты открыл бы брачную контору и сделал бы состояние, если наша планета просуществует до того времени, – сказал Дахир. – А теперь, господа, покойной ночи, – прибавил он. – Довольно волнений на сегодня.

Мы уже говорили, что Супрамати поместился в комнате, занимаемой Нарой во время их пребывания в Шотландии.

Войдя в спальню, он сел на диванчик, стоявший в ногах широкой кровати с колоннами, и задумался.

Каждый предмет здесь напоминал ему обаятельную женщину, бывшую подругою первых дней его нового и странного существования, которая помогала ему и руководила его первым посвящением и всегда поддерживала в часы усталости и слабости; сколько раз любимый голос раздавался в его ушах, и слово, серьезное или остроумное, прогоняло нерешительность и поднимало дух. А не то ласка невидимой ручки напоминала ему, что он не один, что издалека любовь Нары охраняет его. Да, ей принадлежит вся его душа, а ему предстоит жениться на невежественной, ничтожной девочке, которая не может быть для него ни чем иным, как игрушкой тех чувств, которые он уже осилил и поработил.

Ему была противна сама мысль сблизиться с женщиной, дать ей права и взять на себя

обязанности... А Нара молчит, не дает признака жизни... Может быть, она сердится и несколько не сочувствует мыслям Эбрамара... В эту минуту он ощущил на своем лбу прикосновение тонких пальчиков и любимый голос зашептал ему на ухо:

— Стоит ли волноваться, Супрамати? Я знаю, что мое место в твоей душе никто никогда не займет. Чувство, соединяющее нас, это — родство душ, очищенная и неизменная любовь, которую никто не может разбить. Могут ли иметь значение для этого вечного чувства мимолетные случайности нашего длительного существования, — странного и аномального? Стоит ли мне ревновать, если на свете окажется больше одним существом, которое полюбит тебя и возвысится, сделается лучше, очистится под твоей защитой?

Позволь сказать тебе еще, что эта девушка — достойна тебя, и ее любовь честна и сильна. Будь добр к ней и снисходителен, потому что насколько она обожает, настолько же и боится тебя.

Глупенькая девочка так думает обо мне и так страстно желает, чтобы я дала тебе «супружеский отпуск» — в голосе Нары прозвучала насмешка, — что я не могу противиться. А так как я всегда соображаюсь с современными нравами, то подчиняюсь мудрому закону и даю тебе, прекрасный мой принц, отпуск. Как знать, может быть, со временем, и я попрошу у тебя о подобной жертве.

— Нара, не шути! Ни одного взгляда твоего никогда не уступлю я никому, — неистово закричал Супрамати, краснея, как маков цвет.

Серебристый насмешливый голос мгновенно привел его в себя.

— Ага, господин маг! Вы обнаруживаете себялюбивые чувства, совершенно недостойные вашего совершенства. Но успокойся, ревнивец. Степень посвящения, проходимая мною в настоящее время, вполне поглотила меня, и я не чувствую никакого желания покушаться на супружескую неверность. Итак, с полным спокойствием душевным наслаждайся своим «отпуском» и знай, что моя привязанность продолжает охранять тебя.

Последовало пожатие руки, и затем наступила тишина. Охваченный вдруг дремотой, Супрамати лег и тотчас заснул.

Глава вторая

Проснувшись, Супрамати обрел свое обычное душевное равновесие и за завтраком мысли его были исключительно заняты предполагаемой экспедицией в город люцифериан, подробности которой горячо обсуждались приятелями. — Завтра утром нам надо ехать, — объявил оживленно Нараяна. — Я препровожу вас к одному из *наших*, тоже «бессмертному». Это — славный малый и живет в окрестностях города; он с удовольствием примет нас, и у него-то мы устроим свою «главную квартиру». До начала военных действий вы осмотрите слегка город и полюбуетесь его населением, которое очень типично и представляет живую иллюстрацию той гнусности, до какой может пасть целая нация, будучи лишена поддержки религиозной веры и нравственной дисциплины.

Целый день они занятые были приготовлением всего, что им могло понадобиться, чтобы задать сатанистам хороший урок и оградить себя от зловредных миазмов, на которые им предстояло неизбежно натолкнуться.

На заре воздушное судно Супрамати мчало их к старой французской земле.

Приятель Нараяны проживал в нескольких километрах от столицы, в отдельном домике, окутанном тенистым садом. Подобно почти всем членам таинственного братства, это был еще молодой человек, сосредоточенный, с тем загадочным выражением, которое характеризует бессмертных.

Он радушно принял гостей и даже подружился с магами; а узнав, что они собираются проучить люцифериан, он пришел в восторг и обещал помочь по мере сил и возможности.

— Вы не можете себе представить, до какой степени омерзителен стал этот народ, — сказал он с горечью. — Я сам, видите ли, природный француз и застал еще то доброе время, когда моя цветущая, славная родина была средоточием умственного труда, изящества,

патриотизма и рыцарской храбрости; поэтому мне так и больно видеть настоящий упадок...

...В громадном городе, который вы увидите, скопились три четверти золота всего света; это мировой банк, но вместе с тем и гнездо самого неслыханного и невиданного разврата. Все искусства пали до степени скотства и художники работают теперь уже над соисканием премии за безобразие; в литературе воспевается один порок и разврат в самом гадком его виде; люди, сделавшиеся хуже животных, соперничают друг с другом в утонченности зла и распутства. Что же касается публичного поклонения сатане, то оно по наглому бесстыдству превосходит все известное в древности...

Он замолчал и грустно поник головой, а маги дружно старались утешить его и поддержать.

На следующий день Супрамати с Дахиrom приготовились к посещению современного Содома. Чтобы ослабить действие зловредных флюидов на их впечатлительный организм, они надели электрические трико и плащи с капюшоном, который опускался на лицо в виде маски, оставляя открытыми одни глаза. Одежда эта была сделана из особого мягкого и небьющегося стекла, отливавшего перламутром. На грудь они надели крест мага, а в руки взяли золотую палочку, видом своим напоминавшую епископский посох, но обладавшую такой могущественной силой, что заурядный человек не мог бы ни дотронуться до нее, ни перенести сильный исходящий из нее жар; по временам из посоха вырывались струи огня.

И Нарайяна, хотя он и был только оплотненным духом и потому менее чувствителен к влиянию дурных флюидов, все-таки надел особый костюм; черные глаза его, точно два раскаленных угля, светились в отверстии маски, закрывавшей его лицо.

Кроме того, каждый из путешественников имел на перевязи золоченую коробочку с питательным порошком и флаконом вина, ввиду того, что в дьявольском городе они не могли бы прикоснуться ни к какой пище.

Вооруженные таким образом и сделавшись невидимыми, они вступили в обширный город, столицу золота и порока.

И город был великолепен. На необозримом пространстве тянулись просторные улицы с огромными дворцами, украшенными скульптурой, мозаикой и картинами; всюду блестели золото, эмаль и все утонченности цивилизации, а в то же время вид этого мраморно-золотого города производил отталкивающее впечатление.

Картинами, украшавшими фасады, были нелыханно циничны; мозаика изображала бесстыдные символы; в окнах магазинов выставлены были гнусные картины с надписями, которые показывали, что всякое чувство стыда давно угасло.

Было множество общественных садов, где в киосках, помимо вина, фруктов и прохладительных напитков, продавали горячую кровь животных, которых убивали на глазах самого потребителя, дабы он был уверен в свежести и доброкачественности дымящегося пойла.

Население, разгуливавшее в этот прекрасный теплый день по улицам – или вовсе нагое, или едва прикрытое, – на всем своем существе носило печать падения.

Тощие, бледные лица, с впалыми глазами, не озарявшиеся открытой улыбкой, носили отпечаток чего-то животного; а общий увялый облик выдавал беспорядочную жизнь и злоупотребление всякими беспутствами; злобный и лукавый взгляд был упорно прикован к земле.

Воздух до такой степени был пропитан миазмами крови и преступности, что стекловидное одеяние магов скоро покрылось черноватым налетом, зловонным и липким, и они дышали с трудом.

Нарайяна, знавший, очевидно, хорошо топографию местности, повел приятелей посмотреть главные памятники города и знаменитые статуи.

Почти все эти статуи имели символическое значение. Одна изображала свободу наслаждений и была так омерзительно бесстыдна, что маги не пожелали ее смотреть. Другая представляла книгу законов, которую топтал ногами бывший каторжник, разбитые цепи которого валялись по земле, а он с остертвенением раздирал навозными вилами листы

уголовного свода. Надпись на цоколе гласила:

«Справедливая оценка правосудия».

Наконец, третья статуя, самая пышная, изображала поваленного на землю человека с заткнутым ртом; лежал он на куче различных символов власти и славы. Тут собраны были царские короны, папские тиары, знамена, ордена, гербы, епископские посохи, распятия и т.п. Какой-то гадкий старик попирал ногами поваленного человека и молотом разбивал скученные там знаки отличия. Надпись поясняла, что старишина изображал собою «Время» – этого палача и победителя всяких предрассудков и привилегий.

Заметив отвращение и омерзение, которое вызвали эти пошлые произведения искусства в друзьях, Нарайяна заметил:

– Да, да, у люциферианских художников свои идеалы, совершенно отличные от ваших старых, отсталых. В настоящее время живописцы, скульпторы, литераторы изощряются в достижении верхов цинизма и богохульства, безобразия нравственного и физического; а тот, кто успел наиболее утонченным образом оскорбить небо и природу, тому, наверно, обеспечены торжество, слава и богатство. А теперь, друзья, я поведу вас в театр; там вы увидите вещи, которых и во сне не видали! Вас поражала наглая откровенность царьградского репертуара? Так это – детская игра в сравнении с происходящим здесь! Здесь требуется живая действительность, потому что разбитые, притупленные нервы этих прислужников зла жаждут самых необузданных волнений; нередко случается видеть на сцене настоящие убийства, когда артисты увлекаются и роль дает такой «эффект», возбуждающий бешеный энтузиазм. Подобные убийства никогда не наказуются, потому что здесь законов не существует: каждый живет своим законом. Но вы поймите, какое значение имеет в исполнении актеров возможность быть убитым, как сильно они бывают возбуждены. Но вот мы и прибыли. Это огромное здание, окруженное красивыми колоннадами, и есть театр.

Оставаясь невидимыми, приятели поместились в пустой ложе, с удивлением и отвращением осматривая окружавшую их обстановку.

Зала совершенно не походила на прежние и даже на царьградскую. Сцена была громадна; в каждой из лож, – тоже больших, – находился в глубине маленький буфет с фруктами, конфетами и целой батареей бутылок с крепкими ликерами и хмельными винами. По сторонам ложи украшены были кустами цветущих растений с одуряющим запахом ярких роз и цветов красновато-лилового цвета, вроде гигантского гелиотропа. Вообще, воздух в зале был насыщен удущивым и возбуждающим ароматом, а разгоряченные лица присутствующих, лихорадочно блестевшие глаза и порывистые движения ясно указывали на действие, производимое этой обстановкой. Женщины в особенности, полунасмешливые и циничные, имели вид вакханок.

Представляемая пьеса, – полудрама, полуопера, была восхитительно поставлена в декоративном отношении; сюжетом служили приключения молодого атлета – победителя в знаменитых играх. Две женщины, одна из артисток цирка, где блестал герой, другая – богатая светская дама, оспаривали любовь атлета. Сцены борьбы в цирке были великолепны по обстановке и массе участников, но отвратительны по бесстыдному реализму, так как атлеты боролись нагими. Кульминационной сценой был банкет, следовавший за этой борьбой и перешедший в оргию.

Соперничество двух женщин достигало здесь своего апогея, и светская дама увлекала за собою героя под звуки вакхического, дикого и нестройного хора.

Лихорадочное возбуждение мало-помалу охватывало залу. Слышались истерический смех, хриплые возгласы и крики вперемешку с рыданиями. Наконец, занавес открылся для последнего акта драмы и все смолкло.

Сцена представляла волшебно-роскошную спальню, где раньше, нежели заснуть, атлет веселился со своей новой возлюбленной. Но отвергнутая соперница преследовала их. Она сумела проскользнуть в самую спальню и теперь ползла с ножом в руке к постели, где покоились изменники.

Женщина эта, с мертвенно-бледным лицом, с налитыми кровью глазами, была диким зверем в человеческом образе. Вся зала задыхалась, лихорадочно следя за каждым ее движением. Но вот она выпрямилась, рука ее опускается – и вдруг неистовый крик, а за ним второй, потрясли стены залы; кинжал нанес два действительных удара. Кровь бьет фонтаном. В то время как женщина корчится и стонет в агонии, атлет сваливается с постели с торчащим в груди кинжалом и катается в судорогах, плавая в расплывающейся луже крови.

Раздаются восторженные аплодисменты; цветы и драгоценности летят на сцену. Но в ту минуту, как торжествующая артистка раскланивается и благодарит публику, умирающий атлет внезапно приподымается на колени, схватывает сзади свою убийцу, валит на землю и начинает душить. В дикой схватке мечутся они по залитому кровью полу; она отчаянно отбивается, но коченеющие руки умирающего, как железные клещи, впились в ее шею и через несколько минут оба остаются недвижимыми.

Происходившее затем в зале не поддается описанию. Зрителями овладело безумие, жажда крови и убийства; подняв вверх руки, они рычали, точно стая голодных волков; женщины неистовствовали, срывали с себя в истерическом припадке немногие бывшие на них одежды и корчились в судорогах. Несколько человек, охваченные сумасшествием, с пеной у рта катались по полу. Наконец, толпа вскарабкалась на сцену, сосала и лизала кровь, струившуюся из ран убитых.

– Бежим отсюда! – вырвалось у Супрамати.

Он стоял мертвенно-бледный, прижав руки к груди; Дашир откинулся на своем стуле с закрытыми глазами и, казалось, задыхался.

Нарайяна выхватил из-за пояса два кусочка материи, смоченной вином с небольшой примесью первобытной эссенции, и приложил к лицу обоих магов; почти мгновенно они оправились от своей слабости.

– Друзья! Разрушьте же лучше это подлое гнездо вместо того, чтобы падать в обморок. Имей я ваше могущество, дело уже было бы сделано, – проворчал Нарайяна.

Супрамати с Даширом выпрямились, а в глазах их вспыхнуло негодование и страстное желание покарать этих чудовищ. Сорвав с груди крест магов, они бросились вперед, произнося могущественные заклинания, которым повиновались стихии.

Через мгновенье сверкнули две яркие молнии, принявшие затем форму больших крестов, которые зажигались в воздухе; в то же время сильные удары грома потрясли здание. В первую минуту толпа застыла от ужаса, а затем с отчаянными криками бросилась к выходам, но сыпавшаяся навстречу им молния принудила их отступить. Гром продолжал греметь, стены трещали и вдруг рухнули потолки, придавив теснившуюся в зале и в ложах толпу.

В первый, может быть, раз оба мага не ощутили ни жалости, ни сожаления по поводу вызванной ими гекатомбы; уж очень давно их чистая и гармоничная душа не была потрясена таким чувством отвращения, граничившего с ненавистью.

Отступая задом, они покинули залу и театр прежде, нежели они обрушились; поднявшись затем в облака, они направились к своему воздушному экипажу, который тотчас понес их в дом друга, где они очистились и подкрепились.

На следующий день Ренэ де ла Тур, как звали «бессмертного», приютившего у себя троих друзей, отправился в город за новостями.

Возвратился он очень довольный и рассказывал со смехом, что все население сатанинского города совершенно подавлено.

Крушение театра приписывали землетрясению, потому что толчок слышен был далеко, но жалели больше всего о том, что подобное несчастье может нарушить одно из самых чудных и пышных торжеств. Кроме того, никак не могли объяснить, почему молния приняла форму лучезарных крестов; этого еще никогда не бывало.

Неожиданная катастрофа действительно испортила все приготовления к предстоящему на другой день празднеству. Множество людей было убито, еще более ранено и изувечено молнией или камнями; наконец, раскопки и очистка развалин тоже сильно препятствовали

торжеству. Нашлись даже голоса, предлагавшие отложить на несколько недель жертвоприношения и процесии. Масса же населения, жадная до зрелиц и празднеств, восстала против этого.

В конце концов решено было устроить сначала торжественные, пышные похороны жертв из публики и «гениальных» артистов, которые собственной кровью запечатлели «славное служение искусству», в живой действительности разыгрывая грандиозную жизненную трагедию. Годовой же праздник пришлось все-таки отложить на неделю.

Решение это успокоило и удовлетворило всех. Жаль было, конечно, что катастрофа произошла так некстати, но ведь такие естественные случайности могут всегда произойти, а умирать все равно надо, рано или поздно; все же остальное можно было наверстать и поправить. По милости сатаны имелось достаточно золота, чтобы отстроить новый театр, красивее старого, в актерах также недостатка не было; а потому можно со спокойным духом, склонив умерших, приняться за хлопоты о празднествах.

Дахир и Супрамати решили обождать неделю, ибо пылали желанием радикально испортить люциферианский праздник, а чтобы убить время, они занялись изучением нравов и обычаев, не лишенных даже оригинальности.

Так, узнали они, что иудеи прежде всего совершили упразднили своего Иегову, которому пришла неудачная мысль дать десять заповедей; по крайней мере их ему приписывали. А так как древний закон нравственности совершенно противоречил началам современной жизни, стеснял евреев в их обиходе и ограничивал их склонности к необузданной свободе, то они не то что отменили, а переделали по-своему эти десять заповедей, которые в новой редакции повелевали совершенно обратное тому, что предписывалось ими раньше.

Например, первая заповедь перелицованных закона гласила: «Да не будет у тебя бога иного, кроме сатаны». Другая: «Убивай всякого, кто стесняет тебя, и пей кровь тех, кто осмелится быть врагом твоим», или еще: «Бери все, что может удовлетворить твои желания, потому все, что может служить тебе и в чем ты нуждаешься, принадлежит тебе по праву». Остальное было в том же роде.

Этот свод новых, столь удобных и растяжимых законов красовался на бронзовых или мраморных досках по углам главных улиц, для большего назидания гражданам. Последние отлично пользовались такими прекрасными наставлениями и не признавали иного закона, иного обязательства, кроме *своей* воли и прихоти.

Настал наконец день великого люциферианского торжества. С зарей весь город был на ногах и все улицы запружены народом.

Праздник начинался присоединением к люциферианскому культу новых членов; эта кощунственная, богохульная церемония в насмешку называлась *крещением*. Происходила она на большой площади перед главным храмом сатаны и там публично исполнялись гнусные обряды, разоблаченные еще во времена процесса тамплиеров.

На этот раз число неофитов оказалось еще более обыкновенного и церемония очень затянулась; было уже довольно поздно, когда громкий выстрел дал сигнал к выступлению.

Тотчас из всех католических храмов двинулись процесии по направлению к огромной площади, составлявшей центр города и окруженней самыми красивыми дворцами.

Там воздвигнут был гигантский костер с перевернутым крестом наверху и окруженный восковыми фигурами, изображавшими наиболее чтимых в христианском мире святых, а также символами веры всех других народов; все это должно было позднее быть брошено в огонь.

Вскоре все процесии начали собираться на площади. Одна несла окруженную целым лесом хоругвей статую сатаны, царя вселенной. Демон изображен был стоя с распущенными огромными крыльями; на горделиво поднятой голове красовалась зубчатая корона; в вытянутой руке он держал скипетр вселенной, а ногой с ожесточением попирал терновый венец и опрокинутую чашу.

Процесии прочих «братьств» были в том же роде и представляли собою все обряды

сатанинского культа. Там были шуточные процесии тамплиеров, несших своего Бафомета, или франкмасонов со статуей Люцифера; все участники были наги, если не считать кожаного передника и знаков отличия их степеней. Далее следовали поклонники низших дьяволов; жрицы ларвов и прочих нечистых духов, члены общества Шабаша с их царицей, и, наконец, певцы и певицы, сопровождавшие жертвы. На высокой колеснице следовали человеческие жертвы: несколько детей и какие-то две старухи, пожелавшие добровольно заклать себя во славу сатаны.

Возбужденно настроенная толпа запружила улицы и особенно площадь, где находился костер; все нетерпеливо ожидали начала жертвоприношений, чтобы отправиться затем на публичные пиршества, приготовленные для народа во всех общественных местах; такие пиры кончались обыкновенно настоящими адскими оргиями.

Когда все процесии сгруппировались вокруг костра, сатанинские жрецы затянули гимн в честь своего «бога», а в конце каждой строфы народ повторял припев: это дикое, нестройное пение дергало нервы, еще сильнее возбуждая и без того взбудородившую толпу.

По окончании гимна вокруг костра пошла пляска. Без разбора кружились и скакали, держась за руки, мужчины, женщины и дети; а по мере того, как сходились и расходились огромные круги этого беспорядочного хоровода, росло возбуждение толпы. Слышались дикие крики и взрывы истерического хохота; а люди, словно бесноватые, корчились и рычали, как дикие звери. Но общее исступление достигло высшего напряжения, когда верховный жрец сатаны поджег костер, у подножия которого были собраны жертвы его. С длинными блестящими ножами в руках двинулись жрецы, чтобы заклать сначала животных и потом человеческие жертвы; кровь тех и других должна была быть роздана присутствующим, трепетавшим от нетерпения.

Дикий, кровожадный народ был поглощен церемониями, нервы были напряжены, и никто из собравшихся не заметил, что на горизонте появились маленькие свинцовые тучки, а легкий ветерок уже крутил песок и колыхал пламя костра.

К тому времени как упали под ножом первые жертвы, небо потемнело, земля вздрогнула от громового удара и яростный порыв ветра пронесся по площади, опрокинув даже многих из присутствовавших. Поднялись вопли ужаса, а небо между тем почернело и огненно-красные молнии бороздили его во всех направлениях; удары грома следовали без перерыва один за другим, и наконец хлынул проливной дождь пополам с крупным градом.

Ошалелая толпа кидалась во все стороны, намереваясь бежать, но вихрь выл, свистел и откидывал в сторону богохульников, которые давили и топтали один другого. Точно замкнутые в волшебном круге, тщетно старались они попасть в свои близлежащие дворцы.

По необъяснимой причине, несмотря на потоки воды, костер продолжал пылать; но опрокинутый крест воспрянул, был подхвачен ветром и величаво парил, будто несомый невидимыми руками, освещая мрак странным фосфорическим светом, который как бы исходил из него и окружал точно спнопом искр.

На площади царили невообразимые ужас и смятение. Рычания и предсмертные крики людей, раздавленных поваленными идолами, побитых градом, затоптанных и изувеченных, – все это сливалось с ревом бури, ярость которой ежеминутно росла.

Кроме того, паника сообщилась остальной части города, так как от землетрясения трещали здания и некоторые с треском рушились, погребая под своими обломками многочисленные жертвы, а горящие, вырывавшиеся из костра головни, несомые ветром, разносили повсюду пожар.

Но если в видимом мире разрушение и смерть творили дело правосудия, то в пространстве, невидимом для глаза смертных, происходила ожесточенная борьба между светлыми и темными силами, пораженными в самом средоточии их могущества. Словно черные тучи, обрушивались демонские скопища на магов, поражая их ядовитыми стрелами, удушая зловонными миазмами, обдавая их белые одежды клейкой, вонючей слюной.

Но трое друзей боролись стойко и возвратные удары были настолько сильны, что снаряды поражали самих нечистых, бросавших их; пронзали их вздутые, прозрачные тела,

которые лопались со зловещим треском, насыщая воздух миазмами. Впоследствии это должно было вызвать в стране заразные болезни, потому что порождало смертоносные бациллы разных эпидемий.

И понемногу ад отступал перед светом чистым. Демонические существа, отказавшись от борьбы, вернулись к своим обычным любимым занятиям: бросались на умерших и умиравших, высасывая из одних остатки жизненной силы и насыщаясь от других флюидом разложения. На полях сражений и в местах катастроф, всюду, где царит разрушение и физическая смерть, собираются такие подонки неземного населения. Гниение и разложение представляют пищу ларвов, жизненный сок для демонов.

Когда маги и Нарайяна, помогавший им самым добросовестным образом, очутились наконец у своего хозяина и друга, они оказались окутанными столь черным и зловонным туманом, что тот чуть не задохнулся и сказал, что в первую минуту принял было их за демонов.

Нарайяна, бывший в наилучшем расположении духа, посмеялся над ним, а потом все трое отправились к источнику, выходившему из скалы и протекавшему в саду. Они влили в воду каплю бывшей во флаконе первобытной эссенции и вода тотчас сделалась голубоватой и фосфорической.

Выкупавшись в этой освежающей воде, друзья почувствовали себя окрепшими и поспешили в дом, где их ожидал хорошо сервированный ужин.

— О! Какой Лукуллов пир! Вино, фрукты, мед, яйца, масло, пирожки, молоко и даже сыр! — весело воскликнул Супрамати.

— Вы балуете нас, друг, но я сделаю честь этому обильному угощению, потому что голоден, как волк, — прибавил он, усаживаясь.

— Очевидно, ты проголодался до того, что начал говорить анахронизмы, — сказал Дахир, смеясь, — «голоден как волк», когда давно уж и волков-то не существует.

— Мы воскресим память о них, — возразил Супрамати, намазывая маслом кусок хлеба и покрывая его сыром.

Облокотившись о стол, Ренэ де ла Тур с видимым удивлением наблюдал аппетит своих гостей, евших все и похваливавших поданное.

Дахир заметил это.

— Вижу, друг, вы не ожидали, что мы будем так усердно есть. Не думаете ли вы, что мы живем только наукой и ароматами?

Де ла Тур покраснел.

— Что вы, помилуйте! Я счастлив, что вы делаете честь моему скромному угощению, но я думал... — он, видимо, подыскивал выражение, — я думал, что «маги» отвыкли от нашей грубой пищи и не переносят ее. Первые дни вы почти не прикасались ни к чему и я, признаюсь, рассчитывал главным образом на аппетит Нарайяны.

Все засмеялись.

— Я объясню вам то, что естественно удивляет вас, так как вы забываете, милый мой Ренэ, что мы, «бессмертные» — маги ли мы или нет, — все-таки остаемся людьми, — дружески ответил Супрамати. — Пока мы учимся и работаем в наших таинственных убежищах, вдали от людей, в особой атмосфере, наши материальные потребности доведены до минимума. Глоток вина, ложечка питательного порошка, окружающий нас астральный свет — всего этого достаточно для нашего питания, потому что ум, занятый отвлеченными и сложными работами, при сбережении материальных сил, должен по возможности быть освобожден от веса тела.

Но тело это ведь существует же, и наступает минута, когда плоть заявляет свои права, тогда становится необходимым обмен новых веществ. В такие эпохи мы вынуждены вернуться в мир, сходиться с обычными людьми и принимать пищу более существенную. Последние дни мы ели мало, потому что готовились к магическим действиям, требовавшим всей силы нашей воли, которую не должна была обременять тяжесть тела. В настоящую минуту, напротив, тело, истощенное духовными усилиями и

прикосновением стольких нечистых миазмов, настоятельно требует материального подкрепления. Вот откуда наш аппетит и честь, которую мы делаем вашему чудному угощению.

— О да, они окунаются с головой в действительную жизнь; они не только едят бутерброды по фунту, а намереваются даже жениться, — возразил Нарайяна.

Де ла Тур привскочил на месте и на лице его изобразилось такое недоумение и недоверие, что все, даже Супрамати, дружно рассмеялись.

— Послушайте, друг Ренэ, вы, наконец, обижаете нас. Отчего бы нам не жениться и не быть отличными мужьями! — воскликнул Дахир, притворяясь обиженным.

— Боже мой, разве я сомневаюсь в этом? Но... но представить себе двух столь необыкновенных людей, великанов знания и могущества, просто мужьями обыкновенных женщин, показалось мне чем-то странным, похожим на старые сказки, в которых добродушные боги спускались на землю, чтобы осчастливить какую-нибудь смертную, — пробормотал сконфуженный де ла Тур.

Когда стих новый взрыв веселого смеха, Супрамати добродушно ответил:

— Сравнение ваше, друг Ренэ, грешит, конечно, преувеличением, но сравнение это, вообще говоря, справедливо. В глазах заурядных, невежественных людей мы легко можем сойти за людей привилегированных и даже за «богов»; легенды и народные предания сберегли множество сказаний о таинственных героях, как, например, Лоэнгрин, которые являются неизвестно откуда, входят в людское общество, женятся на простых смертных и живут обычной жизнью, а потом исчезают, не оставляя по себе никаких следов.

Появляются тоже и таинственные женщины, как говорят, феи, которые любят смертных. Народная фантазия исказила, разукрасила и дополнила, разумеется, эти сказания; но в своей основе, в корне, рассказ всегда таит правду.

Ослепление и самодовольство *полузнания* заставляет людей пренебрежительно проходить мимо любопытных тайн, скрытых в легендах, преданиях и волшебных сказках. А между тем

то, что вчера еще казалось невероятной фантазией волшебной сказки, бледнеет сегодня перед открытиями науки, новизну которых наши современники приписывают себе. Пословица «*Ничто не ново под луной*» — совершенно справедлива. Все уже открыто, и все открытия в будущем вовсе не новы; это не что иное, как применение всегда существовавших сил, добытое уже высшей школой и известное первым наставникам мира, — в ту пору *нового*, в котором мы теперь живем и разрушение которого приближается.

На зеленеющие равнины этой молодой земли сошел некогда ученый ареопаг хранителей сокровищ науки мира угасшего. Эти знания и открытия, это знакомство с космическими законами, перенесенные как священное наследство в *новый мир*, — все это было скрыто затем в храмах и пещерах, вписано на символическом языке в священные книги, запечатанные семью печатями тайны.

Медленно, путем тяжелого труда и умерщвления плоти, ползли новые адепты народившегося мира к этой науке, скрытой и запретной для профана. Вход в этот загадочный мир знания охранялся драконом, которого надо было победить, чтобы переступить порог. Дракон этот — *тело* с его беспорядочными страстями и ненасытными желаниями. Только тот, кто обуздал «зверя» в человеке и поборол строптивую плоть, в состоянии разобрать таинственные знаки, которые медленно развертываются в астральном плане, из века в век, по мере жизни планеты.

Богатства знания, которыми чванятся современные люди, извлечены из сокровищниц угасшего мира, солнце которого восприняло отпечаток всего, что освещали его лучи...

Он замолчал и настала тишина. Всех объяло таинственное и странное величие этого прошедшего и будущего; особенно подавлен был Рене де ла Тур, с волнением слушавший проникновенные слова мага... По окончании завтрака он даже попросил разрешения удалиться, чтобы поразмыслить о всем слышанном и приготовить несколько вопросов, которые хотел задать магам.

На следующий день после обеда Нараяна объявил, что, по его мнению, пора уезжать; правосудие совершено, ничего интересного не предстояло, а оставаться здесь и вдыхать ядовитую заразу бесовского города не имело смысла.

– Но куда мы поедем? – спросил Дашир.- Мы еще не объехали вокруг света.

– Правда, но я показал вам самое интересное и нахожу благоразумным теперь вернуться в Царьград, если не воспротивится Супрамати.

– Почему же? Я сам нахожу, что пора туда возвратиться и что мы достаточно путешествовали, – спокойно ответил Супрамати, притворясь, что не замечает лукавой улыбки Нараяны. Тот расхохотался.

– Боже, как он рассудителен! Надо спешить воспользоваться таким добрым расположением. Ночью мы можем выехать.

Глава третья

После полудня следующего дня самолет Супрамати пристал к башне дворца и оба принца удалились в свои личные апартаменты. Поужинав один, Супрамати прошел в кабинет и, сев у открытого окна, углубился в не особенно приятные думы. Уже во время пути он был сосредоточен и молчалив; а теперь, среди одиночества и тишины чудного вечера, ему казалось вдвойне тяжелым, почти недостойным налагавшееся на него испытание.

Он – маг, бессмертный, аскет, привыкший в продолжение веков жить отшельником наедине с наукой, совершенно поглощенный отвлеченной работой и восхождением в высшие духовные сферы, должен играть пошлую роль влюбленного жениха, обыкновенного мужа прекрасной и невинной, конечно, девушки, но от которой его отделяла целая пропасть невежества; при этом девушки, питавшей к нему чисто земное чувство.

Что сделает он из нее в их интимной жизни? Поднять ее до себя он не в состоянии, ибо в какие-нибудь несколько лет нельзя научить таким вещам, даже смысла которых она не способна понять; а между тем ему придется заняться ею, потому что у нее будут свои права: права на его общество, на обмен мыслей, на его чувства... Как разыгрывать ему комедию пошлой любви, после того как он уже укротил, некоторым образом убил в себе чувства, и знал теперь только одну идеальную любовь духовных влечений и привязанностей?... Он забыл уж и язык-то влюбленных, язык жениха, молодого супруга; научные проблемы, сложные формулы, управлявшие стихиями, совсем заполнили его голову. Даже Нара, самая дорогая ему женщина, не играла более в его жизни роли первых дней их союза. Уступить ее другому он не желал бы, конечно, а пофлиртовать... Эта мысль вызывала улыбку на *его* лице. Она была равна ему по умственному развитию и по учености, но плотские влечения, слабости повседневной жизни для них более не существовали, не было более разногласий, которые приходилось бы улаживать, ни ошибок или обид. Нечему было более учиться. Сохранилась лишь одна взаимная поддержка очищенной, духовной привязанности; между ними царили

лишь красота и гармония, а земные волнения не переступали магического круга ясного, просветленного спокойствия или уравновешенных душ.

В предстоящем же союзе все было иначе. Предстояло иметь дело с капризами, причудами, ревностью и – как знать, – может быть, даже со ссорами, потому что девочка не станет считаться с его высоким саном мага, а будет видеть в нем только мужчину, который нравится и принадлежит ей.

Такая перспектива возбудила в нем огорчение и тревогу. Он чувствовал себя в положении человека энергичного и трезвого, который при виде пьяницы не может себе представить, как мог бы сам дойти до подобного состояния.

Супрамати порывисто встал и зашагал по комнате. Давно уже так не возмущалась ясная гладь его души, но и эта буря длилась не долго и стихла под усилием могучей воли. О! Как прав Эбрамар, говоря, что и поборов собственные страсти, трудно руководить малыми и слабыми. Легко сделаться черствым и суровым, если забыть ошибки, недостатки и слабости

своего детства. Каким же руководителем будет он впоследствии для юного вверенного ему народа, не будучи в состоянии понять волнующих его чувств? Что за педагог, который при своей учености не сумеет научить азбуке.

Нет, нет. Пропасть между ним и душами несовершенными не должна более увеличиваться; напротив, следует приблизиться к этому забытому им миру, подчиниться мудрому закону, не переставая быть магом, — стать снова обыкновенным человеком, влюбленным женихом и добрым мужем.

Супрамати вздохнул полной грудью и обеими руками откинулся на спинку кресла.

— Уф! Боюсь, что это посвящение в прошлое окажется труднее, чем управлять бурей и вызывать землетрясения, — проворчал он, полуспящий, полуозабоченно. — Все равно, надо смело и добровольно брать на себя эту обязанность и найти в ней хорошие стороны.

Все утро следующего дня Супрамати был занят с управляющими, прибывшими из разных поместий и с нетерпением ожидающими его возвращения.

За завтраком Дахир сказал ему с улыбкой:

— Заходил Нараяна, но узнав, что ты занят, поручил передать тебе, что Ольга Болотова все еще живет в своем поместье, где она вызывала Эбрамара, и если ты желаешь ее видеть, должен отправиться туда.

— Вот человек, который горит желанием непременно надеть мне петлю на шею, — заметил Супрамати. — Впрочем, я и сам решил покончить с этим и сегодня после обеда отправлюсь повидать девочку. Но после этого, надеюсь, Нараяна обратит на *тебя* свое матrimonialное рвение, — заключил он с усмешкой.

Позднее, окончив свой туалет тщательнее обычного, он подошел к большому зеркалу и в первый раз после долгого перерыва стал внимательно себя осматривать. Из груди его вырвался вздох.

Кто поверит, что *века* тяготеют над этим красивым молодым человеком, гибким и стройным, с непроницаемым загадочным выражением больших блестящих глаз, которое одно только и выдает тайну его многовекового существования; все остальное дышало силой, красотой, цветущей молодостью. Да, таким он был, он легко мог воспламенить любовью сердце молодой девушки, мог нравиться не одной женщине, да и в конце концов, ведь не несчастье же быть любимым.

Смеясь в душе над таким веским аргументом, чтобы облегчить свое испытание, Супрамати открыл ящик и вынул из него талисман в форме медальона; сделан он был из целого алмаза и представлял собою чашу, внутри которой, в самом камне, блестела, испуская споны лучей, красная капелька; медальон был увенчан золотым крестом. Эта драгоценность составляла подарок при обручении, который рыцари Граала делали своим «смертным» невестам. Если окончательное объяснение последует сегодня, то Супрамати вручит Ольге подарок.

Захватив еще букет редких цветов, он сел в маленький самолет, которым управлял сам, и направился к уединенной вилле, где жила Ольга.

После свидания с Эбрамаром молодая девушка не покидала своего убежища, несмотря на неоднократные письма тетки, которую необъяснимая замкнутость племянницы удивляла и беспокоила. Но Ольга не имела ни малейшего желания возвращаться в шумный и суетливый мир амазонок; она продолжала постить-

ся и молиться, мечтая о Супрамати, и старательно изучая книги оккультной науки, данные ей Нараяной.

Супрамати оставил свой самолет у входа в сад и медленным шагом направился к дому. На террасе, где происходило вызывание, сидела Ольга; подле нее на столе лежала открытая книга, но она не читала; откинув голову на спинку стула и скрестив на коленях руки, она мечтала, и взор ее блуждал в пространстве.

Супрамати остановился и задумчиво смотрел на нее. Она похудела и побледнела за эти недели, что он ее не видел; но теперь она казалась ему красивее. Задумчивое, грустное выражение шло ее тонким и деликатным чертам, и в своей грациозной, беспомощной позе

она была восхитительна. Простенькое платье из легкой белой материи с короткими рукавами обнажало шею и руки перламутровой белизы; густые волосы были просто заплетены в косы и одна из них свешивалась на пол. Но внимание Супрамати сосредоточилось на беловатой дымке, окутывавшей голову молодой девушки и сливавшейся с широкой полосой голубоватого и фосфорического света, который излучали устремленные в пространство глаза ее. И в этом светлом луче отражался ясный, отчетливый образ любимого человека, поработившего все ее существо.

— Вот истинная любовь, которая наполняет душу, господствует над всеми чувствами и сосредоточивает мысли на образе любимого человека; в ее ауре нет места ни для кого другого, он — альфа и омега ее желаний и надежд. Бедное дитя! Счастье и сомнение заставляют трепетать атмосферические волны твоей ауры,

— подумал Супрамати. — Увы! Так любить я уже более не могу!

— прибавил он со вздохом. — Но я постараюсь дать тебе все мимолетное счастье, каким может насладиться супруга мага.

Он решительно направился к террасе, поднялся на ступеньки ее и сказал весело:

— Здравствуйте, m-lle Ольга.

Ольга вскочила, как ужаленная, бледнея и краснея.

— Я не сплю? Вы здесь, принц Супрамати? — пробормотала она.

— Я сам и, судя по вашим мыслям, думаю, что вы рады мне,

— ответил он, улыбаясь и целуя ее ручку. Молодая девушка густо покраснела.

— Ах, вы читаете мои мысли. Как мне стыдно! Что вы подумаете обо мне, — произнесла она, смущаясь.

— Я думаю, что очень счастлив, внушив такое чистое и глубокое чувство. Я также люблю вас, Ольга, и сила вашей любви привлекла меня сюда, чтобы спросить, хотите ли вы быть моей женой, — сказал он дружески.

Ольга побелела, как ее белое платье, и от волнения прижала обе руки к груди. Не сон ли это? Или она действительно слышала слова, открывающие ей двери земного рая. Затем, уступая внезапному порыву, она опустилась на колени.

— Ах, Супрамати! Зачем спрашивать, хочу ли я быть вашей женой? Меня мучает вопрос: достойна ли я такого счастья, такого человека; я спрашиваю себя, как будете вы переносить в своей жизни такое ничтожное, глупое, невежественное создание?...

— Что вы делаете, Ольга! Теперь вы меня заставляете краснеть! — сказал Супрамати, поспешно поднимая ее и усаживая на скамейку.

Он сел около нее и продолжал, улыбаясь:

— Я люблю вас такой, какая вы в действительности, бедовая головушка; а невежество — зло поправимое.

Она подняла на него свои влажные глаза.

— Не думайте, что я не понимаю, какая бездна отделяет меня от вас, могущественного мага, ученого, необыкновенного человека, величие которого мой бедный мозг не в состоянии даже постичь.

— Разве вы любите во мне только мага? — спросил тот с лукавой улыбкой.

— Ах, нет. Для того чтобы любить мага по его заслугам, мне недостает его понимания. Знаю одно, что я — ничтожество перед вами и однако люблю вас больше жизни. О! Супрамати, я готова всегда молчать и во всем подчиняться; счастье быть всегда около вас — венец всех моих желаний, а если вы полюбите меня хотя бы как свою собаку, которую я видела во дворце, то я буду счастлива и признательна.

От волнения голос ее дрожал и по бледным щекам катились слезы. Взволнованный и растроганный, Супрамати привлек ее к себе и поцеловал в губы.

— Вы слишком скромны, очаровательная моя невеста, и я вовсе не думаю любить свою жену, как люблю собаку. Я буду любить ее, как доброго ангела моего очага, как друга. Вы ошибаетесь, Ольга, думая, что только вы получите что-то от меня; вы также многое дадите мне. Прежде всего — снисхождение и много снисхождения, ибо я очень удалился от земли,

будучи поглощен наукой в строгом уединении. Любовь ваша должна ввести меня снова в круг моих земных братьев, вновь научить понимать их чувства, желания и горести; особенно научите меня не судить строго тех, которые меньше моего сумели побороть свои слабости. Словом, милая моя, я хочу отложить в сторону науку мага, чтобы быть только человеком, со всеми его радостями и желаниями. Я постараюсь сделать вас счастливой, моя Ольга, и если случится, что я вдруг стану больше магом, чем добрым мужем, вы меня образумьте, — закончил он шутя.

— А как я хотела бы забыть мага и видеть только обаятельного человека! — восторженно сказала Ольга. — Но делать вам замечания, наверно, никогда не осмелюсь, — прибавила она грустно.

— Будем надеяться, что такая смелость найдется в вас, — заметил Супрамати, смеясь. — А теперь, дорогая моя, позвольте предложить вам мой подарок. Этот талисман оградит вас от врагов, из которых самый опасный — Хирам; он питает к вам нечистую страсть и будет вас преследовать. Следует опасаться расставленных им западней; но я научу вас, как надо действовать.

— Ну, под вашим покровительством я не боюсь самого ада, — ответила горячо молодая девушка, с любопытством рассматривая полученную драгоценную вещицу.

— Какая странная вещь; а каково ее значение? Вы говорили, что это талисман? — спросила она.

— Я член одного братства ученых и каждый из нас имеет право дарить своей невесте такой драгоценный талисман, имеющий свойство развивать ее духовные способности и ограждать ее от нечистых сил, — ответил Супрамати.

— Боже, как это интересно! А не братство ли это рыцарей Граала? — лукаво спросила она.

— Возможно, — ответил, улыбаясь, Супрамати. — Но, милая моя, первая добродетель супруги мага состоит в том, чтобы никогда не спрашивать, что и почему, а быть скромной, то есть победить две величайшие женские слабости: любопытство и болтливость.

Ольга покраснела, сделала маленькую гримаску, но ответила добродушно.

— Боже мой! Как трудно с достоинством играть роль супруги мага. Конечно, я буду помнить, что не должна быть любопытной, а взамен того скрытной или немой, как рыба, но, но... — Она положила свою хорошенюю головку на плечо жениха.

— Не стоит молчать, раз вы читаете мои мысли. Дорогой Супрамати, мне все-таки будет очень тяжело, если никто из амазонок не узнает, что я выхожу не просто за принца, прекрасного, как бог, богатого, как Крез, словом, за настоящего сказочного принца, но еще и за мага!

Супрамати от души расхохотался.

— Милая моя Ольга, вы в нескольких словах нагромоздили целую гору нечистых чувств: суетную гордость, ясную привязанность к земным благам и еще мелочное тщеславие перед вашими подругами, амazonками.

— Нет, нет, никто ничего не узнает, я буду покорна. Но я так счастлива, что хотела бы величаться этим и кричать о моем счастье во все концы света! — восхлинула Ольга и в красивых влажных глазах ее светилась такая лучезарная, наивная радость, что снова растроганный веселый Супрамати привлек ее к себе и поцеловал.

— Во всяком случае, ничто не мешает объявить о нашей помолвке. Возвращайтесь завтра же к вашей тетке и объявите ей, что выходите замуж; я тоже приеду к ней и мы назначим день свадьбы. А чтобы удовлетворить ваше тщеславное сердечко, мы устроим пышную свадьбу в вашей церкви, так как вы — православная; я же, хотя и горячо верующий христианин, но не принадлежу ни к какой церкви.

— А потом, когда мы поженимся, не устроить ли большой вечер или обед в вашем прекрасном дворце, который всех так интересует? — спросила Ольга, волнуемая чувствами скромности, неловкости и беспокойства.

— Я не вижу препятствий. Мы дадим и большой бал, и обед, — ответил Супрамати

добродушно, но с некоторой иронией, которой не заметила радостная и довольная девушка.

Поговорив еще и отужинав вместе на террасе, он простился и уехал.

Едучи домой, он обдумывал случившееся и нашел, что, благодаря деликатной и сдержанной натуре невесты, он довольно сносно вошел в роль жениха, а впредь можно было надеяться добротой и тихой привязанностью заменить любовь и страсть.

В своем кабинете он застал за книгой ожидавшего его Даира.

– Ну, милый друг, поздравлять тебя или сожалеть? – спросил тот, смеясь и пожимая ему руку.

– И то и другое, – усмехаясь, ответил Супрамати. – Я счастливый жених и намереваюсь отпраздновать свадьбу большим обедом и балом. Видишь, сколько мне предстоит удовольствий, не считая приятностей второго сорта, в виде свадебных визитов, поздравлений, родственных объятий и соперничества достойного Хирама.

– Клянусь бородой, я начал бы завидовать тебе, если бы то же счастье не грозило мне в будущем. Эбрамар, очевидно, решил переженить всю коллегию магов. Только тебе, по крайней мере, удалось найти обожающую тебя душу, тогда как в меня никто не влюблен и из всех встреченных мною женщин ни одна мне не нравится.

– Ты очень требователен, Даир, и обнаруживаешь слишком много равнодушия к прекрасному полу. А вот для того, чтобы наказать Эбрамара за его выдумки, пусть-ка он сам сыщет тебе подходящую жену, – шутил Супрамати. – Или, еще лучше, сделайся снова легендарным «странствующим голландцем», садись на свой призрачный корабль, летай по всем странам да ищи достойную тебя молодую красавицу.

Оба смеялись.

– Шутки в сторону, брат, – заметил Даир со вздохом, – вся эта история вовсе не забавна. Когда прожил мафусаилов век, жениться на какой-нибудь вертушке – это каторжная работа. Может быть, система нашего учителя Эбрамара, чтобы привязать нашу душу к земле, правильна. Но сам способ этот довольно колюч, когда отвыкнешь от роли влюбленного! Эбрамару следовало бы показать нам пример и жениться самому.

– Жди этого, когда мы будем на новой планете. Там мы все вместе создадим расу полубогов, а пока Эбрамар обязан найти тебе жену. Это самое легкое наказание ему за то, что он вводит в грех сладострастия своих учеников, – заключил, смеясь, Супрамати.

Продолжая беседовать, молодые люди вышли на любимую террасу Супрамати и улеглись в гамаках.

Вдруг Супрамати порывисто привстал. До его тонкого слуха долетела гармоническая вибрация, тихая, как воздушная музыка, а на фоне темного неба, – так как наступила уже мрачная южная ночь, – засверкали, точно ракеты, искры.

– Эбрамар! – вскрикнул Даир, выскачивая из гамака и указывая на появившееся беловатое облако, которое неслось к нему с быстротою падающей звезды.

Через несколько мгновений облако опустилось на террасу, уплотнилось, музыка стихла, пар рассеялся, и появился Эбрамар – красивый и улыбающийся, как всегда приветливый и окруженный светлым ореолом.

Молодые люди радостно встретили его.

– Вот, заговоришь о солнце, а оно тут как тут, – воскликнул Супрамати.

– Льстец! – возразил Эбрамар, улыбаясь. – Но я должен сказать вам, друзья мои, что слышал вашу критику и знаю про ваш заговор относительно меня, а потому и пришел побеседовать с вами. Ну, хвалить мне вас не за что. Увы! Ваше себялюбивое «совершенство» дало плоды. То, что некогда было бы верхом счастья, как, например, обладание молодой, добродетельной, любящей женщиной, теперь кажется вам невыносимым бременем; обязанность воспитывать и совершенствовать молодую душу, учиться вновь, при ее посредстве понимать чувства и нужды существ, менее вас дисциплинированных, кажется вам скучной и противной работой. Господа маги, изволите ли видеть, боятся малейшего нарушения своих привычек, всякой помехи в их созерцании; они желали бы обхехать современный мир в качестве любопытных туристов, питая горделивое сознание, что могут

отвернуться от него, когда вздумается. Кроме того, им известно, что они – неуязвимы: ни стихии, ни ненависть и страсти людские вредить им не могут, а тщеславие им чуждо и богатства завоевывать им не к чему! Одним словом, вы желали бы окаменеть в вашем покое и ясном благосостоянии? Это, друзья мои и ученики, было бы непоправимой ошибкой для вас и несчастием для тех, кем вам предстоит в будущем руководить.

Нет, нет, дети мои. Волей-неволей, а настал момент потревожить ваше неизменное спокойствие и встряхнуть эгоизм вашего превосходства. Подобно тому, как родители должны знать сердце своих детей, чтобы понимать, извинять и прощать ошибки против буквы закона, совершенные по слабости плоти, но в которых душа не так виновна; равным образом и законодатель должен знать и понимать каждый изгиб человеческого сердца, дабы соразмерить вводимый им устав с пониманием тех, к кому он применяется.

Чем совершеннее люди, тем многочисленнее и сложнее могут быть законы; чем проще индивидуум, тем проще и точнее должен быть закон, дабы человек понял его и мог справедливо применить его. Но особенно остерегайтесь облекаться в броню себялюбивого равнодушия; истинные сыны Божий, небесные посланники, приходившие в мир проповедовать истину, всегда смешивались с людьми и делили их скорби. Например, Христна. Он покинул богатство и величие, чтобы сойтись с бедными, смиренными, несчастными; по божественному милосердию своему, он взял на себя все их страдания, познав голод и жажду, усталость, унижение, преследование сильных; все перенес он безропотно до самой смерти, которой казнили его враги. Никогда не прибегал он к тому ужасающему могуществу, которым обладал, чтобы устранить тернии со своего пути; он – чья воля могла вырыть бездну под ногами врагов и ввергнуть их туда, как кучу муравьев, – он с терпением сносил их несправедливые гонения и дал распять себя; а ведь ему стоило только пожелать, чтобы подняться ввысь, избавиться от их жестокости и поразить их смертью. Чудеса делал он только для других, никогда для себя. Да и к гонителям своим он питал лишь жалость и милосердие; он плакал над ожидавшими человечество бедствиями, и в этом полном забвении самого себя заключается его истинно божественное величие.

А вы, дети мои, пролили ли вы уже хотя бы одну искреннюю слезу над злоключениями и страшными страданиями, которые постигнут мир? Нет, потому что вы чувствуете себя вполне от них огражденными, даже обеспеченными на случай смерти планеты, благодаря тому, что милосердная судьба предназначила для вашего пребывания новый мир. Подумайте обо всем этом, друзья, и постигнув науку разума, поработайте над наукой сердца.

По мере того как говорил Эбрамар, краска стыда залила лица обоих ученых и они опустили головы.

Да, учитель был прав. Никогда не чувствовали они так ясно, как в эту минуту, своего превосходства в отношении науки и несовершенства с другой точки зрения. Потом вдруг, точно движимые одной и той же мыслью, оба подошли к Эбрамару и взяли его за руки.

– Благодарю тебя, учитель, за твое строгое и справедливое слово; мы вполне заслужили его, – сказал Супрамати тихим голосом, – Несмотря на звезду мага, мы просто тщеславные эгоисты, которые сами нуждаются в воспитании, прежде чем перевоспитывать других. Но я обещаю тебе употребить все усилия для того, чтобы победить себялюбие и сделаться достойным возлагаемого Богом долга.

– Верю вам, милые мои ученики, и нисколько не боюсь за будущее, потому что, когда опасность известна, она тем самым наполовину уже избегнута.

Итак, не будете более стонать, не правда ли? Вы весело примете легкое и не лишенное приятности налагаемое на вас испытание.

– Да, да, учитель, мы принимаем его охотно и сделаемся истинно современными людьми, не забывая в то же время освещющую наш путь звезду мага, – весело проговорил Дахир. – Одно вот: если бы ты, учитель, пожелал мне помочь чуточку в моем выборе. Ни одна из знакомых женщин не внушила мне симпатии и не кажется способной к роли моей жены. Они так пошлы и материалистичны, и между тем моя жена должна бы быть чистой душою и телом, чтобы не обременять меня своими излучениями.

— Ты прав, Дахир, и раз Супрамати, в наказание моих умствований за чужой счет присудил меня найти тебе жену, я укажу молодую девушку, которая, надеюсь, тебе понравится. Я считаю ее способной помочь тебе, в изучении человеческих сердец и горестей людских, — произнес Эбрамар шутя.

— Ах! Благодарю тебя, учитель. А когда это будет? В Царьграде живет она? — спросил Дахир.

— Нет, друг мой, подальше. Но ведь для нас расстояние так мало значит, что я сейчас же отвезу тебя к ней, конечно, так, чтобы она не видела тебя. Ты скажешь мне откровенно, одобряешь ли мой выбор.

Спустя четверть часа легкий воздушный экипаж мчал их. Эбрамар правил рулем. С быстротой птицы летели они, и под ними расстипалось сперва море, а потом показался возвышенный берег, местами голый и скалистый, местами же покрытый роскошной растительностью.

— Кажется, я узнаю, где мы находимся. Неподалеку отсюда, в подземной пещере, должно быть филиальное отделение нашего братства Грааля; я был там не один раз, — вскричал Дахир.

— Ты прав и меня радует правильность твоего взгляда, — сказал Эбрамар с улыбкой. — Притом мы уже достигаем нашей цели, — прибавил он.

Он поднял руку, начертал ею в воздухе каббалистический знак, произнес формулу и, сделавшись невидимым для глаз профана, воздушный экипаж быстро опустился на землю.

В этом месте берег образовал глубокую бухту. На краю высокого утеса стояло здание, окруженное садом. Это была роскошная вилла, чрезвычайно богатая, с воздушными башенками, галереями и колоннадами. Среди темной зелени, при свете луны, сверкали брызги и снопы фонтанов, выглядывали белые статуи. К одной из галерей прилегала большая терраса, окруженная точеными перилами, и широкая мраморная лестница спускалась к морю.

Воздушный экипаж замер на уровне этой террасы, и Дахир обратил внимание на кушетку, поставленную неподалеку от балюстрады. Там, на красных шелковых подушках, лежала молодая девушка лет семнадцати. На ней был широкий белый капот из мягкой шелковой материи, украшенный кружевами и вышивкой.

Это было очаровательное создание, хрупкое и воздушное, как мотылек; густые светлокаштановые с золотистым отливом волосы обрамляли бледное, исхудалое лицо, а в больших темно-сапфировых глазах, устремленных на луну, застыло грустно-унылое выражение.

— Она прекрасна, как мечта, но... это умирающий человек, — проговорил Дахир неуверенно, любуясь девушкой.

— Правда, но разве у тебя нет силы излечить ее? Бессильна лишь «официальная» слепая наука, потому что она не может найти истинной причины недуга. Но взгляни на хрустальную чистоту окружающих ее флюидов. Душа этой девушки — необработанный алмаз, который ждет только искусного ювелира и тогда он ярко заблестит огнем. Уже теперь видно, как пробивается и блестит этот свет сквозь кожу, а душа, хоть и не озаренная пока знанием, уже обладает той силой, той верой, которая выращивает крылья. Посмотри теперь на отражение ее прошлого.

— А! Цирк, звери, а она... она была *мученицей*? — прошептал Дахир в волнении.

— Да, она умерла за веру. Это — душа восторженная, жаждущая высшего знания, но пока только инстинктивно, ибо, воплотившись в атеистической семье, где единственный бог — золото, она бессознательно стремится сама не зная к чему, как музыкант, ищущий мелодию, которую будто бы слышал и не может схватить ее. Внутренний огонь пожирает хрупкую оболочку.

Теперь, если ты одобряешь мой выбор, исцели это юное создание, верни ему Бога, которого от него скрыли. Девушка эта полюбит тебя, и если ты пожелаешь сделаться простым незнакомцем, другом бедных, она поможет тебе облегчить чужие несчастья, ибо

близок гнев Божий! В этой человеколюбивой работе, которая снова объединит тебя с людьми, ты забудешь свою светозарную тунику мага, а около тебя распустится прекрасный оживший цветок, который ты спасешь, руководя и воспитывая его.

В прекрасных чистых глазах Даира вспыхнул, подобно молнии, светлый луч, и он крепко пожал руку Эбрамара.

— Благодарю, учитель. Я понимаю значение и величие этого нового вида испытания, налагаемого на меня, и принимаю его с благодарностью. Довольно знания и магического могущества, пора дать работу сердцу и снова стать человеком в самом лучшем значении этого понятия.

— Значит, ты согласен взять в жены эту девушку?

— Да, учитель.

— Хорошо. Каким способом ты будешь лечить ее, каким путем познакомишься с нею — зависит вполне от тебя, а если ты подбавишь к этому чуточку романтизма, это дела не испортит, — сказал Эбрамар, улыбаясь.

Глава четвертая

Как было условлено, Ольга Болотова на другой день вернулась к тете, и весть, что она выходит за интересного принца Супрамати, произвела большое волнение между прекрасными амазонками. Немало появилось явных и тайных завистниц.

Царица амazonок с распростертыми объятиями приняла будущего родственника и ради официальной помолвки устроила пышное торжество, свадьбу же назначили через три недели.

В день этого большого вечера утром Нарайяна прибыл с подарками для будущей кузине и передал от Супрамати также футляр с фермуаром из бриллиантов и сапфиров необыкновенной красоты. Этот прямо «царский» подарок, баснословной цены при этом, вызвал бурю восхищения и зависти между подругами Ольги, завтракавшими у нее. Когда утихло первое волнение, внимание дам перешло на Нарайяну, который объявил, что голоден, и тоже уселся за стол. Толпа молоденьких и хорошенеких амазонок окружила его, уговаривала чаем, пирожками, вареньем и флиртовала.

— Ах, принц! Почему вы также не женитесь? Отчего бы вам не осчастливить какую-нибудь женщину, — убеждала красивая, пикантная и кокетливая брюнетка, бросая на него зажигательный взгляд.

— Я не женюсь именно потому, что не хочу сделать женщину несчастной. Вам известно, mesdames, что я — мотылек, а кто видел когда-нибудь женатого мотылька? Он может жить не иначе, как порхая с цветка на цветок, — отвечал Нарайяна, лукаво улыбаясь.

Все посмеялись, а когда позднее молодые девушки разошлись по своим делам и Нарайяна остался один с Ольгой, он молча наблюдал за нею.

Розовая и сияющая счастьем, она в двадцатый раз перечитывала записку Супрамати, присланную при подарке. Видя ее такой прекрасной, оживленной и счастливой, Нарайяна почувствовал жалость. Скоро огонь мага сожжет этот нежный цветок и прелестная головка поникнет, пораженная смертью.

Он вздохнул, но в эту минуту Ольга сложила письмо и сказала:

— О, как он добр и великодушен, и как я счастлива! Тотчас на губах Нарайяны явилась лукавая усмешка.

— Однако и он на несчастье жаловаться не может, готовясь назвать своей такую красоту и прелесть, а между тем... прекрасная Ольга, не увлекайтесь слишком своими иллюзиями. Несмотря на все свои добродетели и качества, мой милый двоюродный брат имеет один большой недостаток: он — *святой*. Им можно восхищаться, обожать его, молиться ему, все это он примет благосклонно, но сам любить, как любим мы, грешные, он не умеет, и я предвижу, что вы не одну слезу прольете на алтарь «святого», который не поймет вас.

— Молчите, злюка. Я отлично понимаю, насколько недостойна его, но он будет добр ко

мне и я буду около него, а большего я не желаю.

— Ладно, ладно! Скромны женщины бывают только в невестах, — насмешливо заметил Нарайяна.

Ольга покраснела и, наклонившись к нему, ответила недовольным тоном:

— Да, когда дело касается не магов, а заурядных мужей, вроде вас, например, который обманывает жену, как только она отвернется! Как вы ни красивы, а за вас я ни за что не пошла бы, и, кроме того, потому, что вы «бессмертны». Муж — «бессмертный», по части измен, это несчастье для любящей жены. Я предпочитаю лучше *святого*.

Нарайяна от души расхохотался.

— Благодарю за откровенность. Однако, будьте осторожны, будущая магиня: ведь вы этак громогласно раскрываете государственные тайны. А теперь помиримся и останемся добрыми друзьями; никто более меня не желает вам счаствия с вашим «святым».

Следовавшее время было для молодой девушки действительно счастьем без всякой помехи. Каждый день видела она своего жениха, а его доброта и чудные подарки, осыпать которыми ему доставляло удовольствие, тоже свидетельствовали, казалось, о его чувствах.

Одна капля желчи упала в чашу ее радости. Это была встреча с Хирамом. Тот повстречался, когда она возвращалась после прогулки с Супрамати, и леденящая дрожь пронизала ее тело, при виде его сверкающего взгляда с выражением дикой страсти и непримиримой вражды.

Когда она рассказала Супрамати о своем впечатлении от этой встречи, он посоветовал ей никогда не снимать данный ей талисман и научил, как пользоваться им для защиты в случае, если бы сатанист осмелился открыто напасть на нее.

Молодая девушка успокоилась. Она слепо верила в силу талисмана и уже заметила, что чувства ее непонятным образом развились с тех пор, как она его носила. При приближении к ней разных лиц она ощущала то приятный, то зловонный запах, а по телу проходил ток то теплый, то ледяной. Она заметила также, что приближение Супрамати всегда сопровождалось теплым влиянием, чудным ароматом и гармоничными, похожими на тихое пение, вибрациями.

При встрече же с сатанистом она вздрогнула под исходившим от него ледяным веянием, дыхание ее затруднялось и голова кружилась от резких и несвязных звуков, потрясавших каждый фибр ее существа.

Дней через десять после ее обручения был концерт и прием во дворце амазонок, но Ольга потихоньку ушла к себе. Торжество не привлекало ее, потому что Супрамати не было; он заезжал утром, а вечером его удерживало дело. Со времени обручения, если жених отсутствовал, Ольга предпочитала быть одна; все ее существо было так переполнено им, что она избегала толпы и шума.

Во дворце амазонок она занимала помещение из спальни и залы с террасой. Терраса была украшена редкими цветами; высокая золоченая бронзовая решетка, покрытая вьющимися растениями, отделяла ее от сада, а разбросанная в зелени легкая мебель манила к отдыху. Зала с розовой, серебром отделанной мебелью, была изящна и роскошна; розовая лампа заливала сверху мягким полусветом принесенный накануне большой портрет Супрамати. Молодая девушка выпросила у жениха его портрет для того, — говорила она, — чтобы иметь его перед собою и тогда, когда его не было с нею; и тот пообещал прислать портрет, снятый, когда он был много моложе.

Спокойно усевшись в мягкое кресло перед портретом, Ольга пристально смотрела на дорогой образ и ей казалось, что прекрасные выразительные черты Супрамати оживлялись, и большие глаза его смотрели на нее точно живые.

Вдруг по комнате пронесся порыв ледяного ветра, от которого Ольга вздрогнула в своем легком вечернем платье с открытой шеей и руками. В то же время раздался треск, сопровождаемый стоном, похожим на отдаленное рычание животного.

Испуганная девушка выпрямилась, ища глазами причину шума, а порывы ледяного ветра все носились по комнате; как вдруг розовая, затканная серебром портьера, отделявшая

залу от террасы, откинулась и на пороге появился Хирам.

Он был мертвенно бледен, черты лица искажены, а в черных, горевших, как угли, глазах отражались все его нечистые страсти.

– Что это значит, милостивый государь? Разве вы забыли, что вход в наши частные помещения запрещен мужчинам без разрешения нашей председательницы? – спросила Ольга, смерив его гордым, ледяным, взглядом.

– Я хотел видеть вас, – ответил мрачно Хирам.

– Говорить со мною желающие могут в приемных залах. Здесь вам нечего делать и вы не смеете меня беспокоить. Потрудитесь сейчас же уйти.

Насмешливая и злобная усмешка скривила лицо Хирама.

– Я пришел сюда по праву любви и не уйду, пока мы не объяснимся. Вы знаете, я люблю вас и, пока я жив, вы не будете принадлежать другому. Поэтому я пришел спросить, правда ли то, о чем говорит весь город, будто вы обручились с этим индусским проходимцем, который – не что иное, как жалкий колдун и...

– Довольно! – оборвала его Ольга, вся вспыхнув и делая к нему шаг. – Это невероятная с вашей стороны дерзость. Вы не опекун, не родственник, чтобы являться ко мне с предписаниями и замечаниями. Я вольна выйти за кого хочу. Берегитесь поносить и порочить человека, имеющего власть раздавить вас, как червяка. Да, я – невеста принца Супрамати, которого люблю всей душой и скоро буду его женой; ваша же страсть, наоборот, внушиает мне лишь одно отвращение – я ненавижу вас. Понимаете вы?! А теперь, когда вы слышали это от меня самой, ступайте прочь!

Хирам разразился каким-то шипящим смехом.

– В самом деле, вы выгоняете меня, красавица моя, да еще так грубо? Но я, видите ли, еще не считаю себя побежденным и рассчитываю помериться силами с вашим авантюристом. Вот мы

поборемся сперва, а потом увидим, кто выиграет ставку – прекрасную невесту – он или я.

Быстрым движением он выхватил из кармана блестящий шарик и стал вертеть его перед глазами Ольги.

Молодая девушка откинулась назад, точно от удара по голове. Удушливое зловоние, внезапно распространившееся по комнате, душило ее. Однако она не потеряла сознания и, вспомнив вдруг про подарок Супрамати, сорвала с шеи цепочку и подняла руку с таинственным талисманом.

Пурпуровая капелька, заключенная в чаше, тотчас же вспыхнула. Из талисмана посыпался как будто дождь золотистых искр, а комната наполнилась мягким, живительным ароматом.

Хирам зарычал, как бешеный, и стал корчиться под падавшими на него золотистыми каплями, словно этот светлый дождь его жег. Шарик его погас, из него повалил черный дым, а потом он с треском рассыпался на множество черных шариков, которые тоже мгновенно лопались, и из них высакивали тучи мелких животных: жаб, ящериц, змей, крыс, мышей и т.д. Вся эта нечисть с минуту крутилась в пространстве, потом с криком и писком посыпалась на пол, а затем бросилась на Хирама. С отчаянными криками и угрозами Ольге отбивался Хирам от мерзкой своры, ожесточенно нападавшей на него.

В эту минуту в одном из углов загорелся красный свет, становившийся все ярче; раздался зловещий треск, и на этом огненно-кровавом фоне обрисовалась вдруг приземистая фигура человека в черном с вилами в руке.

Не замечая, по-видимому, Ольги, он поднял свои вилы, начертав ими в воздухе огненный треугольник. В ту же минуту бесовская стая исчезла и Хирам упал; но неизвестный разом принудил его встать. Красный свет затем угас и оба они исчезли на террасе.

Был ли это демон, или просто брат-сатанист высшего разряда, пришедший на помощь председателю ложи Люцифера, молодая девушка не могла дать себе отчета; она была в

совершенном изнеможении. Голова ее кружилась, почва, казалось, упывала из-под ног и, наконец, она потеряла сознание, судорожно прижав к груди талисман-покровитель. Открыв глаза, она увидала себя на постели; падавший с потолка голубоватый свет большой лампы озарял высокую фигуру Супрамати, склонившегося над ней и державшего руку на ее голове.

– О, как было страшно! Хирام хотел убить меня или околдовать! – воскликнула Ольга, стремительно поднимаясь.

– Ба! Ты видишь, что стоило только оказать ему должное сопротивление и он обратился в бегство, – ответил принц с улыбкой. – Поздравляю тебя, милая моя невеста, ты прекрасно обронялась. Я мог бы, конечно, предупредить нападение этого мерзавца и раньше прийти к тебе на помощь; но мне хотелось, чтобы ты приучилась защищаться самостоятельно, так как нападения Хирата только начинаются. Он не отступит после первого поражения; а ведь ад крайне изобретателен. Теперь успокойся, спи и выпей вот это.

Он подал ей крошечный хрустальный флакон с золотой пробкой, наполненный розоватой жидкостью, и молодая девушка покорно выпила. С минуту еще ощущала она на лбу прикосновение тонких пальцев мага, а затем уснула глубоким, укрепляющим сном.

Наступил чудный теплый осенний вечер; солнце садилось и легкий ветерок с моря навевал приятную прохладу. На террасе виллы, которую за несколько дней перед тем посетили Эбрамар и Даир, на той же кушетке лежала юная больная. Она была еще бледнее, и ручки ее нервно играли опоясывавшей талию лентой; глубокое волнение, – не то гнетущая тоска, не то отчаяние – отражалось на ее впечатлительном лице. В нескольких шагах от нее сидела старая дама, сухая и строгая; она читала унылым тоном описание какого-то путешествия.

– Вы не слышите, мисс Эдита; может быть, вы устали? – остановилась вдруг лекариса, и ее тощее лицо отразило плохо скрываемое неудовольствие.

– Да, дорогая мисс Харриет, у меня болит голова и я попробую уснуть: во всяком случае покой и тишина облегчат меня. Подите прогуляться, вы свободны на весь вечер; а если мне что-нибудь понадобится, я позвоню Мэри.

По уходе компаньонки молодая девушка порывисто встала и прошлась несколько раз по террасе, но, видимо утомившись, снова села, закрыла лицо руками, и на тонких пальцах ее сверкнуло несколько слезинок.

Эдита была американка, единственная дочь миллиардера Даниэля Диксона; матери она лишилась вскоре после рождения и выросла на руках гувернанток. Диксон не женился вторично, совершенно поглощенный делами и своим колоссальным богатством, да и ребенком он не имел времени заниматься, хотя очень любил дочь и не жалел денег на ее воспитание и удовольствия. Девочка росла среди царственной роскоши, балованная и обожаемая всеми окружавшими ее; нужна была вся врожденная доброта и чистота Эдиты, чтобы не испортиться обильно расточаемой лестью, при полной к тому же свободе. До пятнадцати лет девушка обладала хорошим здоровьем, хотя была нервна и хрупка, но не в такой степени, чтобы вызывать опасения.

Совершенно внезапно надвинулась на нее какая-то непонятная болезнь; началось медленное, правда, но настойчивое увядание, осложненное сердечными приступами и изнурительным кашлем. Это еще не была чахотка, но – по мнению врачей – должно было окончиться ею, если странная, не поддающаяся никакому лечению болезнь не унесет ее раньше, чем успеет появиться туберкулез. В совершенном отчаянии Диксон советовался со всеми светилами науки, но все усилия были тщетны. Эдита таяла, как воск на солнце, и видно было, что смерть уже наложила свою холодную руку на юную жертву.

Приехав в Европу по делам и особенно для лечения Эдиты, Диксон случайно увидел эту виллу; а так как она очень понравилась молодой девушке, то он поспешил купить ее и подарил дочери.

В это утро приезжал знаменитый врач. Он продолжительно осматривал Эдиту и весело посулил ей скорое выздоровление, но молодая девушка утратила доверие и, пробравшись к окну кабинета отца, подслушала его разговор с доктором.

— Так вы требуете от меня правды, мистер Диксон? В таком случае я обязан сказать вам, что нет ни малейшей надежды спасти вашу дочь. Мы все испробовали, а изнурительная, съедающая ее болезнь не поддается; жизнь угасает в молодом организме с изумляющей нас быстротой, и мы совершенно бессильны. Прибавлю одно, что бесполезно ее мучить лекарствами и разными стеснениями; пусть она делает, что хочет.

— Это невозможно! Должна же наука найти средства вылечить такое юное существо. Я обещаю вам, доктор, миллионы, по числу лет Эдиты, только спасите ее! — в отчаянии вскрикнул банкир.

— Одно только чудо может спасти ее! — грустным, безнадежным тоном ответил доктор.

Услыхав, что говорившие встали, Эдита скрылась. Сердце ее сжалось от боли, и она заперлась в своей комнате.

Значит, она приговорена, должна умереть, если не спасет ее *чудо*. Умереть?... Нет, нет, она не хотела умирать, никогда жизнь не казалась ей столь прекрасной... А что такое значит — «*чудо*»?... Что это за странная и таинственная сила, могущая совершить то, чего не способны сделать ни золото, ни наука?

Она читала рассказы о древних чудесах, но не придавала этому никакого значения, потому что не имела в себе веры. Отец ее — атеист и материалист — не верил ни в Бога, ни в черта, поклонялся одному золоту, да и вообще никто не говорил молодой девушке о Боге и о той живительной вере, которая создает связь между Создателем и Его творением. Но теперь страх смерти приковал ее внимание к слову «*чудо*». А может быть, оно действительно существует? Как, однако, найти эту неведомую силу, как заставить ее действовать?

За обедом она неожиданно спросила мистера Диксона.

— Кто творит чудеса, отец, и каким образом?

Банкир с удивлением и подозрительно взглянул на нее.

— Чудес не существует, дитя мое, это бабы сказки. В прежние времена, когда люди были невежественны и ограниченны, они везде и во всем видели чудеса, не понимая что «*чудо*», будучи нарушением законов природы, вещь сама по себе невозможная. Единственный еще чудотворец в наше время — это *доллар*,

— ответил он с улыбкой.

Такой ответ не удовлетворил Эдиту. Но лихорадочное возбуждение, волновавшее ее с самого утра, вызвало тяжелое сердцебиение; невыразимая тоска овладела ею и у нее выступил ледяной пот. Не смерть ли это идет? А как сыскать «*чудо*», которое могло бы ее спасти, она не знала...

Мозг ее лихорадочно работал, и вдруг вспомнилась ей старая, набожная и верующая няня, ходившая за ней в детстве. Женщина эта любила и жалела ребенка, у которого так много золота и ничего, что укрепляло бы душу; она же научила девочку: «отец наш, который на небесах», а Эдита не забыла эту молитву и иногда читала ее потихоньку, чтобы ее не подняли на смех. В эту минуту душевной скорби она вспомнила старую Жанну и ее привычку обращаться за советом к Евангелию, которое, по ее уверению, отвечало всегда и на все ее вопросы. Умирая, она оставила свое Евангелие Эдите и та берегла старую книгу, как драгоценное воспоминание о своей няне, которую чрезвычайно любила.

Мэри, пришедшая спросить, не желает ли она лечь, так как было уже поздно, нарушила размышления Эдиты; но она отпустила горничную, сказав, чтобы ее не беспокоили, пока она не позвонит, и приказала только зажечь лампу на ее столе да подать указанную ею шкатулку.

В ней хранилось Евангелие Жанны. Дрожащими руками она открыла книгу и пальцы ее упали на стихи, где говорилось об исцелении слепых:

«Когда же Он пришел в дом, слепцы приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: верим, Господи! — Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их»...

Бедная Эдита вздрогнула, закрыла глаза и выпустила книгу. Луч света пронизал ее мозг с почти болезненной остротой.

Вот он, путь к чуду — это *вера*, та великая вера, о которой говорил Иисус. Она одна

могла вызвать эту целительную, обновляющую силу, не зависящую ни от золота, ни от науки, но единственно от Небесного Отца, Который дыханием Своим одушевляет те самые creation, что отрицают или поносят Его.

Эдита подняла Евангелие и стала перелистывать. С проснувшейся верой и восторженным умилением прочла она рассказ о последних днях Христа, смерти Его и воскресении. Что-то удивительное совершилось в ее душе, а рассказ евангелиста показался ей знакомым. Невыразимое чувство любви и благодарности к Спасителю наполняло ее душу, и она готова была умереть за Него.

Поцеловав и закрыв книгу, она погасила лампу и погрузилась в свои думы; потом вдруг она опустилась на колени и, скрестив руки, подняла глаза к звездному небу, шепча в порыве восторженной веры:

— Я хочу верить, хочу молиться!

И затем полилась единственная знакомая молитва «Отец наш, Который на небесах».

Слезы катились по ее щекам, сильный жар разливался по телу и явилось непреодолимое желание причаститься. Но как сделать это? Отец будет смеяться над нею и не позволит...

— Милосердный Иисус, помоги мне закрепить мою новую веру божественную Кровию Твою, — восторженно шептала она.

В эту минуту ей послышались шаги на лестнице. Она вскочила в испуге и широко раскрытыми глазами смотрела на человека, появившегося на террасе.

Взошедшая луна отчетливо освещала высокую стройную фигуру незнакомца в белоснежном плаще. Серебряный крылатый шлем покрывал его голову, а бледное лицо, спокойное и строгое, озаряли большие темные глаза, блеск которых трудно было вынести.

Незнакомец остановился в двух шагах от Эдиты.

— Твой призыв услышен, — произнес он гармоничным, но глуховатым голосом. — Ты примешь Кровь Христа, если доверишься мне и последуешь за мною.

Как очарованная, пристально смотрела на него Эдита и ей казалось, что она никогда не видела такой красоты.

— Ты — посланник небесный, приносящий мне ответ на мой призыв к Богу? — с дрожью спросила она. — Куда должна я следовать за тобою?

Чуть заметная улыбка мелькнула на губах незнакомца. Не отвечая на вопрос, он развернул белый, подобный бывшему на нем, плащ, завернул в него молодую девушку, накинул ей на голову капюшон, взял за руку и повел к лестнице.

Внизу лестницы ожидала их лодка, что-то вроде длинной и узкой гондолы, окрашенной в белый цвет и с фосфорическим блеском; высоко поднятый нос ее украшен был золотой, озаренной светом, чашей. Четыре гребца в белом одеянии, шитом серебром, сидели на веслах.

Словно во сне, вошла Эдита в лодку, незнакомец поместился около нее, и странное судно полетело по волнам.

Сначала они плыли вдоль скалистого берега, потом ладья вошла в глубокую бухту, скользнула в открывшуюся, как по волшебству, расщелину, и по длинным, низким сводчатым коридорам, через небольшое озеро, вошла в другую, длиннее и извилистее первой, галерею и очутилась в высокой, обширной пещере, освещенной неизвестно откуда. В глубине высеченные в скале ступени вели в какую-то галерею с колоннами.

Незнакомец помог Эдите выйти и повел ее в другую круглую, с куполом, пещеру, залитую голубоватым светом; пурпурная завеса, с вышитой на ней золотом огромной лучистой чашей, осененной крестом, скрывала часть этой странной не то церкви, не то часовни.

В нескольких шагах от завесы на земле лежала красная бархатная подушка; незнакомец подвел к ней Эдиту и приказал опуститься на колени.

— Подготовь душу твою к великому моменту восприятия истинной веры и Крови Христовой! — строго сказал он.

Потом он удалился, и голубой свет погас. Одна только золотая чаша сверкала во мраке фосфорическим светом.

Дрожа, как в лихорадке, Эдита стояла на коленях, со сложенными на груди руками и шептала единственную знакомую молитву.

Вдруг завеса раздвинулась, открывая залитое ослепительным светом святилище. Посредине, на нескольких ступенях, возвышался каменный престол и на нем стояла большая золотая чаша, увенчанная крестом и окруженная снопами лучей. Из внутренности чаши выходило волнообразное пламя, то поднимавшееся, то опускавшееся, разбрасывая вокруг себя тысячи искр. Вокруг престола неподвижно стояли двенадцать рыцарей в затканных серебром туниках, крылатых шлемах и с широкими блестящими мечами в руках; между рыцарями находился и тот, который привел сюда Эдиту.

Впереди всех стоял высокого роста старец в белой ризе; на груди его висел золотой нагрудный знак с изображением мистического символа чаши, увенчанной крестом; на голове сияла древняя семизубцовавая корона и на каждом зубце блестели лучистые разноцветные драгоценные камни. Строго прекрасное лицо выражало величавый покой, а в больших ясных глазах светилась сила воли и чувствовалась прозорливость, видевшая малейший изгиб человеческой души; на грудь старца спускалась серебристая борода.

С минуту вдумчивый взор почтенного старца покоился на лице Эдиты.

— Твое горячее обращение к Божеству услышано, дочь моя, — сказал он звучным и гармоничным голосом. — Всякая искренняя молитва — вправе быть исполненной; но, прежде чем даровать просимые тобою веру и жизнь, я должен сказать тебе несколько слов.

Ты считаешь себя богатой потому только, что отец твой собрал груды золота? Но из этого золота он создал себе *бога* и, погрузившись с головой в материю, он заглушил в себе влияние астрального мира, порвав всякую связь между мирами, видимым и невидимым. Ты же приходишь к нам нищая духом, потому что не приобрела ничего из благ духовных, которые только и составляют истинное достояние души. Мир, из которого ты вышла, — хуже ада; там господствуют преступления, пороки и кощунства. Ослепленное гордыней и развратом, человечество беспечно пляшет на вулкане; оно не слышит, что уже раздается *гнев Божий*. И как жалки будут эти пигмеи, которые не в состоянии предвидеть крушения, когда земля задрожит под их ногами, а накопленное в разваливающихся дворцах золото не спасет их, и почитаемый ими сатана, толкавший их на погибель, не поможет им, потому что и сам-то он — создание Всемогущего.

— Небесный служитель, научи меня стать достойною благости моего Создателя, — шептала взволнованная Эдита. — Никто от роду не учил меня любить Бога и искать путь к Нему; но если ты пожелаешь наставить меня, я откажусь от нечистого золота, которое черствит душу и влечет ее к греху.

Старец подошел, положил руку на ее голову, и Эдита *почувствовала* тепло, пронизавшее ее существо.

— Тяжелое испытание берешь ты на себя — отказываясь от золота и даруемых им наслаждений, а окружающее тебя общество сделает это испытание еще тяжелее. Потому что для порока нет ничего более ненавистного, как добродетель, ничто не раздражает так эгоиста и разврата, как милосердие и воздержание. Тебя возненавидят и будут душить клеветой, предупреждаю, — потому что не поймут тебя. Ты не боишься открыто напасть на зло? Вера твоя будет ли достаточно тверда, чтобы сделать тебя неуязвимою для направленных в тебя ядовитых стрел и чтобы не слушать ничего, кроме голоса твоей совести, а не лукавых окружающих тебя людей?

Прекрасные глаза Эдиты загорелись восторженной верой.

— Я буду бороться и молиться, чтобы Бог поддержал меня, дал мне силы идти к свету, любить бедных и употреблять золото только на добро, если Господь продлит мою жизнь, потому что наука приговорила меня к смерти.

Старый рыцарь улыбнулся.

— Слепая наука приговорила тебя, а светлая кровь Христа исцелит.

Он сделал знак рукою; молодой рыцарь, приведший Эдиту, подошел к ней, поднял ее и подвел к алтарю, а затем взял на руки и с минуту держал под дождем огненных капель, брызгавших из чаши.

— Прими крещение светом! Да восстановится здоровье твое телесное и душевное, — произнес он звучным голосом.

Эдите казалось, что она точно на костре и с ужасом увидала она, как из ее тела выходили клубы черного дыма. Голова ее кружилась, и она чувствовала, что теряет сознание; но в эту минуту рыцарь поставил ее опять на землю и головокружение прошло.

Тогда к ней подошел седобородый старец. В руке его была небольшая чаша с красной дымящейся влагой, показавшейся ей жидким огнем, и он сказал, приближая чашу к ее устам:

— Вкуси бессмертную жизнь божественной мудрости, вкуси блага небесные, которые сделают тебя способной идти к совершенству. Слепая прежде — прозрей отныне; немощная — стань сильной, чтобы укротить «зверя», который терзает и пожирает твоих братьев. Пей и будь достойна великой выпавшей тебе милости.

Эдита выпила бессознательно и почти тотчас же почувствовала, что во всему телу разливается огненный поток, будто она вся разрывается и разлетается на тысячи атомов; что было потом, она не помнила...

Смутный шум голосов привел ее в сознание. Лежала она на своей кушетке на террасе, бледная и встревоженная. Мэри, горничная, и мисс Харриет стояли над нею, растирая ей виски и ладони.

— Боже мой, Эдита, можно ли быть такой неосторожной, — упрекала компаньонка, как только молодая девушка открыла глаза. — С вашей болезнью и провести всю ночь на балконе?

Взгляните, платье ваше мокро от росы, а эта глупая Мэри спала, как чурбан, вместо того, чтобы ухаживать и прийти за вами! Что скажет ваш отец, если узнает!

Эдита улыбнулась и выпрямилась.

— Успокойтесь, милая мисс Харриет, и не браните Мэри; это я запретила ей меня тревожить. Отец не узнает ничего, потому что я уже больше не больна. Я отлично спала, а чувствую себя так хорошо и такой сильной, как никогда.

— У вас действительно прекрасный вид, если только яркий румянец ваших щек не вызван лихорадочным жаром, — возразила мисс Харриет, испытующе всматриваясь в нее.

Но Эдита рассмеялась, заявив, что хочет еще спать, так как солнце пока только встает, и побежала в свою комнату, где заперлась.

Бросившись на попавшийся стул, она схватилась руками за голову.

— Во сне ли я видела все это? — шептала она, вздыхая полной грудью.

Обычная тяжесть и боль в сердце исчезли. Тут новое соображение пришло ей в голову и она, подбежав к зеркалу, стала рассматривать себя, пораженная происшедшей переменой.

Куда делась ее болезненная бледность, синеватые тени под глазами и тусклый взгляд? Цвет лица был свежий и розовый, глаза блестели, а ротик, бледный еще накануне, был теперь румяный и радостно улыбался. Юный организм явно дышал жизнью и здоровьем.

Вдруг она вздрогнула, увидав на шее тонкую золотую цепочку, которой раньше не видела. Пораженная, она схватила цепь и вытащила из-за платья большой медальон; в нем заключалась чаша, высеченная из большого алмаза, а внутри блестела красная капелька; вокруг, на золотом обруче, было выгравировано:

«Он напояет жаждущих света. Чудо совершается для верующего и, по вере твоей, ты будешь творить чудеса для смиренных и бедных, а чаша наполнится божественною благодатью».

Дрожа от волнения, любовалась Эдита этой драгоценностью, которая доказывала ей, что события минувшей ночи были не сном, а чудной действительностью.

В порыве благодарности она опустилась на колени, благодаря Бога за свое чудное исцеление; потом она поцеловала медальон и с умилением прошептала:

— Драгоценный дар неизвестного, спасшего меня существа, никогда не расстанусь я с

тобою. Мы вместе будем нести по хижинам милость Господню. С этого дня я отказываюсь от суетных удовольствий и собранное моим отцом золото буду употреблять на облегчение скорбей человеческих.

Изумление мистера Диксона за обедом при виде дочери не поддавалось описанию; умирающая накануне, она казалась теперь в цветущем здоровье. Но банкир не верил чудесам и боялся обманчивой реакции, а потому, спустя два дня, на вилле собрались для консультации выдающиеся врачи. И они также с неподдельным изумлением могли удостовериться только, что молодая девушка совершенно исцелилась.

— Удивительное явление произошло с тобою, милое дитя, — сказал банкир, целуя ее.

— Не явление, отец, а чудо. Ведь профессор сказал же тебе, что одно чудо может меня исцелить. Я молилась Богу. — Он исполнил то, чего не могла сделать наука.

Диксон был слишком счастлив видеть свою дочь здоровой, чтобы спорить; он довольствовался тем, что посмеялся, а затем отправился в деловое путешествие, которое откладывал по болезни Эдиты.

Оставшись одна, молодая девушка начала совершенно новую жизнь, очень удивившую ее окружающих. Ее великолепные костюмы не вынимались из шкафов, она стала носить белые пуританской простоты платья, не надевала никаких драгоценных вещей и избегала шумных увеселений. Взамен того она неустанно посещала бедных и больных в окрестностях их виллы и тратила на дела милосердия бывшие в ее распоряжении большие деньги. Общество стало неприятно ей, по-видимому, и она избегала его, мечтая часами на террасе.

Эдита думала о таинственной пещере, где обрела здоровье и где глаза ее прозрели истину, но еще более раздумывала о своем спутнике. Прекрасное лицо его преследовало ее, как небесное видение.

Откуда он явился? Кто он? Как его имя? Часто видела она его во сне, а иногда, особенно после утренней молитвы, ей казалось, что он около нее. Один случай в особенности произвел на нее глубокое впечатление, но и сильно смутил ее.

Неподалеку от виллы жила бедная женщина, вдова погибшего на пожаре рабочего; горе вызвало серьезную болезнь у несчастной; она оправилась и находилась еще в сильной нужде с пятилетней девочкой в то время, как Эдита заинтересовалась ее судбою и внесла некоторое благосостояние в ее дом. Но вдруг новое несчастье обрушилось на бедную женщину: единственный ребенок ее заболел воспалением легких и болезнь сразу приняла такую форму, что доктор объявил ее смертельной.

Отчаяние бедной матери возбудило в Эдите глубокую жалость.

— Неужели нельзя ничего сделать, доктор? Я заплачу за лечение, сколько бы оно ни стоило, — обратилась она к доктору.

— Только чудо может ее спасти, а если его не произойдет, ребенок не проживет и ночи, — ответил тот, пожимая плечами и прощаясь.

Эдита вздрогнула. Ведь спасло же ее чудо, почему же не могла бы второй раз Божия наука пристыдить слепую науку человеческую.

Она решительно схватила за руку вдову и подвела ее к висевшему на стене Распятию, которое она подарила ей, так как всюду, где она оказывала помощь, Эдита приносила также изображение Спасителя.

— Помолимся, — сказала она, — чтобы милосердный Господь исцелил вашего ребенка. Он истинный врач и сообразно вашей вере исполнит вашу мольбу.

В голосе девушки звучала такая уверенность; что увлеченная ею бедная женщина упала на колени и измученная душа ее вылилась в горячей молитве.

Эдита также молилась, как вдруг звучный голос, однажды уже слышанный ею, но который она узнала бы из тысячи, сказал ей на ухо:

— Возьми медальон и молись.

Эдита достала медальон, скжала его в руке и... о чудо... Через несколько минут в маленькой чашечке вспыхнул огонек, а затем появились три красные капельки, которые Эдита

влила осторожно в полуоткрытый ротик больной. В этот миг ей показалось, что у изголовья появилась высокая фигура таинственного рыцаря. Он улыбнулся ей и приветствовал рукою.

На другой день ребенок выздоровел, но в сердце Эдиты зародилось любопытство, смешанное со страхом. Кто же это странное существо, казавшееся живым человеком? А между тем оно являлось ей, как видение, и говорило, как дух. Но все равно, человек он или ангел, она любила его одного и готова была посвятить жизнь на то, чтобы делать добро во имя его.

Возвращение мистера Диксона вызвало для молодой девушки целый ряд неприятностей и тяжелых сцен с отцом.

В восторге от выздоровления дочери банкир задавал балы и обеды, принимал множество гостей и открыто поощрял двух претендентов, казавшихся серьезно влюбленными в его дочь.

Прежде всего его удивило явное отвращение Эдиты к светским удовольствиям и ее пуританская простота, а потом он даже рассердился, когда до него дошли подозрительные разговоры о ее похождениях. Однажды утром он призвал дочь в свой кабинет и подверг строгому допросу.

— Что значит твои дурачества: бегать нищенски одетой по всем окрестным беднякам и отворачиваться от порядочных людей, бывающих у нас? Знаешь ли ты, что говорят кругом? Что по выздоровлении рассудок твой помутился; твое смешное поведение дает повод к самым неприятным толкам. Пора все это кончить и образумиться.

Эдита была глубоко огорчена. Никогда еще не видела она отца таким сердитым, а между тем она не могла и не хотела отказаться от духовного наслаждения, доставляемого ей посещением бедных и страждущих.

Но когда спустя несколько дней она категорически отказалась двоим претендентам, гневу Диксона не было границ и он объявил, что Европа ему достаточно наскучила, а потому он возвращается в Америку в надежде, что на родине, в обычной обстановке, дочь образумится.

— Впрочем, я приму меры к прекращению твоих капризов и компрометирующих тебя фантазий.

Это решение отца было громовым ударом для бедной Эдиты. Ей предстояло покинуть дом, в окрестностях которого должна была находиться таинственная пещера, где разыгрался самый странный случай в ее жизни. А самым тяжелым было то, что океан отделит ее от места, где она увидела то загадочное существо, которое было, может быть, гением сфер, но вместе с тем самым обаятельным человеком из всех виденных ею, и которого она любила всеми силами души.

Ни слезы, ни мольбы остаться не помогли ничему и возбудили только у мистера Диксона подозрение о какой-то тайной причине, а может быть, тайном увлечении его эксцентричной дочери. В назначенный день самолет банкира умчал их в Америку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

После нападения сатаниста для Ольги настало время покоя. Хирам не показывался даже в обществе, он уехал по делам, как говорили. Отношения с женихом становились все дружественнее. Супрамати каждый вечер проводил с нею и в продолжительных беседах старался поучать ее, расширять умственный кругозор и подготовить к роли жены мага. Но так как Ольга была от природы умна, а любовь внушала ей желание подняться до человека, которого обожала, то она слушала без утомления все, чему он учил ее всегда в занимательной форме. Беседы их касались, конечно, поверхностных вопросов; тем не менее, Ольга поняла, что будущий муж ее человек необыкновенный и что несомненно ее ожидает не один сюрприз. За несколько дней до свадьбы Супрамати вручил своей невесте подарок Эбрамара — старинную шкатулку массивного золота, заключавшую великолепную драгоценную вещь: гирлянду цветов с серебристо-белыми лепестками и фосфорически

блестящими чашечками. Другая вещь была маленькой коробочкой с флаконом бесцветной жидкости и несколькими шариками беловатой, сильно ароматичной массы. Супрамати объяснил ей, что она должна каждое утро съедать один шарик, а в день свадьбы выпить содержимое флакона; он не сказал ей, что подарок Эбрамара имел целью укрепить ее перед вступлением в брак.

Наступил, наконец, и день свадьбы. С пышным поездом подруг-амазонок отправилась Ольга в большой собор, где предстояло венчание.

Невеста была обаятельна, а подвенечное платье – подарок Супрамати – вызвало удивление и зависть всей общины. Оно было из кружев, каких уже более не выделяли; даже самый секрет работы прежних волшебниц-кружевниц затерялся во время нашествия желтых. Да и кто захотел бы взяться теперь за такое ремесло, когда все велось к сокращению труда. Гирлянда, присланная Эбрамаром, украшала волосы новобрачной и восхитительно шла к ней, хотя она была страшно бледна и взволнована. Дело в том, что уже несколько дней, и особенно с этого утра, Ольга ощущала странный, пробегавший по всему телу жар, и никогда еще она не была так восприимчива к неприятному впечатлению, которое производили на нее некоторые из подруг.

Во время церемонии ей было не по себе, а излучаемая Супрамати теплота казалась особенно сильной. Потом ей почудилось, будто она находится точно в огненном кругу и порывы жгучего воздуха стесняли дыхание. Когда жених надел ей на палец обручальное кольцо, оно точно обожгло ее, но присутствие Супрамати ободряло Ольгу, и она храбро боролась с овладевшей ею слабостью. По окончании церемонии их засыпали поздравлениями и все тяжелые ощущения исчезли, сменившись сознанием силы и чрезвычайного довольства. Она была счастлива, что судьба соединила ее с таким необыкновенным человеком.

Свадьба несметно богатого и интересного индусского принца за целые недели была уже темой пересудов царьградских кумушек и праздного любопытства; поэтому площадь и улица перед собором были запружены народом и плотная толпа теснилась вокруг редкого, с инкрустацией, автомобиля новобрачных, нарядного, как драгоценная игрушка.

Не менее плотная масса народа окружала волшебно освещенный дворец Супрамати. Гирлянды разновидных электрических цветов огненными линиями обрисовывали фронтоны, башенки и терялись в аллеях сада, разливая вокруг потоки яркого света.

В залах дворца собрался весь свет столицы, а вино, которое пили за здоровье молодой четы, привело в восторг знатоков. Никогда не пивали они подобного нектара, что, впрочем, и не удивительно, потому что вина из погребов старых дворцов Супрамати были почти ровесниками их владельцу.

Пиршество было во всем разгаре, когда Супрамати с молодой женой незаметно удалились, оставив Дахира и Нарайяну хозяевами вместо себя.

Стеклянной галереей дошли они до крытой ковром и украшенной цветами лестницы, которая вела в апартаменты молодой принцессы; затем, через маленький будуар – верх изящества – они вошли в спальню, по-царски обставленную. Видно было, что Супрамати, когда хотел, умел быть достойным преемником Нарайяны и его утонченного вкуса.

Бледная, взволнованная, с поникшей головой, вошла Ольга в комнату; Супрамати нежно привлек ее к себе и поцеловал, но в ту же минуту он вздрогнул и быстро обернулся. Большие глаза его сверкнули и он грозно поднял руку. Изумленная Ольга взглянула по направлению руки мужа и вскрикнула.

В двух шагах от нее, касаясь почти ее шлейфа, поднимался на хвосте огромный змей. Чешуйчатое тело его извивалось, зеленоватые с фосфорическим блеском глаза пристально глядели на молодую женщину дьявольски злобным взглядом.

Отвратительная голова чудовища походила на череп скелета и была точно окружена кровавым сиянием; из широко раскрытой пасти капала зловонная пена. Блестящее, как стальной ланцет, и неестественно длинное жало вытягивалось, стараясь достать молодую женщину.

Задыхаясь от вонючего, бившего ему в лицо, дыхания, Супрамати отшатнулся, прижимая к себе жену, но из поднятой руки его сверкнула струя огня, камень магического кольца на его пальце загорелся ярким светом, и раскат отдаленного грома потряс стены комнаты.

— Дьявольское чудовище! Как дерзнуло ты приблизиться к магу! Ты дорого за это поплатишься! — грозно крикнул Супрамати, выхватывая из-под платья кинжал с гладким, точно огненным лезвием.

Осыпанный перед тем огненными искрами, змей стал корчиться, шипя и свистя, но вдруг быстро выпрямился, намереваясь кинуться вперед и достать жалом Ольгу.

В эту самую минуту Супрамати произнес магическую формулу и бросил в него кинжал, огненный клинок которого вонзился в череп чудовища. Чудовище испустило страшное рычание, покернело, вздулось и затем лопнуло, окутавшись черным дымом, наполнившим комнату удушающим трупным запахом.

Во время этой сцены, долгой в описании, а на самом деле длившейся лишь минуту, Ольга безмолвно ухватилась за руку-мужа и затем покорно дала отвести себя на диван.

— Копчено, дорогая моя. Посол Хирама убрался к своему хозяину. А негодяй сильнее, однако, нежели я думал. Пусть посмеет он хоть один еще раз напасть на тебя, тогда я с ним покончу, — сказал Супрамати, хмурая брови.

Подойдя к шкафу, он достал флакон и содержимым его опрыскав всю комнату. Зловоние тотчас рассеялось и сменилось мягким и живительным ароматом.

— Страшно было? — спросил он, сядясь около молодой жены, все еще бледной от пережитого волнения.

— Да, я была так глупа, что действительно испугалась. А на самом деле чего мне бояться, когда ты со мной! — ответила она, подняв на него влажные и полные любви глаза.

Расторганный Супрамати нежно поцеловал ее.

— То, что здесь сейчас произошло, равно как и первое нападение Хирама, доказывает тебе, дорогая, что в окружающем, нас невидимом мире скрывается много странных, ужасных тайн. Понимаешь ли, что тот, с кем ты связала себя, — человек незаурядный? Со временем ты увидишь и испытаешь много странного и никогда тобой не виданного, но на устах твоих должна лежать печать молчания, и все, что ты увидишь или узнаешь как жена мага, не должен знать ни один профан.

— Слова твои для меня — закон, Супрамати. У меня нет другой воли, кроме твоей, я буду нема, верь мне. Испытанное мною во время венчания дало мне достаточно понять, что я выхожу за человека необыкновенного. Это-то именно восхищает меня и наполняет гордостью, а... я не смею даже похвастаться этим! — закончила она с таким наивным и искренним сожалением, что Супрамати от души рассмеялся.

Следовавшее время проходило чрезвычайно весело для Ольги. Супрамати, если и веселился гораздо менее жены, то все же с неистощимым добродушием подчинялся выпавшим на его долю светским требованиям.

Сначала это были бесконечные визиты, затем следовало представление ко двору и бесчисленные в честь их празднества, и наконец, состоялись обещанные им банкеты и балы, которые превзошли своим великолепием и оригинальностью все когда-либо виденное.

Зачастую этот шум, суeta и нечистые испарения вырождающегося общества тяготили Супрамати и у него являлось страстное желание уйти в тишину своего гималайского дворца; но он мужественно подавлял подобные настроения и с еще большим пылом погружался в светскую жизнь, принимая участие во встречавшихся людях, внимательно изучая их поступки и мысли.

Иногда, видя, как искренне веселилась Ольга, с каким увлечением она танцевала и наивно упивалась счастьем носить роскошные туалеты или драгоценные вещи, его охватывала глубокая грусть; в такие минуты ему думалось о том, как хороша настоящая молодость, а не та мнимая, которую тяготят опыт и воспоминания минувших веков.

Случалось не раз, что в самый разгар шумного веселья загадочный хозяин этого

волшебного дворца скрывался в какую-нибудь глубокую амбразуру и оттуда прозорливыми глазами своими наблюдал суетившуюся, блестевшую золотом и бриллиантами толпу, наполнявшую его залы и сады. Как ядовиты, лукавы, злы и завистливы были мысли и чувства большинства этих людей, сколько преступлений, беззаконных деяний, безудержной похотливости замышляли головы этой праздной, пустой и слепой толпы, жившей лишь настоящим, позабывшей уроки прошлого и глухой к предупреждениям будущего.

Надменные, огрубевшие, эти люди не видали и не чувствовали, что на поруганном ими небе собираются мрачные тучи, и уже глох рокочет надвигающийся ураган утратившей равновесие природы.

А перед глазами мага отчетливо развертывались зловещие предзнаменования приближавшихся катастроф.

Он видел, что чистые излучения были так разжижены, что оказывались бессильными служить преградой для лавины беспорядочных элементов, которые, не задерживаемые более стойкой, дисциплинированной силой, могли ежеминутно пробить брешь, и, как разрушительный циклон, ниспровергнуть все, что попадется на пути.

Развитый слух мага слышал просачивавшийся уже нестройный гам разнужденных стихий, которые проявляли себя аномальностью температуры, страшными бурями рі колебаниями почвы. Ему хотелось крикнуть этим слепцам:

— Опомнитесь, люди! Прекратите веселье, опрокиньте столы, сбросьте роскошные наряды и, вместо разгула, молитесь, поститесь и взывайте к своим незримым покровителям. Путем смирения и покаяния, путем веры, да священными песнопениями попытайтесь создать чистые и ясные астральные течения, которые рассеяли бы хаос и спасли вас от готовых обрушиться бедствий.

Супрамати страдал, видя приближавшееся ужасное будущее, и мучился бессилием предупредить или остановить его.

А толпа людская не обращала внимания на отдельные случаи, забавлялась, грешила и кощунствовала с легким сердцем, создавая и сама могущественные, но нечистые токи, которые только ускоряли бедствия.

Частная жизнь Супрамати текла гладко, в приятном согласии; кроткая, деликатная и сдержанная жена оживляла его жизнь своей наивностью и любовью. Безошибочный инстинкт любящей женщины руководил Ольгою и давал ей понять, насколько громадно было отделявшее ее от Супрамати расстояние.

Никогда без разрешения мужа не переступала она порог его рабочего кабинета, никогда не приходила без зова и в разговорах с ним старалась избегать всего, что, по ее мнению, могло показаться ему скучным или надоедливым. Супрамати также все более привязывался к молодой жене и делал все возможное для ее счастья. И Ольга была счастлива, а благодаря постоянной доброте и снисходительности мужа, исчезал мало-помалу и суеверный страх, который она питала к нему в глубине души.

Видя, как охотно он подчинялся требованиям света, каким бывал любезным хозяином и приятным собеседником, она переставала видеть в нем *maga*.

Но она не знала, что тот каждую ночь посвящал несколько часов особому режиму «адепта», созерцанию и очищению от зловредных флюидов, приставших к нему в продолжение дня.

Занимался он также и разрешением магических проблем или повторял сложные формулы. Как музыкант постоянно упражняется, чтобы не утратить гибкость пальцев, так и Супрамати уходил в астральный мир, дабы ничего не забыть из приобретенного знания.

Около трех месяцев *прошло со* свадьбы Супрамати и Ольга начинала смыкаться с жизнью в самом великолепном из царградских дворцов, привыкла одеваться в самые красивые туалеты и носить самые дорогие украшения; но иногда у нее являлось желание увидеть что-нибудь из таинственной науки мужа, и желание это еще усилилось вследствие носившихся по городу рассказов о любопытных и занимательных явлениях, которые показывал один из адептов сатанизма.

Возвратясь раз от амazonки, где только и говорили о «чудесах», показанных сатанистом, она передала все мужу; но тот не обратил как будто никакого внимания на ее рассказ.

Вечером того же дня супруги, против обыкновения, были одни в маленькой зале рядом с кабинетом Супрамати, и он набрасывал план убежища для умалишенных, которое хотел строить.

Сидя на диване против Супрамати, Ольга держала в руках какое-то вышивание, но, вместо работы, раздумывала о том, что ей рассказывали поутру, и досадовала, что муж ее, «настоящий» маг, никогда ничего ей не показал из области своего могущественного знания, которое должно во сто раз превосходить знания какого-нибудь сатаниста. Должно быть, он пренебрегает ею за невежество и относительно нее остается всегда простым смертным.

Она была так поглощена своими мыслями, что не заметила лукавой усмешки на устах Супрамати.

— Ты права, моя дорогая, — добродушно сказал он, кладя карандаш. — В самом деле, не стоит иметь мужем *maga*, если он никогда не показывает жене никакого занимательного образчика своего знания!

Ольга вздрогнула и густо покраснела, со страхом смотря на мужа.

— Прости мне, Супрамати, глупые мысли. Я опять забыла, что ты слышишь их, как будто я с тобой разговариваю, — пробормотала она.

— Я вовсе не сержусь, милая Ольга, напротив, я нахожу, что ты права. Так как мы сегодня одни, то я воспользуюсь этим и покажу что-нибудь, надеюсь, столь же интересное, как и «чудеса» сатаниста.

Счастливая, но сконфуженная, Ольга бросилась ему на шею.

Приказав прислуге не беспокоить его, пока сам не позволит, Супрамати увел жену в свою рабочую комнату и, предложив ей подождать, прошел в лабораторию.

Через несколько минут он вышел, закутанный с головы до ног в огромный белый плащ из странной мягкой и шелковистой ткани, отливавшей всеми цветами радуги. Широкий капюшон в виде клубка закрывал голову и лицо, видны были одни глаза. В руке держал он меч, широкое лезвие его было покрыто инкрустированными, фосфорически светившимися каббалистическими знаками. Поставив около себя Ольгу, он обвел мечом круг и затем, завернув молодую женщину в свой плащ, затянул странную, размеренную песню на незнакомом языке. Через несколько минут

Ольга почувствовала, будто почва уходит из-под ее ног и что, поддерживаемая мужем, она витает словно над темной пропастью; тут ее подхватил порыв ветра и она потеряла сознание...

Открыв глаза, она подумала в первую минуту, что видит сон. Очнулась она на большом затемненном пальмами дворе; у фонтана в мраморном бассейне стоял белый слон, а в глубине двора, под мраморной колоннадой с резными сводами, виднелся вход во дворец.

Слон подошел к Супрамати и приласкался к нему хоботом, а тот погладил и похлопал его рукою. Затем он повел онемевшую от изумления Ольгу во дворец.

Они прошли целую анфиладу роскошных зал и вышли на просторную террасу, откуда открывался волшебный вид на громадный сад с цветами и фонтанами. Диван, обитый красной с золотыми разводами материей, манил к отдохновению.

— Боже мой! — воскликнула Ольга, бледная я взволнованная. — Скажи, где мы?

— Мы дома, у меня, в моем гималайском дворце, и здесь проведем день, — весело отвечал Супрамати.

На его звонок прибежали два индуза. Они нисколько, по-видимому, не удивились неожиданному появлению хозяина, низко поклонились и по его приказанию подали завтрак и фрукты.

После того Супрамати повел жену осматривать дворец и сады, Ольга была словно во сне, разум ее отказывался понять, как очнулась она в Индии. Она срывала цветы, ощупывала тяжелые портьеры, ласкала птиц и других животных; все они были ручные и

подходили без опасения. Восторженное изумление и наивная радость молодой жены забавляли и веселили Супрамати.

С наступлением ночи они вернулись на террасу и Супрамати сказал весело:

– Прежде чем возвратиться в Царьград, я хочу еще показать тебе армию, которой я повелеваю. Только не испугаешься ли ты этих невидимых для глаз профана существ?

– Пугаться, когда я с тобою? Да ведь и существа, которых я увижу, тебе подвластны, – ответила Ольга с забавно тщеславной ноткой в голосе. – В таком случае я покажу тебе духов четырех стихий, – сказал Супрамати.

Он стал с Ольгой посреди террасы и, подняв руку, делал в воздухе несколько каббалистических знаков, вспыхнувших тотчас же фосфорическим светом.

Через минуту появился легкий туман, затянувший все окружающее; потом поднялся странный шум, треск, вперемешку с топотом ног, хлопаньем крыльев и плеском волн; затем открылось дивное зрелище.

Почва точно растрескалась, и из земли вышли тысячи маленьких существ, темных и коренастых, напоминавших легендарных гномов; за ними появились голубоватые прозрачные и словно крылатые существа со смутными очертаниями; яснее обрисовывались лишь одни разумные и выразительные головы. Далее с треском явились проворные фигуры, красные, как раскаленный металл, и из фонтанов, озер и подземных источников поднимались серебристые и туманные тени.

Все эти скопища странных существ окружили мага, кланяясь ему и воздавая честь, а Супрамати приветливо отвечал на непонятном языке. Но вот он сделал новый знак, и все исчезло, точно растворяло в воздухе.

Ольга, как очарованная, смотрела на эту волшебную картину, а, когда муж подвел ее к дивану, она вдруг опустилась на колени и схватила его руку.

– О, Супрамати, – шептала она. – Теперь только я понимаю, как тебе должно быть, тяжело покинуть этот уголок рая и жить среди невежественной, порочной толпы; я понимаю, как велико твоё могущество. Не думай, что я хочу вернуться в Царьград! Останемся здесь, живи для науки, и я буду счастлива.

Супрамати положил руку на ее склоненную голову, а потом поднял жену и поцеловал.

– Знание мое, которое кажется тебе столь великим, ничтожно перед знанием Эбрамара, а в сравнении с гениями пространства я простой невежда. Спасибо тебе за готовность покинуть родину и свои привычки, чтобы поселиться здесь со мною, но я не могу остаться в Индии. Я обязан жить в свете, а ты поможешь мне научиться любить людей такими, каковы они на самом деле. Но ведь там не так дурно, не правда ли? И моя женка не особенно скучает в Царьграде? – закончил шуткой Супрамати.

После этого астрального путешествия Ольга несколько дней была задумчива и озабочена; она не могла забыть виденного и необходимость молчать о таком чудесном приключении и таинственной силе своего мужа была для нее испытанием, которое она выдерживала с достоинством. Однако молодость и развлечения брали свое и стирали полученное впечатление. Иногда она вспоминала о Хираме, который не появлялся более, и, по слухам, уехал из города; а между тем у нее являлось иногда чувство, что он – вблизи нее, хотя и невидимый, и дважды до нее доходили порывы зловония. Но явления эти бывали только в отсутствие Супрамати.

Около шести месяцев после их свадьбы наступил день рождения Ольги и, чтобы доставить ей удовольствие, Супрамати хотел его отпраздновать.

Бал был в полном разгаре, и шумная нарядная толпа наполняла все залы. Разгоряченная танцами и уставшая, Ольга вышла на террасу и спустилась в волшебно освещенный сад, чтобы подышать свежим воздухом и пройтись вокруг фонтана, сверкавшего рубиновыми струями.

На возвратном пути, в тот момент, когда Ольга подходила к террасе, она вдруг остановилась и крик ужаса вырвался из ее груди. Портъера, закрывшая выход на террасу, горела и огненные языки с неимоверной быстротой разбегались во все стороны, лизали

стены, фронтоны и вырывались из окон. Очевидно, горел весь дворец.

Как ошеломленная, смотрела Ольга на это ужасное зрелище, но увидав Супрамати, сбегавшего по ступенькам террасы, она бросилась ему навстречу.

Изнутри дворца доносились в это время крики ужаса, сопровождаемые зловещим треском пожара.

В несколько прыжков Супрамати был около нее, но в ту минуту, когда он протянул к ней руки, Ольга почувствовала острую боль в шее. Цепочка от талисмана лопнула, точно обрезанная, и он далеко покатился по земле, а Ольгу словно ударило обухом по голове. Она потеряла сознание и упала бы, не поддержи ее мнимый Супрамати. Схватив ее на руки, как ребенка, он бросился бежать и исчез в тени одной аллеи. Неподалеку оттуда, на песчаной площадке, стояла воздушная ладья и в ней сидел какой-то

человек. Незнакомец передал Ольгу спутнику и вошел сам, а минуту спустя аппарат взлетел со свистом и стрелой скрылся в ночной тьме. В ту минуту, когда первый огненный язык лизнул драпировку, Супрамати почувствовал сильный толчок и в тот же миг понял, что Хiram устроил новое нападение на него, увидав затем, как дворец наполнялся демоническими существами, распространявшими всюду огонь. Еще через минуту ощущение ожога на груди дало ему понять, что Ольга потеряла талисман.

Молниеносным движением выхватил он волшебный жезл, с которым никогда не расставался, начертал магические знаки и произнёс формулы, вызывавшие подвластных ему духов четырех

стихий. Глаза его метали искры, ноздри дрожали и под могучей силой его воли со всех сторон появлялись служители мага, чтобы вступить в борьбу с огнем пожара, вызванного бесами.

Началась ожесточенная борьба, но вскоре облачные фаланги, руководимые магом, взяли верх; черные тени исчезли и огонь погас, как по волшебству, а десять минут спустя о грозившей опасности свидетельствовали лишь почерневшие кое-где стены, лохмотья портьер, да опрокинутая во время паники мебель.

Часть гостей разбежалась, а оставшиеся были перепуганы и подавлены случившимся, не понимая, откуда возник пожар, и еще менее, каким чудом он вдруг прекратился. Ольга исчезла и Супрамати не сомневался, что ее похитил Хiram, но он сохранил наружное спокойствие, уговаривая гостей остаться ужинать и извинившись только за невольное отсутствие, ввиду того, что должен пойти к жене, которая испугалась и чувствует себя нехорошо.

В одном из диких и дальних горных ущелий Палестины возвышалось старое, почерневшее от времени сооружение. Первоначально это был римский замок, а позднее саракинская крепость, стоявшая долго в развалинах; потом неизвестные люди восстановили обрушившиеся стены, растрескавшиеся башни и развалившуюся ограду, и старое соколиное гнездо обратилось в укреплённый замок зла. Местные жители, как и путники, старались обходить мимо этого зловещего места, над которым постоянно витали какие-то черные облака, а ночью оно точно окутывалось красноватым светом. И люди не напрасно избегали этот очаг тлетворных миазмов, которые могли заставить отшатнуться даже могучие силы добра. Здесь, как и в прочих во множестве разбросанных повсюду крепостях люцифериан, сосредоточивались возмутительнейшие ужасы, там практиковались всевозможные мерзости, всякие преступления против Бога и природы, всякие кощунства, какие только могла изобрести ненависть ада к небу. Здесь оргии шабаша доходили до высочайшей степени гнусности и оживленные трупы принимали участие в сатанинских пиршествах. Здесь совершался также культ утонченного вампиризма, а для удовлетворения его похищались дети и молодые девушки, у которых оживленные ларвы и люцифериане-вампирики высасывали кровь до последней капли; наконец, здесь же сочетались инкубы и суккубы.

В это-то гнездо всяких ужасов и мерзостей унес Хiram Ольгу, и смоченный наркотической эссенцией платок погрузил ее в глубокий летаргический сон.

Мертвенно бледная, без одежды, которую немедленно сожгли, лежала она в одной из

башен в ожидании предстоявшего ей заклания, так как дикая ненависть Хирама искала удовлетворения только в смерти Ольги. Да, она должна была быть опозорена и убита, чтобы наказать Супрамати, поразив в нем разом супруга и мага.

В эту ночь совершалась большая черная месса, сопровождаемая вампирическим пиршеством, и Хирам решил сам высосать кровь Ольги; а если кровь эта окажется слишком пропитанной излучениями мага, то ее принесут в жертву сатане. Во всяком случае, он хотел обладать ею не иначе, как мертвую, а для того, чтобы молодая женщина не смущала их и не помешала, защищаясь молитвами или какими-либо приемами белой магии, которым муж мог научить ее, решено было оставить ее без сознания до решительной минуты. Вмешательства Супрамати он не боялся; в этой твердыне зла, куда не рискнул бы проникнуть даже *маг*, Хирам чувствовал себя неуязвимым.

Действительно, в эту минуту Супрамати испытывал тяжелую нравственную борьбу, его бросило в холодный пот, когда он определил по своему волшебному зеркалу, что Ольга находится в люциферианской крепости. Чтобы спасти молодую женщину, приходилось на самом деле спуститься в самый ад и вступить в борьбу, казавшуюся ему выше его сил; хватит ли у него достаточно могущества, чтобы победить столько соединенного зла? Все равно, надо было попытаться.

Поспешно прошел он в свою лабораторию и позвал Нивару. С его помощью он облекся в блестящее вооружение рыцаря Грааля и опоясался огненным мечом; на груди его горел разноцветными огнями нагрудный знак мага.

Бледный и взволнованный, Нивара закутал его в белый плащ с фосфорическим золотым крестом.

– Учитель, позволь мне сопровождать тебя! – сказал он.

– Нет, друг мой, это была бы бесполезная жертва: ты повредишь себе, а мне не поможешь. Но, если ты желаешь поддержать меня в страшной борьбе, останься здесь, молись, жги перед алтарем полагающиеся ароматы и читай формулы, призывающие силы добра для победы над адом, – ответил Супрамати, пожимая руку молодого человека и бросаясь к двери, где ожидал его самолет.

В ту же минуту портьера раздвинулась и на пороге показался Дахир, вооруженный подобным же образом.

– Ты, Дахир? – восхликал Супрамати радостно и удивленно.

– Как мог ты подумать, брат, что я пущу тебя одного сражаться с адом! – упрекнул его Дахир.

Вдруг по комнате пронесся гармоничный аккорд и послышался звучный голос Эбрамара:

– Смело вперед, дети мои, я буду с вами. А ты, Супрамати, как мог ты хоть на минуту думать, что мрак может быть сильнее света!

Не теряя ни секунды, Супрамати с Дахиром вбежали на башенку, где их ожидал самолет; но прежде чем сесть в воздушный экипаж, Супрамати поднес к губам маленький слоновой кости рог, висевший на его поясе. Раздался странный, дрожащий и длительный звук. Дахир повторил тот же сигнал, а затем оба уселись, и самолет помчался с головокружительной быстротой.

Люциферианская крепость в эту ночь вся была залита кровавым светом; а внутри заканчивались последние приготовления к предстоявшим отвратительным обрядам.

В громадной зале с воздвигнутым в глубине ее жертвенником сатаны толпились члены демонического братства. На убранных красным пышных постелях лежали трупы нагих мужчин и женщин, а вокруг них носились отвратительные существа с мертвенно-бледными лицами, впалыми, страшными глазами и красными, как кровь, губами, ожидающие празднества и оргии.

На жертвеннике замертво лежала Ольга. Хирам заявил, что она совершенно заражена чистыми флюидами и годится только на жертвоприношение. Около широких и глубоких сосудов столпились католические жрецы; они резали животных, чтобы наполнить сосуды

кровью, которая должна была служить для материализации инкубов, ларв и других представителей темного населения загробного мира. На высоких треножниках горели травы вместе с внутренностями трупов, распространяя тошнотворное зловоние; странный оркестр, состоявший из карликов и уродов, калек и горбунов, играл на инструментах, струны которых были из человеческих жил, дикие и несвязные мелодии, потрясавшие воздух.

Около жертвенника лежали на страже два тигра, две гиены и два волка громадной величины; они готовы, казалось, были защищать свою жертву, обретенную на заклание, и броситься на всякого приближающегося врага.

Эти дикие хищники имели лишь вид животных, а на самом деле были людьми, обращенными люциферианами в зверей, в наказание за ренегатство, предательство или слабость. (Предание об оборотнях вовсе не так нелепо, как полагают высокоумные скептики, неразумно и громко смеющиеся над всем, чего не понимают.)

В остальной части залы теснилась толпа нагих люцифериан. Бледные лица их, со страшными, налитыми кровью глазами, носили отталкивающее скотское выражение.

Окончив заклание животных, старший люциферианский жрец взошел на ступени жертвенника со сверкающим в руке ножом; но вдруг он откинулся назад с диким криком, а лежавшие на земле животные с ревом убежали.

Над неподвижным телом Ольги появился большой блестящий крест, из которого исходил голубоватый свет, образовавший точно фосфорический шар вокруг нее. В то же время послышались раскаты грома и от сильного сотрясения дрогнули стены.

Бешенство и ужас напали на люцифериан. Они понимали, что добрые силы намереваются оспаривать их добычу, и приготовлялись к обороне.

Когда Дашир и Супрамати достигли люциферианской крепости, они увидали, что со всех сторон прибывали сверкающие, как звезды, воздушные суда с рыцарями Граала, которые спешили на призыв своих братьев.

Глава братства, с короной о семи зубцах на своем шлеме, встал между двумя магами и вокруг них сгруппировались остальные.

Главный вход люциферианской твердыни был закрыт, но когда рыцари грянули звучный и стройный гимн, а мечами начертали в воздухе огненные знаки, врата со зловещим треском раскрылись, давая дорогу светлому воинству.

Белые рыцари подвигались вперед – бледные от соприкосновения с мучительными и зловредными густыми тучами окружавших их миазмов. Белоснежное их одеяние покрывалось черным слоем, но они наступали, имея переди начальника братства и обоих магов, пылающие мечи и светящиеся кресты коих заставляли отступать демонов.

Решительный и самый жестокий бой произошел в большой зале. Перед жертвенником появился на защиту своих последователей грозный предводитель люцифериан.

Высокая черная фигура отвратительного существа, получеловека, полудемона, стояла, окруженная ярко-красным ореолом, на котором ясно вырисовывались большие зубчатые крылья, меж кривых рогов на лбу горело пламя. Он боролся с магами смело и бешено, решив дорого продать победу; огненные полосы, каббалистические знаки скрещивались в воздухе, но победа, очевидно, склонялась на сторону светлых духов. Армия ларвов таяла. Каждый раз, когда луч ослепительного света падал на которого-нибудь из нечистых, вампирских чудовищ, оно тотчас опрокидывалось, разлагаясь в гнилую массу, а огненные красные стрелы люцифериан летели обратно и поражали самих бросавших.

Рыцари двигались фалангами, стараясь образовать в зале круг, и когда обе колонны с двух сторон подошли к жертвеннику, два рыцаря завладели телом Ольги, завернули ее в белый плащ и вынесли из замка. В ту же минуту демон пронзительно вскрикнул, произнося формулу; удар грома потряс стены, и земля точно расступилась, а черный вождь вместе с своей адской свитой исчез в вихре огня и дыма.

Вокруг жертвенника осталась толпа люцифериан во главе с Хирамом, который, обезумев от бешенства, бился с отчаянием, и Супрамати накинулся на него.

Из всего его тела исходили потоки света; в одной руке он держал крест магов, а другой

размахивал мечом с огненным лезвием; яркий свет прорезал воздух, и Хирам пал замертво. Тело его тотчас покернело и вздулось; с рычанием и стонами катался он по полу, затем застыл недвижно.

– Братья! Все оставшиеся здесь – наши пленники! – громогласно приказал старейшина рыцарей. – Кинем их в очистительный бассейн.

Тут из рыцарей стали исходить потоки света, выметавшего и очищавшего атмосферу, ошеломленные люцифериане падали, задыхаясь, на землю, не будучи в состоянии шевельнуться.

– А теперь, -- продолжал глава братства Грааля, – подойдите, несчастные создания, жертвы творимого вами зла, и кайтесь! Поклонитесь Христу, и мы избавим вас от образа звериного, в который облекли вас.

Со всех сторон послышались стоны, рычания, вопли и разные животные поползли к белому плащу с золотым крестом, который один из рыцарей разостлал на полу. Первым распростёрся на плаще один из тигров. Маг произнес формулу и начертил крест, а один из рыцарей проколол мечом шкуру животного, которая лопнула со зловещим свистом и из нее выполз мертвенно-бледный, тощий человек; его облили очистительной водой ион, дрожа всем телом, повторил подсказанную ему молитву.

Таким образом освобождено было более шестидесяти жертв. Потом люцифериан отвели в сад, к пруду, в который и окунули их, водрузив над водой крест.

Многие из них умерли, не будучи в состоянии вынести соприкосновения с очистительной силой.

После этого воины добра покинули отвратительный замок, но маги решили окончательно разрушить люциферианскую твердыню. Молнии посыпались на здание и начался страшный пожар, земля колебалась, стены рушились под действием магических формул и посреди пламени скоро остались груды черного мусора.

Горячо поблагодарив рыцарей за оказанную помощь, Супрамати и Дахир увезли все еще бесчувственную Ольгу на самолете во дворец, где очистили и привели в чувство молодую женщину, не помнившую ничего из случившегося с нею после обморока.

Глава шестая

Описанный случай произвел на Ольгу глубокое впечатление. По просьбе ее Супрамати объяснил отчасти происшедшее и сообщил о смерти Хирама, не вдаваясь однако в подробности. Ольга живо заинтересовалась оккультным миром и упросила мужа поучать ее, на что тот охотно согласился.

С жаром принялась она за ученье, и по мере того как для нее разъяснялось множество вещей, существования которых она даже не подозревала, Ольга яснее понимала, как тяжело магу соприкосновение с порочным и суэтным миром, в котором он жил. Да и сама она становилась с каждым днем восприимчивее к внешним впечатлениям, ощущала тяжелую атмосферу окружавших ее людей, ссоры, интриги, притязания, на которые наталкивалась, и общество опротивело ей. Иногда у нее являлось непреодолимое желание бежать от этого людского стада и укрыться куда-нибудь, где царят мир, тишина и гармония.

Однажды, когда желание это охватило ее сильнее обыкновенного, она стала умолять мужа покинуть Царьград и уехать в индийский дворец, однажды показанный ей, чтобы там отдохнуть в тихой гармонии, составляющей истинное счастье.

Супрамати нежно привлек ее к себе, и в глазах его засветились любовь и грусть; давно уже не волновавшая душу мага тревога проснулась с некоторых пор, как он яснее замечал перемену, произшедшую в молодой жене.

Она еще похорошела и выражение ее одухотворилось, но она была так прозрачна, хрупка и воздушна, что можно было считать наверно недолговечным этот чарующий цветок людской. Да, могучий, исходивший из мага огонь сжигал нежный молодой организм.

Облако грусти омрачило ясный взор Супрамати; но, поборов тотчас же это тягостное

волнение, он поцеловал ее и дружески сказал:

— Да, дорогая моя, мы начнем новую жизнь, но только не такую, о какой мечтаешь ты. Наступило время выяснить тебе готовящееся будущее, приближающиеся несчастья и дать понять, что не время теперь отдохать в созерцательном покое, а что пришел час для работы, великой и трудной работы, к которой я хотел бы привлечь тебя.

Яркая краска покрыла прозрачное лицо Ольги.

— Привлечь меня к твоей работе? Разве я достойна и способна для такой чести? — воскликнула она, и восторженная радость сверкнула в ее глазах.

— Каждый из нас будет работать по мере сил, чтобы пробудить людей, погрязших в пороках и нечестии, напомнить им о Боге и попираемых ими законах Его. Скоро настанет страшное время, когда самодовольство человеческое будет сломлено, когда слепцы эти поймут, насколько они ничтожны и бессильны, и содрогнутся под громом гнева Божия.

— Ты полагаешь, что разразятся бедствия, которые предсказывал отец Филарет? — спросила Ольга, бледнея.

— Человечество само вызывает бедствия и катастрофы, пренебрегая всеми законами божественными и человеческими. Попираемые стихии обрушатся на землю и на этих пигмеев, которые дерзнули вызвать эти страшные силы. Земля развернется и поглотит горделивых, ураган опустошит поверхность земли, огонь небесный пожжет памятники и имущество тщеславных преступников, а вода затопит все, что устоит до того времени; в ее мстительных волнах погибнут народы, возмутившиеся против своего Создателя, и не поддержат их больше чистые, благотворные силы, управляющие рассвирепевшими стихиями...

Голос Супрамати все возвышался, пристальный и вдохновенный взор его проникал, казалось, в будущее и видел уже страшные катастрофы, о которых он только что говорил.

Ольга дрожала в испуге и не спускала с него глаз, не будучи в силах произнести ни слова. Минуту спустя, маг как бы очнулся от своего видения, взгляд его остановился на молодой жене и, заметив в лице ее томительный ужас, он стремительно нагнулся к ней и ласково сказал:

— Не бойся, дорогая. Нас поддержат и спасут вера и молитва; но земля — не что иное, как покинутая крепость, лишенная духовных и физических сил, которые могли бы защитить ее против надвигающегося хаоса и вторжения духов зла. Итак, следует попытаться собрать остатки гарнизона земли, чтобы защитить, а, может быть, и спасти ее. Сурово наказанная, она, может статься, образумится; а человек, дерзавший отрицать Бога, поклонявшийся своим порокам и чтивший одну материю, запросит пощады...

— Так я должна буду помогать тебе пробуждать человеческую совесть? — тихим голосом спросила Ольга.

— Именно так. Я предполагаю читать лекции и потом открою тайную школу adeptov, куда буду принимать людей, расположенных к делу, и посвящу их сообразно с их силами, чтобы подготовить для действия в предстоящее тяжелое время. Ты же будешь принимать у себя женщин, способных тебя понять, будешь говорить им о высшей добродетели, а позднее можешь также проповедовать исправление и раскаяние, хотя бы, например, между амazonками.

Уже успокоенная и сияющая, Ольга бросилась на шею мужа и едва не задушила его.

— Боже, как ты добр и как я благодарна тебе, Супрамати. Я вижу, что миссия эта будет столько же интересна, как и полезна. Но ведь ты дашь мне подробные наставления, не правда ли?

— О, конечно, я дам тебе все необходимые наставления.

Он достал из ящика несколько печатных листов и передал ей.

— Это текст первых речей, которые ты должна будешь говорить; изучи их хорошенько, особенно оттенки голоса. Когда ты будешь декламировать их мне, я дам тебе особые указания; потому что голос — великий пособник, могущий гипнотизировать людей и подчинять себе аудиторию.

Дав еще некоторые объяснения Ольге, которая горела жаждой деятельности, Супрамати оставил ее учить одну из речей, а сам ушел в рабочий кабинет.

Грустный и озабоченный, углубился он в свои мучительные думы. Приближалось время начать общественную миссию, возложенную высшими магами, но она тяготила его. Будучи ученым отшельником, *магом*, он испытывал глубокое отвращение при необходимости выйти из своей замкнутой жизни и выступить на арене перед невежественной, глупой, глумливой и неверующей публикой. До сих пор он работал только для себя самого, совершенствовал собственное «я», изучал высшую науку для того, чтобы явить собой могущественную силу. В тишине и уединении своего волшебного дворца он учился повелевать стихиями, Управлять силами природы; теперь же ему предстояло научиться управлять толпами и подчинить их себе. Созерцая грозные силы природы и учась бороться с нею, ум его изошрился, а душа приобрела силу и гибкость стали. Предстоявшая же теперь борьба казалась ему унизительной и смешной. Он, *маг, посвященный*, должен нисходить до грубых неучей, стараться доказывать им факты, ясные, как Божий день, разъяснять законы, которые они не способны постичь, и в результате он все-таки останется в глазах нелепой и злобной толпы обманщиком, чем-то вроде шута горохового, который пробовал злоупотребить их доверием. Над ним будут издеваться и обольют его той грязной ненавистью, которую испытывает низший ко всему, что выше его.

Тем не менее, ему все-таки необходимо действовать, говорить и доказывать этой недоверчивой и недоброжелательной толпе великие явления иного мира, проповедовать веру и покаяние, совершенно противоречащие их вкусам, убеждениям и поступкам. О! Это испытание – самое тяжкое из всех. Супрамати закрыл глаза и тяжело вздохнул.

Легкая гармоничная вибрация и пахнувшая ему в лицо волна теплого, благоухающего ветерка вернули Супрамати к действительности. Он вздрогнул и открыл глаза.

В нескольких шагах от него в сумраке клубилось беловатое облако, затем голубоватый свет разлился по комнате, облако расплылось, сгостились и вдруг явилась Нара в простой белой развевавшейся тунике. На распущеных волосах был венок из магических синих, как сапфир, цветов, в чашечках которых светилось пламя.

– Супрамати, Супрамати, чего стоит твой венец *maga*, если ты уже отчаиваешься, не начав даже дела? – послышался любимый голос.

– Жестокая Нара, наконец пришла ты ко мне! – вырвалось у Супрамати.

От радости он вскочил со своего места.

– Могу ли я оставаться вдали от тебя, когда ты страдаешь, когда я вижу, что настал недобрый час борьбы с сомнениями и разочарованием, – ответила Нара, любовно на него глядя. – Мужайся, Супрамати! Ты укротил дракона, ты подчинил себе духов ада и смущаешься перед необходимостью соприкоснуться с людьми. Ведь это же только ларвы, которых надо укротить.

Супрамати схватил ее руки.

– Ты права. Я страдаю и теряю душевную гармонию. Я властвую над существами и стихиями, а во мне самом великая скорбь и отвращение. Ах, Нара, если бы мы могли работать вместе!

И он стремительно привлек ее к себе.

– Ты не знаешь, как мне тяжело сталкиваться с глупой толпой, подвергаться ее насмешкам, проповедовать этим глупцам то, чего они не желают понимать!

Нара тихонько высвободилась и придвинула стул.

– Разве мое присутствие здесь не показывает тебе, что мы постоянно работаем вместе, и что душа моя ощущает каждое движение твоей души. А теперь, Супрамати, сбрось с себя недостойную мага слабость. Разве мы не привыкли бороться с низшими существами? Тебе достаточно убеждения в своем превосходстве, но подумай чуточку и о тех, кого ты покоришь, которые окажутся способными понять тебя и оценить даруемое им тобою благо. Ты – вроде искателя жемчуга, который из глубины океана преступления и мрака извлекает гадкую раковину, в глубине которой скрыта, однако, драгоценная жемчужина – душа,

подобная твоей, способная стать носительницей света, поборницей добра. Труд извлечения этой драгоценности из раковины не может и не должен казаться тебе ничтожным. Ты же ведь трудишься уже над подобным делом. Маленькая Ольга также жемчужина, нашедшая своего ювелира, чтобы оправить ее в золото. Но будь уверен, что даже и среди этой развращенной толпы ты откроешь драгоценные, деятельные и готовые к восприятию души, которыми ты будешь когда-нибудь гордиться, подобно тому, как Эбрамар гордится нами.

— Ты права, Нара, это была минута недостойной слабости. Я должен бы знать, что ничто не дается без труда; только улавливать души, может быть, труднее, нежели добиваться венца мага, — возразил Супрамати с оттенком грусти.

Потом, приблизившись к Наре, он сказал, признательно глядя на нее:

— Благодарю, благодарю от всей души за твой приход, верная подруга. В тяжелые минуты помочь твоя всегда поддерживает меня.

— Я с радостью прихожу. Могу ли я быть вдали от тебя, когда ты страдаешь, а я знаю, что присутствие мое восстанавливает твое равновесие. Благодаря Бога, цель эта достигнута, мой маг пришел в себя. А теперь, — продолжала она лукаво, — поди утешь свою жену. Сейчас она хотела войти; но, услыхав мой голос, не могла устоять против соблазна приподняться немножко портьеру. При виде меня в ее ревнивом сердечке вспыхнуло подозрение, она считает меня опасной соперницей. Счастливый ребенок, который еще может ревновать, а вот мы, бедные старики, уже более на это не способны.

И Нара залилась серебристым смехом, видимо, забавляясь удивлением Супрамати, сразу возвращенного к действительности.

— А теперь прощай, — продолжала Нара. Она подошла, взяла руками голову Супрамати и запечатлела на его лбу поцелуй.

— Братский поцелуй, — лукаво шепнула она ему на ухо.

В то же мгновенье ее окружило облако голубоватого пара, в котором она как бы растаяла, и по комнате пронесся, как последний прощальный привет, мягкий, гармоничный аккорд.

Несколько минут Супрамати стоял и не мог собрать свои мысли; душу его наполнило глубокое, ясное спокойствие и выражение неизъяснимого счастья озарило его лицо.

— Да, поистине прекрасна эта чистая гармония, позволяющая любить без сомнения и ревности, но бедная Ольга далека от этого... Ее несовершенное сердце волнуется всеми земными страстями и надо идти успокоить ее и утешить.

На самом деле, в душе молодой женщины разыгралась целая буря ревности и отчаяния. Перечитав несколько раз одну из предстоявших ей речей и начав изучать ее, она наткнулась на несколько не совсем понятных мест и решила спросить у мужа объяснения. Но возле двери кабинета она вдруг застыла, как вкопанная.

Гармоничный серебристый голос говорил там на незнакомом ей языке. У Супрамати была *женщина!* И он отвечает ей на том же языке, а в голосе его слышатся такие глубокие прочувствованные ноты, которых она никогда не слышала, и выражали они несомненно горячую любовь. Сердце Ольги мучительно забилось. С кем говорит он таким образом? Не будучи в силах противиться искушению, она приподняла тихонько портьеру и окаменела.

Около Супрамати стояла женщина истинно небесной красоты. Простая белая туника обрисовывала ее стройные формы, а густые, белокурые, золотистые волосы, шелковистые пряди которых падали почти до земли, окутывали ее, словно блестящей мантией. Голубоватый, светлый свет окружал голову, украшенную удивительными фосфоресцировавшими цветами. Большие темные глаза чаровницы смотрели на Супрамати с выражением любви и его восторженный взор тоже любовно смотрел на незнакомку. И вдруг он привлек ее к себе...

Далее Ольга ничего не видела... Как преследуемая фуриями, бросилась она в свою комнату и, упав на колени возле окна, зарылась лицом в шелковую подушку, лежавшую на подоконнике.

В сердце ее кипел настоящий ураган. Вот действительная царица его сердца: женщина

эта, божественной красоты, была равна ему по знанию и гармонии своего существа. Ее он несомненно должен любить совершенно другой любовью, чем спокойная и покровительственная привязанность к ней; да это и естественно. Как дурна и ничтожна должна она казаться ему рядом с этой магиней, принадлежащей, вероятно, к братству adeptov и пришедшей освежить своей беседой и своим присутствием прекрасного и бессмертного, подобно ей, человека, который чувствует себя отшельником или изгнаником между ними, смертными. Да, да, Супрамати должен очень страдать от любви такого ничтожного существа, но как она была тщеславна и слепа, воображая, что может завладеть его сердцем. Нет! Лучше умереть, чем терпеть такое мучение, переносить мысль, что даже *такой* человек может обманывать, скрыв от нее, что эта чаровница посещает его, а он отдыхает в разговоре с нею после скуки в обществе невежественной и глупой жены.

Слезы душили ее; потом, озаренная новой мыслью, она схватилась руками за голову.

— Как скрыть от него то, что кипело в ней? Не успеет он войти, как уже все прочтет в ее сердце и голове... А если он обидится и, помимо всего, станет еще презирать ее?...

Она не заметила, что портьера уже приподнялась и Супрамати остановился на пороге, смотря на нее весело и снисходительно. Затем он подошел ближе, придвинул стул и сел возле. Совершенно поглощенная бушевавшей в душе бурей, Ольга ничего не видела и не слышала.

Спустя минуту он взял ее руку и сказал дружески, притворяясь, что не знает о том, что ее волнует:

— Боже мой, Ольга, ты, кажется, в отчаянии? Что так огорчает тебя?

При звуке его голоса Ольга стремительно вскочила; в ее прекрасных влажных глазах ясно отражались бурные, волновавшие ее чувства.

— Супрамати, прости... Я отлично знаю, что ты уже прочел все *мои* гадкие мысли и *мне стыдно перед тобою, но я так несчастна*. Невыносимо тяжело чувствовать себя недостойной.

Слезы брызнули из ее глаз и она прижалась губами руке мужа, все еще державшего ее руку. Супрамати от души рассмеялся и привлек ее к себе.

— Глупенькая, не стыдно ли быть ревнивой до такой степени, что сердечко твое готово разорваться и ты подозреваешь меня в неверности, в тайных свиданиях. И такое нечистое чувство закрадывается в душу жены *maga*!

— Супрамати, будь милостив и не отгоняй меня за такие преступные относительно себя мысли. Я хочу побороть это дурное, мучительное чувство, потому что сознаю невозможность соперничества с этой женщиной, прекрасной, как небесное видение. Около нее я — безобразна, как обезьяна, и глупа; я не могу понимать тебя, как поймет она. Но право, тяжело сознавать, что ей принадлежит твоя любовь, а меня ты только терпишь. А я, глупая, надеялась, что, несмотря на мое ничтожество перед тобой, ты все же любишь меня...

Слезы помешали ей продолжать.

— И ты думала правильно,- ответил Супрамати твердо и серьезно.- Да, я люблю тебя за твою кроткую и преданную любовь, и люблю земной любовью; ты для меня как бы отражение далекого прошлого, когда я любил, как простой смертный, и тебе нечего опасаться, что я предпочитаю кого-нибудь тебе. Та, которую ты видела, — Нара, и чистая связь, соединяющая наши души, не имеет ничего общего со страстями земными. Это — испытанная подруга, очень редко посещающая меня и только в такое время, когда видит, что я страдаю перед новым испытанием, вроде предстоящего мне теперь. Нара вовсе не соперница. А что ты ревнива, бедное дитя, это не обижает меня никаким, это естественное чувство, но и для тебя настанет время, когда любовь ко мне будет ни чем иным, как миром и гармонией. Успокойся же, люби меня без всяких ограничений, потому что и я люблю тебя сильно, а чтобы успокоить тебя совершенно, хочешь, я вызову Нару? Она придет охотно и, как сестра, поцелует тебя. Ольга порывисто обняла шею мужа и прошептала:

— Да, я хочу ее видеть и попросить у нее прощения. Супрамати встал, сделал рукою, на которой носил кольцо Граала, каббалистический знак и произнес формулу. Из магического

камня вырвалась струя такого ослепительного света, что Ольга зажмурилась и почувствовала головокружение. Легкое прикосновение привело ее в себя.

Она увидела Нару, пристально смотревшую на нее и протягивавшую ей руку. С минуту Ольга, как зачарованная, глядела молча. Никогда не видела она такой божественной красоты, и теперь мысль о соперничестве показалась ей совершенно нелепой.

— Простите за мою неблагодарность и дурные мысли, вдвойне недостойные, потому что вы оба добры ко мне, — пробормотала она, опускаясь на колени и прижимая к губам руки Нары.

Та поспешила подняла ее и обняла.

— Мне нечего прощать тебе, милое дитя; напротив, я прошу тебя уделить и мне частицу твоей любви. А его люби всей душой и услаждай ему жизнь среди людей, поддерживая его своей любовью в минуты, когда неблагодарная, враждебная, злая толпа оскорбит его и бросит в него камень за поданный ей хлеб насущный. Тяжело и трудно предстоящее ему дело, а помочь ему исполнить его — дивная миссия, которая должна наполнить твою жизнь. А теперь прощай, милая Ольга, и прими это на память обо мне.

Нара достала из-за пояса пучок магических цветов, подобных бывшим в ее гирлянде, и дала их Ольге. Затем голубоватый пар окружил стройную фигуру магини и она исчезла, точно растворяясь в воздухе.

Счастливая и призательная, Ольга рассматривала цветы, а потом положила их в хрустальный ящичек, на мозг.

— Это ведь бессмертные цветы, не правда ли? Взгляни, как они сверкают фосфорическим блеском, а чашечки излучают сапфировый свет, — говорила она.

Супрамати достал из шкафа флакон и спрыснул цветы бесцветной жидкостью.

— Теперь они станут навсегда свежими и никогда не увянут, — прибавил он. — Они переживут тебя, бедное дитя, — подумал он, и сердце его болезненно сжалось. — И ты не ревнуешь больше? — пошутил он.

— Нет, я поняла, что в твоей жизни я — придорожная фиалка, которая должна цвести и благоухать у твоих ног, и довольствуясь этой ролью, — ответила молодая женщина, грустно глядя на него.

Через несколько недель после описанного случая в большом свете разнеслась пикантная новость: интересный принц Супрамати намеревается делать у себя во дворце сообщения и показывать чудеса индийской магии. Во всех царьградских салонах только и разговору было, что про странную затею принца, которую обсуждали на все лады. Но преобладало мнение, что пресытившийся всеми удовольствиями и не знавший чем заняться миллиардер придумал развлечься ролью оратора; что восхищение его золотом, дворцами и пирами ему наскучило и он жаждет стяжать славу и аплодисменты в качестве артиста-фокусника. Некоторые, правда, зная Супрамати как серьезного и ученого человека, догадывались, что, вероятно, какая-нибудь веская причина побуждала его выступить оратором, но таких рассудительных людей, как всегда, было меньшинство.

Всеобщее любопытство еще усилилось, когда в городе стали известны шедшие во дворце приготовления. Громадная бальная зала первого этажа переделывалась в аудиторию со скамьями для публики, а в столовой устраивались буфеты.

Далее сообщалось, что бесед будет целая серия, что принц сделает предсказания о предстоящих бедствиях и переворотах, покажет волшебное зеркало и материализует духов новым, ему одному известным способом. Но, помимо предстоявшего забавного зрелища, интересно было то, что вход и угощение будут бесплатны. Эта последняя новость накалила публику добела. Билеты брались приступом и толпа вела себя, как дики, а запоздавшие и не попавшие на собрание были вне себя от бешенства.

Настал, наконец, день лекции, и задолго до назначенного часа дворец наполнился толпой, занимавшей места и с любопытством разглядывавшей буфеты, где Супрамати, зная свою публику, подготовил изысканные угощения, наилучшие вина и сигары, какие подавались только у него одного.

С не меньшим любопытством разглядывалось и убранство залы. В глубине ее на эстраде был устроен грот, освещенный удивительно сильным голубоватым светом; там стояли мраморные стол и стул, и необыкновенный, не виданный до сих пор, инструмент в форме рамы.

Общество было довольно смешанное; очевидно, секретарь принца раздавал билеты без особенного разбора. Однако расфранченные, залипые бриллиантами дамы и элегантные, украшенные орденами кавалеры составляли большинство. В этой нарядной и блестящей великосветской толпе шли оживленные толки, втихомолку злословили и трунили над хозяином, тратившим безумные деньги, чтобы показывать разные нелепости; если, конечно, за этой затеей не кроется какого-нибудь особого плана. И злые глумливые усмешки мелькали на увядших, давно беспрепятных лицах этих представителей всех «изящных» пороков, древних и современных. Мало кому из них приходило в голову, что они получат, может быть, великие откровения и услышат советы громадной важности, которые предостерегут их от неизвестной им опасности; а потому большинство легкомысленно подсмеивалось над наивными простаками, осмелившимися не разделять общего мнения и не понимавшими, что все это «шарлатанство» – не что иное как прихоть пресыщенного богача.

Сигнал к началу положил конец разговорам. Лампы были погашены и теперь лишь голубой, исходивший из грота свет таинственно озарял залу. Нивара поднял в глубине грота голубую с золотой бахромой завесу, и появился Супрамати.

Он был в индусском наряде и белой кисейной чалме, из складок которой над его челом разноцветными огнями сверкала бриллиантовая звезда; на золотой цепи висел большой медальон, усыпанный, вероятно, особенно драгоценными камнями, судя по целым снопам исходивших из них лучей. Прекрасное лицо Супрамати было очень бледно, лишь большие, темные глаза, казалось, жили; но его высокая стройная фигура в белом производила чарующее впечатление на темном сапфировом фоне.

Гром аплодисментов встретил появление принца и вызвал на его лице легкую краску. Ему, *магу*, стало стыдно принимать, словно какому-нибудь фокуснику, подобные приветствия глупой толпы; но он тотчас же поборол свою слабость. Эти сотни голов, пестревших у его ног, и были той «человеческой гидрой», о которой говорили посвященные и которую ему надлежало победить.

Глубоко прочувствованно, увлекательно звучал его голос и рисовал подавляющую картину нравов настоящего времени, злоупотреблений и преступлений, заражавших воздух и надрывавших жизненные силы планеты. Он объяснял, какое значение имеют чистые силы, излучения добра для обуздания и отражения натиска разъяренных сил хаоса, которые готовы ворваться в жизнь и произвести страшные перевороты. Горячо взывал он к людям, убеждая их обратиться к Богу, молиться, призывать светлые силы, дабы избегнуть тяжкой смерти ввиду того, что организм еще полон жизненности, а трупы их уже станут добычею ларвических духов, жадно стерегущих каждое покидаемое душою тело, чтобы насытиться им...

Упоминание о ларвах вызвало сдержанnyй смех и в зале замелькали во множестве платки, чтобы заглушить неуместную веселость. Кое-где, впрочем, замечались и озабоченные лица, с серьезным вниманием слушавшие речь.

Супрамати не показывал вида, что замечает производимое его словами впечатление и спокойно перешел к опытам, показывавшим действие порочных флюидов на астральное тело человека.

Антракт был поглощен взятием приступом буфетов и оживленным обменом мыслей. Много забавлялись предвещаемыми наводнениями и еще более смеялись над предложенным для избежания ото всех бедствий лекарством: молиться, уверовать в Бога и вытащить вновь на сцену церковные обряды. Добрейший принц просто-напросто желал бы вернуть мир на несколько веков назад и погрузить его вновь во тьму предрассудков и суеверия; но по счастию, теперь люди не так-то глупы.

Сатанисты, со своей стороны, были обижены дурной аттестацией, которую «этот

индус» давал ларвам, — очаровательным и интересным существам, с которыми можно потешаться совсем иначе, чем с простыми смертными.

Тем не менее, каждому любопытно было посмотреть в волшебное зеркало и увидеть в нем *свое* собственное будущее: судьба планеты их мало занимала.

Вторая часть сообщения, в которой Супрамати делал много любопытных опытов с человеческой аурой и показал видения «иного» мира, очень заняла публику, и только последняя картина своей чрезвычайной реальностью оставила по себе неприятное впечатление.

Выступившим из удивительной рамы черным паром заволокло весь грот, скрыв фигуру мага, и вдруг появился уголок Царьграда. Яркие молнии прорезывали черное небо, порывы ветра потрясали стены и гонимые ураганом косматые серые волны с грохотом затопляли город. Иллюзия была так сильна, что, казалось, вот-вот бурная вода зальет зрителей, и в зале послышались уже крики ужаса. Когда видение исчезло, много дам оказалось в обмороке, у нескольких мужчин с истрепанными нервами был истерический припадок, а другие разразились душу надрывающими рыданиями.

Но с появлением света все успокоилось и осталось только общее восхищение «кинематографическим опытом», никогда не виданным и превзошедшим всякое воображение.

На другой день Нивара сообщил Супрамати, что многие лица просили принять их, чтобы получить некоторые разъяснения по разным вопросам, возбужденным его лекцией; все выражали сильное желание поучиться.

— Просто любопытных я спровадил, но человекам десяти, истинно верующим, назначил день по твоему указанию, учитель.

— Хорошо, Нивара. Когда наберется таких пятьдесят, сообщи мне.

И Супрамати сделал нужное распоряжение для устройства открываемой им «эзотерической школы» и для помещения двух молодых adeptов, прибывающих скоро, чтобы помочь ему в преподавании.

Не успел уйти секретарь, как явился Нарайяна, напевая шансонетку и в самом прекрасном расположении духа.

— Знаешь, что я делал? Обратил в свиней с десяток твоих вчерашних слушателей, — самодовольно объявил он. — Ты не веришь? А это правда.

— И тебе не совестно злоупотреблять своими познаниями?

— Ни чуточки. Меня возмутило, что ты метал вчера бисер перед свиньями и проповедовал двуногим скотам. Но вот как было дело. Гуляю я в парке театрального дворца и встречаю компанию молодых людей, смеявшихся над тобою, над предсказанными тобой переворотами и особенно над советами молиться. Каких только глупостей и кощунств они не болтали; но, наконец, один из них заявил, что если ты рассчитываешь на слушателей в храмах и на церковной процессии, то тебе следует, в таком случае, выдрессировать свиней и загонять их на эти церемонии. Я притворился, будто мне нравится их идея, и сказал, что мастер дрессировать животных и, если они хотят отправиться со мною в купленную мною виллу близ дворца артистов, то я покажу им любопытные вещи в этом роде.

Они пошли, и там известным тебе способом я обратил их в свиней, а потом выгнал на улицу. Ты поймешь, что произошло, когда они осознали свое положение. С отчаянным ревом бегали они по улицам, крича человеческими голосами, что принц Нарайяна околдовал их. Собралась, конечно, огромная толпа и сопровождала почтенных животных, со всех ног бежавших по домам.

Но там разыгралась преуморительнейшая сцена этой трагикомедии: домашние не захотели признавать таких странных родственников и, несмотря на крики бедных пороссят, их бесцеремонно вышвырнули. Но возбужденная против меня толпа с криками и угрозами бросилась к моему дворцу.

— Боже мой! Можно ли так себя comprometировать, Нарайяна? Надо же, однако, освободить этих несчастных! — воскликнул в негодовании Супрамати.

– Успокойся. Эбрамар уже вернул им их природную красоту, а тебе следовало бы знать, что я никогда не скомпрометирую себя: я подготовил себе неоспоримое *alibi*. Во время всей этой истории я находился в театре с шестью великосветскими друзьями, удостоверившими это, и завтра во всех газетах появится мое письмо с объяснением, что какой-то негодный обманщик принял мой образ для производства дьявольского превращения, ибо я был в театре, с друзьями, а потому никто не может усомниться в моей честности, – самодовольно закончил Нарайяна.

– Ты раздвоился, плут. А не лучше ли было помочь мне, чем заниматься такими глупостями? – заметил Супрамати, качая головою.

– Помогать в спасении этих скотов? Да их все равно не спасешь...

– Если из ста мы спасем одного, и тогда это стоит труда. Нарайяна скорчил гримасу.

– Если уж ты так желаешь, пожалуй, чтобы доставить тебе удовольствие, я готов помогать. Но что я могу сделать?

– Прежде всего постараться вызвать движение в густой ауре этих людей, чтобы сделать ее более чувствительной и восприимчивой; ты видишь же, какая липкая, сероватая масса окружает их мозг, мешая ему ощущать чистые токи, препятствуя полету мысли. Окружающая их атмосфера и люди, с которыми они сталкиваются, запечатлели их мозговую ауру узкими материалистическими идеями, убили понятие о Боге. Смутное влечение к чему-то неведомому, существование которого они чувствуют, таится, несомненно, замкнутое в глубине души, но плотная и липкая аура не дает духовной птичке развернуть свои крылья.

Дать слепцам возможность постичь механизм вселенной – вот работа, достойная нас. Почему можем мы провидеть бесконечные горизонты астрального мира, читать сквозь материю тайны творения и скрытые законы?

Потому что мы расширили свое духовное зрение; а между тем оно еще крайне ограничено в сравнении с великими духами, нашими учителями. Сколько же света надлежит нам еще приобрести, прежде чем переступить за грань *верховной тайны*?

У нас свободный и подчиненный огонь светится сквозь материю и озаряет наш путь в лабиринте тайны творения; у тех же, кого мы хотим спасти, астральная сила замкнута и не в состоянии выступить за обнимающую ее тяжелую атмосферу, мысли становятся узкими, ограниченными, и высшее понимание не может прорваться наружу.

Они не видят могучего тока, яркого астрального света, исходящего от высшего существа, хотя и чувствуют этот поток света и тепла, подобно дождю искр падающий на черноватую массу, мешающую мозгу свободно действовать. Но золотой дождь пронизывает густую атмосферу, проделывает в ней ходы, через которые мало-помалу начинает вырываться астральный свет индивидуума и он становится легче, а мысли гибче. Начинают просыпаться нравственные и научные запросы, восстанавливается обмен, а внутренний свет пробивается наружу и принимается за работу. Недаром старая и мудрая пословица гласит: от столкновения мнений блещет истина.

Ты знаешь, конечно, все это не хуже меня; но я говорю об этом только для того, чтобы придать более отчетливую форму программе твоей работы. Обязанность каждого высшего существа высвобождать эти грубые мозги, под корою коих таится божественное наследие – неразрушимая психическая искра, требующая работы как пищи, чтобы возгореться теплом и силою, разбить узы плоти и получить свободу.

– Да, и первое врожденное усилие разбить материю, преграждающую путь к свободе, будет порывом к Богу. Эта мысль наиболее понятна всякому существу. Ах, чего бы я не дал, чтобы понять загадочный закон, по которому совершенная искра вселяется в низшую материю, чтобы затем снова делаться совершенной путем тысячи страданий, – глухо произнес Нарайяна.

– Мы узнаем это, когда пройдем за огненную ограду, которая скрывает высшую тайну творения; но какой долгий, долгий, почти бесконечный путь предстоит нам еще пройти, – ответил задумчиво Супрамати:

Нарайяна задумался на минуту, глядя в пространство, потом он нервно вздрогнул, и на

подвижном лице его мелькнуло выражение разочарования и усталости.

— Да, да. Впереди у нас бесконечный труд и беспредельное время для достижения неведомой цели, а позади головокружительная бездна, уже пройденная нами сквозь три царства, пока мы не сделались тем, что мы теперь из себя представляем, — точно про себя произнес он.

— Да, тяжело восхождение духа от протоплазмы до *maga*. Но разве нам не помогали, не руководили нами, не поддерживали нас на тернистом пути? А посмотри, чего ты уже достиг.

И Супрамати подвел друга к большому зеркалу.

— Взгляни. В глазах твоих светится великий разум, широкое излучение твоего мозга делает тебя способным постичь величие Творца, своим божественным дыханием создавшего такие прекрасные существа, которые силою притяжения к Нему постепенно перерождаются.

Нарайана улыбнулся, но взглянув на Супрамати, аура которого блестела, как серебряная, усеянная искрами мантия, он схватил его за руку и крепко пожал ее.

— Я хочу работать, спасибо, брат мой и друг! Ты оказал мне большую услугу, напомнив о моем долге в отношении моих низших братьев; я обязан оказать им то, что мне делали другие.

Супрамати привлек его к себе и дружески поцеловал.

В эту минуту раздался гармоничный аккорд и на мозаичный пол упал луч голубоватого света, в котором оба друга увидали террасу гималайского дворца и стоявшего на ней Эбрамара. Он приветствовал их жестом и улыбкой, приняв издали участие в их разговоре, и посыпал теперь им свои астральные флюиды.

Глава седьмая

Исполненная грусти, но твердо решившаяся следовать избранному пути, вернулась Эдита в Америку и, несмотря на усилившееся неудовольствие отца, снова стала посещать бедных и больных, а на собраниях и приемах, которые постоянно устраивал Диксон, она присутствовала только по необходимости и с явным отвращением.

Банкир действительно решил выдать во что бы то ни стало дочь замуж и даже наметил будущим зятем дальнего родственника, влюбленного в Эдиту и умевшего снискать его расположение. Возмущенный ледяной холодностью девушки, новый претендент решил через отца повлиять на дочь. Стараниями его насчет молодой девушки пошли самые обидные толки и приняли, наконец, такие размеры, что один из друзей банкира счел нужным предупредить его.

— Тебе следовало бы положить конец этим обидным сплетням, — закончил тот. — Ясно, что дочь твоя ненормальна, потому что какая же молодая девушка, красивая и богатая, будучи в здравом уме, стала бы избегать свойственных ее летам развлечений, рыская вместо того по лачугам и разговаривая с голышом? Что станется с твоим богатством, если ты вовремя не приставишь к нему разумного управителя? Она несомненно его промотает.

Доведенный до белого каления этим разговором, банкир устроил дочери сцену, какой она еще не видала, и объявил, что, если она не образумится, он поместит ее в сумасшедший дом.

— Мне надоели все эти сплетни и пересуды на наш счет. Потрудись жить разумно и выбери мужа из числа претендентов; твой двоюродный брат Сидней больше всех мне нравится. Как бы то ни было, но я хочу найти тебе еще при жизни разумного покровителя, который сохранил бы мое состояние от нищих. Если ты будешь упорствовать, я буду считать тебя помешанной, состояние здоровья которой требует попечения. Даю тебе неделю на размышления и выбор. Сидней, мистер Хемпдон и мистер Ларрис ищут твоей руки, и если ты хочешь избежнуть больших неприятностей, обручись через неделю с одним из них.

Не ожидая ответа, он вышел из комнаты.

Оставшись одна, Эдита залилась слезами. Благодаря большой свободе, какую пользовались женщины, она могла, конечно, бороться с отцом, но только ценой скандала,

потому что она была несовершеннолетняя. Кроме того, она любила отца, который всегда был добр к ней, желал ей, конечно, одного добра и гордость его страдала от гадких толков на ее счет. Но ни за одного из этих антипатичных ей господ она выйти не могла; все трое были заведомые атеисты и кутилы, а Сидней слыл даже сатанистом. Один образ властно царил в сердце молодой девушки; это – образ таинственного рыцаря, спасшего ей жизнь.

Она не знала, человек он или ангел, но в эту минуту скорби она обратилась к нему, стоя на коленях в своей комнате и заглушая рыдания, молила она Бога еще раз послать ей этого избавителя для совета и утешения.

На следующий день она сидела дома, вследствие головной боли, и открыла окно, рассеянно глядя на улицу. Вдруг она вздрогнула и побледнела. Мимо ее дома проезжал элегантный экипаж и в нем ее «рыцарь» или его двойник. Но теперь он был в современном костюме. В эту минуту незнакомец поднял голову, взгляды их встретились, и он улыбнулся.

На другой день был большой бал у представителя одной великой европейской державы, и Эдита по воле отца должна была туда отправиться, но, к его удивлению, она согласилась без малейшего возражения; ей казалось, что предстояло что-то счастливое, может быть, она увидит вчерашнего незнакомца, и при одной этой мысли сердце ее сильно билось.

Предчувствие ее оправдалось. Вскоре в толпе увидала она молодого человека – живой портрет ее идеала, а позднее отец представил ей его, назвав принцем Дахирам. Яркая краска, покрывшая в эту минуту лицо дочери, навела банкира на мысль, не встретила ли она красавца индуза случайно в Европе, влюбилась в него, и любовь эта была, может быть, причиной ее странностей. Когда потом принц просил разрешения сделать визит, подозрение это окрепло и даже обрадовало отца. Диксон видел в Царьграде Дахира с Супрамати и знал, что они очень богаты; а если индус также видел Эдиту и ради нее приехал в Америку, значит, все складывалось как нельзя лучше.

Эдита была в таком настроении, которое не поддается описанию. Счастье и болезненная тоска боролись в ней. Принц разговаривал с нею и открыто за нею ухаживал, но ни одно слово, ни один взгляд не выдали недавнюю встречу. И вопрос, «он ли это или другой, похожий на него», до такой степени поглотил ее, что она не отвечала иногда на вопросы Дахири и не замечала мимолетной улыбки, мелькавшей на его лице.

На другой день Дахир явился к банкиру, который любезно принял его и пригласил обедать. Чуть не каждый день встречалась Эдита с принцем и, к великому неудовольствию прочих искателей, молодая девушка не видела никого, кроме красивого иностранца.

Не раз уже беседовали они, а у Эдиты неотвязчиво вставал в голове вопрос о прошедшем и о ее таинственном исцелении, но непобедимая робость останавливалась ее. Несмотря, однако, на это сомнение, она задавала себе вопрос, что ответить, если он попросит ее руки?

– Да, да! Кто бы он ни был, я люблю его, и принадлежать ему – верх блаженства, – шептала она, трепеща от счастья и надежды.

Итак, когда однажды вечером он спросил, согласна ли она принадлежать ему, она ответила тихим голосом, с влажными от счастья глазами.

– О, я давно – ваша.

На следующее утро мистер Диксон очень довольный пришел к дочери и сообщил о предложении Дахири.

– Передать ли принцу твой отказ или ты стала снова благоразумна? – лукаво спросил он.

– Благоразумна, – отвечала Эдита, красная, как вишня, и пряча лицо на груди отца. – Скажи принцу, что я согласна.

Помолвкаправлялась торжественно. Двоюродный брат Сидней отсутствовал и обдумывал план мщения, но неожиданный случай помешал его злобным замыслам. Во время перелета испортился механизм его самолета, он упал, сломал ногу и руку и на несколько месяцев слег в постель.

Свадьба Даира и Эдиты была не менее пышная, нежели обручение, иправлялась без всяких религиозных обрядов, к большому прискорбию невесты; мистер Диксон, будучи атеистом и материалистом, не признавал никакой религии.

По окончании великолепного обеда новобрачные сели в воздушный корабль принца и отправились в свадебное путешествие, которое заканчивалось Царьградом.

Когда они остались наконец вдвоем в маленьком салоне самолета, Даир усадил Эдиту на диванчик и сказал весело:

– Ну, милая моя, теперь, когда мы муж и жена, задашь ли ты мне, наконец, вопрос, который так давно мучает тебя. «Он» ли это или только похож на него?

Раскрасневшаяся и смущенная Эдита блаженно взглянула на него.

– Ты уже знаешь, ты угадал мою мысль? Правда, я видела всего один раз таинственного незнакомца, твой живой портрет, и теперь даже сомневаюсь, однако...

Она колебалась и прижалась головой к его плечу.

– Я хотела бы лучше, чтобы ты был «другой», но не ангел. Даир от души рассмеялся.

– Успокойся, дорогая, я – не ангел, хотя, в то же время, я и не совсем обыкновенный человек, но моя жена должна это знать. Видишь ли, я – член одного тайного братства ученых, которые умеют владеть силами, неведомыми профанам. Я увидел тебя, полюбил и захотел вернуть тебе здоровье; при помощи собратьев мне это удалось, но ты поймешь, что подобное оккультное знание, для того чтобы быть примененным на практике, требует особых условий. Готовься же в качестве моей жены увидеть вещи, которые покажутся тебе необычайными и непостижимыми. Можешь ли ты пообещать мне не любопытничать, особенно никогда не разбалтывать отцу и не выдавать кому бы то ни было того, что узнаешь или что будешь подозревать относительно тайны моей жизни?

Объятая суеверным страхом, Эдита вздрогнула и с минуту молчала; потом в глазах ее сверкнула бесконечная любовь и, скимая руку Даира, она ответила твердо:

– Ты меня любишь и я – твоя, чего мне больше желать? Ты спас меня, и это только усиливает, если возможно, мою любовь и благодарность. А что мне до остального? Не бойся с моей стороны ни нескромности, ни любопытства.

Даир прижал ее к себе и нежно поцеловал.

– Благодарю, дорогая, за любовь твою и доверие, но позволь мне сказать, что чудесное в твоей жизни начинается с этой поры. Мы едем в Индию, к моему учителю и руководителю, одному из ученых, которому ты обязана жизнью, просить его благословить наш союз, не получивший освящения свыше.

Наконец самолет остановился перед террасой дворца Эбрамара. Молодые супруги вышли и, пройдя несколько роскошных зал, вступили в кабинет ученого. В задней стене теперь была открыта глубокая полукруглая ниша, озаренная голубоватым светом, и там стоял маг. Сноп ослепительного света ореолом окружал его, и его белая одежда сверкала, как снег на солнце.

Вся дрожа, опустилась Эдита на колени около Даира. Эбрамар поднял руки и из его ладоней вылетели два светящихся шара, кружившиеся над головами новобрачных, а затем как бы ушедшие в них. Затем Эбрамар произнес молитву, благословил их, поднял и, поцеловав, поздравил.

После этого все прошли в столовую, где Даира ожидал сюрприз – Супрамати с женой, приехавшие их поздравить, и Ольга оживленно рассказывала, что собиралась уже спать, как вдруг пришел муж и, смеясь, предложил ей съездить поздравить Даира.

– Эбрамар приглашает нас, – прибавил он. – В ту же минуту явился широкий луч света, а на полу образовался большой красный треугольник. Мы вошли в него, Супрамати завернул меня в свой белый плащ и... не знаю, как мы очутились здесь. Не чудесно ли такое происшествие и какое нам выпало счастье выйти за таких ученых, – прибавила она, целуя Эдиту.

Ужин прошел очень весело и оживленно: Эбрамар был самым любезным хозяином. Он отечески отнесся к молодым женщинам и на память об этом дне подарил им древние

медальоны, украшенные изумрудами.

После ужина Супрамати собрался уезжать, но когда и Дахир хотел последовать его примеру, Эбрамар сказал ему:

– Не желаешь ли ты остаться и провести здесь несколько недель твоего медового месяца? Я подготовил вам помещение; сам же я отправляюсь к приятелям, живущим на острове, прежде необитаемом, – он лукаво улыбнулся, – где мы намереваемся произвести несколько любопытных опытов. После вы присоеди-

нитесь к Супрамати, чтобы помочь ему, пока не найдется какого-нибудь полезного дела и для тебя, Дахир.

Эдита была в восторге и горячо благодарила Эбрамара, отведшего их в подготовленное им роскошное помещение с живописным видом из окон на сады и горы. Залитая луною, картина эта казалась сказочной.

В глубокой тишине волшебного дворца Дахир с женой провели несколько недель безмятежного счастья.

Несмотря на свою долговременную жизнь, Дахир не знавал радости домашнего очага, тихого счастья истинной любви. Страстная и безгранична любовь Эдиты согрела и смягчила сердце ученого, столь юного телом и старого душою; да и сам он горячо привязался к милой и привлекательной женщине, читавшей в глазах мужа малейшее его желание и вместе энергично работавшей над развитием своего ума и приобретением познаний, чтобы и духовно приблизиться к нему. Потому с большим сожалением покинули они Индию и поселились в Царьграде, в маленьком дворце, подготовленном для них Супрамати.

Как только они устроились, Дахир стал помогать Супрамати и в сообщениях, которые продолжали привлекать публику, и в руководстве тайной эзотерической школой, насчитывающей уже около 300 членов.

– Немного для населения в несколько миллионов, но это все, по крайней мере, серьезные adeptы, люди преданные, на которых можно положиться.

Собрания у Ольги также не остались без результата. Началось с того, что сперва смеялись над новообращенной амazonкой, проповедовавшей семейные добродетели, предрассудки и суеверия, уничтоженные,казалось, окончательно и столь невозможные в настоящее время, как возвращение к каменному веку. Тем не менее, несмотря на эти насмешки, оказалось все-таки немало, женщин, в душе которых принципы принцессы Супрамати нашли отклик. Образовался тесный кружок сторонниц Ольги, который понемногу расширялся, и Эдита приняла горячее участие в трудах этих adeptов-женщин.

Она была энергичнее и практичнее Ольги, а потому под ее влиянием реформаторское движение усилилось и члены их общества, отбросив ложный стыд, вернулись к обязанностям жен и матерей, не сдаваясь перед насмешками мужей, не доверявших прочности принципов своих легкомысленных половин.

Прошло около года. Однажды вечером Эдита сидела одна в спальне, ожидая мужа, бывшего еще у Супрамати.

Была великолепная ночь и, сидя у открытого окна, она мечтала, смотря на темно-голубое небо, усеянное миллиардами звезд и вдыхая аромат роз, доходивший из сада.

Шаги мужа в соседней комнате вывели Эдиту из задумчивости затем вошел Дахир и торопливо подошел к ней. Он был бледен и прекрасное лицо выражало непривычную строгость.

– Как ты долго не возвращался! – сказала она.

Меня задержали, – ответил Дахир, садясь рядом с нею и целуя ее. – А теперь я хочу еще поговорить с тобою о серьезном деле и попросить у тебя об одной жертве – прибавил он, наклоняясь к ней и испытуя ее синие глаза, с бесконечною любовью глядевшие на него.

– Говори. Разве есть что-нибудь, чего бы я не принесла с радостью в жертву тебе, если только... – она побледнела и остановилась, – это не касается разлуки...

– Нет, нет, Эдита. Дело не касается такой жертвы, которая была бы невыразимо тяжела и для меня. Это – не то. Видишь ли, руководители мои налагаю на меня миссию. Ты знаешь, что в будущем предстоят страшные бедствия, и для блага человечества, для спасения тех, кто пожелает спастись, надо снова научить людей молиться, вселить раскаяние в зачестившие сердца, разъяснить им, что единственный путь к спасению в милосердии Создателя. Миссию, которую Супрамати несет среди высших классов, мне предстоит выполнить в среде народа; но для того, чтобы внушить доверие бедняку, чтобы заставить его себя слушать, я должен сам быть бедным и скромным, как он. Знатному барину, миллионеру, он не поверит.

Итак, дорогая моя, хочешь ли ты идти со мной на это трудное дело, оставить дворец, роскошь, к которой привыкла, и жить со мною в бедном домике, служа бедным и больным, утешая умирающих, поддерживая нищих духом? Достанет ли у тебя бодрости спуститься со мною в логовища нищеты, порока и безверия, чтобы словом и делом поддержать эту отталкивающую и потому

вдвойне жалкую толпу? Золото наше будет служить только нуждам других, а у нас не будет даже прислуги. Я буду лечить и проповедовать, а ты станешь помогать мне. Только не будет ли слишком тяжело этим маленьким атласным ручкам заниматься хозяйством?

Эдита восторженно обняла шею мужа.

– О, Дахир! Как я благодарна тебе, что ты привлекаешь и меня к своей великой миссии милосердия. Помогать бедным, молиться Богу и быть вдвоем, все делать для тебя, да ведь это – рай.

Глубоко тронутый, Дахир прижал ее к себе.

– Благодарю за такой ответ, мой доблестный друг. Твоя готовность делить со мною труды делает меня нескованно счастливым.

На следующий день вечером Эдита в простом сером шерстяном платье, закутанная в темный плащ с капюшоном, садилась с мужем в его самолет.

Две корзины составляли весь багаж путешественников.

Их сопровождал Небо, секретарь Дахира; он знал миссию своего учителя и должен был поддерживать сношения с ним.

На рассвете воздушное судно опустилось на небольшой площадке. Там, прислонившись к поросшей лесом горе, стоял скромный домик, всю роскошь которого составляла большая, покрытая вьющимся виноградом терраса; внутри были две скромно меблированных комнатки и маленькая кухня; за изгородью паслись две овцы. С террасы открывался великолепный вид; у подножия горы, в долине, виднелся городок, к которому спускалась извилистая дорога.

Простившись с секретарем, Дахир с женой подробно осмотрели свое новое жилище и нашли его восхитительным; потом Эдита с помощью мужа разместила в шкафу содержимое корзин и весело побежала на террасу готовить завтрак.

В маленьком белого дерева буфете она нашла белье, посуду и провизию, состоявшую из меда, хлеба, масла, сыра и кувшина овечьего молока.

Окончив свой скромный завтрак, Дахир расцеловал ручки жены и объявил, что никогда в жизни не ел с таким удовольствием. Затем он позвал Эдиту осмотреть еще один уголок их жилища.

На скате горы, у которой приютился их домик, находилась высокая расселина, почти совершенно скрытая густой листвой плюща и виноградника, и над ней сквозь зелень деревьев выглядывала остроконечная башенка. Изумленная Эдита очутилась в просторной пещере, похожей на часовню. В глубине висел большой крест с изображением во весь рост распятого Спасителя, а сверху струился неведомо откуда сильный голубоватый свет, который, падая на главу Христа, придавал ей удивительную жизненность; да и вся пещера озарена была мягким полусветом.

У подножья креста был престол из белого мрамора, покрытый золотистой скатертью, а на нем стояла большая, увенчанная крестом чаша братства рыцарей Граала. Посредине пещеры был большой бассейн и в нем был фонтан, высоко кверху бросая серебристую и

чистую, как хрусталь, струю.

– Это к чему? – спросила Эдита.

– Да ведь необходимо начать снова крестить эту грязную толпу, иначе она не поддастся лечению и не будет способна к раскаянию. Только обмыв ее и очистив немного, можно будет проповедовать ей слово Божие, – ответил Дахир, опускаясь на колени перед алтарем.

Эдита последовала его примеру.

Когда они помолились, Дахир нажал пружину в углублении скалы и ввел жену в другую пещеру, осветив ее. Там были полки с флаконами и пакеты с травами, различные странной и незнакомой формы инструменты.

– Это твоя лаборатория? Ты тоже маг? – спросила, краснея, Эдита.

– Слегка, – добродушно ответил Дахир,

Потом они уселись на скамью около дома и любовались, беседуя, веселой расстилавшейся у их ног картиной; далеко внизу серебряной полосой змеилась река. Дорога, извилистой лентой спускавшаяся с горы в долину, проходила очень близко от их дома; Дахир указал на нее рукою.

– Будем надеяться, что вскоре дорога эта приведет к нам много больных телом и душою. Завтра, на заре, надо будет нам освятить часовню.

На другой день Дахир надел длинную белую шерстяную тунику, повесил на шею золотой крест и, в сопровождении Эдиты, также в белой одежде, пошел в часовню.

Пока маг читал молитвы, окропляя престол, стены и бассейн, Эдита зажгла семь треножников и бросала в огонь травы и ароматические порошки, смесь розового масла, сандала, мирры, перуанского бальзама и других веществ; бальзамический укрепляющий аромат наполнил пещеру и в ту же минуту стал звонить колокол, и его громкие, звенящие звуки далеко разносились вокруг.

В это время по дороге в горы тихо подвигалась старая женщина с ребенком на руках и мужчина, хотя и молодой, но худой и сгорбленный, очевидно, чахоточный. Он опирался о палку, и сильный кашель душил его; он дышал тяжело и вынужден был останавливаться. Ребенок, лет трех, имел вид умирающего, и маленькое, худое тельце его конвульсивно подергивалось.

Подходя уже к дому Дахири, мужчина остановился и вытер струившийся по лицу пот.

– Не могу больше... Надо отдохнуть, устал, – проговорил он.

– Вот у дома скамья, присядь на ней, – ответила женщина и оба сели, прислушиваясь к продолжавшемуся звону колокола.

– Где звонит этот колокол? Не видно ни церкви, ни часовни, – заметил мужчина.

– Да и дома этого я никогда не видела. В последний раз, когда мы ходили в клинику, я помню, что его не было; вероятно, он только что построен, – сказала женщина. – Посмотри, посмотри. Из-за дома выходят мужчина и женщина; это, должно быть, какой-нибудь священник, у него на шее крест.

– Женщина должна быть добрая, попрошу-ка я у нее напиться, – вполголоса проговорил мужчина.

Но прежде, чем он успел встать, Дахир и Эдита, выходившие из часовни, подошли к скамье. При виде двух больных с печатью смерти на лице, маг многозначительно переглянулся с женой.

– Я принесу молока для вас всех, милая моя, – сказала приветливо Эдита и побежала к дому.

Тем временем Дахир нагнулся над ребенком.

– Бедняжка очень болен.

– Умирает, сударь, и мой бедный сын также очень болен, а дома жена да еще четверо детей. Что с нами будет, если он умрет? Еще недавно мы были так счастливы!... Он – электротехник, хорошо зарабатывал, а потом жестоко простудился и схватил эту страшную болезнь, которая убивает его в 27 лет!...

Слезы помешали ей продолжать, но, преодолев себя, она с усилием прибавила:

— Мы идем в городскую клинику, попросить какого-нибудь лекарства, чтобы облегчить страдания наших бедных больных, но наука бессильна для них.

— Да, наука человеческая бессильна, но почему не обратитесь вы к истинному целителю тела и души, к Богу?

— Ах, добрый мой господин, разве Он существует? Никто уже не верит более в Него, потому что Он ничем не проявляет себя. В прошлые века в Него верили и много молились Ему, но Он никогда никому не помогал.

— У людей не было истинной веры, а преступления отделяли их от Бога, потому именно Он и не помогал им. А вы попробуйте горячо молиться. Пойдемте, здесь есть часовня. Падите ниц, молите Бога и надейтесь, что Он поможет вам, — серьезно и убежденно сказал Дахир.

Во время разговора Эдита принесла молока и напоила всех троих. Мужчина, видимо, почувствовал себя крепче и сказал после минутного колебания:

— Как думаешь, мать, ввиду того, что мы ни во что не верим, можно рискнуть сходить в часовню, если, конечно, это не очень дорого стоит.

Дахир улыбнулся.

— Это стоит только одного искреннего порыва к Создателю всего сущего.

Сильные, пронизывающие ароматы часовни так действовали на вошедших, что они зашатались и упали бы, не поддержки их Дахир и Эдита.

Как только они несколько оправились, маг подвел их к алтарю и приказал преклонить колени. В ту же минуту послышалось нежное пение; это был усовершенствованный инструмент, помещенный в углублении скалы. Музыка эта, в связи с ароматами, произвела сильное действие па нервы бедняков; оба они дрожали и плакали, растерянно бормоча, что никогда не молились и не знают, как это делается.

— Повторяйте за мной! — сказал Дахир, становясь также на колени и вздымая сложенные руки. — Боже всемогущий и милосердый, Отец всего сотворенного Тобой, не отврати милости Своей от нас, несчастных. Никто не учил нас молиться Тебе, пользоваться этим великим благодеянием, этим порывом души, соединяющим нас с Отцом нашим небесным. Рассей мрак, в котором мы коснеем.

Пока он говорил, ребенок поднялся на руках бабушки. Глаза его, мутные перед тем, широко раскрылись и удивленно блестели; вдруг он потянулся исхудавшими ручками к изображению Искупителя и громко воскликнул:

— Ах, как красиво!...

— Видите, — сказал на это Дахир, — детям открыто царствие Божие, они видят небесные красоты.

Потрясенные и взволнованные, мать с сыном стали горячо молиться, повторяя: «Боже мой, помилуй нас».

Дахир взял ребенка, раздел его и окунул в бассейн. Вынутый из воды ребенок был как будто в обмороке, но не обращая на это внимания, маг передал его Эдите и приложил руки к головке и груди. Затем он взял чашу, а Эдита, опустившись на колени, подняла к нему ребенка и Дахир влил в его ротик несколько капель пурпуровой жидкости из чаши, а потом накрыл его золотой скатертью с престола и погрузился в горячую молитву.

Наступила глубокая тишина, нарушающаяся только легкой, гармоничной вибрацией. По прошествии минут десяти Дахир приподнял покрывало и в ту же минуту ребенок открыл глаза.

Отец и бабушка онемели от удивления и не верили себе, глядя на ребенка. Легкая краска сменила мертвеннную бледность, валившуюся раньше от слабости голова выпрямилась, полуоткрытый ротик весело улыбался, стал свежим и розовым и ребенок, протягивая ручки к бабушке, закричал:

— Я хочу есть, дай мне есть!

Эдита поцеловала его, потом протянула его родным и весело сказала:

— Пойдемте, милая моя, мы переоденем его в чистое белье и накормим.

Дахир благословил ребенка и надел на его шею золотой крест с цепочкой, взятый с престола.

Когда женщины вышли из часовни, мужчина вдруг бросился в ноги Дахиру.

– Вижу, что ты – святой, что Бог существует и велико могущество Его. О! Спаси же и меня! – восторженно воскликнул он.

– Я такой же грешник, как ты, и только простой ходатай перед Отцом небесным; спасение же исходит от Него. Преклони там колени, – он указал на крест, – исповедуй открыто свои прегрешения и проступки, раскаясь и прими твердое решение начать новую жизнь. Тогда ты удостоишься получить божественную милость.

Сломленный душевным волнением, тот опустился перед престолом и дрожащим голосом начал исповедь. Несмотря на молодость, он совершил много грязных, бесчестных поступков. Когда он умолк, Дахир положил руку ему на голову и сказал:

– Раскаяние твое искренне, как и желание жить в будущем по закону Божию; прими поэтому здравие телесное для того, чтобы поддержать душевное. Теперь окунись трижды в этом бассейне; хрустальная вода его не иссякает, как и милосердие Божие, которое только что снизошло на тебя.

Как только больной вошел в бассейн, над головой его вспыхнул светящийся крест, а из тела начал выступать густыми клубами черный пар, исчезавший вверху.

Затем Дахир дал ему чистое белье, надел на него крест и напоил из чаши, наказав жить честно и молиться Богу, если не желает возврата своей болезни.

Со слезами радости тот объявил, что чувствует себя возрожденным. Дышалось ему свободно, боль в груди прошла, новая сила жизни разливалась по жилам, а согбенная спина выпрямилась.

– Боже великий и милосердый. Ты существуешь!... А мы ничего не знали о Тебе. Но я до конца дней буду веровать в Тебя и поклоняться.

С признательностью и смирением благодарил он также Дахира и просил разрешения ходить к нему учиться молиться.

– Не только можешь, а ты должен приходить сюда укреплять свою душу в этом святом месте, – ответил маг.

Он дал ему книгу благочестивых размышлений и научил древней молитве, которая будет вечно нова, благодаря заключенной в ней таинственной силе: «*Отче наш, сущий на небесах*».

Увидав чудесную перемену в состоянии своего сына, старуха едва не помешалась от счастья и умоляла Дахира указать ей также путь к бесконечному Существу, истинному Подателю жизни.

Дахир уважил ее просьбу; он омочил голову ее водою из бассейна, дал ей крест и причастил. Затем они вознесли последнюю горячую благодарственную молитву, и трое счастливых направились домой, восторженно повторяя, что будут теперь говорить всем страждущим о том, что есть всемогущий, благой Бог для тех, кто с умилением и верою обращается к нему.

Дахир и Эдита сели на скамью и провожали глазами уходивших.

– Первый шаг сделан, – с улыбкой сказал Дахир. – Теперь к нам повалят толпы, потому что горе и страдания лучшие средства, чтобы привести людей на путь истинной веры.

Глава восьмая

Предсказание Дахира быстро исполнилось. Со всех сторон шли больные, калеки, слепые и скоро целые вереницы народа уже с самой зари тянулись по дороге к его домику. Дело становилось тяжелым, но Дахир с женой казались неутомимыми и без устали, горячо и бодро трудились они над расширением воинства Христова. Дахир исцелял не одно только тело, но и душу. Эдита утешала, поддерживала, обслуживала больным, раскладывая помощь свою и утешение далеко в окрестностях. Никакая нищета или болезнь, как бы отталкивающе

они не были, не устрашали ее; наоборот, именно наиболее несчастные и погрязшие в пороке были ей всего ближе. Когда один из таких уходил исцеленный от недуга и с обновленной душою, сердце славной Эдиты преисполнялось великой радостью.

Под вечер закрывались наконец двери домика, и Дахир, утомленный напряжением воли в течение долгих часов, опускался на стул. Эдита весело подавала ему вкусный ужин и своим разговором и добродушием, меткими и часто остроумными замечаниями подкрепляла его почти лучше, чем магическое лекарство, присланное ему Эбрамаром.

Однажды, тронутый ее преданностью, он признательно обнял ее.

– Не знаю, как благодарить Бога за такой неоцененный дар, как ты, кроткая моя и мужественная подруга, – сказал Дахир, целуя жену. – Никогда я не вижу у тебя слабости или недовольного, угрюмого взгляда, всегда наготове добрая улыбка и веселое слово. Ты действительно – моя радость и опора.

– Твои слова – лучшая награда за то немногое, что я делаю, – отвечала Эдита, краснея от счастья и нежно целуя его.

Однажды вечером, когда наплыв больных окончился несколько ранее обычного, и супруги завершали свой скромный ужин, Дахир сказал весело:

– Знаешь, Эдита, нам следует поздравить Супрамати; у него родился сын. Хочешь взглянуть на маленького мага?

– Конечно, хочу. Я очень люблю твоего брата и Ольгу. Но можно ли нам отлучиться? Мне сказали, что завтра придет много больных.

– Да нам незачем уезжать; мы поздравим отсюда. Заметив удивление Эдиты, он прибавил, смеясь:

– Пойдем в мою лабораторию. Ведь я говорил тебе, что я тоже – немножко маг.

Дахир стал перед магическим зеркалом и, откинув закрывавшую его завесу, поднял магическую палочку и произнес следуемые формулы. Зеркальная поверхность инструмента сделалась серою, густой пар вырвался из рамы, за которой как будто кипели пенистые волны. Вдруг яркая молния зигзагом прорезала волнующуюся массу, разорвав точно туманную завесу, и перед ними открылась спальня Ольги.

Молодая женщина крепко спала, и в тени кружевной занавеси чарующее лицо ееказалось чрезвычайно бледным.

В ногах постели стояла колыбель, в ту минуту пустая. Несколько впереди, у стола, стоял Супрамати, бледный и сосредоточенный; из открытой перед ним шкатулки он достал небольшой флакон с золотой пробкой и капнул в ложку, которую держал в другой руке. Около него стояла женщина со строгим лицом, держа на подушке спящего ребенка, окруженного голубоватым светом.

Дахир узнал в этой женщине одну из сестер братства, также бессмертную, но низшей степени; вероятно, она приставлена была ухаживать за ребенком мага, которого не могли доверить рукам обычновенной женщины. Дахир понял также, что Супрамати давал своему сыну эликсир жизни и, едва малютка проглотил содергимое ложки, как тело его судорожно передернулось и вытянулось.

«Бедный малютка бессмертный», – подумал Дахир, в глубокой задумчивости наблюдая, как женщина укладывала ребенка в колыбель и прикрывала одеялом.

В эту минуту Супрамати поднял голову и увидел Эдиту с мужем.

– Прими наши поздравления, брат, – сказал Дахир, – и передай своей жене лучшие пожелания.

– Благодарю, друзья. Этот дар Божий – великая радость для меня, – ответил Супрамати.
– Надеюсь, скоро и мой черед придет поздравить вас, – прибавил он, улыбаясь.

Предсказанию этому суждено было исполниться. Несколько месяцев спустя в бедном домике появилась на свет Божий голубоглазая девочка и у ее колыбели заняла место сестра, чтобы смотреть за ребенком и помогать молодой матери по хозяйству.

В ночь после этого радостного события Дахир принимал в своей лаборатории гостей. Эбрамар и Супрамати явились поздравить его, и никогда еще друзья не видали его таким

сияющим, таким счастливым, и только когда Эбрамар влил в ротик ребенка каплю первобытной эссенции, лицо Дахира подернулось на мгновение облаком грусти. Но эта мимолетная печаль быстро прошла, и Дахир снова стал весел и оживлен.

И он, и Супрамати рассказали своему руководителю различные эпизоды из их тяжелой миссии, а от него получали советы и указания!

Дахир и Эбрамар заметили, что друг их был грустен, словно что-то тяготило *его*, и догадались, что его мучает предстоящая разлука с Ольгой и он сilitся побороть свою слабость.

После рождения дочери, озарившей новым счастием скромное жилище мага, Дахир и Эдита с новым жаром принялись за свое дело, а возраставший успех увенчивал их труды.

Обращенные насчитывались сотнями: горячие, деятельные последователи сплотились вокруг миссионера и урон в «армии зла» был настолько ощутим, что сатанисты вспокошились.

Очевидно, столь долго молчавшее и равнодушное, казалось, небо начинало действовать и оспаривать у них добычу; поклонники же сатаны не таковы были, чтобы сдать без боя поле сражения, где они считали уже себя победителями.

Чтобы пробудить усердие своих сторонников, сатанисты организовали ночные празднества, на которыхправлялся самый разнозданный шабаш, а вместе с тем. попутно щедро раздавалось золото, вино, лакомства, и все низменные инстинкты человека доводились до исступления. На улицах горели треножники с вредоносными курениями, люцифериане нагими бегали по улицам, разливая возбуждающие чувственность ароматы, и затачивали людей в сатанинские вертепы, где материализовались ларвы и другие нечистые духи, иправлялись неслыханные оргии. И люцифериане не без основания надеялись, что все слабое духом попадет в их сети.

Нашлись даже такие фанатики зла, которые из ненависти к Дахиру хотели убить его, но попытки эти рушились, потому что переступавшие порог мага убийцы падали, пораженные апоплексическим ударом; а после повторения подобных случаев и у других отпала охота производить такие опасные опыты, но взамен того со дня на день росла их злоба.

Неподалеку от дома Дахира, при слиянии двух больших рек, раскинулся обширный населенный старый город, в котором был древний собор, давно заброшенный и сохранявшийся только как историческая редкость. С тех пор как в округе наступила религиозная реакция, небольшая христианская община купила у правительства старый религиозный памятник былых времен и возобновила в нем богослужение.

Событие это привело в бешенство сатанистов и они решили уничтожить древнее сооружение, предварительно осквернив его совершением в нем своего дьявольского обряда. Для этого блестящего предприятия соединились приверженцы всяких сект, исповедовавших зло, и однажды ночью многотысячная толпа фанатиков оцепила собор.

Ввиду того, что уже бывали попытки поджечь церковь, верующие зорко оберегали ее, не допуская нечестивых, и несколько священников по очереди дежурили день и ночь. Но защитники были слишком малочисленны, чтобы устоять против подобного скопища; церковь была взята приступом, сторожа и священники перебиты и враги Божий ворвались в святое место.

На оскверненный престол торжественно поставили статую Бафомета, и стены, в которых раздавались до того времени лишь священное пение да горячие молитвы, огласились гамом и бесстыдными криками оргии, разыгрывавшейся на обломках икон, разбитых священных статуй и поруганных могил.

Опьяненный похотью и ненавистью к Богу, один из главарей люцифериан взобрался на кафедру и, изрыгая потоки богохульств, кощунственно обратился к Богу.

— Если Ты существуешь, покажи нам свою силу, — вопил он вызывающе. — Но я знаю, — ты будешь молчать, как всегда молчал, ибо Ты — не что иное, как фикция, выдуманная обманщиками для того, чтобы тиранить доверчивых болванов. Но время настало освободить человечество от величайшей в мире мистификации.

Хулитель не предвидел, что на этот раз силы небесные ответят на сатанинский вызов.

Следующий за этой ужасной ночью день настал пасмурный; черные тучи заволокли небо, воздух был тяжелый, густой и что-то зловещее носилось в воздухе. В отчаянии от поругания храма несколько верующих бросились к Дахиру рассказать о случившемся.

Он, казалось, никого не удивился и приказал, чтобы вечером все, сколько есть в городе верующих, собрались у маленькой старой церкви, на краю города, куда он придет с Эдитой.

– Нам предстоит много молиться в эту ночь, – торжественно прибавил он.

Опьянянные победой, сатанисты продолжали свой разгул весь день и назначили на ночь торжество еще грандиознее прежнего. Мерзкая пьяная толпа нагих людей наполнила обширный храм, крики, бесстыдные песни разносились даже по улицам, но никто не обращал внимания на черный, как чернила, саван, заволакивавший небо, ни на глухой гул,озвещавший приближение грозы.

И вдруг с неслыханной силой разразился ураган, удары грома сыпались без перерыва, земля дрожала и сверкающие молнии бороздили небо по всем направлениям; над поруганным храмом вздыпался словно огненный столб, и наконец хлынул проливной дождь. Бурные порывы ветра опрокидывали электрические фонари на улицах, вырывали с корнями деревья, срывали крыши, а воды обеих рек вышли из берегов и затопили город с двух сторон.

С ревом катились по улицам города пенистые волны, уничтожая все на своем пути; полная тьма еще усиливала ужас, причиняемый бушевавшими стихиями. Лишь один огненный столб над собором, принимавший понемногу вид креста, озарял кровавым светом зловещую картину разрушения.

Страшная паника охватила население. Люди сновали по улицам, стараясь достигнуть высот, но ураган сбрасывал их в воду, где они погибали. Другие вскарабкивались на крыши, но ветер сметал их оттуда, словно солому.

Когда вода стала подступать к соборной площади и прибывала со зловещей быстротой, сатанисты заперли тяжелые двери храма; в этих несокрушимых стенах, строенных точно на целую

вечность, они считали себя в безопасности. А буря все усиливалась, молнии в виде шаров со свистом пронизывали воздух, разрывались с грохотом пущечных выстрелов, а рев ветра заглушал крики обезумевшей толпы.

Возле старой церкви, построенной на холме, где Дахир приказал собраться, толпились в тревоге верующие. Но вот из святого места появился Дахир в длинном белом одеянии, и возле него Эдита, также в белом; в руках держала она статую Богоматери, древнюю святыню, считавшуюся чудотворной и набожно хранимую верующими.

Звучным голосом, покрывавшим шум бури, Дахир произнес краткую речь, призываю верных к молитве, чтобы миновал их гнев Божий. Все пали на колени и, под влиянием страха, молитва их была особенно горяча. Ураган же все крепчал, а волны хлестали у подножия холма.

Тогда Дахир обернулся к коленопреклоненной толпе и мгновенно все стихло, а голос мага доносился до последних рядов. В горячих словах объявил он, что наступила минута направиться к собору, чтобы очистить святое место, и тогда, может быть, гнев небесный утихнет.

– Но пусть идут за мной только смелые, пытающие непоколебимую веру в Божью помощь, ибо трусливые, сомневающиеся и слабые духом погибнут.

Но в наэлектризованной толпе ни один не хотел остаться позади и поднялся один общий крик:

– Мы все идем с тобою, учитель!

Ученики Дахира проворно раздали всем присутствовавшим зажженные свечи и толпа, состоявшая из мужчин, женщин и детей, двинулась в путь со священными гимнами. Во главе шел человек с распятием в руках, за ним Дахир и Эдита со статуей Богоматери. Они подвигались бесстрашно, несмотря на бурю и воду, почти доходившую им до колен: но

толпа эта была так восторженно возбуждена, такая непоколебимая вера двигала ею, что она шла без страха и... свершилось чудо.

Вода начала убывать, точно расступаясь, чтобы дать дорогу процесии, которая беспрепятственно достигла соборной площади.

Там наводнение произвело страшное опустошение; все находившееся там было разбито и снесено, врата храма выбиты напором воды и разбушевавшиеся волны поглотили и унесли всех столпившихся в соборе; но зато вода обмыла святое место от загрязнившей его скверны. Затем убыла вода и волны уже тихо плескались у ступеней храма.

Все более и более вдохновляемая, процесия вошла в храм и, по приказанию Даира, тотчас начала восстанавливать порядок. Маг постлал на престол золотой покров, водрузив статую Святой Девы и Распятие; заброшенные в угол подсвечники были поставлены на свои места, после того, как черные свечи заменили белыми. Когда все опустились на колени. Даир своим красивым и звучным голосом запел: «Тебя, Бога, хвалим», а старый заброшенный орган заиграл сам собой, вторя величавыми звуками благодарственному гимну.

Буря стихла, а с наступлением утра обе реки постепенно вошли в берега и лучи восходящего солнца осветили страшные опустошения этой ужасной ночи. На улицах и особенно в нижних этажах грудами лежали трупы; многие дворцы, поврежденные грозой, представляли из себя спаленные пожаром развалины; многие из жителей, переживших бедствие, лишились рассудка.

При всем своем могуществе мага Даира по возвращении домой чувствовал себя утомленным; Эдита также была совершенно бледна от усталости, а все-таки лицо ее сияло небесной радостью.

— О, Даир, — воскликнула она, обвивая шею мужа. — Как прекрасна была эта ужасная ночь! Никогда еще не ощущала я так сильно присутствие Бога и силы добра, победившей зло. А ты-то, дорогой мой! Я готова была на коленях молиться тебе, видя исходившие из тебя снопы света и полчища послушных тебе духов; видя, как ты повелеваешь стихиями, и как воля твоя тысячами огненных искр осыпает головы этой толпы, внушая ей смелость идти за тобой. Я видела божественное зрелище, как свет поглощал тьму, и благодарила Бога за неслыханную милость, дарованную мне, быть около тебя.

Даир с любовью прижал ее к себе.

— Не преувеличивай мои немногие познания и не унижай свое собственное достоинство. Благодарю тебя за твоё мужество, которое дало мне полную свободу действовать. И я чувствовал, что не одинок в эти утомительные часы, что любящее сердце разделяет мое торжество победы.

Страшное бедствие, постигшее город и его окрестности, произвело глубокое впечатление, но не менее сильно подействовало предсказание Даира, сделанное несколько дней спустя в соборе.

Обсуждая случившееся несчастье, он объявил, что это лишь начало бедствий, которые поносимое Небо, утомленное скоплением зла, нашлет на хулителей, дерзнувших вызывать Владыку Вселенной.

И сильная реакция произошла тогда среди населения. С лихорадочным рвением разыскивали они древние религиозные предметы, собирались для молитвы и не одни атеисты, проведя несколько часов на кровле в борьбе со смертью, проявляя теперь величайшее усердие, водружал у себя распятие, окроплял святой водой свой дом и зажигал свечи перед какой-нибудь древней иконой.

Предсказанные же Даиром и Супрамати бедствия наступали скорее, чем думали, и жестоко посрамляли недоверчивых, смеявшимся над «лжепророками».

Первая из этих ужасных катастроф нанесла жестокий удар по бедной Эдите, Поблизости от портового города, где жил ее отец, открылся огромный вулкан. Однажды утром глухие подземные раскаты и необычайное волнение океана встревожили жителей. Потом вдруг поднялось дно океана, твердая земля осела с треском, а городские здания,

исполинские «небоскребы», в виде бетонно-железных башен, рушились, погребая под своими обломками все живое; в то же время на эти груды развалин посыпался каменно-пепельный дождь и хлынули потоки кипящей воды; наконец внезапно последним толчком разверзлась пропасть и все, что еще уцелело от злополучного города, исчезло в кипящих волнах, похоронивших под своим водяным саваном более миллиона людей. Среди этих жертв был мистер Диксон, и его ужасная смерть повергла Эдиту в глубокую скорбь. Теперь она вдвойне привязалась к мужу и ребенку, и как только утихло первое отчаяние, она с жаром снова взялась за свою благотворительную миссию.

Кроме врачевания и предсказаний, Даир устроил для учеников своих и наиболее развитых, энергичных верующих собеседования, на которых обсуждал предстоящие катастрофы и указывал способы спасения их состояния и некоторых научных художественных сокровищ. Он указывал им также места в горах, где они могут найти безопасное убежище и укрыть свои семьи.

По всей земле, в самых разнообразных местностях обнаруживались частичные бедствия; проливные дожди вызывали наводнения; грозы с крупнейшим градом наносили страшные опустошения; неизвестно откуда появлявшиеся смертоносные газы заражали воздух и люди задыхались; появлялись неведомые до сих пор болезни, косившие население. Но все эти предупреждения и указания на аномальность положения не производили надлежащего впечатления, и неверующая себялюбивая толпа, погрязшая в атеизме и пороках, оставалась глухой и слепой, а так как бедствие до сих пор не коснулось Царьграда, и ничто не нарушало спокойствия его обывателей, там продолжали веселиться, богохульствовать, поклоняться Люциферу и насмехаться над Супрамати и его приверженцами.

Нашлись даже люди, не терпевшие его и намеревавшиеся убить, в надежде смертью его положить конец стеснительному для них нравственно обновляющему движению. Не понимая деятельности Супрамати, они удивлялись только тому, что индус хлопочет о восстановлении такого старого, отжившего вероучения, как христианство. Покушений на убийство было несколько, но они, понятно, не удались, а Супрамати совершенно не обращал на них внимания.

Иные мысли, и чувства заполняли душу мага. В нем проснулся человек. Но не с бурными, беспорядочными страстями, нет. В сердце его, бившемся с ненарушимым спокойствием, оживало самое тяжкое из чувств, терзающих душу человеческую, – страх потерять близкое и любимое существо.

Для его посвященного глаза близкий конец Ольги был слишком очевиден. Она становилась все прозрачнее, воздушнее, у нее появлялась внезапная слабость, и только могучая воля Супрамати и его знания поддерживали ее на некоторое время, но все-таки хрупкий организм явно таял, как воск на солнце. Тяжелое болезненное чувство когтями впивалось в душу мага, когда он убеждался, как быстро надвигалось разрушение.

Он привязался к прекрасному созданию, скромному и нежному, безгранично обожавшему его, он привык к ее близости, любил слушать ее щебетанье, то веселое и наивное, то серьезное, и проникнутое желанием понять его, а счастье, блиставшее в ее глазах, когда она играла с ребенком, возбуждало и в нем невыразимо сладкое и блаженное чувство.

И скоро все это должно кончиться... Снова он будет одинок и где-нибудь в далекой, уединенной подземной пещере вновь примется за тяжкую работу искания света; будет исследовать бесконечность, открывать новые тайны и приобретать новые могучие силы. И при этом надо жить... жить без конца, не считая веков, без личного интереса, с единственной спутницей – наукой, не дающей ни отдыха, ни покоя.

«*Вперед! Вперед!*», к далекой цели, гласил неумолимый закон, толкавший его в будущее. Его бессмертное тело не знало усталости, мозг никогда не ослабевал, а между тем в глубине души нечто трепетало и молило.

– Пощади! Верни мои человеческие свойства, с их слабостями, радостями и

печалями!...

И в такие минуты он вдруг ощущал внутреннюю пустоту, подобную черной бездне.

Однажды вечером Супрамати сидел один в своем кабинете, мрачный и задумчивый. Он вспоминал, что утром у Ольги был приступ слабости продолжительнее обычновенного, и его волновали описанные нами тяжелые думы. И вдруг до него донесся далекий голос:

– Не ищи того, чего не найти, не оплакивай то, что навсегда исчезло. Душа мага должна стремиться лишь к свету совершенному, но сердцу его должны быть доступны все чувства, кроме слабости.

Супрамати провел рукою по лбу и выпрямился. Правда, для него возврата уже нет. С человечеством его объединяет только страдание, чтобы напоминать ему, что он все-таки – человек.

Он встал и прошел в будуар жены. Комната была пуста, но, подняв портьеру спальни, Супрамати остановился на пороге и подернутым грустью взором смотрел на Ольгу, стоявшую на коленях у колыбели.

Молодая женщина казалась одного цвета со своим белым кружевным пеньюаром, голова ее низко склонялась над спящим ребенком, и глаза с невыразимой любовью и отчаянием были прикованы к нему; крупные слезы катились по щекам и падали на шелковое одеяльце. И мысли, сверлившие ее мозг, выражали страх приближавшейся смерти, тоску разлуки с любимым человеком и ребенком.

Жалость и сострадание сжали сердце Супрамати. Взор его рассеянно блуждал по роскошной комнате и остановился на широко открытой балконной двери. Луна только что взошла и заливала комнату серебристым светом, а из сада струился аромат роз и жасмина. Перед ним была картина глубокого покоя и светлого прекрасного счастья. Мысль расстаться со всем этим могла действительно возбудить щемящее чувство сожаления даже в ясной душе мага, но Супрамати не хотел быть слабым.

Подойдя к молодой жене, он поднял ее и увел на балкон, где усадил рядом с собою на маленьком мягким диванчике.

С этой высоты перед ними развернулась волшебная панорама, залитая таинственным лунным светом. У их ног расстилались дворцовые сады со сверкающими фонтанами, статуями и цветущими кустами, а вдали серебром отливал Босфор.

Ольга сначала молчала, точно очарованная, а потом порывисто сложила руки на груди и с уст ее сорвался болезненный вопль:

– Боже мой! Как все прекрасно здесь, как я счастлива... и должна умереть... Я знаю, Эбрамар предупредил меня, что за свое мимолетное блаженство я должна заплатить жизнью, но как жестоко такое ужасное условие!

Быстрым движением опустилась она на колени и обняла Супрамати.

– Я не хочу покидать тебя и нашего малютку! Жизнь так прекрасна, что я хочу жить и жить. Сжалась, Супрамати, дай мне жить...

Рыдания не дали ей доказать, она прижалась головой к руке мужа и стиснула ее обеими руками.

Болезненная тоска сжала сердце Супрамати, он почувствовал себя точно палачом. Располагая источником жизни и даровав ее уже не одному безразличному для него существу, он вынужден был отказывать юному любимому им созданью, вымалившему у него свою молодую жизнь. Ни разу еще, как в эту минуту, не чувствовал он всей тяжести возложенного на него испытания и всего глубокого его значения. Страдание этой минуты было расплатою за его светскую жизнь, за соприкосновение с людьми.

Все эти миллиарды быстро мелькающих на земле существ полагали на алтарь смерти то, что было у них самого близкого и дорогого; они вынуждены были переживать за себя и своих близких страшный закон *разрушения*; почему же он, призванный быть руководителем и наставником младенческих народов, мог рассчитывать на привилегию. Почему? Закон, равно существующий для всех, должен быть устранен, потому что он любит? Нет, несмотря на свое могущество, он должен вынести испытание, чтобы в полном значении слова быть

таким как и все «человеком».

Да еще было ли бы бессмертие действительным счастьем для этого юного создания, в душе которого не было места ни для чего другого, кроме любви к нему? Она еще не созрела для «посвящения», и это он знал, а что стало бы с нею без него, в этой бесконечной жизни, где, подобно цветку без влаги, она переживала бы тысячу смертей?

Мысли эти мгновенно мелькнули в его голове и, любовно склонившись над Ольгой, он поднял ее и снова посадил около себя.

— Дорогая моя, этот час самый тяжелый в моей жизни, — сказал он, волнуясь, — но я считаю, что наступил момент для серьезного объяснения. Ты знаешь, что я — временный гость среди людей. Живу я в области науки; условия моего существования обязывают меня жить вдали от людей, в тишине и уединении; изменить эти основные условия моей жизни я не волен, значит, разлука наша неизбежна. Кроме того, я смотрю на смерть с иной точки зрения, нежели ты, и не боюсь ее, потому что знаю ее тайны.

Дрожать перед смертью должен только преступник, ибо с разрушением тела прекращается его безнаказанность; для тебя же, невинной и чистой, смерть не что иное, как переход к высшему состоянию. Мы с тобой не будем даже совершенно разлучены, так как мои глаза видят незримое, и душа твоя, подобно бабочке, будет всегда порхать вокруг меня. Но ты так молода, что для тебя расстаться с жизнью, конечно, слишком тяжелая жертва; так выслушай, что я тебе скажу, и выбирай. От моих руководителей я получил разрешение даровать тебе очень продолжительную жизнь, но без меня, потому что тебя губит именно союз со мною. Кроме того, наступает время, когда я должен буду снова вернуться к уединению и отдаваться науке. Будущность твоя будет более нежели обеспечена, так как я завещаю тебе царское богатство, и вдове принца Супрамати стоит только сделать выбор, чтобы создать себе новую семью. Ты могла бы выйти замуж и иметь детей, потому что сын наш остался бы с тобою только до семи лет, далее он должен воспитываться между адептами.

Бледная, с широко открытыми глазами, слушала его Ольга и вдруг густо покраснела.

— Хорошо ли я поняла? — с дрожью в голосе сказала она. — Ты бросаешь мне милостыню, давая долгую жизнь, жалкую старость без тебя и нашего ребенка, а взамен в награду даешь свое богатство, которое мне отвратительно, если я буду пользоваться им одна. За кого принимаешь ты меня, Супрамати? Ты, читающий в сердцах людей и познающий их мысли, разве ты не видишь моей любви? Чем заслужила я такое обидное предложение? Как мог ты хоть одну минуту подумать, что я приму жизнь, похожую на пустыню, если не буду слышать твоего голоса, если глаза мои не увидят более тебя. Нет, нет! — вскричала она вне себя. — Если я осуждена буду жить без тебя, то принимаю смерть как милость, и хочу одного — умереть на твоих руках; пусть по твоей воле порвется нить моей жизни. О, безумная! Я не понимала, что смерть — гораздо милосерднее гималайских мудрецов. У них там все — порядок, гармония, восхождение к свету... Что значит бедное человеческое сердце, раздавленное ногой мага!...

Она закрыла лицо руками и с судорожными рыданиями прислонилась к спинке скамьи.

Бледный и взволнованный, Супрамати притянул ее к себе, отнял от лица ее руки и крепко поцеловал ее.

— Горе делает тебя несправедливой, Ольга, но я благодарю тебя за то, что ты так достойно выдержала испытание, выразившееся в моем предложении. Твоя любовь ко мне создает неразрывную между нами связь, которая даст мне возможность в будущем всегда быть твоим покровителем, руководителем и опорой. Знай же, что ты будешь жить, пока я останусь в миру, и я не покину тебя, пока ты не вступишь в мир духов, куда моя любовь последует за тобой.

Пока он говорил, лицо Ольги прояснилось и, со свойственной ей детской подвижностью, прекрасные, полные слез глаза ее снова заблистили, она стала на колени, обхватила шею Супрамати и прижалась к нему своей бархатистой щечкой.

— Прости мою неблагодарность. Я забыла, что каждый проведенный около тебя час

стоит года обыкновенной жизни. Я не стану больше роптать на смерть, потому что ты не покинешь меня до конца, и душа моя может являться к тебе. Ты позволишь мне часто приходить, не правда ли?

— Разумеется... Это будут счастливейшие минуты моей одинокой жизни, дорогая. Но теперь достаточно тяжелых вопросов. Осухи свои слезы и не будем омрачать печальными мыслями счастливое настоящее. Будем наслаждаться часами счастья и покоя, даруемыми нам Богом, а для твоего успокоения пройдемся по саду. Ночь так дивно хороша, и свежий воздух принесет тебе пользу.

Глава девятая

С этого дня Ольга никогда не говорила более о своей смерти; она чувствовала себя лучше, да и притом внешние события занимали всех. В природе происходило что-то необыкновенное. Атмосфера становилась удивительно тяжелою, все с трудом дышали, страдали невыносимыми головными болями, и было уже много случаев внезапной смерти. Приуныли даже сатанисты, несмотря на утешение их мрачных главарей; потому что ведь ад лукав, как всегда, и теперь радовался готовившимся пышным гекатомбам. Недаром зловредные испарения преступлений, пороков, злоупотреблений, заразительные миазмы шабаша насытили окружающий воздух и нарушили флюидическое равновесие.

Подобно тому как враг легко врывается в незащищенную крепость, так и в оскверненную уже и неустойчивую атмосферу планеты вторглись тучи чудовищных и губительных существ, жаждущих насытиться жизненным флюидом массы умирающих и разлагающихся трупами.

В каждую минуту разъяренные хаотические стихии, движимые элементалами, могли уничтожить последнюю сдерживавшую их преграду и произвести страшные катастрофы.

Тщетно проповедовал Супрамати возврат к добропорядочной жизни, объяснял механизм нарушаемых людьми флюидических законов и предсказывал неизбежные последствия этого — грозные бедствия. Число веривших ему было ограничено, и только поучения в его эзотерической школе давали хорошие результаты. Там образовалось значительное число деятельных, энергичных и убежденных adeptов, и Супрамати им поручил обходить страну, изучать население и спасать тех, кого можно убедить, указывая им надежные убежища на случай бедствий.

У Даира и Эдиты дело шло успешнее, так как бедные и несчастные оказались восприимчивее к раскаянию и Богопознанию, нежели богатые и сильные, которые, зарывшись в золото и упоенные гордостью, считали себя превыше всякого закона и веры.

Однажды, к великому отчаянию поклонников учителя и целителя, он и жена вдруг исчезли; зато в Царьград, во дворец принца Даира прибыли молодые хозяева с ребенком, родившимся во

время их продолжительного путешествия. Это неожиданное возвращение заняло общество в продолжение нескольких дней; но вообще интерес, возбужденный некогда появлением индусских богачей, значительно остыл, и любители празднеств и оргий ненавидели их, особенно Супрамати, которого за спиной, а иногда и вслух называли «шарлатаном», «бедопроповедником» или агентом, подосланым болванами, веровавшими в Бога, чтобы запугать людей.

Однако события, оправдавшие неудобного пророка, наступили скорее, нежели думали. На планете заревел разрушительный ураган, не успевали оправиться от одного наводнения, как начиналось новое. Веками молчавшие вулканы проявили вновь свою зловещую деятельность, от землетрясений разверзлась земля, и не одна «Мессина» гибла от огня, воды и града, погребая под своими обломками сотни тысяч надменных богохульников, восставших против своего Создателя, считавших себя исполинами и катающихся теперь в предсмертной агонии беспомощнее ничтожного насекомого.

И вдруг, под железным бичом разъяренных стихий, ожила вера; потеряв всякую

надежду на могущество науки людской, стали просить пощады и взывать к Богу.

Точно по волшебству, появились снова священные символы, статуи и иконы почитавшихся раньше и забытых святых; несметные процесии босиком, со свечами и пением гимнов ходили по городам и деревням или, стоя на коленях, молились ночами в какой-нибудь заброшенной церкви.

И из уст в уста передавались рассказы, что Небо смилиостивилось, что Бог сжался и во многих местах молитвы имели такую силу, что над толпою являлись светлые, окруженные широким светом фигуры, которым чудесным образом повиновались стихии: потоки лавы отступали перед ними и бурные воды возвращались в свое русло, так что многие города были спасены.

Но недаром веками отучали людей от всякого нравственного и смягчающего закона; вся жестокость толпы проснулась под страхом неминуемой гибели и обратилась против тех, которых она считала виновниками *гнева Божия*.

Прежде всего бешеному разрушению подверглись католические капища; затем очередь дошла и до самих люцифериан, из которых хватали всех, кто попадался под руку и, воображая, что принесение в жертву нечестивых преступников умилостивит разгневанное Божество, толпа возводила костры и сжигала их живыми. Жестокое бешенство разъяренной толпы не имело границ; всюду пылали *аутодафе* и тошнотворный запах горелого мяса заражал воздух.

Наконец очередь бедствий дошла до Царьграда. Поутру солнце вовсе не показалось, небо было хмурое и почти совершенно стемнело, воздух был тяжел и удушлив, а после двух томительных страшных дней хлынул дождь, все усиливающийся, и вскоре это уже был не дождь, а потоки воды, словно предсказанный потоп. В несколько часов улицы столицы обратились в реки, пенистые волны с ревом несли трупы и обломки, свирепый, дувший с моря ветер вздымал водяные горы и гнал их на несчастный город.

Супрамати и Дашир с Ольгой, Эдитой, детьми и слугами удалились в высокую башню, построенную по приказанию Супрамати. Впрочем, стихии, по-видимому, щадили жилище мага; пострадали одни сады и затоплены были нижние этажи. А с высоты башни видна была ужасная картина разрушения и бушевавших стихий; буря же все усиливалась и наводнению, казалось, не будет конца.

На Ольгу эти страшные дни произвели губительное действие; слабость ее очень усилилась еще за последнее время перед катастрофой, а теперь нервное возбуждение и вид раздирающих душу сцен, разыгрывавшихся на улицах, вызывали у нее продолжительные обмороки и полный упадок сил.

В ночь, когда буря особенно свирепствовала и раскаты грома заглушали иногда даже вой ветра и шум волн, Ольга не могла уснуть; вдруг она встала и схватила руку мужа, сидевшего у ее постели.

– Супрамати, у меня большая просьба к тебе, – проговорила она умоляющим голосом.

– Заранее исполню всякую, бедная моя крошка. Ты желала бы уехать отсюда, не так ли?

– Да, – ответила она с блестящими глазами. – Я чувствую, что конец мой близок и хотела бы умереть там, где царит мир; я хотела бы умереть в твоем гималайском дворце, куда ты возил

меня однажды в начале нашего союза и где ты показывал мне такие чудные вещи. Я хотела бы еще раз видеть эти прелестные объятыне тишиной залы, сады с тихо журчащими фонтанами и душистыми цветниками, и большой двор с гуляющим на нем белым слоном Орионом. Мне хочется быть подальше от этого страшного хаоса, видеть перед собой прекрасную, спокойную природу и тебя около меня так, чтобы твой голос не заглушал рев бушующих стихий. Страшно умирать здесь, среди этого свиста, грома, всего ужаса смерти и разрушения...

Со слезами на глазах Супрамати склонился над нею и поцеловал ее.

– Желание будет исполнено, и сейчас; подожди минуту.

Он вышел и скоро вернулся с чашей, наполненной красной теплой жидкостью, которую Ольга с жадностью выпила и ощутила несказанное благосостояние, а через несколько минут уснула.

Открыв глаза, она одну минуту думала, что видит сон, или что совершился уже страшный переход в иной мир. Не слышно было шума бури, не видно неба, испещренного молниями, мятежные волны не били в башенные стены и не слышно было отчаянных криков.

Она лежала на красной шелковой кушетке в круглой зале с колоннами из яшмы и ляпис-лазури; через широкую арку был выход на открытую террасу, а далее виднелась густая тень огромного сада. Там во всем великолепии и роскоши собрана была тропическая растительность, лишь тихое журчание фонтана или же по временам серебристый смех ребенка нарушали безмолвие.

На террасе, на ковре, сын Ольги и дочка Дахиры играли с большой собакой Супрамати под надзором сестер; а в нескольких шагах от них стоял Орион, белый слон, и своими умными добрыми глазами следил за детьми.

Это была картина покоя, красоты и счаствия, которой Ольга любовалась с восторгом, но вдруг сердце ее сжалось при мысли, что придется покинуть все это и вступить в неведомый мир.

Впрочем, ей не пришлось долго предаваться этим грустным мыслям. Супрамати, Дахир и Эдита вошли в залу, сели около нее и начали оживленную беседу.

Несколько дней провела Ольга в дивном спокойствии, и не будь чрезвычайной слабости, она чувствовала бы себя хорошо.

Но однажды после обеда ее охватило сильное беспокойство, закончившееся глубоким обмороком, и звонкий Супрамати унес ее в спальню.

Когда Ольга открыла глаза, то увидела, что была одна, чувствовала она ужасную слабость и глаза ее тоскливо блуждали по комнате. Где же Супрамати? Но в ту же минуту портьера поднялась и вошел муж. Он был в индусском наряде и на груди его тысячью огней сверкал нагрудный знак мага.

Он был бледен, а на прекрасном лице лежало грустно-страдальческое выражение. Он сел возле умирающей, боязливо смотревшей на него, и видя, что она пробует привстать, поднял ее и исцеловал. Ольга прижалась головою к его груди и замерла.

– Супрамати, ты не сожжешь мое тело? – прошептала она. – Я боюсь огня...

– Нет, милая моя, не бойся! Не будет сделано ничего, что могло бы опечалить твою душу. Ты будешь почивать здесь в могиле, которую я приготовил для тебя посреди любимой тобой роскошной растительности; и там будешь ты покоиться до своего воскресения, чтобы затем следовать за мною в новый мир. Трудись, любящая душа, чтобы быть готовой к этой великой минуте.

В эту минуту вошла няня с сыном. Маленькому магу было уже около двух лет; это был восхитительный ребенок, развитый те по летам, с большими глазами, блестевшими выражением бессмертных.

– Поцелуй нашего сына и благослови его, – сказал звонкий Супрамати.

Точно поняв слова отца, мальчик протянул ручки к матери, обнял ее и несколько слезинок скатилось по его щекам. Это уже было проявление *сознательной* души в теле маленького ребенка, и Ольга поняла это.

– Боже всемогущий, – прошептала она, дрожа от волнения. – Он знает и понимает, что прощается с умирающей матерью. Какими тайнами я окружена!

Видимо, утомленная, Ольга снова склонилась на грудь мужа, няня с ребенком удалилась, и настала торжественная тишина. Ольга ощущала глубокое спокойствие; она ощущала одно блаженство быть еще с Супрамати и чувствовать горячее пожатие его руки. Таинственного смысла слов мужа она не поняла, но

каждому его слову слепо верила, душа ее последует за ним в новый мир, и этого ей было достаточно.

В эту минуту горячие слезы смочили ее лицо; она вздрогнула, открыла глаза. Лицо ее, белое, как ее батистовая рубашка, слабо зарделось и искра лучезарной радости вспыхнула в ее глазах.

— Супрамати? Ты — маг, ты жалеешь и оплакиваешь меня? Ох! Могу ли я жаловаться на смерть, которая дает мне всю твою любовь.

— Да, Ольга, я плачу потому, что я — *человек*, несмотря на звезду мага, и таковым должен быть: мне надо знать горечь слез и острую боль разлуки. Не плакала ли также слезами человеческими Святая Дева, стоя у подножия креста? Сердце, дорогая моя, это — чаша, в которую Создатель заключил Свое божественное дыхание, сердце — принадлежность каждого создания, начиная с атома и до Архангела... В нем скрывается божественная сущность любви, жалости, прощения всех добродетелей, это та самая твердыня, которую осаждает ад. Чем сильнее сердце разожгло в себе огонь, тем скорее поднимается оно по пути совершенства... Хочешь ли ты видеть Дахира, дорогая моя, — прибавил он минуту спустя. — Он желает принести тебе небесное утешение.

Ольга пожала его руку.

— Конечно, я хочу войти в мир духов, вооруженная всем вашим светом. Какую чудную смерть подготовил ты мне, недостойной, и как благодарна я тебе, когда сравниваю ее со смертью остальных.

Через минуту вошел Дахир. Он нес чашу, увенчанную крестом. Когда Ольга отпила, Дахир поцеловал ее и вышел, оставив супругов одних в эту торжественную минуту.

Утомленная Ольга уснула, поддерживаемая Супрамати, который очертил постель магическим кругом, дабы блуждающие духи не могли приблизиться к умирающей и последнюю минуту напугать ее своим отвратительным видом.

Кругом была глубокая тишина. Стояла одна из волшебных южных ночей, теплая, ароматная и озаренная мягким светом луны. С тяжелым сердцем и влажными глазами Супрамати не спускал взора с той, которая отходила; чуть заметное дыхание едва приподнимало ее грудь.

Вдруг Ольга выпрямилась с силой, которой нельзя было в ней предполагать.

— Супрамати... я боюсь. Что делается во мне? Все точно расширяется и меня влечет куда-то страшный ветер... — вырвалось у нее.

Тосклиwyй взгляд остановился на лице мужа. Супрамати поднял руку и в ту же минуту послышалось нежное, величественное пение и порывы благоуханного ветра наполнили комнату.

— Пение сфер! Как это дивно прекрасно!... — шептала умирающая, пока он укладывал ее опять и клал на ее грудь свой блестящий нагрудный знак.

После этого Супрамати встал, поднял обе руки и произнес формулу. Мгновенно с постели Ольги сверкнул широкий луч света, теряясь в пространстве: по обе стороны этого светлого пути встали белые и прозрачные крылатые фигуры, а позади воздушных фаланг толпились, как черный дым, безобразные существа с искаженными лицами и горевшими злобой и враждой глазами — духи-мучители, обычно собирающиеся у смертного ложа.

Гармонические аккорды становились все сильнее, казалось, что сотни голосов сливались в чудном хоре, и в эту минуту, в самом конце светлого пути явился дух, озаренный ослепительным ореолом.

Супрамати положил руку на лоб Ольги и произнес повелительно:

— Бессмертный дух, сбрось свою тленную оболочку и вернись в наше вечное отчество.

В ту же минуту на лбу и груди Ольги вспыхнуло два мерцающих огонька, а из всего тела выходили клубами искры. Светящийся туман медленно сгустился и принял облик Ольги, только прекраснее ее, как истинное видение сфер. Неясный и смутный взгляд видения остановился на Супрамати, который быстро огненными лучами обрезал последние нити, соединявшие еще его с плотью.

Никогда, может быть, не был Супрамати так прекрасен, как в эту минуту, когда властно и спокойно он исполнял свое высокое назначение *мага*, оказывая любимому существу

последнюю, высшую помощь.

Дух Ольги поднялся, заколебался на минуту над смертным ложем, бросив последний взгляд бесконечной любви на Супрамати, а затем понесся, как снежинка, ввысь, по ясному лучу к светлому духу, который окутал, казалось, его своей белоснежной мантией. Затем видение побледнело и исчезло.

Руки Супрамати опустились, и взор его остановился на мертвом теле. Белая, как алебастр, Ольга лежала спокойно, словно уснувший ребенок. Супрамати упал на колени возле постели и погрузился в восторженную молитву, унесшую его душу далеко от земли с ее бедствиями, к бесконечному Существу, дарующему всякое благо.

Пока он молился, из пространства стали падать белые светящиеся цветы, бесшумно порхая, точно снежные хлопья; скоро они покрыли душистым саваном, тело молодой супруги мага, и оставалась открытой лишь голова, окруженная голубоватой дымкой.

Когда Супрамати встал, портьера поднялась и вошли семь сестер ордена и Эдита с венком из фосфорических цветов на подушке. Женщины отерли тело ароматической эссенцией и одели в широкую тунику из серебристой ткани, тонкой, как газ, и отливавшей всеми цветами радуги; затем Эдита возложила на голову Ольги венок.

Когда покойница была убрана, вошел Дахир и семь рыцарей Граала с зажженными свечами, а за ними Небо и Нивара с ящиком из сандалового дерева, обитым внутри белым атласом.

Супрамати поднял тело и положил его с помощью Дахира в гроб, бросив туда все цветы пространства. Дахир совершил каждение, произнес молитву и магическую формулу, и шествие двинулось: все несли зажженные свечи и пели гимны. Выйдя из дворца, они миновали сады и вошли в горы. Там, в скале, была высечена дверь, напоминавшая видом египетский пylon; за ней тянулся узкий коридор, кончавшийся высокой сводчатой пещерой. В глубокой нише с тремя ступенями поставили открытый гроб; внизу ступеней стояли четыре бронзовые треножника, на которых горели, потрескивая, смолистые вещества, распространявшие сильный живительный аромат.

Все собравшиеся преклонили колени и пропели молитву, а потом один за другим молча поднялись по ступеням, простились с усопшей и покинули гроб.

Супрамати остался один. Скрестив руки, он прислонился к колонке и взгляд его остановился на прекрасном лице той, которая одна любила его; она казалась спящей.

Он так погрузился в свои думы, что не слышал легкого гармоничного гула и лишь чье-то прикосновение привело его в себя.

Около него стоял Эбрамар. В руке его пылал магический меч, и на устах блуждала ласковая, добрая улыбка.

– Дорогой ученик мой, я пришел сказать тебе, что ты достойно вынес возложенное на тебя испытание. Ты был *человеком* в полном значении слова, не переставая быть *магом*. Ты вмешался в людскую среду и полюбил людей, несмотря на внушавшие тебе отвращение пороки их; ты мужественно преодолел тяжелую сердечную борьбу, на алтарь *мага* ты принес в жертву свое сердце и покорно, как самый простой из смертных, отдал великому закону самое для тебя дорогое. За эту последнюю тяжелую победу над собой прими второй венец *мага*. И ты, и Дахир – оба честно трудились, и я уже дал ему ту же награду.

Глубоко взволнованный, Супрамати опустился на колени, Эбрамар прикоснулся к нему магическим мечом и над его челом вспыхнула вторая звезда. Потом Эбрамар поднял его, обнял и поздравил.

– А теперь пойдем поговорить о твоих дальнейших занятиях, – прибавил Эбрамар. – Я знаю, что оба вы желали бы провести некоторое время среди иерофантов пирамиды. Я одобряю это предложение. Там вы найдете интересные для изучения вещи. Впрочем, я часто буду навещать вас, и в этом новом месте вы не встретите никаких тягостных воспоминаний.

– Благодарю тебя, учитель, и возможно скорее удалюсь в пирамиду. Я ощущаю сильную потребность одиночества, а к внешнему миру меня ничто более не привязывает. Ребенок мой, я знаю, в хороших руках, а сердце мое еще страдает от тяжелой потери, работа

вернет мне душевное равновесие, – задумчиво ответил Супрамати.

В последний раз простился он с покойницей и помолился. Накрыв затем гроб большим газовым покровом, он окропил нишу и стены из флакона, который достал из-за пояса, и после этого маги покинули грот. Супрамати запечатал своей печатью входную дверь и произнес магическую формулу, а минуту спустя се-

Розоватый туман скрыл вход в усыпальницу. Пилон вошел точно в гору, и когда сероватый туман рассеялся, скала казалась нетронутой. Медленным шагом маги направились ко дворцу.

Пока их не было, Дахир молча сел на диван и знаком позвал Эдиту сесть подле. Молодая женщина тревожным, пристальным взглядом посмотрела на него, она не помнила, видела ли когда-нибудь мужа таким бледным и мучительно озабоченным.

– Что с тобою, Дахир? – спросила она минуту спустя. Дахир порывисто привлек ее к себе и поцеловал. – Дорогая

моя жена, я должен сделать тебе важное сообщение. Знаю, оно будет тебе столь же тяжело, как и мне, но я видел тебя всегда такой мужественной, что надеюсь увидеть такой же и теперь, когда я принужден сказать тебе, что пробил час нашей разлуки… Эдита смертельно побледнела.

– Расстаться?!… Разве я должна так же умереть, как и Ольга? – бормотала она, прижимая руки к трепещущему сердцу.

Невыразимо грустная улыбка скользнула по губам Дахира

– О, нет, ты не умрешь, и я полагаю, что настало время все сказать тебе. Ты никогда не спрашивала меня о моем прошлом, кто я и откуда пришел. Теперь ты узнаешь все.

Он кратко передал ей удивительные приключения своего таинственного существования.

– Итак, я – рыцарь Граала, «Круглого стола Вечности», значит, бессмертный. Увидав и полюбив тебя, я дал и тебе первобытную эссенцию, потому и ты бессмертна, как я. Если я виноват возложив на тебя слишком большую тяжесть, прости меня, дорогая моя, но зло непоправимо, и я надеюсь, что твоя честная душа достойно снесет испытание. Я же вынужден вернуться к безмолвию и единению, чтобы продолжить труды достижения совершенного знания. Тебе же надо вступить в братство наших бессмертных сестер, где под руководством магинь ты познаешь тайны существ и вещей. Велико и богато поле этого труда, так как красоты творения бесконечны. Не бойся времени, оно страшно только для человека праздного, который пугливо считает часы своей бесполезной жизни и которого гнетет страх смерти. Для *посвященного* же времени не существует. Поглощенный работой, он неустанно плывет по океану науки, столь богатой открытиями. Добавлю, что если бы я не был убежден в том, что ты готова пройти ступени посвящения, я не дал бы тебе эликсира жизни. Если ты достойно сумеешь вынести неизбежные испытания, мы встретимся в великую минуту смерти планеты, когда в последний раз придем соединиться с людьми.

Эдита слушала это и дрожала; горькие молчаливые слезы тихо струились по ее щекам. Но затем она порывисто обхватила шею мужа, прижалась головой к его груди и разразилась судорожными рыданиями.

– Плачь, бедная моя Эдита, не удерживай слез, они принадлежат нашей человеческой слабости, – сказал в волнении Дахир. – Для меня этот час тоже печален и сердце мое обливается кровью при мысли о нашей разлуке, но я бессилен остановить судьбу, которая влечет меня вперед.

Минуту спустя Эдита выпрямилась и, опускаясь на колени, прижала к своим губам руки Дахира, подняв на него свои прекрасные голубые восторженно блестевшие глаза.

– Нет, я не хочу быть слабою и обременять этот тяжелый для тебя час, я не хочу быть неблагодарной за все твои благодеяния. Ты властелин моей жизни, и потому – приказывай, а я буду повиноваться, ибо хочу быть достойной тебя в ту великую минуту, о которой ты мне говорил, я желаю быть готовой бороться рядом с тобою. Ничто на свете не разлучит меня с тобою. Так как я знаю уже могущество мысли, то душа моя полетит к тебе, и я увижу тебя в

порыве экстаза, как видела святых и чистых духов, которые помогали тебе. Итак, иди с миром в свое уединение и работай, дорогой мой рыцарь Грааля. Чем сильнее будет твой свет и совершеннее твоя наука, тем больше буду я гордиться тобою. А теперь скажи, когда я должна вступить в общину?

Дахир молча слушал ее и глаза его блестели любовью и благодарностью.

– Благодарю тебя за мужественный ответ, достойная моя Эдита, – воскликнул он, прижимая ее к себе. – Признаюсь, я страшился этого объяснения и твоего отчаяния, а вместо того своей решимостью ты уменьшаешь наполовину горечь разлуки с тобою. Мы отправимся теперь к Эбрамару и Супрамати, чтобы вместе решить остальное.

– Я готова. Позволь мне еще один, последний вопрос. Что будет с нашей девочкой? Позволят ли мне следить за нею?

– Несомненно. Я полагаю, что могу обещать тебе сохранение относительно нее всех твоих материнских прав.

– Я желала бы также, чтобы мне доверили ребенка Супрамати; я буду матерью для обоих, – волнуясь, сказала Эдита.

Эбрамар с Супрамати ходили по зале и беседовали, когда вошли Эдита с мужем. Дахир направился прямо к Эбрамару и вложил в его руку ручку Эдиты.

– Учитель, я привел тебе послушницу и поручаю ее твоему покровительству. Могу поручиться, что она окажется достойной его, – проговорил он, сдерживая волнение.

– Она будет желанною гостьей, а я, как отец, буду заботиться о сокровище, которое ты мне вверяешь, – ответил Эбрамар, возлагая руку на голову Эдиты.

Затем они обсудили дальнейшее и решили, что друзья уедут в тот же день, а назавтра Эбрамар отвезет Эдиту с детьми в одну из школ тайной общины.

Спустя два часа, после трогательного прощания с Эдитой, детьми и Эбрамаром, самолет Супрамати понес обоих магов в Царьград, где им предстояло еще привести в порядок некоторые дела, прежде чем надолго исчезнуть с мировой сцены.

Громадный город, за несколько недель до того веселый, богатый, полный жизни и одушевления, представлял теперь огромную тосклившую развалину. Буря, правда, стихла, бурные воды вошли в свои берега и солнце светило ярко, как будто ничего не произошло, – заливая своими живительными лучами опустошенную землю и людей, так жестоко наказанных гневом Божиим.

Окружавшие столицу долины представляли собой сплошное болото стоялой воды, которую земля еще не могла всосать; обширные теплицы в большинстве были разрушены и значительное количество домов развалилось, а другие походили на огромные скелеты, с их выбитыми дверями и окнами. Жертвы насчитывались тысячами, тем не менее те, кто пережил катастрофу, со свойственным человеку упорством возвращались на насиженные места, чтобы исправить, перестроить и восстановить то, что разрушили или повредили стихии.

Грустные и задумчивые, вступили Дахир и Супрамати в свои дворцы, которые, по странной случайности, очень мало пострадали от наводнения. Но для обоих великолепные жилища были

пусты и тоскливы, как безлюдная пустыня, потому что все напоминало там о двух юных и прекрасных созданиях, которые оживляли их своим присутствием и никогда уже не должны были туда вернуться.

Сердца их обливались еще кровью после разлуки с Ольгой и Эдитой, но они надеялись, что усидчивая и трудная работа восстановит их душевное равновесие.

Спешно и энергично принялись они за устройство своих дел. Оба дворца следовало приспособить для убежищ: одно для сирот, другое для стариков, разоренных и оставшихся одинокими после катастрофы. Были положены капиталы для содержания и даже расширения обоих учреждений, а распоряжение этим состоянием, так же как управление убежищами, предоставлялись Ниваре и Небо.

Стояла тихая и ясная ночь. Точно сапфировый, усеянный звездами купол, расстипалось

небо над древней землей Египта, где, как таинственный свидетель непроницаемого прошлого, по-прежнему стоял Сфинкс. Древний исполин устоял против бури, как и прежде, пережил целые века, но вокруг него ураган привел все в порядок, смыл краску и мишуре, снес с величавой головы шутовскую шапку – ресторон, разметал скамьи и увеселительные дома, с корнями вырвал пальмовые леса. Как и встарь, насколько видел глаз, вокруг расстилалась пустыня; ни шумная музыка, ни разгульное пение не нарушали больше глубокой тишины дремавшей природы.

Воздушное судно бесшумно опустилось вблизи большой пирамиды и из него вышли четверо, из которых двое были в белоснежных хитонах рыцарей Граала; над их крылатыми шлемами светились золотые огни. То были Дахир и Супрамати, а третий был Нарайяна.

Он примирился с братством, снова был принят в него и выразил желание работать в этом средоточии знания вместе с другими, пока порядок не будет восстановлен на планете, и особенно в столицах, ввиду того, что ему нестерпимо было жить без комфорта. Он пожелал проводить своих друзей в место их нового назначения.

Четвертый путешественник был Нивара, очень привязавшийся к Супрамати. Горько плача, опустился он на колени, прощаясь с ним; Супрамати благословил его, пожелав сил и мужества для предстоявших ему испытаний, а затем поднял его и поцеловал.

– Благодарю тебя, сын мой, за твою верную службу и преданность. Приди ко мне поскорее в качестве ученика, ты найдешь во мне друга, опору и советника.

Затем Дахир и Супрамати обняли Нарайяну; тот расчувствовался и бросился в их объятия. Пожав в последний раз руки друзьям, маги направились к входу в пирамиду, а Нарайяна с Ниварой снова сели в воздушное судно.

– Жалкое восхождение к неведомой цели, – проворчал Нарайяна и жгучие слезы блестели на его щеках.

Тем временем Дахир и Супрамати вошли в сокровенные галереи, порога которых не переступал еще ни один профан. У ступеней подземного канала их ожидала древняя лодка с двумя гребцами-египтянами, приветствовавшими их почтительным поклоном.

Маги стояли, обнявшись, задумчиво и грустно глядя на длинный канал, по гладкой воде которого бесшумно скользила ладья, унося их к новым трудам и новым открытиям в неисследованной области бесконечного и совершенного знания.

www.e-puzzle.ru